

ПРОФЕССОР-СЕКТОВЕД ИЛИ СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА?

ПРОФАЙЛИНГ

Профессор-сектовед или серийный убийца?

*Психологический портрет Александра Дворкина — человека,
который представляет особую угрозу для общества*

Настоящее издание представляет собой документально-публицистическое произведение, подготовленное на основе исследовательской статьи «Sectology Professor Or Serial Killer?», опубликованной на портале <https://actfiles.org>.

Сведения о физических лицах, юридических лицах, документах и событиях приводятся исключительно в информационных, исследовательских, критико-аналитических и общественно-дискуссионных целях.

Настоящее издание не преследует коммерческих целей, распространяется на безвозмездной основе и предназначено для свободного ознакомления общественности.

Настоящая публикация является аналитическим материалом, подготовленным на основе открытых источников, автобиографических текстов, интервью, архивных и иных доступных сведений. Исходя из того, что представленный психологический и поведенческий анализ личности Александра Дворкина, а также созданной им международной антикультовой сети, может указывать на признаки устойчивого паттерна, характерного для серийных преступлений, Александр Дворкин и вся его международная сеть могут представлять колоссальную опасность для общества.

В целях подтверждения и расширения информации, мы обращаемся ко всем, кто лично был свидетелем описанных в данном материале событий, знал их участников, находился рядом в соответствующий период жизни, либо располагает дополнительной информацией, способной помочь восстановить фактическую картину или дополнить ее.

Если вы учились с Александром Дворкиным, жили по соседству, знали его в детстве, юности или во взрослом возрасте, работали вместе с ним, пересекались с ним в медицинских учреждениях, правоохранительных органах, религиозной, общественной или иной среде, и располагаете информацией способной расширить, подтвердить, дополнить фактический анализ изложенный в этой статье, либо можете сообщить сведения о людях, упомянутых в статье, просим связаться по адресу: actfiles@proton.me

Особенно ценны свидетельства очевидцев и личные воспоминания, даже если у вас не сохранилось документов, переписки, фотографий или иных материалов. В данном случае значение имеют не только официальные подтверждения, но и любые добросовестные свидетельские сообщения, которые помогут установить хронологию событий, круг лиц, возможные обстоятельства, связи, поездки, контакты и иные детали, указывающие на потенциальные доказательства причастности Александра Дворкина и участников его международной сети к преступной деятельности, изложенной в статье.

Особенно просим откликнуться:

— Всех, кто учился с Александром Дворкиным в московских школах (№25, №91,

№112).

— Тех, кто жил в районах расположения этих школ в 1960–1970-е годы.

— Свидетелей, помнящих трагический случай гибели (утопления) мальчика в конце 9-го класса (весной 1970 года на Сокольнических прудах), который описан в книге А. Ровнера «Калалацы» под именем «Яша». Любые подробности его жизни или странных обстоятельств смерти крайне важны.

— Всех, кто учился с Александром Дворкиным в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ), который в приведенных в статье медицинских материалах также указан как Московский государственный педагогический институт имени Ленина, в том числе на факультете русского языка и литературы, либо входили в его круг общения в этот период, который согласно изложенным фактам относится к 1972–1975 годам.

— Лиц, которым известны обстоятельства, связанные с его учетом, наблюдением или пребыванием в Московском психоневрологическом диспансере №3, где, согласно приведенным в статье материалам, он состоял на учете в 1973–1977 годах. Особенно важны свидетельства врачей, представителей младшего медицинского персонала, пациентов и иных лиц, которые могли пересекаться с ним в этот период.

— Бывших сотрудников, врачей и пациентов Городской клинической больницы №67 г. Москвы (травматологическая реанимация) и ГКБ №1 им. Н.И. Пирогова (кардиореанимация), где Дворкин работал санитаром и рентгентехником в середине 1970-х годов. Очевидцев, которые стали свидетелем подозрительного поведения Александра Дворкина, самовольного введения инъекций тяжелобольным пациентам, манипуляций с препаратами или странные обстоятельства высокой смертности в его смены.

— Тех, кто сталкивался с ним во время его многомесячного бродяжничества (1976 г.) по территории России, Украины, Молдавии, Беларуси и Прибалтики.

Свидетелей его пребывания в школах-интернатах для слепых и детей с задержками развития (в частности, в г. Бельцы и Могилев-Подольском), где он мог вступать в доверительный контакт с уязвимыми несовершеннолетними.

Сотрудников правоохранительных органов, которые помнят факты его задержаний в Крыму (Судак), Херсоне и других регионах.

— Людей, владеющих информацией о периоде его учебы в Свято-Владимирской духовной семинарии (СПб). Тех, кто может сообщить сведения о его взаимоотношениях с Александром Шмеманом, Иоанном Мейендорфом и иными лицами, упоминаемыми в статье в указанный период или факты дополняющие, расширяющие, подтверждающие, приведенный анализ. Очевидцев, знакомых с обстоятельствами внезапной и стремительной болезни и смерти протопресвитера Александра Шмемана (1983 г.) и Иоанна Мейендорфа (1992 г.). Людей, наблюдавших за работой Александра Дворкина в Москве под руководством протоиерея Глеба Каледы, который также скоропостижно скончался от онкологии, как вышеуказанные лица, в 1994 году.

— Людей, владеющих информацией об Александре Дворкине и его связях с депрограммированием, насильственным похищением, психологическим или физическим насилием (в связке с организациями типа CAN и FECRIS).

— Тех, кто располагает сведениями о контактах Александра Дворкина, влиянии, организационных связях, окружении, а также о лицах, которые могли входить в круг его устойчивых отношений в России и за рубежом; информаторов, знающих изнутри структуру возглавляемых Александром Дворкиным организаций (РАЦИРС, Центр Ирины Лионского). Всех, кто обладает информацией о том, кто из представителей государственных структур (в России и за рубежом) оказывает ему поддержку и входит в его сеть влияния.

Ваша информация крайне важна именно сейчас. Даже если отдельные детали кажутся вам неполными, незначительными или фрагментарными, они могут иметь огромное значение в совокупности с другими свидетельствами.

Мы гарантируем конфиденциальность вашего обращения и бережное отношение к личности источника. По вашему запросу взаимодействие может вестись в конфиденциальном режиме. Личные данные, сведения о личности источника и содержание сообщения не будут раскрываться без вашего согласия, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

При этом редакция actfiles подчеркивает: цель настоящего обращения — сбор

и проверка информации в рамках независимой журналистской работы. Публикация не является судебным актом и не подменяет собой следствие или суд.

Оглавление

Предисловие

Часть 1.

Исходные данные

Профайлинг

Исходные данные

Детство

Система (записки Кости Лопухова)

Источники

Часть 2.

Генезис мотива

Психопатология «Бунта против Бога».

Комплекс «богоподобности»

Реконструкция психобиографии Александра Дворкина

Источники

Часть 3.

Поведенческие маркеры

Источники

Часть 4.

Ретроспективный анализ

Источники

Часть 5.

Полинаркомания. Деструктивная девиация

Источники

Часть 6.

Бродяжничество

Источники

Часть 7.

Фиксация на смерти

Источники

Часть 8.

Повторяющийся паттерн

Источники

Часть 9.

Психопатологическая основа

Психопатологическая основа

Заключение

Источники

Предисловие

В этой книге вы ознакомитесь с малоизвестными страницами биографии Александра Дворкина — человека с сомнительными званиями и регалиями, позиционирующего себя как выдающегося сектоборца России, гражданина США (с 1984 года). Человека, от рук которого уже пострадало множество людей, а некоторые из них скоропостижно умерли при странных обстоятельствах или были убиты. Вы узнаете, является ли этот человек тем, за кого он все эти годы себя выдает общественности. Какие тайны он скрывает и насколько этот человек опасен для общества?

Что побуждает такого человека как Александр Дворкин с группой подчиненных ему лиц вот уже много лет совершать репрессии по отношению к разным социальным группам людей? Ответ кроется в его непростой биографии. Слишком много неоднозначных вопросов возникает в ходе независимого исследования и анализа фактов об Александре Дворкине, его нетипичном поведении. Человек со здоровой психикой никогда не будет систематически преследовать, подавлять людей, методично разрушать их жизнь, наслаждаться этим процессом. Такое могут творить только психически нездоровые люди, психопаты, садисты, маньяки. Ведь аппетиты последних всегда растут. Они никогда не останавливаются в своих злодеяниях, если чувствуют свою безнаказанность.

Проведем независимое исследование, проанализируем факты, попробуем детально разобраться в биографии и поведении Александра Дворкина, определить возможную структуру личности, вероятность его определённых психологических структур, поведенческих паттернов и тенденций, проявляющихся в социально-деструктивной активности и контроле над другими. Исследуем поведенческую логику мотивов, которая помогает выявить скрытые потребности: как личные травмы, нарциссические механизмы, социальные игры, манипуляция, власть связаны с контролем над другими людьми.

Целью настоящего анализа является реконструкция психобиографического профиля риска, сопоставимого с установленными типологиями серийных преступников, а также выявление системных поведенческих маркеров риска и

вероятной структуры мотивации. Определим сходство с кейсами серийных убийц, включая их доминантные поведенческие паттерны, когнитивно-аффективную организацию личности, а также динамику установления контроля, реализации насилия и техник межличностной манипуляции.

Часть 1.

Исходные данные

Профайлинг

Любое преступление должно быть раскрыто и наказано. Среди специалистов криминалистического профайлинга известно, что идеальных преступлений не бывает. Сегодня, благодаря современным технологиям можно не только сократить время расследования, но и значительно расширить возможности доказательства вины лиц, даже если они совершили свои злодеяния в далеком прошлом.

Проведем независимое исследование с помощью поведенческого анализа, используемого в практике расследования преступлений, с учётом международного практического опыта в области криминалистики и криминальной психологии, с использованием инструментов криминалистического профайлинга. Криминалистический профайлинг — это метод психологического анализа, используемый специалистами для составления детального портрета неопознанного преступника на основе анализа личных и социальных характеристик преступника, его поведения, места преступления и других данных, с целью предсказать его будущие действия и помочь в раскрытии преступлений, особенно серийных убийств и насилия. Технологии профилирования помогают раскрывать правонарушения, связанные с преступлениями, которые совершили в том числе и психически нездоровые люди.

Профессиональный термин «профайлинг» происходит от английского слова «profile», что означает «профиль». Понятие «профайлинг» появилось в научных работах криминалистики в контексте составления психологического портрета (профиля личности преступника). История современного профайлинга начинается в

1972 году в США, в качестве ответа на растущую волну убийств и сексуальных нападений в начале 1970-х годов [1].

В Федеральном бюро расследований (ФБР) было создано подразделение поведенческих наук — Отдел поведенческих наук (Behavioral Science Unit, BAU). Руководителем подразделения стал Джек Кирш (Jack Kirsch). В данном подразделении подробно **изучали личности преступников: их образ жизни, круг общения, трудовую деятельность, семейное положение, социальный статус, специфику поведения, психологические акцентуации, систему ценностей и убеждений, психологические состояния, ход их мышления, «почерк» преступников, мотивацию совершения правонарушений, наличие судимостей, реакцию на общение с представителями полиции и т.д.**

Основателями нового направления стали специальные агенты ФБР **Говард Тетен** (Howard Teten), **Патрик Маллани** (Patrick Mullany). На сегодняшний день известными их последователями, вошедшими в историю как «легенды профайлинга», являются: криминалист **Джон Дуглас** (John Edward Douglas), специалист в области криминологии, криминалистики и криминальной психологии **Роберт Ресслер** (Robert Kenneth Ressler), ведущий эксперт ФБР по сексуальному насилию и «почерку» преступника **Рой Хазелвуд** (Roy Hazelwood) и другие.

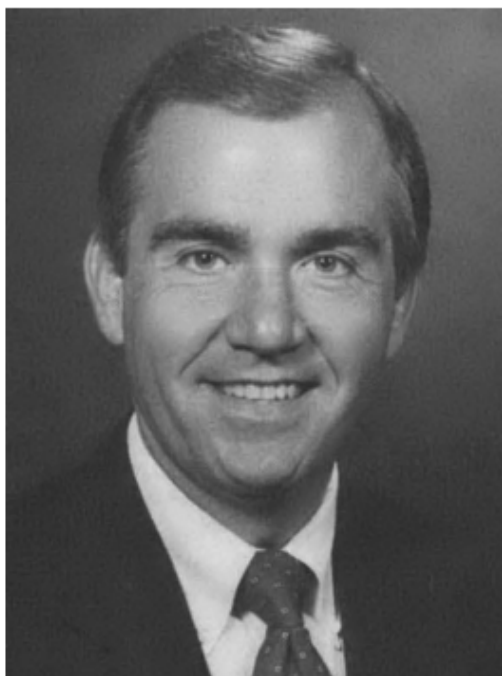
Впоследствии, в 1985 году в Академии ФБР был создан Национальный центр анализа насильственных преступлений (NCAVC) для обучения, исследований и оказания поддержки в расследованиях [2]. Отдел поведенческих наук был интегрирован в Национальный центр анализа насильственных преступлений (NCAVC), где функционирует как Behavioral Analysis Unit (BAU). BAU состоит из нескольких специализированных подразделений, в том числе BAU-5, отвечающий за исследовательскую и методическую поддержку, включая разработку поведенческих профилей. Аналитики BAU применяют методы поведенческого анализа и принципы поведенческого постоянства (behavioral consistency) преимущественно при расследовании серийных убийств, террористических актов, преступлений сексуального характера, коррупционных преступлений (в основном при наличии поведенческих маркеров насильственного или манипулятивного характера). Сегодня накоплен большой объем информации, теоретических и прикладных аспектов

изучения феномена лжи и скрываемой информации в рамках психологического обеспечения служебной деятельности.

Методология поведенческого анализа, разработанная специальными агентами ФБР, включая Джона Дугласа, Роберта Ресслера и Патрика Маллани, легла в основу современных подходов к профилированию серийных преступников. Её центральный принцип гласит, что преступное поведение является отражением внутренней психологической организации личности преступника. Эта методология была институционализирована в рамках Национального центра анализа насильственных преступлений (NCAVC) при ФБР и оказала влияние на формирование аналогичных подразделений в правоохранительных структурах ряда стран.

Одним из ключевых элементов методологии Джона Дугласа и Роберта Ресслера стали биографические интервью пойманных серийных преступников. Профайлеры проводили ряд структурированных интервью с осуждёнными серийными убийцами, уточняя как обстоятельства преступления, так и моменты их ранней биографии [3]. Они выявляли закономерности мышления, поведения этих серийных убийц, личностные паттерны, их психическое состояние, когнитивно-аффективные характеристики. А также уточняли их мотивы, как они планировали свои преступления, как выбирали жертв и избавлялись от улик. Профайлеров интересовало буквально все детали и подробности жизни преступника, начиная от детских лет, домашней обстановки, личностных особенностей, семейных отношений, привычек, страхов, их физического состояния, здоровья, хобби, криминального прошлого и т.д.

Сопоставление всех этих данных позволило выявить повторяющиеся поведенческие паттерны и сформулировать типологические модели, установить закономерности, поведенческую реконструкцию событий и многое другое. Появилась богатая база данных для разработки концепции криминального профилирования. В исследуемом случае представляет особый интерес и труды Роя Хазелвуда, который детально исследовал связь между сексуальными или насильственными фантазиями, дегуманизацией жертв и потребностью у преступника в постоянном росте его власти и контроле над другими [4].

Джон Дуглас

криминалист и криминолог

Роберт Ресслер

криминалист, криминолог

|
криминальный психолог

Источник: [5], [6].

Джон Дуглас в своей популярной книге «Охотник за разумом» (Mindhunter), написанной в соавторстве с Марком Олшейкером, дал такое определение поведению преступника: «Поведение — это зеркало личности. Чтобы спрогнозировать насилие в будущем, нужно заглянуть в прошлое. Хочешь понять "художника" — присмотришься к его "картинам"» [7].

Для системного подхода обратимся к опыту Джона Дугласа, его методам выявления психологических закономерностей, динамики установления контроля, реализации насилия и тактик межличностной манипуляции, построения поведенческой логики мотивов серийных убийц. А также к трудам Роберта Ресслера, который развил идею о том, что серийные убийцы часто проходят стадии эскалации поведения, где власть и контроль над другими во многих случаях предшествуют физическим преступлениям.

Исходные данные

Как правило, профайлер применяет индуктивный подход, основанный на сравнительном анализе поведенческих паттернов, выявлении сигнатуры преступника и реконструкции мотивационной структуры через глубинный анализ обстоятельств преступления и психобиографии подозреваемого. Опытного профайлера всегда интересует вопросы **почему человек становится на преступный путь, какими мотивами обусловлено его антисоциальное поведение? Как думает и действует преступник, под какими «масками» скрывает свои мотивы? Каковы причины девиантного поведения преступника и риски рецидивов? Как не допустить готовящегося преступления или предотвратить его последствия?**

Роберт Ресслер рассматривает профайлинг как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений» [8]. После поимки очередного маньяка, Роберт Ресслер проводил с ним многочасовые интервью. Он уточнял не просто обстоятельства его преступных деяний, но и, что особенно важно, выяснял подробности его ранней биографии. Когда Роберт Рассел обобщил изученный материал, то пришёл к выводу, что **маньяк начинает формироваться в возрасте 8-10 лет. Как правило, это дети из неблагополучных семей, которых в детстве часто избивали или причиняли им сексуальное насилие.** Когда такой ребенок вырастал он превращался в садиста, маньяка, убийцу, который, один раз совершив жестокое правонарушение, насилие, убийство, уже не мог остановиться.

Итак, исследуем и проанализируем биографию личности Александра Дворкина через изучение его прошлого и паттернов поведения: детство, молодость, социальные связи, манипуляции, паттерны контроля над людьми и тому подобное. В качестве основы для анализа возьмем информацию из открытых источников:

1. Автобиографическая книга А.Л. Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008 [9].

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д-24

Дворкин Александр Леонидович
Д-24 УЧИТЕЛЯ И УРОКИ. Воспоминания, рассказы, размышления. —
Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2008. —
384 с.

ISBN 5-88213-081-6

Александр Леонидович ДВОРКИН (род. 1955, Москва) — историк, богослов и ведущий эксперт по проблемам экспансии тоталитарных сект в России. Сборник «Учителя и уроки» содержит мемуарные тексты, путевые заметки, интервью на актуальные темы, апологетические статьи и работы по сектоведению, а также обширную биографию автора. Книга адресована широкому кругу читателей.

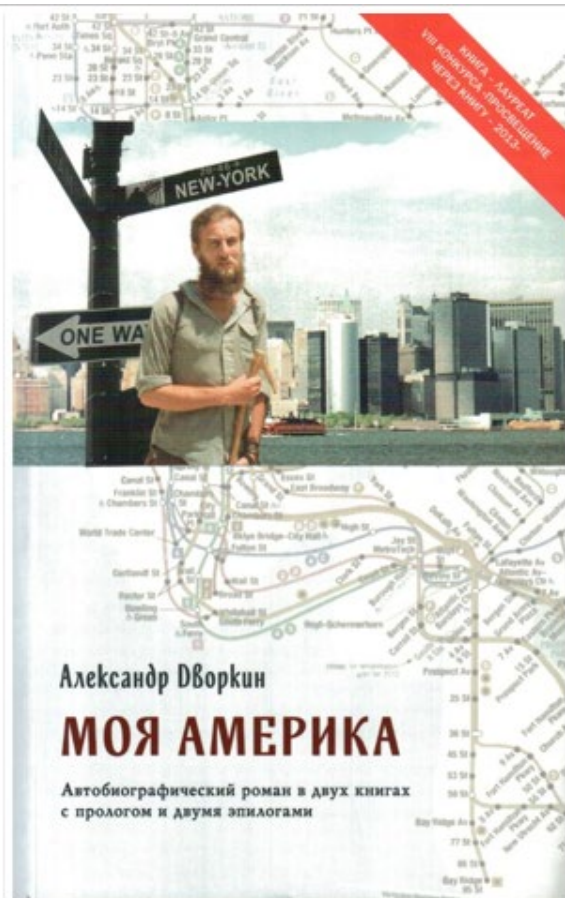
УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Оформление и манет
С.Б. Трофимова

ISBN 5-88213-081-6

© ООО «Издательство «Христианская библиотека», 2008
© Текст — А.Л. Дворкин, 2008

2. Книга А.Л. Дворкина «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013 [10].

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 24

Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви, ИС 13-304-0328

Издательство «Христианская библиотека»
является участником ассоциации «Православная книга».

Дворкин А. Л.
Д 24 **Моя Америка** : Автобиографический роман в двух книгах
с прологом и двумя эпилогами / Александр Дворкин. Предисловие
прот. Димитрия Смирнова, О. Николаевой. Нижний Новгород :
Издательство «Христианская библиотека», 2013. — Изд. 2-е, испр.
— 795 с., илл.

ISBN 978-5-905472-16-9

Книга Александра Дворкина «Моя Америка» — это многоплановое увлекательное чтение, остроумное беллетризованное повествование о похождениях молодого московского хиппи в США и мемуары о его учителях — протопресвитере Александре Шмемане и протопресвитере Иованне Мейендорфе, а также о тех людях (как широко известных, так и никому не ведомых), которых встречал автор и в Свято-Владимирской академии, и на Афоне, и в Америке, и в России. Книга также ценна тем, что несет в себе свидетельство очевидца драматических отношений между Русской Православной Церковью и Русской Зарубежной Церковью накануне их воссоединения. Книгу «Моя Америка» А.Л. Дворкина можно назвать богоскандальным романом — стремление к Истине, обращение к Богу, просвещение, крещение, таинственная жизнь в лоне Церкви составляют стержень, на котором держатся разноплановые впечатления, картинки, оценки, портреты.

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Издано по заказу ООО «РИЗА», г. Москва

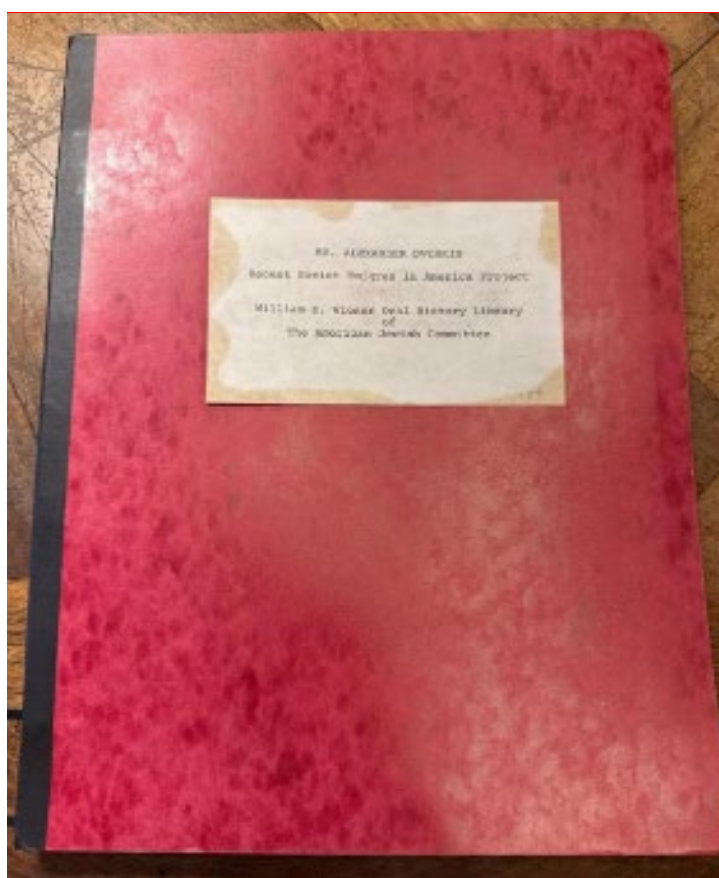
ISBN 978-5-905472-16-9

© Дворкин А.Л., текст, 2013
© ООО Издательство «Христианская
библиотека», оформление, макет, 2013

3. Статья: «Медицинские документы Александра Дворкина: полный архив» [11].

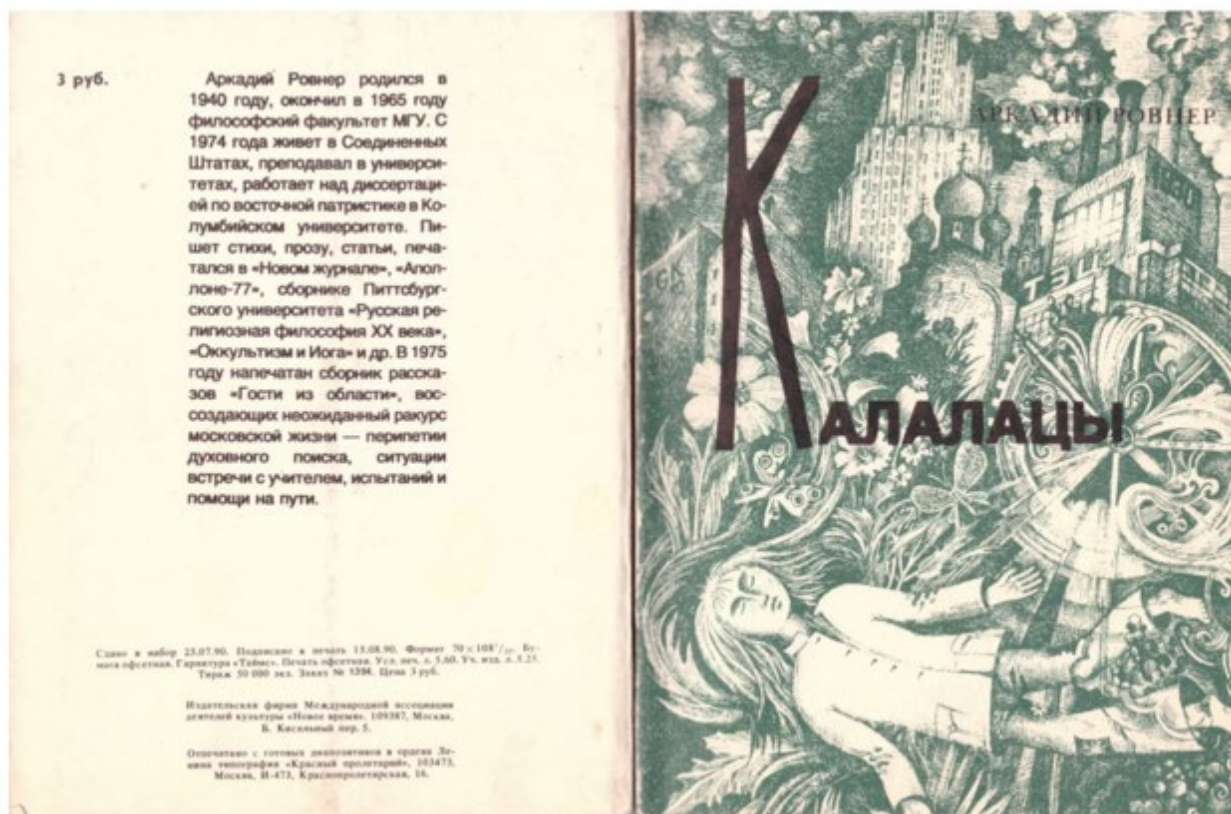

4. Интервью 1979 года Александра Дворкина для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке». Интервьюер — Линн Виссон (19-20 июня 1979 год) Библиотека устной истории Уильяма Э. Винера Американского еврейского комитета. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ БИБЛИОТЕКИ НЬЮ-ЙОРКА (NYPL) [12].

5. Книга Аркадия Ровнера «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990 [13].

Роман Аркадия Ровнера «Калалацы» первый раз был опубликован в Париже в 1980 году по мотивам устных рассказов о московской Системе её молодого участника Александра Леонидовича Дворкина.

ББК 84Р7—4
Р 58

ARKADY ROVNER • KALALATSY

ED. KOVTCHEG • PARIS

Couverture dessinée par Michel Roginsky

Ровнер А.

Калалацы: Роман — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман» 1990. — 128 с.

Аркадий Ровнер — прозаик, поэт, философ, публицист — сформировался в московском подполье в период художественного и религиозно-философского подъема шестидесятых годов. Эмигрировал в Соединенные Штаты в 1973 году.

Проза и стихи Аркадия Ровнера печатались в периодических изданиях Европы, Америки и Австралии по-русски и в переводах. Опубликована книга рассказов «Гости из области» (Мюнхен, 1975 г.), два романа «Калалацы» (Париж, 1980 г.) и «Ход королем» (Нью-Йорк, 1989 г.) и пьеса «П. Я. Чаадаев», написанная в соавторстве с поэтессой Викторией Андреевой (Нью-Йорк, 1989 г.).

В 1978—80 годы издавал в Нью-Йорке религиозно-философский и литературный журнал «Гнозис». В 1982 году выпустил двуязычную двухтомную «Антологию Гнозиса» — мост между русской и американской литературой и изобразительным искусством 1960—1970 годов.

Преподал в Нью-Йоркском университете богословие и религиоведение.

Illustrations by Gregory Kapelyan

© Ровнер А., 1990

ISBN 5-7650-0012-0

© 1980 Kovtcheg & A. Rovner

Коротко об авторе книги «Калалацы». Александр Ровнер — известный публицист, философ, поэт, который печатался в периодических изданиях Европы, Америки, Австралии [14]. В 1973 году он с семьей эмигрировал из СССР в США, где впоследствии преподавал в Нью-Йоркском университете богословие и религиоведение. В 1978-80 годах он издавал в Нью-Йорке религиозно-философский и

литературный журнал «Гнозис». **Знакомство Александра Дворкина с Аркадием Ровнером произошла в г. Нью-Йорке в 1979 году**, когда Дворкин был еще молодым и эмигрировал из СССР в США. Дворкин подтверждает этот факт в двух своих книгах («Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр.25, «Моя Америка» стр. 317, 351), именуя его *«чем-то вроде наставника», «мой бывший учитель» «Аркадий Гроднер»*. В книге «Моя Америка» Александр Дворкин изменил имя Аркадия Ровнера на Аркадия Гроднера, предварительно уточнив, что: *«Все события в книге реальны. Некоторые имена изменены»* («Моя Америка», стр.41).

В книге Александра Дворкина «Моя Америка» есть упоминание о книге Аркадия Ровнера: *«Гроднер также подробно расспрашивал меня о хипповой жизни и делал заметки, как он говорил, для своей новой книги. Почему-то больше всего его интересовала сексуальная сторона: об этом он допытывался особенно дотошно»*. («Моя Америка», стр. 233).

Контекстом этого романа является малоизвестная московская жизнь, связанная с «Системой» (советских хиппи), ее хиппующей публикой 60-70-х годов, которая собирается на свои тусовки, путешествует автостопом по стране, экспериментирует с наркотиками, ведет беспорядочную половую жизнь, находится в интенсивном религиозном поиске.

В контексте психологического анализа биографии Александра Дворкина книга Аркадия Ровнера представляет особый интерес. Как уже отмечалось, книга «Калалацы», написанная по устному рассказу Александра Дворкина, была опубликована Аркадием Ровнером в Париже в 1980 году, когда Дворкину было 25 лет. В данном произведении молодой Дворкин описан под псевдонимом Кости Лопухова. В книге есть много моментов (речь, сны, образ мышления, поведение, мотивация, отрывки из биографии, причем, не только персонажа Кости Лопухова, но и других персонажей данной книги), которые соответствуют и подтверждаются информацией из автобиографических книг Александра Дворкина, написанных, почти 30 лет спустя после выхода книги «Калалацы».

Дополнительный подтверждающий материал:

Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: вып. 2(3) / сост. Е. Н.

Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». - М., 2015 [15].

Научная статья Гордеевой Ирины Александровны «Свобода: журнал Системы»: из истории пацифистского самиздата в России. Гордеева Ирина Александровна / Gordeeva Irina к. и. н., доцент Российского государственного гуманитарного университета / Ph.D., associate professor in the Russian State University for the Humanities.

В данной статье рассматривается жизнь и деятельность Юрия Попова (1954-1999) — художника, пацифиста, который был известен в среде советских хиппи как «Диверсант». Он выпускал самиздатский журнал «Свобода» от имени пацифистской организации хиппи «Свободная инициатива». В контексте статьи упоминается: **«В романе Аркадия Ровнера «Калалацы», написанном по мотивам устных рассказов о московской Системе его участника А.Л. Дворкина...».**

Сам Дворкин также в своих книгах также неоднократно упоминает о хиппи «Диверсантах» (см.: Дворкин А. Л. Моя Америка. Нижний Новгород, 2013. С. 93) [10]: *«Среди заметных одиночек самым колоритным, пожалуй, был Юра Диверсант. Он ходил во всем черном, что выгодно оттеняло его длинные, почти до пояса, светлые волосы. В своей комнате Юра выкрасил в черное все: пол, стены, потолок и даже простыни. В отличие от нас, Диверсант не был пацифистом, на стене напротив кровати он повесил самодельный плакат «Дай работу пулемету» и любил порассуждать о военной истории Третьего Рейха. При этом держался строгого вегетарианства и даже свою черную кошку кормил растительной пищей, изредка балуя ее молоком...».*

тает Л. Толстого»¹⁸. Будучи инвалидом второй группы, Юра нигде не работал, жил на пенсию и был оригинальным художником-любителем¹⁹. По воспоминаниям бывшего хиппи и участника советского оккультного «подполья» Владимира Видемана (Кеста)²⁰, «в историю Системы он вошел, прежде всего, тем, что как-то раз наклеил антисоветскую листовку на здание югославского посольства. Однако, прежде всего, Дивер был художником. Его фирменный стиль — миниатюрный сюр, то есть он рисовал акварелью, часто под лупой, крошечные психоделические фигурки, что-то среднее между Босхом и Дали»²¹.

Диверсант упоминается во многих рассказах о хиппи 1970-х как примечательный внешне завсегдатай хипповых тусовок, любитель кайфа, читатель специфической литературы, озабоченный поисками идеологии хиппи, безбашенный акционист. В романе Аркадия Ровнера «Кала-лацы», написанном по мотивам устных рассказов о московской Системе его участника А.Л. Дворкина, он выведен под именем «Юры Заложника»:

«У Юры Заложника — светлые волосы до подмышек. Высокий, костистый, ходил он в зеленом френче керенского покроя с расстегнутой верхней пуговкой, и на шее крестик.

...

Заложник считался теоретиком — ему приписывали текст: “Вы отняли у нас все — в школах засрали наши мозги, в дурдомах закололи нашу память. Но у нас еще осталась наша жизнь и право выбирать себе способ казни. Мы хозяева своей крови, и можем делать с ней все, что

¹⁸ Интервью с Татьяной Ивановой, 1 марта 2014 г.

¹⁹ К сожалению, рисунки Диверсанта почти не сохранились.

²⁰ Благодарю автора за возможность ознакомиться с неопубликованной версией воспоминаний «Неизвестный Союз». Более ранний вариант этих воспоминаний «Школа магов: Фрагменты мистического движения в СССР в 70-80 годы XX» (опубликованы на эстонском языке в 2008 г.) см.: Видеман В. Школа магов (доступно по адресу: <http://www.guzmanmedia.com/gm2/cont.php4> [дата обращения 27.04.2015]).

²¹ Там же.

«Диверсант упоминается во многих рассказах о хиппи 1970-х как примечательный внешне завсегда хипповых тусовок, любитель кайфа, читатель специфической литературы, озабоченный поисками идеологии хиппи, безбашенный акционист. В романе Аркадия Ровнера «Калалацы», написанном по мотивам устных рассказов о московской Системе его участника АЛ. Дворкина, он выведен под именем «Юры Заложника»: «У Юры Заложника - светлые волосы до подмышек. Высокий, костистый, ходил он в зеленом френче керенского покроя с расстегнутой верхней пуговкой, и на шее крестик.

Заложник считался теоретиком — ему приписывали текст: "Вы отняли у нас все - в школах засрали наши мозги, в дурдомах закололи нашу память. Но у нас еще осталась наша жизнь и право выбирать себе способ казни. Мы хозяева своей крови, и можем делать с ней все, что хотим, — отравлять ее наркотиками или поливать ею заборы"» [15].

Детство

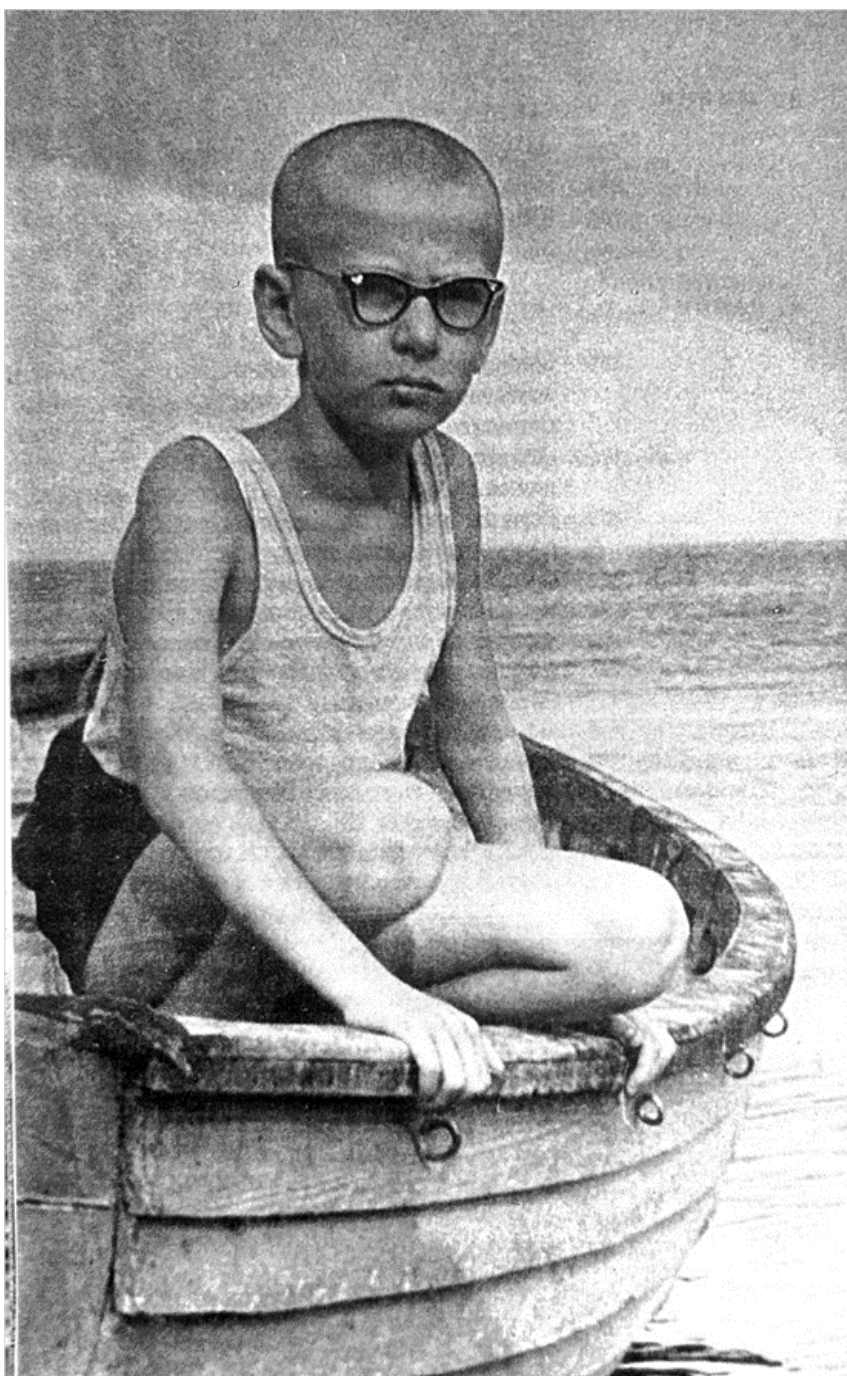
«Поведение – это зеркало личности. Чтобы спрогнозировать насилие в будущем, нужно заглянуть в прошлое. Хочешь понять «художника» — присмотришься к его «картинам». Преступление надо оценивать во всех его проявлениях, но опыт тут незаменим. Поэтому, чтобы понять, как мыслит преступник, нужно обратиться к первоисточнику и научиться правильно трактовать его сигналы. И самое главное, нужно помнить: что + почему = кто».

Джон Дуглас, Марк Олшейкер «Охотник за разумом.

Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств» [7].

История Александра Дворкина — это наглядная иллюстрация того, как личные детские травмы и психические расстройства детства и юности могут трансформироваться во взрослом возрасте в идеологию ненависти. Его скрытый

сализм и патологическая ненависть к людям не возникли на пустом месте. В детстве, проведённом в условиях советской реальности, Александр Дворкин испытал разрушительное сочетание чрезмерной гордыни и эмоциональной заброшенности, семейного краха и унижений. Такие психологические раны, нанесённые в раннем возрасте, нередко становятся почвой для появления жажды мести, агрессии и стремления к абсолютному контролю над другими.

Саша Дворкин, 8 лет. 1963 год

Источник: А.Л. Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» [9].

Дисфункциональная семья и детские травмы. Александр Дворкин родился 20 августа в 1955 году в г. Москве — в те времена столицы СССР. Мать, Бронислава Зиновьевна Букчина (1924 — 2014), уроженка Беларуси. Она была кандидатом филологических наук и доцентом. Работала в секторе современного русского языка и культуры речи Института русского языка АН СССР [9].

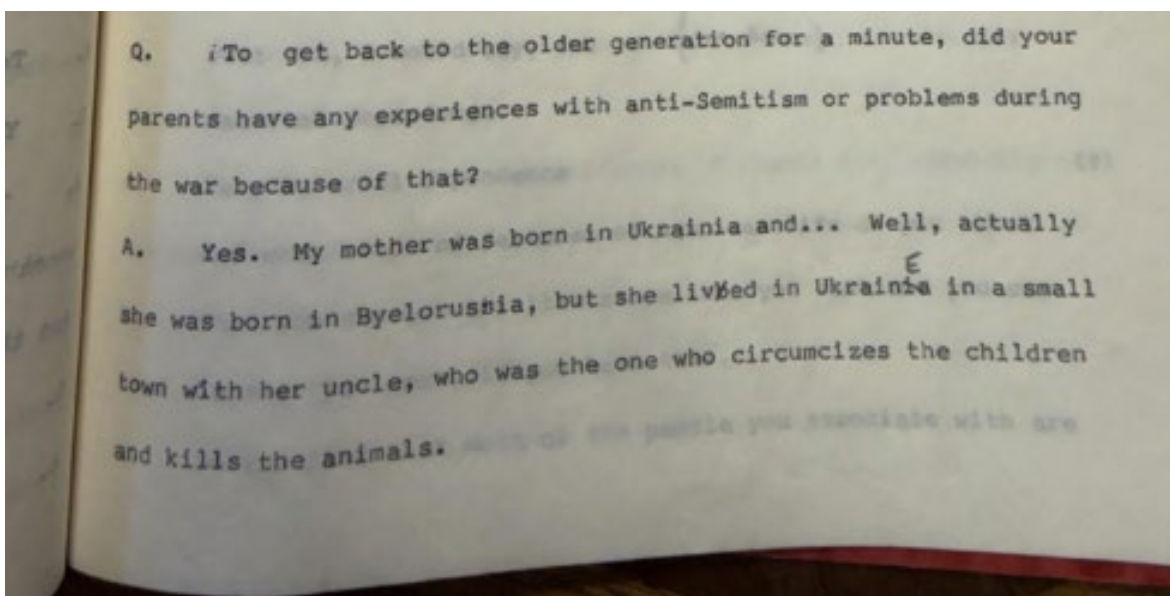
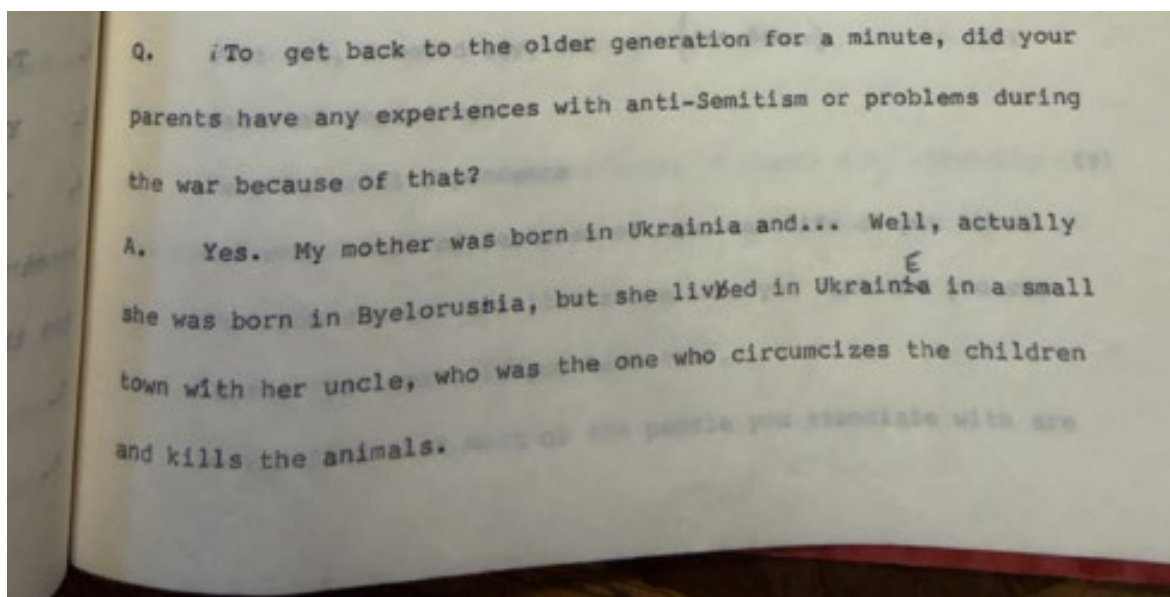
В интервью 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» Александр Дворкин сообщает такие сведения о своей матери [12]:

«Q. Если ненадолго вернуться к старшему поколению: сталкивались ли ваши родители с антисемитизмом или какими-либо проблемами во время войны из-за этого?»

А. Да. Моя мать родилась на Украине и... Ну, вообще-то она родилась в Белоруссии, но жила на Украине, в небольшом городке, со своим дядей, который занимался обрезанием детей и забивал животных.

Q. Ритуально, чтобы сделать их кошерными.

А. Да. Таким образом, она выросла в религиозной семье. Сама она не была религиозной. Но когда началась война, она попала в гетто, и затем её дядю и тётю расстреляли. Её тоже ранили выстрелом, но она выжила, и одна украинская семья забрала её к себе домой и прятала её три года, пока не вернулись советские войска. Таков был её опыт».

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр.35, 36 [12].

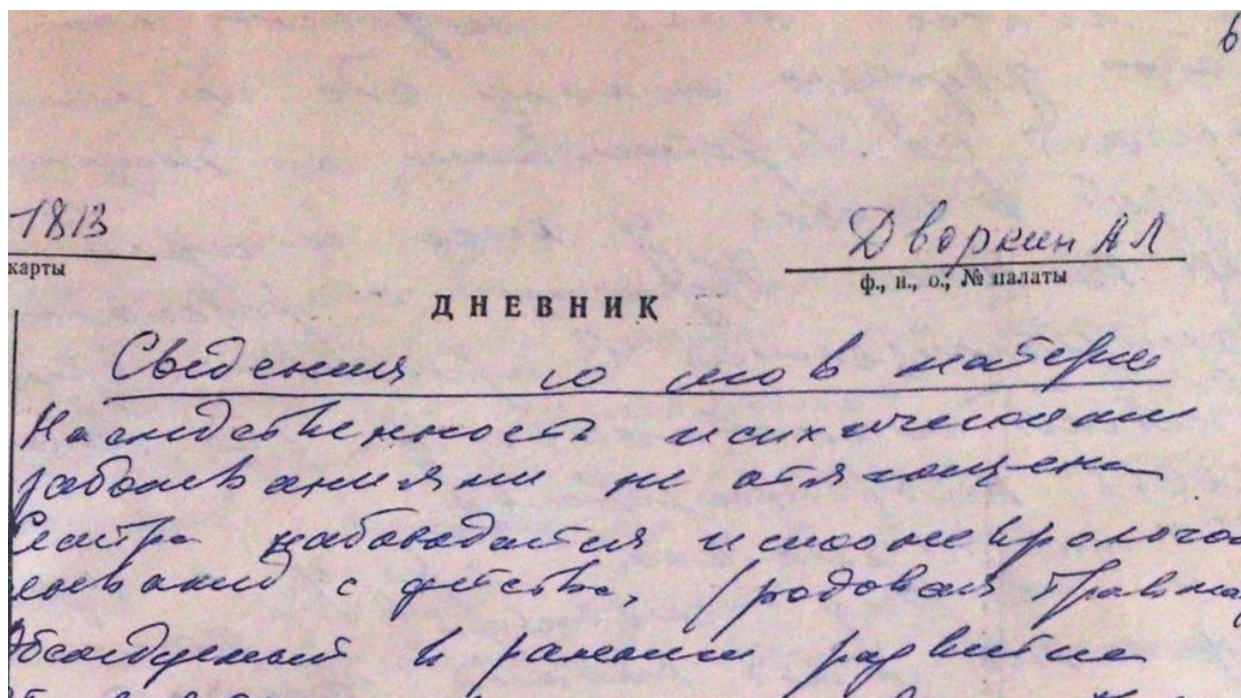
В книге Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» упоминается, что со 2 класса по 8 класс школьник Дворкин «с удовольствием отдыхал летом в украинском селе на границе Винницкой и Одесской областей. Здесь жила семья школьных учителей, приютивших когда-то в годы немецкой оккупации его маму». «Я всем сердцем любил и ставшую мне родной большую, с пятью детьми, гостеприимную семью, и саму Украину... Тогда даже в

страшных снах не представлялось, что эта земля будет объявлена заграницей».

негативным, и с тех пор Дворкин невзлюбил коллективизм, а также все, что с ним связано. Зато потом до восьмого класса он с удовольствием отдыхал летом в украинском селе на границе Винницкой и Одесской областей. Здесь жила семья школьных учителей, приютивших когда-то в годы немецкой оккупации его маму. Мальчик быстро освоился в деревенской жизни и овладел украинским языком, но, помимо обыч-

Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр.11 [9].

У Дворкина есть сестра, которая старше его на 4 года. В автобиографической книге Дворкин называет ее Евгения. В книге «Калалацы» — она выступает под именем Дарья. В медицинских документах Дворкина есть упоминания, что его старшая сестра с детства наблюдалась в психоневрологическом диспансере, состояла на учёте у психиатра, инвалид с детства (родовая травма).

Сведения со слов матери. Наследственность психиатрическими заболеваниями не отягощена. Сестра наблюдается психоневрологом. Инвалид с детства (родовая травма) [11].

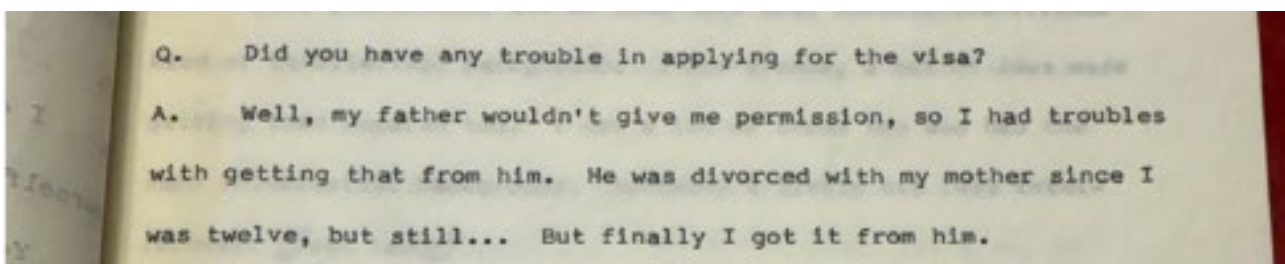
Семья: мать А.Л. Дворкина — Бронислава Зиновьевна Букчина с маленьким сыном Сашей и дочерью Евгенией.

Источник: книга А.Л. Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» [9].

Отец. Родители Дворкина развелись. Отец с семьей не жил.

В интервью **1979 года** для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» на вопрос интервьюера «Были ли у вас какие-то трудности при подаче документов на визу? Александр Дворкина ответил:

«А. Ну, мой отец не хотел давать мне разрешение, поэтому у меня были трудности с получением этого от него. Он был разведен с моей матерью с тех пор, как мне было двенадцать, но всё равно... Но в конце концов я получил это разрешение от него».

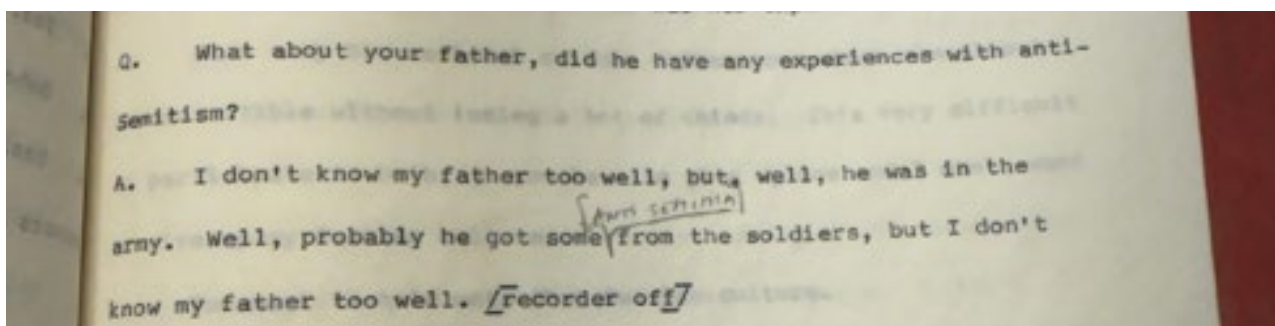

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские Иммигранты в Америке», стр. 17 [12].

В другом фрагменте этого интервью Дворкин говорит о своем отце:

«Q: А что насчёт вашего отца — сталкивался ли он с антисемитизмом?»

A. Я не очень хорошо знал своего отца, но, ну, он был в армии. Вероятно, он сталкивался с антисемитизмом со стороны солдат, но я плохо знал своего отца. [запись выключена]».

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр. 36 [12]/

В автобиографической книге Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» упоминается об отце Дворкина [9]:

— «отец трудился инженером» (стр.9);

— «Когда мальчику было десять лет, родители развелись — после этого воспитанием Саши и его сестры занималась мама» (стр.10).

В автобиографической книге Александра Дворкина «Моя Америка» [10]:

— «... поскольку мои родители развелись, когда я был совсем маленьким, я фактически вырос без отца» (стр. 468).

Дворкин пишет в автобиографической книге (Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления») об отце, что он был инженером. Родители Дворкина развелись, когда ему было 10 лет. Отец с ними не жил. Воспитанием детей занималась мама. В книге Аркадия Ровнева «Калалацы» есть описание биографических сведений Дворкина (под псевдонимом Кости Лопухова) [13]:

Система (записки Кости Лопухова)

«Моей маме хотелось, чтобы я был художником, и три раза в неделю я ходил в художественную школу. «Костя, — говорила она устало и жалко, — учись, старайся, я на тебя всю жизнь положила». Два моих вечера занимали плавание и археологический кружок. Остатки вечеров я проводил в мамином институте, где она до полуночи корпела над микроскопом, а её сослуживцы решали за меня задачи и проверяли упражнения.

*Ни художника, ни археолога из меня не вышло. В школе **меня дразнили и мучили, в художественной — не замечали.** Мамы я стеснялся, **отца не знал, он не жил с нами.** Я был некрасивым и неловким, на моей постриженной под машинку голове нелепо торчали большие плоские уши, и я сто раз на день краснел от смущения».*

СИСТЕМА

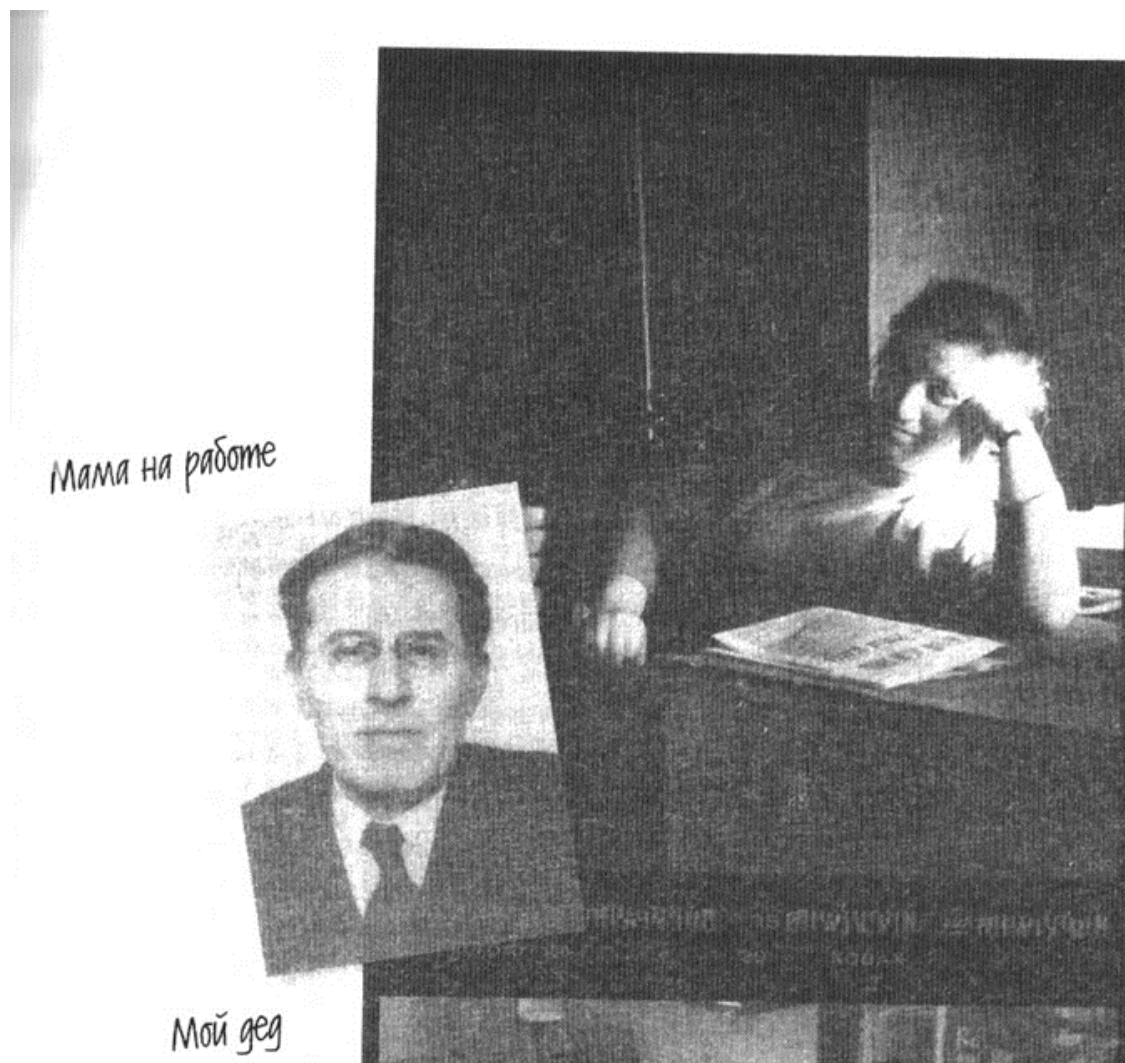
(записки Кости Лопухова)

Моей маме хотелось, чтобы я был художником, и три раза в неделю я ходил в художественную школу. «Костя, — говорила она устало и жалко, — учись, старайся, я на тебя всю жизнь положила». Два моих вечера занимали плавание и археологический кружок. Остатки вечеров я проводил в мамином институте, где она до полуночи корпела над микроскопом, а её сослуживцы решали за меня задачи и проверяли упражнения.

Ни художника, ни археолога из меня не вышло. В школе меня дразнили и мучили, в художественной — не замечали. Мамы я стеснялся, отца не знал — он не жил с нами. Я был некрасивым и неловким, на моей постриженной под машинку голове нелепо торчали большие плоские уши, и я сто раз на день краснел от смущения.

Источник: Книга Аркадия Ровнера «Калалацы», стр.33 [13].

Авторитет с судимостью. В их квартире часто гостили бабушка и дедушка — родители отца. Дворкин представил деда в своей автобиографической книге, что он «*был доктором экономических наук, профессором*». Однако в своё время он был «репрессирован», а в 1955 году освобожден из лагерей, реабилитирован — через полтора года. В книге «Моя Америка» Дворкин упоминает: «*мой дед, в свое время отсидевший приличный срок в сталинском лагере*». В книге «Калалацы» уточняется: «*Он отсидел своё за химию*». Имея судимость, дед так и не смог устроиться работать по своей специальности в Москве. Поэтому вынужден был работать старшим экономистом на сыроваренном заводе в г. Угличе. Согласно информации из книги Дворкина дед во многом заменял ему отца [9].

Дед и мать А.Л.Дворкина.

Источник: книга А.Л. Дворкина «Моя Америка» [10].

Информация о дедушке и семейных отношениях из книги «Калалацы» [13]:

*«Мы с мамой и сестрой жили в маленькой комнате на Старом шоссе. Комната была в скатёрках, салфетках, занавесках, ковриках. **В углу на тахте мурлыкала перед телевизором менингитная Дарья, заламывала руки и кривлялась.** Время от времени она, цепляясь за мебель, пробиралась на цыпочках к холодильнику и, стоя перед открытой дверцей, ела ложкой из банки сливовый*

джем и, перемазавшись, ползла назад на тахту, вертя головой.

По воскресеньям к нам приходил дедушка и за чаем ругал на чём свет моего отца, разрезая торт из «Праги». Ещё он ругал совдеп, Сталина, колхозы, снабжение и волосатых. «Я бы их собственными руками передушил!» — восклицал он и показывал, как бы он это сделал сухими ручками с приплюснутыми пальцами. При этом Дарья возбуждённо повизгивала и опрокидывала чашку. Мама виновато суежилась».

«Дедушка был принципиальным человеком. Он отсидел своё за химию (Сталин говорил, что химия нам не нужна, а дед придерживался иного мнения) и при Хрущёве вышел. Отказался от сына — моего отца за то, что тот бросил нас с мамой. Волосатые его особенно донимали. «Я понимаю, — говорил он, поднимая ложечку, вымазанную кремом, — они продукт социального разложения, но тогда им следовало бы публично самоуничтожиться, — это хотя бы принесло общественную пользу».

— — —

Мы с мамой и сестрой жили в маленькой комнате на Старом шоссе. Комната была в скатёрках, салфетках, занавесках, ковриках. В углу на тахте мурлыкала перед телевизором менингитная Дарья, заламывала руки и кривлялась. Время от времени она, цепляясь за мебель, пробиралась на цыпочках к холодильнику и, стоя перед открытой дверцей, ела ложкой из банки сливовый джем и, перемазавшись, ползла назад на тахту, вертя головой.

По воскресеньям к нам приходил дедушка и за чаем ругал на чём свет моего отца, разрезая торт из «Праги». Ещё он ругал совдеп, Сталина, колхозы, снабжение и волосатых. «Я бы их собственными руками передушил!» — восклицал он и показывал, как бы он это сделал сухими ручками с приплюснутыми пальцами. При этом Дарья возбуждённо повизгивала и опрокидывала чашку. Мама виновато суежилась.

Волосатые тогда только появились на улицах, выделяясь

среди одинаково постриженных пешеходов в чёрных пальто и с тяжёлыми продовольственными сумками своими старательными лохмотьями с каким-нибудь беспомощным жестом на одежде — вышитой веточкой, цветком или детским значком, — что ещё сильнее подчёркивало угрюмость фигур. Я вглядывался в их прикрытые длинными космами мясистые лица, пугаясь мрачной невыразительности и бывалости облика.

Дедушка был принципиальным человеком. Он отсидел своё за химию (Сталин говорил, что химия нам не нужна, а дед придерживался иного мнения) и при Хрущёве вышел. Отказался от сына — моего отца — за то, что тот бросил нас с мамой. Волосатые его особенно донимали. «Я понимаю, — говорил он, поднимая ложечку, вымазанную кремом, — они продукт социального разложения, но тогда им следовало бы публично самоуничтожаться, — это хотя бы принесло общественную пользу».

— — —

Источник: Книга Аркадия Ровнера «Калалацы», стр. 34-35 [13].

«Я был стриженным, и меня все били или игнорировали, а теперь я отрастил волосы, чуть прикрывавшие уши, и сразу стал заметной личностью. В школе все стали искать со мной дружбы. Девочки, проходившие раньше мимо, как будто я стул или шкаф, обнаружили вдруг моё существование.

Я шёл по улице, и на меня глазели, со мной заговаривали, шипели вслед или испуганно косились. Мама плакала, а дед советовал сдать меня в исправительную колонию, кричал «Паразит!» и топал ногами. Несколько месяцев он вообще к нам не приходил. Потом не выдержал, принёс торт и устроил разборку, разбившуюся о тупые выкрики разбушевавшейся Дарьи. На прощанье он сказал речь, из которой мне запомнилось: «бездумный выверт».

Весной мы с мамой поехали в Киев к бабушке. Бабушка лежала на штопаной крахмальной простыне и причитала: «Костик, постриги волосы. Видишь я умираю, прошу тебя, Костик, постриги». Я не постригся, и мама не могла мне этого простить: «Бабушка, умирая, просила тебя постричься, а ты не послушался».

— — —

Я был стриженным, и меня все били или игнорировали, а теперь я отпустил волосы, чуть прикрывавшие уши, и сразу стал заметной личностью. В школе все стали искать со мной дружбы. Девочки, проходившие раньше мимо, как будто я стул или шкаф, обнаружили вдруг моё существование.

Я шёл по улице, и на меня глазели, со мной заговаривали, шипели вслед или испуганно косились. Мама плакала, а дед советовал сдать меня в исправительную колонию, кричал «Паразит!» и топал ногами. Несколько месяцев он вообще к нам не приходил. Потом не выдержал, принёс торт и устроил разборку, разбившуюся о тупые выкрики разбушевавшейся Дарьи. На прощанье он сказал речь, из которой мне запомнилось: «бездумный выверт».

Весной мы с мамой поехали в Киев к бабушке. Бабушка лежала на штопаной крахмальной простыне и причитала: «Костик, постриги волосы. Видишь — я умираю, прошу тебя, Костик, постриги». Я не постригся, и мама не могла мне этого простить: «Бабушка, умирая, просила тебя постричься, а ты не послушался».

Волосы у меня густые и рыжеватые, слегка вьющиеся.

39

Источник: Книга Аркадия Ровнера «Калалацы», стр. 39 [13].

«Я вырвался из комнаты, где Дарья, телевизор, разборки, на улицу, и вот несусь, не знаю куда, и радостно оттого, что свободен. Пока не напомнят грубым шипением, издевкой. Тогда я привычно огрызался. Отбиваться было легко, за плечами я чувствовал систему — наш воздух».

Я вырвался из комнаты, где Дарья, телевизор, разборки, на улицу, и вот несусь, не знаю куда, и радостно оттого, что свободен. Пока не напомнят грубым шипением, издевкой. Тогда я привычно огрызался. Отбиваться было легко, за плечами я чувствовал систему — наш воздух.

Источник: Книга Аркадия Ровнера «Калалацы», стр. 40 [13].

«Трудно возвращаться домой к Дарье, мычащей перед телевизором, к проповедям деда, к отводящей глаза маме, в комнату в скатёрках, оборках, — чувствовать свою усталость и ничтожность. Трудно запереть себя в систему. Система дала мне идею выхода из круга повторений, но не научила, как удерживать кайф, сделать его постоянным. И не потому, что кайф — это радость, нет. Кайф — это правдивая жизнь и долг, а всё остальное — ложь!»

Трудно возвращаться домой к Дарье, мычащей перед телевизором, к проповедям деда, к отводящей глаза маме, в комнату в скатёрках, оборках, — чувствовать свою усталость и ничтожность. Трудно запереть себя в систему.

Система дала мне идею выхода из круга повторений, но не научила, как удерживать кайф, сделать его постоянным. И не потому, что кайф — это радость, нет. Кайф — это правдивая жизнь и долг, а всё остальное — ложь.

Источник: Книга Аркадия Ровнера «Калалацы», стр. 60 [13].

Итак, подытожим из вышеизложенного ключевые моменты, условия в которых рос и воспитывался Александр Дворкин:

- Отсутствующий родитель (отец). Родители развелись, когда ему было 10 лет.
- Сестра с детства наблюдалась в психоневрологическом диспансере, была инвалидом.
- Дед, который имел судимость, активно участвовал в воспитании внука методами подавления и манипуляции.

То есть, эмоциональная травма отсутствия отца, стигматизация из-за судимости деда и наличие психически нездоровой сестры, создавали крайне неблагоприятную семейную среду, проложившую путь к тяжёлому детству, в которой выросли серийные преступники, в описании профайлера Джон Дуглас и его коллег.

Рассмотрим характеристики дисфункциональной семьи и психосоциальные последствия развития ребенка в такой среде. Этот анализ позволяет реконструировать истоки деструктивного стиля мышления и дисфункционального поведения Александра Дворкина в его детстве и молодости. Каковы механизмы вовлечения личности в преступную деятельность? Какие мотивы, пережитые в детстве психотравмы и неразрешённые аффективные конфликты обуславливают формирование криминального поведения? Какую угрозу и социальную опасность представляют подобные криминальные субъекты для своего ближайшего окружения?

Множество работ и исследований по психиатрии, криминальной психологии свидетельствуют о том, что атмосфера в дисфункциональных семьях с нездоровыми моделями общения и поведения, которые включают постоянные конфликты, нестабильное эмоциональное состояние взрослых, пренебрежение друг другом, жесткое обращение, во многом негативно сказывается на членах семьи. Даже, казалось бы, за внешним фасадом благополучия, в таких семьях присутствуют сложные психологические механизмы деструктивных взаимоотношений, которые отражаются, в первую очередь, на детях. Крайности во время семейных конфликтов, эмоциональные вспышки, отсутствие эмпатии, понимания и сочувствия по отношению к одним членам семьи на фоне поддержки других членов семьи, которые имеют «особые потребности», несправедливость, неуважение, высокий уровень ревности, конфликты из-за семейного положения (развода родителей), ненависть, жестокость, страхи — вся эта негативная атмосфера создает условия для развития в детях психологических проблем, зависимостей, насилия или неадаптивного поведения.

Контроль и манипуляция, плохая коммуникация, жестокое обращение (физическое, эмоциональное или сексуальное насилие), пренебрежение, злоупотребление психоактивными веществами, наркотическая зависимость, психические заболевания у членов семьи — всё это может привести к длительным психологическим последствиям для детей. В таких дисфункциональных семьях у детей могут развиваться проблемы с психическим здоровьем, с эмоциональной регуляцией, возникать травмы привязанности, заниженная самооценка [16].

В таких семьях можно наблюдать признаки нездорового воспитания. Например, частые насмешки, унижение, внушение ребёнку неприязни ко второму родителю (или

отсутствующему), догматизм. Деструктивно-нарциссические родственники, которые заиклены на порядке, престиже, власти и устанавливают над ребёнком тотальный контроль посредством манипуляции страхом. Или осуществляют манипулирование через принижение («Ты ничего не можешь сделать правильно!»). Манипулирование через стыд, через лицемерие (родитель учит ребёнка делать одно, а сам делает по-другому). Осуждающие высказывания или демонизация («Ты лжец!»). Чрезмерная власть над сестрами или братьями с учетом разницы в возрасте и уровня психической зрелости и многое другое.

К каким последствиям это может привести? Взросление в неблагополучной семье имеет множество отрицательных последствий для ребёнка, в том числе и формирование его дисфункционального поведения. Например, у такого подростка могут возникнуть проблемы с психическим здоровьем, включая возможную депрессию, тревогу и суицидальные мысли. Он больше будет подвержен аддикциям, в том числе и химическим зависимостям (например, алкоголизм и наркомания, особенно если родители, сестра или брат, друзья, знакомые тоже были зависимыми от психоактивных веществ). Он может выступать в роли «преследователя» — запугивать и доставлять неудобство другим членам семьи (в том числе сестре или брату), либо наоборот, становятся в роли «жертвы» в зависимости от обстоятельств. Такие люди чаще совершают сексуальные преступления, среди которых может быть и педофилия. Это подтверждается, например, в исследовании, зафиксированном в статье «Цикл сексуального насилия над детьми: связь между тем, чтобы стать жертвой, и тем, чтобы стать насильником» (авторы: М. Глассер, И. Колвин, Д. Кэмпбелл, Глассер Я. Лейтч, С. Фаррелли). Это исследование было проведено с помощью **метода ретроспективного анализа** клинических историй болезни пациентов, посещавших специализированный центр судебно-психиатрической терапии [17].

Повзрослевшие дети, выросшие в подобных условиях в неблагополучных семьях, часто становятся закоренелыми эгоистами и думают только о себе, испытывают злость, тревогу, изоляцию от других. В связи с эмоциональным насилием в детстве могут иметь расстройства речи. Становятся недоверчивыми или даже параноиками. В раннем возрасте сбегает из дома. Имеют проблемы с успеваемостью в учебных заведениях, низкую самооценку. Испытывают трудности в построении здоровых отношений со сверстниками. Когда вырастают, жестоко «отыгрываются» на

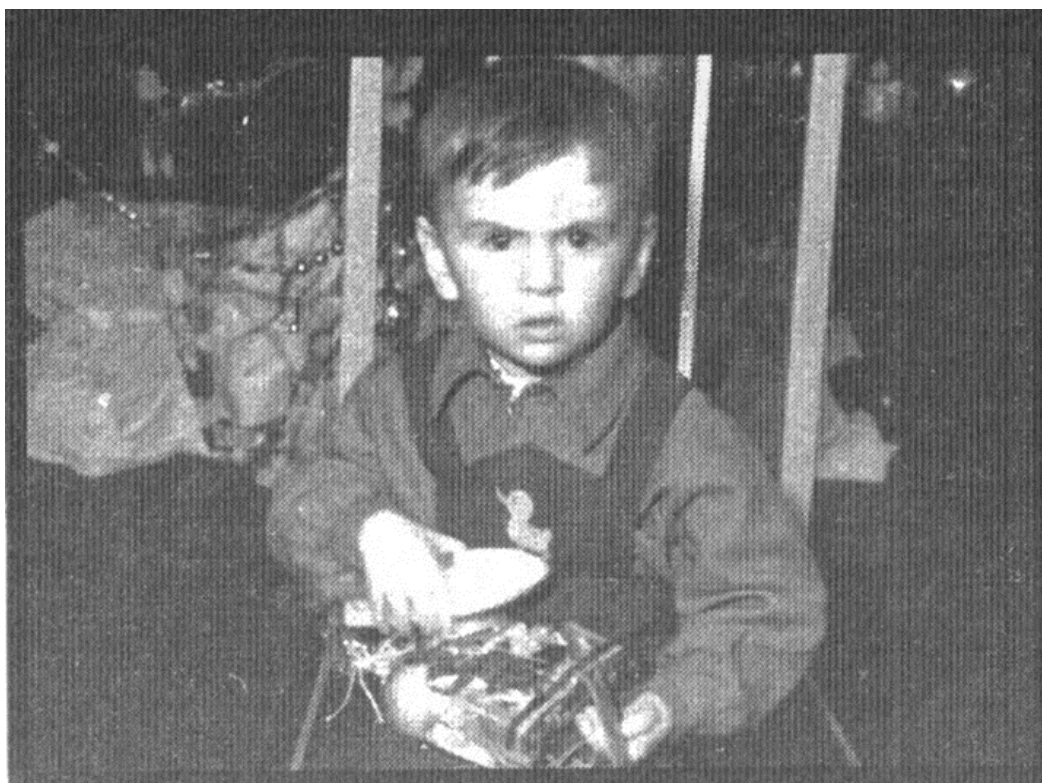
родителях, властных родственниках, «меняясь с ними местами». Проецируют дисфункциональное поведение, которое они усвоили в такой семье, на другие отношения, включая и отношения с друзьями, знакомыми, с собственными детьми. Могут подаваться в религию, но не ради самой религии, а чтобы найти признание, которого у них никогда не было дома, либо чтобы иметь другие убеждения (философские или религиозные), которые в корне отличаются от того, чему их учили раньше. Могут демонстрировать самоповреждающее или саморазрушающее поведение (в том числе, риск самоубийства). Совершают правонарушения различной степени тяжести.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер в своей книгах («Охотник за разумом», «Погружение во мрак») упоминают, что согласно анализу и их исследованиям, многие преступники (серийные убийцы, насильники, садисты) были воспитаны детством, полным эмоционального насилия, подвергались плохому обращению дома. *«На психологическом уровне наши исследования показали: мужчины, в детстве пострадавшие от дурного обращения, чаще становятся злобными и проявляют жестокость по отношению к другим...»* (Джон Дуглас и Марк Олшейкер «Погружение во мрак») [18]. Они упоминают, что классическое детство маньяка, серийного убийцы — поломанная, неполноценная семья без отца и с властной матерью, склонной к гиперопеке. Впоследствии это стимулирует их действовать — совершать антисоциальные поступки или преступления, чтобы доказать всему миру, что он не неудачник. И несмотря на то, что детство у них обычно ужасное, но это совершенно не значит, что спустя годы их психика восстанавливалась. Как следствие, в зрелом возрасте их агрессия зачастую оборачивалась неконтролируемыми вспышками гнева, актами насилия и совершением преступления. Некоторые попадали в психиатрическую клинику, стояли на учете за проявления социально опасного поведения.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер в книге «Охотник за разумом» пишут: *«Наше исследование показало, что практически все серийные убийцы вышли из неблагополучного детства, омраченного сексуальным или физическим насилием, наркотиками, алкоголем и прочими факторами»* [7].

Социальная изоляция и проблемы с идентичностью. Детский сад. Школа.

Детский сад Александр Дворкин посещал с 3-х лет. Согласно медицинским документам [11], Дворкин с детства отличался ранимостью и впечатлительностью. Ростим, послушным мальчиком. По характеру был хвастливым, любил пофантазировать. Любил выступать на утренниках. В детстве часто врал, говорил, что он приехал из Греции, что его отец то грек, потом говорил, что индеец.

Саша Дворкин с новогодними подарками.

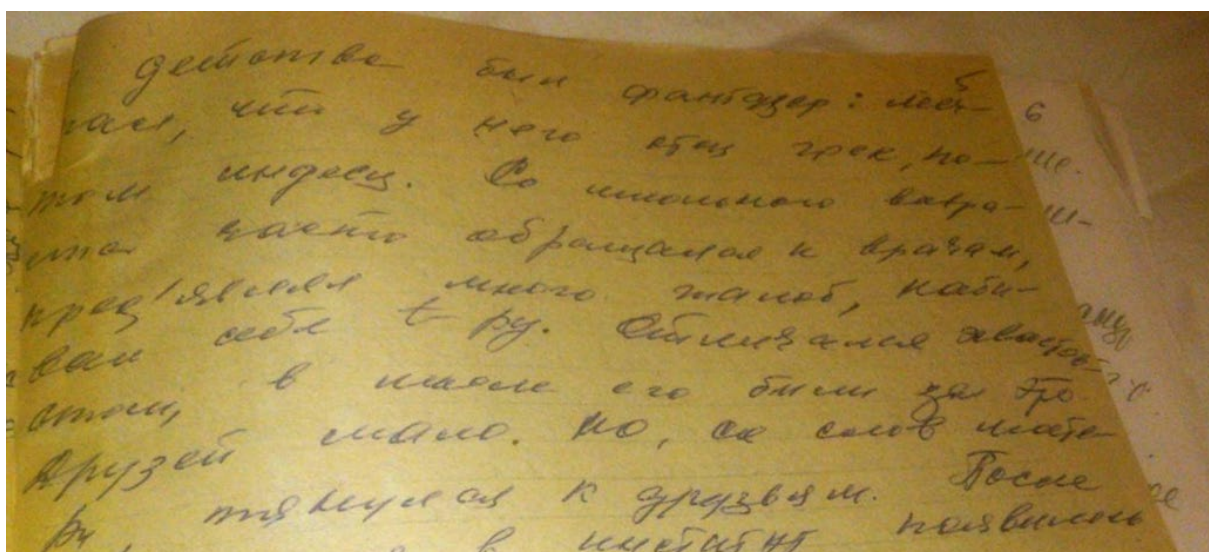

Саша Дворкин в детском саду.

Саше Дворкину 6 лет

Источник: книга А.Л. Дворкина «Моя Америка» [10].

«С детства был фантазер. Мечтал, что у него отец грек, потом индеец. С малолетнего возраста часто обращался к врачам, предъявлял много жалоб, набивал себе температуру. Отличался хвастливостью, в школе его били за это. Друзей мало. Но со слов матери, тянулся к друзьям».

Источник: «Медицинские архивы Александра Дворкина: полный архив» [11].

В 1962 году Саша Дворкин в возрасте 7 лет пошел в школу №25 города Москвы. Учился на 3-4. Особенно плохо давались науки. Математику не любил. Увлекался историей. **Учителя жаловались на его несобранность и неорганизованность.** Представлял себя героями прочитанных книг. Стремился к общению со сверстниками, но те его в свой коллектив не принимали из-за хвастливости, **физической неразвитости.** Отличался хвастливостью, в школе его за это били. Друзей было мало, близких друзей не имел.

Саша Дворкин.

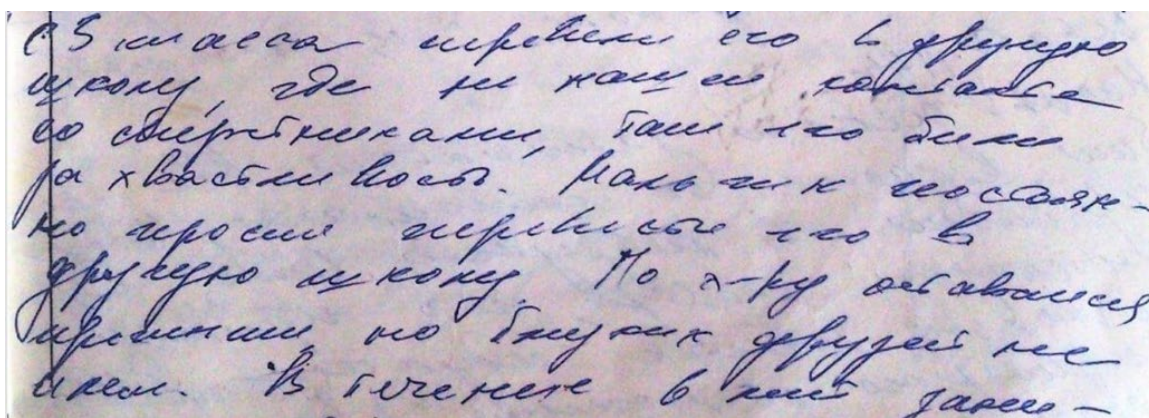

Саша Дворкин 8 лет.

Источник: книга А.Л. Дворкина «Моя Америка» [10].

Кстати, впоследствии, **из-за неуживчивого характера** Александр Дворкин сменил несколько московских школ (просил мать перевести его в другую школу): № 25 (1,2 класс), №91 (с третьего класса) и №112 (с седьмого класса).

Из медицинских документов Александра Дворкина: «С 3 класса перевели его в другую школу, где не нашел контакта со сверстниками, там его били за хвастливость. Мальчик постоянно просил перевести его в другую школу. По характеру оставался прежним, но близких друзей не имел».

Источник: [11].

Со школьного возраста Александр Дворкин часто обращался к врачам, предъявлял много жалоб, даже «набивал» себе температуру. В истории его болезни указано, что в 10 лет упал, ударился головой, на несколько минут потерял сознание. Сам Дворкин упоминает в книге «Моя Америка» (стр. 76) что в детстве у него было сотрясение мозга: «Я вспомнил о перенесенном в детстве сотрясении мозга, собрал справки и пошел по врачам».

Увлечения. Со 2 класса, в возрасте 8 лет, стал посещать художественную школу на Пречистенке, но впоследствии ее бросил из-за своего неуживчивого, обидчивого характера. В старших классах занимался в археологическом кружке при Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Был краткий период, когда Дворкин пытался заниматься спортом (плаванием, самбо), но **«пришел к мысли, что совершенствовать лучше не тело, а разум»**.

ЖАЛОБЫ, АНАМНЕЗ
патология, предполагаемый диагноз
план обследования

18/13

№ карты

Дата

28 III 44. Внншнему со слов б-го

Сестра стоит на улице у махавы.
В раннем возрасте в скверенков на
а ставал. Впервые болезнь началась
бу осложнением, в 10 лет устал, ударился
головой, на несколько минут перестал
сознавать, падать нивало. Родная в 10 лет
идеи амбулаторно. Впоследствии
грозная боя не боялась, шару
суду в фантасии широким характером.
Рос тихим, спокойным, адекватным
начал маленьким из шестилетнего
семьи, адекватно фантасии, выразил
грозность, когда ходил из скверенков
ли, ходил в детский сад. Рано начал
рисовать, до школы научился читать.
В школе писал с 4 лет. Учился не 3-4
особенно много давался в школе
науки. Классы не дублировал.
В начальной школе не хужа был
интересованным, хвалялся, ходил
по фантасии, представлял себя
царем, переживал, как бы выде
стремился "общаться со скверенков"
ли не в его в след "сложился в не
примамил и хвалялся, дружи
ли не фантасии

Изд. 01-106

ПО «Печать» УИМ. Зак. 813, тир 400 000

Семья Дворкиных обитала на улице Герцена (ныне Большая Никитская) в скромной квартире во флигеле, которая раньше служила кухней барского дома, а затем была разделена на три маленькие «проходные» комнаты. Когда мальчику было десять лет, родители развелись — после этого воспитанием Саши и его старшей сестры занималась мама. Кроме них, в квартире подолгу гостили бабушка и дедушка. Последний был доктором экономических наук и профессором — но попал под каток репрессий. Его освободили из сталинских лагерей в 1955-м, вскоре после рождения внука, однако реабилитировали лишь года через полтора. Так как с судимостью деда в Москве на работу не брали, он устроился старшим экономистом на сыроваренный завод в Угличе, где и поселился, а посещая внука, во многом заменял ему отца. В 1962-м Саша Дворкин стал первоклассником школы № 25 города Москвы, а позже перешел в школу № 91.

— Никакого интереса для сверстников я не представлял, — улыбается Александр Леонидович, — спортивными достижениями не блистал, да и учился, прямо скажем, не блестяще. Любил гуманитарные предметы, а вот точные науки мне были совсем неинтересны. По этой причине я на уроках в основном тайком читал исторические и художественные книги. С 8 лет параллельно посещал художественную школу, но в 9 классе, поняв, что не хочу становиться профессиональным художником, бросил ее.

Вечерами после художественной школы мальчик делал уроки в Институте русского языка, где допоздна работала мама. Тогда здесь находилось одно из московских гнезд вольномыслия. В институте выступали Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Александр Галич и Юлий Ким, тихонько перепечатывался самиздат, а один из сотрудников, Константин Бабицкий (отец другого товарища Александра по детскому саду), был в числе тех, кто вышел в 1968-м на Красную площадь с протестом против введения советских войск в Чехословакию. Кончилось это печально: чтобы обуздать крамольный институт, туда назначили новым партийным секретарем некоего Льва Скворцова, начавшего жесткую политику чисток. Именно тогда, как неблагонадежные, были изгнаны великие

10

лингвисты — цвет отечественной науки — Виктор Панов, Игорь Мельчук и Виталий Шеворошкин и многие другие ученые. Ветеран войны, кавалер многих боевых орденов профессор Панов, к счастью, нашел другую работу, а вот более молодые по возрасту профессор Мельчук и Шеворошкин вынуждены были эмигрировать. Оба они в конце концов обосновались в престижных университетах США и Канады. Все это обсуждалось и переживалось не только мамой Александра и ее коллегами, но и внимательным мальчиком.

После второго класса Саша побывал в пионерском лагере, но опыт жизни «под горн и барабан» оказался для него резко негативным, и с тех пор Дворкин невзлюбил коллективизм, а также все, что с ним связано. Зато потом до восьмого класса он с удовольствием отдыхал летом в украинском селе на границе Винницкой и Одесской областей. Здесь жила семья школьных учителей, приотвистивших когда-то в годы немецкой оккупации его маму. Мальчик быстро освоился в деревенской жизни и овладел украинским языком, но, помимо обычного детского времяпрепровождения с купаньем, рыбалкой и играми в индейцев, мальчик все время читал. Вначале прочитал все, что было в сельской библиотеке по-русски, затем осилил и все, что имелось там на украинском языке.

— Я всем сердцем полюбил и ставшую мне родной большую, с пятью детьми, гостеприимную семью, и саму Украину, — говорит он. — Тогда даже в страшных снах не представлялось, что эта земля будет объявлена за границей.

Был у него и краткий период увлечения спортом: Александр, например, два года занимался плаванием в бассейне «Москва», а затем провел полтора года в секции самбо, но потом пришел к мысли, что совершенствовать лучше все же не тело, а разум.

С седьмого класса мама перевела сына в школу № 112 в Большом Козихинском переулке, близ знаменитых Патриарших прудов. А следом юноша записался в археологический кружок при Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, и через два года уже потратил все каникулы на археологическую экспедицию, раскапывая греческие и скифские поселения близ Евпатории.

11

Книга А.Л. Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 10-11 [9].

Критический инцидент. Психологическая травма в возрасте 8 лет. Есть еще одно конкретное событие — инцидент в детстве Александра Дворкина, которое явно оказало сильное влияние на формирование его личности, убеждений или поведения. После второго класса, Дворкин (в возрасте 8 лет) побывал в пионерском лагере и **этот опыт оказался для него резко негативным**. С тех пор Дворкин невзлюбил как коллективизм, так и всё, что с ним связано. Об этом Дворкин упоминает в книге «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления»: «После второго класса Саша побывал в пионерском лагере, но опыт жизни «под горн

и барабан» оказался для него **резко негативным**, и с тех пор Дворкин невзлюбил коллективизм, а также все, что с ним связано». Об этом же он пишет и в книге «Моя Америка»: **«Единственный раз в детстве я был в пионерском лагере, но через две недели перелез через забор и сбежал».**

Какой должен быть уровень полученного стресса, чтобы этот страх и полученный в лагере «резко негативный опыт» заставил 8-летнего столичного, послушного мальчика перелезть через забор и сбежать из пионерского лагеря? Данное поведение может свидетельствовать о пережитом им острым стрессовом или травматическом событии. Испытал ли в этом лагере юный Саша Дворкин насилие физического характера (как это происходило в его школе) или же жесткое коллективное сексуализированное насилие, сопряжённое с публичным унижением, остается неизвестным. Но если предположить, что данный инцидент стал для Саши Дворкина травматическим сексуализированным контактом, то в последующем это могло способствовать формированию дезадаптивных когнитивных схем, репетиции травматического сценария в поведении и развитию паттернов, связанных с контролем, манипуляцией и насилием. По крайней мере, дальнейшее поведение Дворкина, ряд его поведенческих маркеров в зрелом возрасте, указывает на возможное наличие такого факта в его ранней биографии, что согласуется с типичными последствиями раннего сексуального травматизма, описанными в криминологической литературе [19].

Джон Кэмпбелл в книге «Профайлеры» пишет об убийцах: *«По всей видимости, пережитое в детстве физическое и сексуальное насилие проявилось в их склонности к фантазиям... Начинаешь понимать, как ранняя модель поведения, используемая для преодоления неудовлетворительной семейной жизни, может отвлечь ребенка от реальности и погрузить его в собственный мир насилия, где он может осуществлять контроль. Контроль над фантазиями становится решающим сначала для ребенка, а затем и для мужчины. Это не фантазии о побеге в нечто лучшее, как это часто бывает у детей, восстанавливающих после сексуального насилия и жестокого обращения... Скорее, их энергия направлялась на фантазии об агрессии и господстве над другими людьми, что предполагает проекцию повторения собственного насилия и идентификацию с агрессором. Как сказал один*

убийца: «Никто не удосужился выяснить, в чем была моя проблема, и никто не знал о мире фантазий» [20].

Нельзя недооценивать роль детского насилия как одного из ключевых факторов риска, который может заложить основу формирования серийного насильственного поведения и привести к агрессивному мышлению. Согласно исследованию, проведённому Н. Mitchell и М. Aamodt (2005) среди мужчин — серийных убийц, переживших жестокое обращение в детстве (физическое, сексуальное или психологическое), в среднем 50% преступников сообщали о пережитом психологическом насилии в детстве, 36% подвергались физическому насилию и 26% — сексуальному насилию. Эти травмы напрямую связаны с последующими типологиями преступлений и конкретными действиями на месте преступления, такими как пытки, избыточное насилие, мучительное убийство и т.д. [21].

Джон Дуглас и Марк Олшейкер в книге «Погружение во мрак» пишет: *«Подобно мальчику, совращенному дедом и нарушившему закон, многие растлители малолетних в детстве сами были жертвами одной из форм совращения детей. Это не оправдывает их поведение, но иллюстрирует взаимосвязь двух понятий (жертва — преступление), которую мы наблюдаем постоянно. Питер Бэнкс советует: зайдите в полицейское управление и посмотрите имена детей в делах о растлении и эксплуатации. Затем просмотрите досье несовершеннолетних преступников и, наконец, досье проституток и насильников. Многие имена повторяются во всех трех отделах архива. Конечно, далеко не каждый ребенок, подвергшийся совращению, становится преступником, но буквально все преступники когда-то были детьми, с которыми дурно обращались. В будущем они могут совершать преступления против детей и/или взрослых...» [18].*

Такое сочетание условий и обстоятельств: неуживчивый характер, проблемы со здоровьем, распад семьи, чувство заброшенности и постоянные унижения — всё это стало взрывоопасной смесью в психически неустойчивом мальчике. В таких условиях ребёнок учится не любить, а обижаться и мстить; не доверять, а подавлять и доминировать; не искать диалог, а заставлять бояться себя и причинять другим страдания. Так формируется мировоззрение будущего преступника, садиста, где человек убеждён: «Окружающие люди — источник опасности», «выжить — значит

заставить других бояться меня», «насилие над другими — это единственный способ выжить», «окружающие заслуживают лишь презрения и наказания». Именно так рождается садист — тот, кто не знает жалости, провоцирует конфликты и питается доминацией над другими. Тот, кто подсознательно готов к разрушению и тяготеет патологической одержимостью обладать властью.

Социальная изоляция в детстве и подростковом возрасте часто становится основой для формирования патологических когнитивных установок. Индивид, испытывающий постоянные трудности в социализации в детстве и юношестве, часто развивает **искажённые представления о власти, контроле и межличностных отношениях**. Социальная изоляция становится питательной средой для формирования устойчивых патологических фантазий. Такая среда способствует развитию глубинного недоверия к любым формам внешнего авторитета — включая институциональный, родительский и религиозный (божественный), что в совокупности может создавать предпосылки для последующего дезадаптивного или насильственного поведения.

В криминологической литературе лица с выраженной антисоциальной паттернностью — включая индивидов с признаками садизма и психопатии, часто демонстрируют сниженную способность к когнитивной и эмоциональной эмпатии. Такой человек воспринимают окружающих как угрозу и источник боли, а потому убеждает себя, что единственная форма выживания — это власть и насилие. Такой субъект часто игнорирует моральные принципы, правила и законы. Он часто обманывает и манипулирует другими людьми для достижения своих целей, не испытывая угрызений совести. Мысль о том, что люди недостойны его уважения и любви, должны испытывать лишь боль и страдание — превращается в мировоззренческую аксиому. Именно в этой логике формируется человек, который получает удовольствие от унижения других, от разрушения и страха.

Важно подчеркнуть: как отмечают Джон Дуглас и Марк Олшейкер, большинство серийных насильственных преступников имеют в анамнезе тяжёлую детскую травму, однако это не отменяет их ответственности за совершённые деяния. В их книге «Охотник за разумом» (англ. *Mindhunter*, 1995) подчёркивается: *«За все годы работы с насильственными преступниками с самыми жестокими убийцами я ни разу не встречал ни одного, кто вырос бы в по-настоящему здоровой, поддерживающей*

семье с нормальными, поддерживающими отношениями. Я считаю, что подавляющее большинство насильственных преступников несут ответственность за свои действия, сделали свой выбор и должны понести наказание за содеянное» [7].

Источники:

1. <https://www.fbi.gov/news/stories/serial-killers-part-2-the-birth-of-behavioral-analysis-in-the-fbi>
2. <https://www.fbi.gov/how-we-investigate/behavioral-analysis>
3. <https://psycnet.apa.org/record/1988-97582-000>
4. Hazelwood, R. R., & Douglas, J. E. (1980). Lust murderer. FBI Law Enforcement Bulletin, 49(4), 1–13.
5. https://en.wikipedia.org/wiki/John_E._Douglas
6. https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Ressler
7. Douglas, John E., Mark Olshaker. Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit. New York: Scribner. 1995. ISBN 978-0-671-01375-2
8. Ressler R., Burgess A., Douglas J. Criminal Profiling Research on Homicide. Unpublished Research Report. N.Y., 1982
9. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.
10. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
11. <https://actfiles.org/alexander-dvorkins-medical-files-full-archive/>
12. A 1979 interview with Alexander Dvorkin for the project "Recent Soviet Immigrants in America.". Interviewer: Lynn Visson (June 19–20, 1979). William E. Wiener Oral History Library of the American Jewish Committee. New York Public Library (NYPL) Research Libraries.
<https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/mode/2up>
13. Аркадий Ровнер «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.
14. <https://arkadyrovner.ru/index>
15. Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: вып. 2(3) / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское,

- благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». - М., 2015.
https://imwerden.de/pdf/acta_samizdatICA_zapiski_o_samizdate_vyp2_2015__ocr.pdf
16. Kaslow, Florence W. (January 1996). Handbook of Relational Diagnosis and Dysfunctional Family Patterns. Wiley-Interscience
17. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11731348/>
18. John Douglas and Mark Olshaker, “Journey Into Darkness”, 2010.
19. (Douglas, J. E., & Ressler, R. K. (1988). Sexual Homicide: Patterns and Motives).
20. John H. Campbell. (2004). Profilers.
<https://www.thetcdkarchive.com/library/john-h-campbell-profilers-leading-investigators-take-you-inside-the-criminal-mind-book#toc61>
21. H. Mitchell and M. Aamodt (2005)
<https://link.springer.com/article/10.1007/BF02806705>

Часть 2.

Генезис мотива

Реконструкция генезиса мотива серийного убийцы. Мотив играет критически важную роль в раскрытии преступлений и, особенно, в профилировании серийных убийц. Мотив преступления — это устойчивое внутреннее побуждение, отражающее осознанную или неосознанную цель, ради которой преступник совершает противоправное деяние. Анализ мотива позволяет ответить на ключевой вопрос поведенческого анализа: «Ради какой цели совершено преступление?» (например, для установления доминирования над жертвой, получения чувства всемогущества, удовлетворения фантазии или компенсации пережитой травмы). В отличие от разовых импульсивных убийств, серийные убийства всегда мотивированы **глубинными психологическими потребностями** преступника, такими как:

стремление к власти, контролю, сексуальное возбуждение, месть, разрешение внутреннего аффективного конфликта. Эти потребности подкрепляются дезадаптивными когнитивными схемами, сформированными под влиянием раннего травматического опыта. Мотив серийного убийцы — это основа для понимания, почему преступник снова и снова будет совершать преступления.

Реконструкция генезиса мотива в серийных убийствах — это **психобиографический анализ**, включающий исследования поведенческих аспектов преступника, направленный на выявление:

- ранних травматических событий;
- сформировавшихся когнитивных искажений;
- эволюции патологических фантазий;
- и поведенческих маркеров, предшествующих первому акту насилия.

Именно этот подход позволяет понять, почему преступник не просто убивает, а повторяет убийство. Поэтому понимание мотива критически важно не только для раскрытия конкретного преступления, но и для прогнозирования риска рецидива. Именно мотив отражает устойчивые личностные детерминанты поведения. Он раскрывает глубинные причины преступного поведения, связанные с неудовлетворёнными потребностями, негативными установками и искаженным восприятием реальности.

Как отмечают Джон Дуглас и Марк Олшейкер, разрабатывая методы анализа профиля личности убийц, необходимо понимать **модель мышления убийцы**. Характерные особенности жертвы, улик и других деталей, свидетельств, могут многое рассказать о планировании, подготовке убийцы к преступлению, о его последующих действиях.

*«Исходя из этих соображений, агенты начинают искать мотивацию убийцы, определяя, **насколько она связана с доминирующей моделью его мышления**. Во многих случаях выявляется скрытый сексуальный мотив, порождённый патологической фантазией» [1].*

Мотивационное побуждение серийного преступника обусловлено рядом когнитивно-аффективных процессов, формирующихся на основе хронического чувства социальной отверженности. Оно влияет на навязчивый поиск внимания, позитивного подкрепления, удовлетворения вследствие того, что индивиду кажется, что социальная среда к нему враждебна или безразлична. Мотив влияет на желание обладать и контролировать социальную среду, которую индивид воспринимает как «зло», чтобы уравновесить все свои фрустрации одним-единственным уничтожающим действием.

Психопатология «Бунта против Бога».

Комплекс «богоподобности»

Среди множества мотивационных категорий — власти, мести, сексуального возбуждения и финансовой выгоды **выделяется особая группа серийных преступников**, чьё деструктивное поведение обусловлено религиозно окрашенной или антирелигиозной агрессией, часто сопряжённой с нарциссической динамикой и **иллюзией собственной богоподобности**, мотивированного метафизическим неприятием мироустройства. В криминологической практике данный феномен классифицируется как высшая форма экзистенциальной агрессии, при которой акт лишения чей-то жизни становится формой «суда» над бытием. В этой парадигме убийство для преступника выступает как окончательный аргумент в его споре с Творцом (или природой).

Важно отметить, что антирелигиозная агрессия у таких убийц не является формой атеизма в философском смысле, а представляет собой патологическую реакцию на травматический религиозный опыт. Эти преступники не отвергают Бога, они соперничают с Ним. Их насилие отчаянная попытка узурпировать божественную власть и стереть «моральное зеркало», отражающее их собственные негативные

мысли и поступки.

«Бунт против Бога» в криминологическом контексте — это не столько религиозный акт, сколько патопсихологическая установка личности, направленная на ниспровержение высших моральных и онтологических законов. Такие индивиды не просто отрицают религиозные нормы — они вступают в метафизическую борьбу с символом высшего порядка, воспринимая Бога как конкурирующий авторитет, ограничивающий их абсолютную волю, а существующий порядок вещей как враждебную систему, подлежащую разрушению.

Эта позиция описывается в специализированной литературе как **«комплекс Бога»** (синдром всемогущества), **патологический нарциссизм** (желание быть центром всего), **«бунт против Бога»**. Это форма экзистенциального противостояния, при которой преступник из-за гордыни, стремления к самовозвеличиванию и нежелания признавать собственное несовершенство стремится не только уничтожить жертву, но и продемонстрировать ей своё всемогущество, пародировать божественный акт творения и разрушения, утвердить свою вседозволенность. Он формирует убежденность в исключительности собственного «Я», свои желания «выше воли Бога», не принимая, что есть вообще какая-либо высшая сила, превосходящая его самого. Часто встречается у серийных преступников с нарциссическим расстройством. Психопатологический аспект: «Бунт против Бога» проявляется в стремлении субъекта «самообожествиться» через право распоряжаться чужой жизнью, выступать якобы «высшим арбитром» жизни и смерти. Убийство для таких патологических личностей становится актом некоего утверждения собственной «абсолютной власти, замещающую божественную».

«Практически все преступники, совершающие сексуальные убийства, демонстрируют нарциссические и психопатические черты личности. Патологический нарциссизм... обычно проявляется в чувстве превосходства преступника, грандиозности и эмоциональной отстранённости... Я предполагаю, что структурирование таких сексуальных фантазий обеспечивает убийце определённые позитивные подкрепления... (с) оно стимулирует грандиозность, поскольку все фантазии совершенны... (d) оно стимулирует всемогущество, поскольку фантазия всемогущего контроля над жертвой, вероятно, визуализируется». Рейд Мелой «Природа и динамика сексуальных убийств:

комплексный обзор» [2].

Концепция бунта против Бога впервые была теоретически обоснована в психоаналитической традиции (Фромм, 1950-е). В криминологии она получила эмпирическое развитие в работах Рейда Мелоя и Роя Хазелвуда. У серийных убийц этот комплекс часто возникает на фоне раннего религиозного травматизма. Как правило, преступники пережили в детстве или юности гиперморализацию, религиозное насилие или публичное унижение под прикрытием морально-нравственного, духовного воспитания. В результате в сознании формируется раскол в религиозном объекте: с одной стороны — образ милосердного Бога, с другой — образ карающего, враждебного, требующего жертв. Впоследствии преступник не просто отвергает Бога, он погружен в патологическую фантазию, где видит исключительно себя истинным арбитром правосудия, в то время как «внешний Бог» становится для него символом лицемерия и репрессий.

«Убийц, движимых властью, можно описать как обладающих своего рода комплексом Бога. Они стремятся к контролю над жизнью и смертью». Габриэлла Симон «Образ и характеристики серийных убийц и некоторых из самых известных из них» [3].

Жертвы. Убийца с таким профилем не считает себя «служителем Богу» (как визионер) и не «чистильщиком мира» (как миссионер). Он тайно полагает, что соревнуется с Богом. Убийство даже ребенка в его патологической фантазии — это способ якобы доказать, что Бог бессилен защитить невинного, а значит, он полагает, что единственная реальная власть принадлежит ему. Жертвы воспринимаются таким типом серийных убийц не как люди, а как «объекты коррекции», а насилие над ними — «ритуалом очищения». Отождествляя себя с «подлинным» Богом, преступник считает, что уничтожает тех, кого считает «грешниками» (часто — жертву, ассоциирующуюся с моральной чистотой), «нечистыми» или «отступниками», воспроизводя ритуалы очищения или наказания. Преступник таким образом пародирует божественный суд в своем патологическом воображении, решая, кто достоин жить, а кто нет. У таких убийц часто отсутствует чувство вины.

Формирование готовности к совершению противоправных действий у подобных преступников происходит на фоне развития патологических векторов в сознании, основными из которых являются:

— **Патологический нарциссизм** (формирует убежденность в исключительности собственного «Я», а любое внешнее ограничение (закон, мораль, божественное провидение) воспринимается как невыносимая нарциссическая травма);

— **Антитеистическая мотивация:** отрицание высшей силы или активная борьба с ней выступает как идеологическое обоснование их насилия.

Механизм перехода фантазии в действие является следующий. Хроническое отчуждение перетекает в дегуманизацию окружающих. Накопление метафизической ненависти переходит в формирование структуры латентного гомицида. Экзистенциальный триггер переходит в акт убийства как способ временного «исцеления» нарциссической травмы через патологическую фантазию «божественного» доминирования над жертвой.

Латентный гомицид как форма скрытого убийства. «Латентный гомицид» — скрытое, систематическое устранение «представителей морального закона», выступающих в роли субститута Бога или «совести общества». Термин **«латентный гомицид»** используется в судебной психологии для описания **ненасильственных, но смертельно опасных форм устранения, маскируемых под несчастные случаи, самоубийства или естественную смерть.** В контексте бунта против Бога жертвами латентного гомицида нередко становятся:

- «идеальные» жертвы (дети, девственники, активисты, праведники);
- моральные авторитеты (учителя, родители, психотерапевты);
- священнослужители.

Эти лица выступают как «моральные зеркала» — они отражают ту совесть, которую преступник отверг. Их устранение для преступника временно нейтрализует когнитивный диссонанс и подтверждает иллюзию контроля над моральным порядком.

Если первый акт насилия (первое убийство) остаётся без наказания, то это для патологического воображения убийцы подтверждает иллюзию

«божественной избранности», снижает порог ингибиторов, **запускает механизм повторного устранения «моральных зеркал»**. Беснаказанность становится для преступника «священным одобрением», укрепляющим убеждение: «Бог молчит — значит, я прав».

Психопатология «бунта против Бога» — это психотический нарциссизм, в котором насилие заменяет богословие. Латентный гомицид в этом контексте выступает как скрытая форма богохульства, направленная на устранение тех, кто олицетворяет внешний моральный закон. **Такое поведение требует особого внимания в профилировании, поскольку часто маскируется под несвязанные смерти**, обостряется в праздничные или религиозные даты.

Таким образом, генезис мотива у данной категории серийных убийц лежит в экзистенциально-нарциссическом конфликте, где насилие становится способом утверждения их патологических фантазий в виде «собственной божественности» и отрицания внешнего морального закона. Этот мотив устойчив, глубоко структурирован и практически не поддаётся рациональному убеждению, что **делает таких преступников особенно опасными и трудно поддающимися реабилитации**.

Ключ к генезису мотива можно обнаружить **в ранних когнитивно-аффективных конфликтах**, сформированных еще в детстве, в **устойчивых внутренних символических репрезентациях**, которые позже могут активизироваться и в криминальном поведении. Переживания, образы и конфликты, которые формируются в раннем возрасте, сохраняются в долговременной памяти. Они влияют на мотивацию, поведение и самоидентификацию человека во взрослом возрасте и становятся его основополагающими убеждениями. Это глубинные когнитивные схемы о себе, других и мире, сформированные ещё в детстве. Они работают автоматически и часто неосознанно [4]. Таким образом, детальный анализ биографии преступника выявляет ключевые факторы формирования мотивации.

Реконструкция психобиографии

Александра Дворкина

В рамках методологии поведенческого анализа проведём реконструкцию психобиографии Александра Дворкина с целью выявления:

— признаков экзистенциально-нарциссического конфликта, проявляющегося в столкновении атеистического мировоззрения с эмоционально насыщенными религиозными образами, усвоенными в детстве;

— специфики его фантазийной структуры, включая наличие патологических сценариев, ориентированных на унижение, дегуманизацию и символическое устранение «морального зеркала»;

— устойчивых поведенческих паттернов, составляющих типичную сигнатуру преступника, — то есть действий, удовлетворяющих глубинные психологические потребности;

— наличия мотивационных структур, характерных для установленных типологий серийных убийц (в частности — стремления к власти, контролю, мести или сексуализированному насилию).

Такой анализ позволит оценить, соответствует ли жизненный путь Александра Дворкина динамике, типичной для серийных преступников с мотивацией, укоренённой в «нарциссическом бунте против Бога» и склонностью к латентным формам насильственного устранения.

Эпизоды из детства Дворкина. В книге «Моя Америка» [5] Александр Дворкин описываются несколько эпизодов из детства, отражающих противоречия в понимании темы о Боге, когнитивные трудности в освоении религиозных представлений. В одном из таких эпизодов Саша Дворкин задаёт матери вопрос: «Кто такой Бог?». На основе её ответа ребёнок формирует упрощённую дихотомическую модель: раньше люди были глупыми и верили, что все сотворил Бог, а теперь поумнели и знают, что на самом деле все «сотворила Коммунистическая партия». Эта

когнитивная схема закрепляется как убеждение: верующие ассоциируются с интеллектуальной наивностью, а неверующие — с рациональной зрелостью («*глупые люди — это те, кто верят в Бога, умные — те, кто в него не верят*»). На уровне подсознательных установок складывается иерархия, в которой «интеллект доминирует над Богом (религиозной верой)».

Уже когда я вырос, мать напомнила мне один эпизод моего раннего детства. Мне было года четыре. Придя из детского сада, я спросил:

– Мам, а кто такой Бог?

– Видишь ли, сынок, – начала моя тогда еще неверующая мама, – в древности наука была еще неразвита. Люди были не такими образованными, как сейчас. Они не знали, откуда происходит все вокруг – леса, поля, деревья, горы, небо, Земля, Солнце, звезды. И они думали, что все это сотворил Бог.

– Раньше люди были глупые, – перебил ее я. – Вот они и думали, что все сотворил Бог. Теперь они поумнели и знают, что на самом деле все – леса, поля, деревья, горы, небо, Землю, Солнце, звезды – сотворила Коммунистическая партия!

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 80 [5].

Второй эпизод, относящийся к начальной школе, связан с атеистическим нарративом, типичным для советской педагогической практики. Пожилая учительница, объясняя православный праздник Покрова, сказала: «*Смысл этого праздника в том, что в этот день первый снег якобы покрывает землю. На самом же деле, как вы видите, все это **глупости***». Она указала ясную погоду за окном: «*Все это опровергает **глупые суеверия** наших предков и означает, что **никакого Бога нет***». Однако в ходе урока погода испортилась и начал идти густой первый снег.

Событие произвело на Сашу Дворкина глубокое эмоциональное впечатление,

сопровождавшееся чувством изумления и когнитивного диссонанса. В психобиографическом контексте данный эпизод фиксируется как момент закрепления **символического образа — снега** как эмпирического «**знака**» **божественного присутствия**, противостоящего рационалистическому отрицанию. Этот образ вполне может рассматриваться как ранний маркер формирующегося нарратива, в котором Бог воспринимается **как сила, способная демонстративно «опровергать» «человеческое превосходство», человеческую уверенность, — в том числе интеллектуальную** — и тем самым провоцировать внутреннее сопротивление, которое впоследствии может трансформироваться в нарциссический бунт.

ПЕРВЫЙ УРОК

Вспоминаю одну давнюю историю из моего детства, когда я учился в первом или втором классе (не помню), ничего не знал о Боге и, как каждый советский школьник, считал себя атеистом. И вот в один день (как я теперь знаю, 14 октября) наша учительница, Анна Ивановна, начала очередной урок примерно со следующих слов: «Дети, сегодня православные отмечают праздник Покров. Смысл этого праздника в том, что в этот день первый снег якобы покрывает землю (?! – А. Д.). На самом же деле, как вы видите, все это – глупости. Посмотрите в окно, как ярко светит октябрьское солнышко, как ласково оно пригревает землю, и вы видите, как далеко в этом году до первого снега. Все это опровергает глупые суеверия наших предков и означает, что никакого Бога нет».

Мы посмотрели в окно: стояла теплая и ясная осенняя погода, на голубом небе не было видно ни облачка, и аргумент нашей строгой пожилой учительницы показался нам чрезвычайно убедительным. Первый урок пошел своим чередом.

Но представьте себе, что в ходе урока небо вдруг потемнело, подул сильный холодный ветер, солнце исчезло за серыми облаками, и внезапно повалил густой-густой снег! Учительница изменилась в лице и, выдавив из себя кривую усмешку, сказала: «Что же, всякие бывают совпадения», а я впервые подумал...

Нет, не помню, что я тогда подумал. Помню только чувство изумления, которое я испытал, глядя на густой, мохнатый, валящий плотной стеной снег. Собственно, и вспомнил я об этом эпизоде много лет спустя, когда стал православным христианином и уже давным-давно знал, что на самом деле праздник Покрова Божией Матери ни к какому снегу отношения не имеет.

Третий эпизод связан с воспоминанием Дворкина **о возникшем у него страхе при посещении церкви в одиночку** в детском возрасте, что привело к формированию сильной аффективной реакции на религиозное пространство. Будучи еще ребенком, зашел в православный храм, где было много людей. Дворкин пишет: *«Но вдруг в голове возникла и стала нарастать паническая мысль о похищающих детей сектантах, о которых нам рассказывали в школе. А я ведь стоял в самой глубине церкви, отделенный от входа плотной толпой. Вот теперь меня похитят, внесут в эти разукрашенные ворота впереди, и больше никто никогда Саши Дворкина не найдет!*

Когда эта мысль обрела отчетливые очертания в моей бедной голове, паника охватила все мое существо и я, расталкивая народ, ринулся к выходу. Без оглядки выбежал я из храма на яркий солнечный свет и некоторое время потом боялся заходить в церкви в одиночку» [5].

Закрепившийся **образ — церковь** (как ловушка), **похищение детей сектантами**, религиозное пространство — как зона потенциального похищения и безвозвратного исчезновения. В рамках теории криминальной мотивации [6] подобные детские эмоциональные схемы — особенно те, что связаны со страхом, стыдом или ощущением бессилия — могут ретранслироваться во взрослом возрасте в виде специфических триггерных реакций на символы уязвимости (например, упоминание Бога, церкви и т.д.). Другими словами, взрослый человек, переживший подобное, может бессознательно воспринимать упоминание Бога, церкви и другие соответствующие символы как угрозу своему контролю — и реагировать агрессией, отстранённостью или насмешкой, чтобы подавить внутреннее ощущение уязвимости.

В ХРАМЕ

Как-то ребенком я зашел в православный храм. Не помню, где это было. Наверное, в Москве. Шла служба, народу внутри было много. Но я начал протискиваться вперед, к алтарю, и через несколько минут уже стоял перед иконостасом, как замороженный глядя на мерные, неторопливые движения священника и слушая протяжное пение хора. Старушки, стоящие вокруг, одобрительно поглядывали на меня и гладили по головке. Мне было хорошо и спокойно.

Но вдруг в голове возникла и стала нарастать паническая мысль о похищающих детей сектантах, о которых нам рассказывали в школе. А я ведь стоял в самой глубине церкви, отделенный от входа плотной толпой. Вот теперь меня похитят, внесут в эти разукрашенные ворота впереди, и больше никто никогда Саши Дворкина не найдет!

Когда эта мысль обрела отчетливые очертания в моей бедной голове, паника охватила все мое существо, и я, расталкивая народ, ринулся к выходу. Без оглядки выбежал я из храма на яркий солнечный свет и некоторое время потом боялся заходить в церкви в одиночку.

Впрочем, еще лучше я запомнил тусклое золото иконостаса, священника, совершающего непонятные, но столь прекрасные действия и тихое пение, пронизывающее все мое существо...

БОЛЬШЕ НЕ СТУДЕНТ

Вернемся к моей хипповой юности. Да, я по-прежнему выискивал в любой литературе отрывки из недоступной мне Библии и по-прежнему любил заходить в храмы, если они попадались мне по пути, где удивлял старушек знанием иконописных сюжетов. Но все это было не более чем хобби, далекое от моей жизни, ее событий и моих поступков, часто подлых и гадких. В ответ на призывы

Интересно, что страх похищения был у Дворкина был системным и существовал за пределами религиозного контекста. В книге «Моя Америка» он вспоминает о своем дворе, где проходило его детство: *«Все дети играли во дворе, а за ними зорко присматривала чья-нибудь бабушка, вышедшая посидеть на лавочке. Любого зашедшего во двор чужого человека сразу примечали, так что детей можно было смело отпускать играть самих — им ничего не угрожало. Нам только строго-настрого воспрещалось выходить одним за пределы двора, на улицу»* [5].

Одноклассник Яша. В источнике под названием «Калалацы» (рассказ под заголовком «Система. Записки Кости Лопухова») [7], представляющем собой реконструкцию устных воспоминаний молодого Александра Дворкина (в тексте именуемого как «Костя Лопухов»), упоминается, что с первого класса у него был одноклассник по имени Яша. Поскольку в данном источнике фигурант — одноклассник обозначен исключительно под этим именем (Яша), в целях преемственности и идентификации в дальнейшем анализе мы будем условно именовать его Яшей. Ниже приводятся релевантные отрывки из книги «Калалацы», в которых описываются эпизоды, связанные с Яшей. Эти фрагменты рассматриваются как часть психобиографического материала, необходимая для реконструкции ранних межличностных паттернов и формирования когнитивно-аффективных схем исследуемого субъекта.

«С Яшей мне было просто, наверное, потому, что он краснел, заикался и виноватился даже больше моего. Он кашлял, болел — мы учились вместе с первого класса, — и бабушка — он жил с бабушкой — возила его в Елоховскую церковь».

Согласно представленным в источнике данным, Яша оказал глубокое впечатление на друга в ходе разговора, посвящённого религиозным представлениям, в частности — **образу Бога**:

«— Бог живёт в горах и оттуда посылает молнии и громы. Его нельзя увидеть, но он может протянуть руку и достать кого захочет, — рассказывал мне Яша на уроках ботаники, пока мы рисовали в тетрадях лепестки

и пестики маков, а учитель у окна в золотом улье, забывшись, тёр переносицу перепачканными мелом пальцами. Яшин цветок получался большим и красивым с уверенной линией лепестков и живой сочной чашечкой, мой же был чахлым и кривобоким.

*— А здесь в классе — тоже может? — спрашивал я, пугаясь, и видел: опускалась в окно огромная золотистая из солнечного сияния **рука** и, обняв учителя, осторожно поднимала его в воздух, а он, не замечая ничего, продолжал тереть переносицу.*

*— Это тайна. Однажды он уже приходил, **но его поймали и бросили в яму**».*

Символические образы: «Бог» — это невидимая рука, «яма» — как наказание.

Согласно приведённому фрагменту, очевидно, что разговор с одноклассником Яшей на уроке ботаники стал запомнившимся эпизодом в ранней биографии Александра Дворкина. В ходе беседы Яша представил Бога как невидимую, но активную силу — «опускающуюся руку», — однако тут же упомянул, что «его поймали и бросили в яму». Этот нарратив содержит амбивалентные символические образы: «Бог как карающая, но недоступная сила», и как «побеждённый, наказанный объект».

Подобный раскол в религиозной репрезентации, усиленный контекстом атеистической школьной среды, мог стать источником глубинного когнитивного диссонанса. В психоаналитической и юнгианской традиции такие образы (рука Бога, яма, снег как «знак») рассматриваются как архетипические или персональные символы, несущие эмоциональный и моральный заряд. Впоследствии, они могут функционировать как триггеры морального когнитивного диссонанса. Эти и другие подобные образы вполне могли стать для Александра Дворкина основой экзистенциального конфликта, в котором вера ассоциировалась с угрозой, уязвимостью и в его понимании — неизбежным наказанием как для высшей силы, так и для верующего.

В своих автобиографических книгах, написанных в зрелом возрасте, Александр Дворкин, рассказывая о своей юности, упоминал о своей отрицательной позиции в отношении Бога — он не верил в Бога и негативно осуждал все, что с этим было

связано, то есть последовательно демонстрировал крайнюю негативную установку по отношению к религиозному дискурсу.

Если в детстве его атеизм опирался на авторитет взрослых (в частности, матери и школьных педагогов), то, в юношеском и молодом возрасте он трансформировался в агрессивную позицию отрицания. Дворкин стал спорить даже с близкими ему людьми (упрекать маму, бабушку и дедушку) в ответ на их упреки по поводу его «подлых и гадких поступков». **Александр Дворкин говорил им: «А в чем дело? Ведь Бога нет, соответственно, всё позволено»** (книга Александра Дворкина «Моя Америка», стр. 83) [5]. Эта формулировка, как и другие подтверждения, обнаруженные в автобиографии Дворкина, отражают нарциссическую перестройку моральной системы, в которой отсутствие «божественного надзора» легитимизирует любые действия, включая агрессию и устранение «помех» — особенно тех, кто олицетворяет нравственную альтернативу.

9 класс. Смерть одноклассника. Одним из ключевых эпизодов в формировании этой системы становится событие, произошедшее **в 9 классе: смерть одноклассника Яши**, с которым Саша Дворкин дружил с первого класса. Из книги «Калалацы»: *«Когда было время, мы шлялись по городу. Шли от Герцена, по бульвару, присаживались во дворике рядом с согбенным Гоголем, через Никитские мимо «плешки» добирались до Трубной. Иногда с нами ходила Алёнка мы смеялись до колик. В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах и похоронили где-то в Переделкино. Алёна ходила три дня зарёванная. Я всё собирался туда поехать».*

СИСТЕМА

(записки Кости Лопухова)

Моей маме хотелось, чтобы я был художником, и три раза в неделю я ходил в художественную школу. «Костя, — говорила она устало и жалко, — учись, старайся, я на тебя всю жизнь положила». Два моих вечера занимали плавание и археологический кружок. Остатки вечеров я проводил в мамином институте, где она до полуночи корпела над микроскопом, а её сослуживцы решали за меня задачи и проверяли упражнения.

Ни художника, ни археолога из меня не вышло. В школе меня дразнили и мучили, в художественной — не замечали. Мамы я стеснялся, отца не знал — он не жил с нами. Я был некрасивым и неловким, на моей постриженной под машинку голове нелепо торчали большие плоские уши, и я сто раз на день краснел от смущения.

С Яшей мне было просто, наверное, потому, что он краснел, заикался и виноватился даже больше моего. Он кашлял, болел — мы учились вместе с первого класса, — и бабушка — он жил с бабушкой — возила его в Елоховскую церковь.

— Бог живёт в горах и оттуда посылает молнии и громы. Его нельзя увидеть, но он может протянуть руку и достать кого захочет, — рассказывал мне Яша на уроках ботаники, пока мы

рисовали в тетрадях лепестки и пестики маков, а учитель у окна в золотом улье, забывшись, тёр переносицу перепачканными мелом пальцами. Яшин цветок получался большим и красивым с уверенной линией лепестков и живой сочной чашечкой, мой же был чахлым и кривобоким.

— А здесь в классе — тоже может? — спрашивал я, пугаясь, и видел: опускалась в окно огромная золотистая из солнечного сияния рука и, обняв учителя, осторожно поднимала его в воздух, а он, не замечая ничего, продолжал тереть переносицу.

— Это тайна. Однажды он уже приходил, но его поймали и бросили в яму.

Когда было время, мы шлялись по городу. Шли от Герцена по бульвару, присаживались во дворике рядом с согбенным Гоголем, через Никитские мимо «плешки» добирались до Трубной. Иногда с нами ходила Алёнка — мы смеялись до колик. В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах и похоронили где-то в Переделкино. Алёна ходила три дня зарёванная. Я всё собирался туда поехать.

■ ■ ■

Мы с мамой и сестрой жили в маленькой комнате на Старом шоссе. Комната была в скатёрках, салфетках, занавесках, ковриках. В углу на тахте мурлыкала перед телевизором менингитная Дарья, заламывала руки и кривлялась. Время от времени она, цепляясь за мебель, пробиралась на цыпочках к холодильнику и, стоя перед открытой дверцей, ела ложкой из банки сливовый джем и, перемазавшись, ползла назад на тахту, вертя головой.

По воскресеньям к нам приходил дедушка и за чаем ругал на чём свет моего отца, разрезая торт из «Праги». Ещё он ругал совдеп, Сталина, колхозы, снабжение и волосатых. «Я бы их собственными руками передушил!» — восклицал он и показывал, как бы он это сделал сухими ручками с приплюснутыми пальцами. При этом Дарья возбуждённо повизгивала и опрокидывала чашку. Мама виновато суетилась.

Волосатые тогда только появились на улицах, выделяясь

Информация о факте утопления друга Дворкина имеется в двух источниках, разнесённых во времени: в книге Аркадия Ровнера «Калалацы» (1980), когда Дворкину на момент выхода книги было 25 лет и в автобиографической книге Александра Дворкина «Моя Америка (2013), когда Дворкину на момент выхода его книги было 58 лет.

1. В первом источнике («Калалацы») событие представлено следующим образом: **«В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах и похоронили где-то в Переделкино. Алёна ходила три дня зарёванная. Я всё собирался туда поехать».**

2. Во втором — оно облечено в форму воспоминания о травматической реакции социального окружения: **«А недавно мамина подруга потеряла сына: мальчик утонул. С тех пор меня от нее прятали, чтобы не напоминать ей о сыне и не усугублять горя. Как я боялся момента появления ее высокой, грузной фигуры в дальнем конце коридора маминной работы, когда мне приходилось сворачивать в ближайшую комнату и прятаться там за шкафом!»** [7].

Сопоставительный анализ указывает, что очевидно речь идет об одном и том же событии — об внезапной смерти Яши (утопление) в 9 классе — одноклассника Саши, с которым он состоял в длительных отношениях с первого класса. Подтверждение этой гипотезы обеспечивается совпадением определенных деталей. Одними из них являются повторяющаяся нарративная структура; стилевая специфика повествования; дополнительные детали, например, упоминание о том, что Дворкин по вечерам бывал в Институте русского языка, где допоздна работала его мать (Александр Дворкин книга «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», (стр. 10)) [8].

Оба эпизода, разнесенные во времени, характеризуются одинаковым подходом к изложению: вначале затрагивается тема о Боге, затем о внезапной смерти друга Дворкина. Важная деталь, событие о смерти Яши подаётся с нарочитой дистанцией, почти как фоновый элемент. Минимизация трагедии, акцент на повседневных мелочах при одновременном упоминании смерти создают эффект аффективной отстраненности. В рамках психобиографического анализа такой нарративный паттерн

может интерпретироваться как защитный механизм, направленный на подавление травмы, а также как маркер ослабленной способности к эмпатии. В криминальной психологии подобные паттерны диссоциации и моральной дезинтеграции часто выявляются в профилях серийных преступников типа «power / control».

В эпизоде автобиографической книги Александра Дворкина «Моя Америка», можно наблюдать попытку рационализации и маскировки вины. Очевидно, что Дворкин не просто переживал, он был связан с этим событием. В своих рассуждениях о своей молодости Дворкин делает акцент на темах: лжи, страха смерти, противостояния Богу, панической боязни наказания правоохранительными органами. А впоследствии, затрагивая тему о Боге, переходит на воспоминание внезапной смерти друга Яши, который утонул.

Из книги Александра Дворкина «Моя Америка»: *«Идея отказаться от внешней лжи постепенно начала вызревать во мне. Хипповое бытие казалось способом вести такую честную и непритворную жизнь. Однако **на ложь своего внутреннего существа, на глубокую безнравственность собственных поступков внимания я не обращал, да и не думал обращать. Внутрь себя я не заглядывал. Все враждебное сосредоточивалось снаружи, и мое противостояние выражалось тоже почти исключительно во внешних формах.***

В то время я был стихийным атеистом. Вольная жизнь и погоня за наслаждениями почти полностью заглушили во мне подсознательное стремление к Богу, которое я ощущал в детстве». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр.79) [5].

*«Приведу тут несколько историй из моего детства... Как тяжело ребенку не верить в Бога! Как мучительно для детской души не знать опыта молитвы и не иметь в жизни никакого вертикального измерения! Помню, как ночью в своей кровати я мечтал о том, что было бы, если бы Бог существовал, как я беседовал бы с Ним, рассказывал Ему о своих делах, просил бы Его о помощи девочке на костылях или слепому дяденьке, которых я видел на улице, и почувствовал, как острая жалость сдавливает мое сердце. **А недавно мамина подруга потеряла сына: мальчик утонул. С тех пор меня от нее прятали, чтобы не напоминать ей о сыне и не усугублять горя. Как я боялся момента появления ее***

высокой, грузной фигуры в дальнем конце коридора маминной работы, когда мне приходилось сворачивать в ближайшую комнату и прятаться там за шкафом! Я точно попросил бы Бога вернуть ей сына, чтобы они опять жили вместе. А как страшна смерть!

С мыслью об этом ужасе **невозможно примириться**: ты есть, живешь, думаешь, двигаешься, любишь, переживаешь, **а потом раз — и тебя больше нет. Совсем нет. И все было напрасно и не нужно. Вот если бы Бог существовал**, то после смерти можно было бы встретить всех, кто жил до тебя, общаться с ними, радоваться, благодарить Бога...

Но Бога нет, и ничего этого не будет. Не будет жизни, не будет радости, не будет ничего. Вообще ничего. **Есть только абсолютно пустое небо над головой. Это доказано. Ведь космонавты Бога не видели**». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 79-80) [5].

в этом и перестали лгать – тогда система изменилась бы. Идея отказаться от внешней лжи постепенно начала вызревать во мне. Хипповое бытие казалось способом вести такую честную и непритворную жизнь. Однако на ложь своего внутреннего существа, на глубокую безнравственность собственных поступков внимания я не обращал, да и не думал обращать. Внутрь себя я не заглядывал. Все враждебное сосредоточивалось снаружи, и мое противостояние выражалось тоже почти исключительно во внешних формах.

В то время я был стихийным атеистом. Вольная жизнь и погоня за наслаждениями почти полностью заглушили во мне подсознательное стремление к Богу, которое я ощущал в детстве.

Приведу тут несколько историй из моего детства. Мне кажется, что без них честный рассказ о моем сложном, запутанном пути был бы неполным.

ТВОРЕНИЕ КПСС

Как тяжело ребенку не верить в Бога! Как мучительно для детской души не знать опыта молитвы и не иметь в жизни никакого вертикального измерения! Помню, как ночью в своей кровати я мечтал о том, что было бы, если бы Бог существовал, как я беседовал бы с Ним, рассказывал Ему о своих делах, просил бы Его о помощи девочке на костылях или слепому дяденьке, которых я видел на улице, и почувствовал, как острая жалость сдавливает мое сердце. А недавно мамина подруга потеряла сына: мальчик утонул. С тех пор меня от нее прятали, чтобы не напоминать ей о сыне и не усугублять горя. Как я боялся момента появления ее высокой, грузной фигуры в дальнем конце коридора маминой работы, когда мне приходилось сворачивать в ближайшую комнату и прятаться там за шкафом! Я точно попросил бы Бога вернуть ей сына, чтобы они опять жили вместе. А как страшна **смерть!**

С мыслью об этом ужасе невозможно примириться: ты есть, живешь, думаешь, двигаешься, любишь, переживаешь, а потом раз – и тебя больше нет. Совсем нет. И все было напрасно и ненужно. Вот если бы Бог существовал, то после смерти можно было бы встретить всех, кто жил до тебя, общаться с ними, радоваться, благодарить Бога...

Но Бога нет, и ничего этого не будет. Не будет жизни, не будет радости, не будет ничего. Вообще ничего. Есть только абсолютно пустое небо над головой. Это доказано. Ведь космонавты Бога не видели.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр.80 [5].

Но чем был обусловлен настоящий страх Александра Дворкина и его странное поведение? О чем догадывалась мать Яши и почему ее появление в коридорах института вызывало у Дворкина столь большой страх, что ему приходилось всячески избегать ее и прятаться, когда он бывал на работе своей матери? Паническое избегание матери друга, контрастирующее с заявленной «острой жалостью» к страдающим, выявляет глубокую диссоциацию между нарративным «я» (добрым, сострадательным) и поведенческим «я» (избегающим, виновным). В криминальной литературе такой паттерн типичен для латентных гомицидальных личностей, чья преступная активность сопровождается развитой системой психологической защиты, направленной на сохранение позитивного самообраза при одновременном подавлении вины через диссоциацию и проекцию.

В данном эпизоде паническое избегание Дворкиным матери друга — это своеобразный поведенческий маркер, типичный для лица, скрывающего

причастность к гибели жертвы. Обычно, естественная реакция на смерть близкого друга включает у людей горе (сильные эмоции, боль утраты), сочувствие, соболезнования, желание чем-то помочь, поддержать семью. У Дворкина, наоборот, происходит фобическое избегание матери друга: он прячется за шкафом, боится «высокой, грузной фигуры», его специально «прятали» от неё, что предполагает осознание другими (возможно, матерью) его причастности к смерти друга. В поведенческом анализе подобное избегание ключевого свидетеля (например, матери жертвы) считается сильным индикатором скрытой причастности к смерти.

Анализ символического нарратива «пораненная рука». В книге Аркадия Ровнера «Калалацы» [7], написанный по устному рассказу Александра Дворкина, содержится третий эпизод, связанный со смертью Яши. Он представляет собой символическую реконструкцию травматического опыта, выраженную через разговор друзей-наркоманов Бутовым и Кости Лопухова, где Костя Лопухов повествует:

«У меня был друг Яша, он покончил с собой в девятом классе. Могилка его в Переделкино. Он был такой тихоня, заикался и всегда виноватился. Я не был у него ни разу, а тут выбрался. Я стоял у его могилки, пробовал, но никак не мог зацепиться. Дрожал от ужаса. И ещё этот ослепительный снег, и всё так чётко и ясно. А на обратном пути я споткнулся и поранил себе руку. Очень меня испугала кровь на снегу. Но зато стало легко и зыбко, будто вышло из меня тёмное, густое, мучавшее. Всё, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нёс перед собой, как свёрток. Я куда-то стучался, мне не открывали сперва, но всё же впустили. Угрюмые муж и жена промывали мне рану, перевязывали грязным бинтом. Они собирались в гости, и вот вместо этого возились со мной. Я слышал их перебранку за стеной по поводу того, каким бинтом — новым или уже использованным — меня перевязывать. Их голоса были перекошенными, гулкими. Потом я стоял на платформе, а рука тихонько ныла и жгла, а я думал, вернее, пытался думать, и было трудно понять всё, что случилось: могилка, снег, кровь на снегу. И вдруг сзади подходят и спрашивают тихо:

— Ну как?

От страха всё во мне оборвалось. Потом я понял, что это могли быть они же — муж и жена, перевязавшие мою руку. Но в ту минуту я не мог

заставить себя оглянуться.

Сколько я простоял на платформе — не знаю. Холода я не слышал, напротив, даже жарко было. Я сел на лавку и как будто задремал даже. Проснулся от голосов Яши с Алёной: они говорили, но я не мог разобрать ни слова. Я всё смотрел, не мог оторваться от его лица. Господи, что это было за лицо! Чёрное с ввалившимися глазами — я его никогда таким не видел. Я вообще таких лиц не видел у людей, чтобы столько в них муки и серьёзности, и чтоб не было баловства — никакого. И вот Яша подвёл её ко мне, отпустил её руку, повернулся и ушёл с тем же жутким лицом. Я Алёну спрашиваю:

— Кто это был только что?

— Я не думала, что это так страшно. Я вообще никогда об этом не думала. Как я теперь буду жить? Скажи — что мне делать?

Я её начал успокаивать, как мог, целовал, усадил на скамейку, а потом угрелся, и сам задремал. Когда я проснулся, её не было, и вообще никого не было — один **я на пустой платформе.**

Дома я попробовал записать всё, что со мной было, чтобы избавиться от навязчивой яркости. Но мне стало скучно и стыдно слова были не настоящие. За тем были дыхание, жизнь, а за листком бумаги — только безнаказанность и дурная воля. И вы знаете, что я понял? Всё — ничто, пшик. Серьёзно только то, что накручивается на боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину.

Яша часто говорил: «Ну что ты, Кость, мечешься. Ведь Он уже приходил и пострадал. И слова уже все сказаны, что тебе ещё нужно?» Но **я не хочу**, слышите, Бунтов, **не хочу чужой болью мазохировать. И в чужие игры отказываюсь играть, бегать, как гончая, по кругу. Стоп. Я завязываю. Баста».**

— Знаете, Буптов, вчера я чуть было не накатал рассказ. У меня был друг Яша, он покончил с собой в девятом классе. Могилка его в Переделкино. Он был такой тихоня, заикался и всегда виноватился. Я не был у него ни разу, а тут выбрался. Я стоял у его могилки, пробовал, но никак не мог зацепиться. Дрожал от ужаса. И ещё — этот ослепительный снег, и всё так чётко и ясно. А на обратном пути я споткнулся и поранил себе руку. Очень меня испугала кровь на снегу. Но зато стало легко и зыбко, будто вышло из меня тёмное, густое, мучавшее. Всё, что

89

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 89 [7].

случилось потом, наматывалось на руку, которую я нёс перед собой, как свёрток. Я куда-то стучался, мне не открывали сперва, но всё же впустили. Угрюмые муж и жена промывали мне рану, перевязывали грязным бинтом. Они собрались в гости, и вот вместо этого возились со мной. Я слышал их перебранку за стеной по поводу того, каким бинтом — новым или уже использованным — меня перевязывать. Их голоса были перекошенными, гулками. Потом я стоял на платформе, а рука тихонько ныла и жгла, а я думал, вернее, пытался думать, и было трудно понять всё, что случилось: могила, снег, кровь на снегу. И вдруг сзади подходят и спрашивают тихо:

— Ну как?

От страха всё во мне оборвалось. Потом я понял, что это могли быть они же — муж и жена, перевязавшие мою руку. Но в ту минуту я не мог заставить себя оглянуться.

Сколько я простоял на платформе — не знаю. Холода я не слышал, напротив, даже жарко было. Я сел на лавку и как будто задремал даже. Проснулся от голосов Яши с Алёной: они говорили, но я не мог разобрать ни слова. Я всё смотрел, не мог оторваться от его лица. Господи, что это было за лицо! Чёрное с ввалившимися глазами — я его никогда таким не видел. Я вообще таких лиц не видел у людей, чтобы столько в них муки и серьёзности, и чтоб не было баловства — никакого. И вот Яша подвёл её ко мне, отпустил её руку, повернулся и ушёл с тем же жутким лицом. Я Алёну спрашиваю:

— Кто это был только что?

— Я не думала, что это так страшно. Я вообще никогда об этом не думала. Как я теперь буду жить? Скажи — что мне делать?

Я её начал успокаивать, как мог, целовал, усадил на скамейку, а потом угрелся, и сам задремал. Когда я проснулся, её не было, и вообще никого не было — один я на пустой платформе.

Дома я попробовал записать всё, что со мной было, чтобы избавиться от навязчивой яркости. Но мне стало скучно и стыдно — слова были не настоящие. За тем были дыхание,

жизнь, а за листом бумаги — только безнаказанность и дурная воля. И вы знаете, что я понял? Всё — ничто, пшик. Серьёзно только то, что накручивается на боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину.

Яша часто говорил: «Ну что ты, Кость, мечешься. Ведь Он уже приходил и пострадал. И слова уже все сказаны, что тебе ещё нужно?» Но я не хочу, слышите, Буптов, не хочу чужой болью мазохировать. И в чужие игры отказываюсь играть, бегать, как гончая, по кругу. Стоп. Я завязываю. Баста.

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр.91 [7].

Символические образы: могила, снег, пораненная рука, кровь на снегу.

Символика «пораненной руки». Обращает внимание описание полученной травмы руки субъектом в контексте посещения могилы Яши. Посещение могилы для субъекта не является актом скорби, а представляет собой ритуал психологической разрядки (*«Но зато стало легко и зыбко, будто вышло из меня тёмное, густое, мучавшее»*), в ходе которого травма тела замещает невозможность морального искупления.

Рука обычно выступает как символ ответственности. В религиозных и моральных традициях руки часто ассоциируются с виной (*«кровь на руках», «руки, обгрённые кровью»*). Также рука может выступать как символ криминального действия (именно руками совершается убийство, например, в случае утопления — через удержание, подавление, контроль). Следовательно, травма руки в данном случае может выступать как психосоматическое «наказание» за совершённый акт, своего рода самонаказание, психосоматический маркер вины: *«Всё, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нёс перед собой, как свёрток»*. Образ руки соответствует феномену телесной инкорпорации (эмоции и травмы проявляются в телесных зажимах), описанному в психоаналитической литературе.

Более того, данный образ выступает как символическая локализация вины, переводящий внимание на источник экзистенциального: *«Серьёзно только то, что*

накручивается боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину». Эта стратегия типичная для патологического нарциссизма с элементами моральной дезинтеграции.

Визуальная фиксация на лице мертвеца Яши: *«Я всё смотрел, не мог оторваться от его лица. Господи, что это было за лицо! Чёрное с ввалившимися глазами... столько в них муки и серьёзности...»* Фиксация на лице мертвеца — наличие посттравматической симптоматики, сочетающейся с механизмами проективной идентификации и деиндивидуализации жертвы. Субъект «видит» в лице мертвеца то, что он сам в себе подавляет — муку, безысходность, обвинение. Эти и другие нарративы, содержащиеся в данном тексте, указывают на проективную реконструкцию внутреннего конфликта субъекта, вовлечённого в смерть Яши, возможно, как непосредственного участника.

Состояние диссоциации. В книге «Калалацы» [7] присутствует четвертый эпизод, связанный со смертью Яши, содержащий указание на диссоциативное состояние у субъекта. Этот фрагмент описывает классический феномен деперсонализации — одну из форм диссоциации, при которой индивид ощущает отчуждённость от собственного тела, мыслей или действий, воспринимая себя как внешнего наблюдателя. Это психологический защитный механизм, при котором человек частично или полностью теряет связь с реальностью, своими мыслями, чувствами, памятью или телом, ощущая отстраненность, нереальность происходящего или будто наблюдая за собой со стороны (деперсонализация): **«Я очнулся впервые в девятом классе, когда умер Яша, и вот с тех пор точно смотрю на себя со стороны»**. [7] Это реакция на сильный стресс, травму, помогающая психике справиться с непереносимыми эмоциями.

Подобные диссоциативные реакции особенно характерны для подросткового возраста, когда эго-структура ещё не обладает достаточной устойчивостью для интеграции травматического опыта. **Хроническая деперсонализация**, как в приведённом случае («с тех пор точно смотрю на себя со стороны»), может свидетельствовать о структурной дезорганизации личности и повышать риск развития диссоциативных расстройств, включая диссоциативное расстройство идентичности (ранее — «расщепление личности»).

«Маленьким я часто думал: «Что бы со мной ни случилось — будет всё то же, и нет никакой надежды проснуться». Всё моё детство было беспокойным сном с полётами, падениями и кошмарами, и когда я повзрослел, ничего не изменилось. Когда он начался, этот сон, я не помню. Мне кажется, я всё время медленно лечу: одно сменяется другим. Я очнулся впервые в девятом классе, когда умер Яша, и вот с тех пор точно смотрю на себя со стороны.

***Ничему нельзя верить** и радость, и печаль, и даже боль всё приходит и уходит, а я смотрю и не могу оторваться. И ничего меня не интересует по-настоящему. Даже смерть не кажется мне страшной. Я знаю: умру и случится то же.*

В семнадцать лет я догадался: кайф — это выход. Я — под гипнозом, и не проснуться даже от смерти. Но возможны секунды полупробуждения от музыки, от разговора, от дряни. Это как будильник по утрам — вскакивай и беги. Цель системы качать кайф. Кайф — надмирная работа. Системы растят мастеров кайфа» [7].

Маленьким я часто думал: «Что бы со мной ни случилось — будет всё то же, и нет никакой надежды проснуться». Всё моё детство было беспокойным сном с полётами, падениями и кошмарами, и когда я повзрослел, ничего не изменилось. Когда он начался, этот сон, я не помню. Мне кажется, я всё время медленно лечу: одно сменяется другим. Я очнулся впервые в девятом классе, когда умер Яша, и вот с тех пор точно смотрю на себя со стороны.

Ничему нельзя верить — и радость, и печаль, и даже боль — всё приходит и уходит, а я смотрю и не могу оторваться. И ничего меня не интересует по-настоящему. Даже смерть не кажется мне страшной. Я знаю: умру — и случится то же.

В семнадцать лет я догадался: кайф — это выход. Я — под гипнозом, и не проснуться даже от смерти. Но возможны секунды полупробуждения — от музыки, от разговора, от дряни. Это как будильник по утрам — вскакивай и беги.

Цель системы — качать кайф. Кайф — надмирная работа. Системы растят мастеров кайфа.

В контексте криминального профайлинга устойчивая диссоциация рассматривается как поведенческий маркер скрытого гомицида: она позволяет субъекту психологически дистанцироваться от собственного насильственного акта, минимизировать чувство вины и сохранить социальную адаптацию. Как отмечает ветеран профайлинга ФБР Роберт К. Ресслер о переживаниях убийцы после убийства: *«Среди серийных убийц довольно распространено убеждение, что они не помнят момент убийства, хотя зачастую верно обратное — они не могут забыть момент убийства, испытывают от содеянного удовлетворение и хотят повторить это снова. С точки зрения психиатрии, в момент наивысшего напряжения у убийцы может возникнуть состояние диссоциации, и вызывает к своего рода “провал” памяти»* [9].

Детали: «лодка, память и весло». Обращают на себя внимание и другие, на первый взгляд второстепенные детали, значимость которых раскрывается преимущественно в рамках специализированного анализа. Так, например, в книге Аркадия Ровнера «Калалацы» (стр. 96) содержится фраза, интерпретируемая рассказчиком как своеобразная «формула» везения, упомянутая в контексте избегания наркоманом задержания правоохрнительными органами: **«Здравствуй, Бог универсальный, я стою немного сальный, лодку, память и весло, слава небу, унесло»** [7]. На первый взгляд, это выглядит как хаотичное высказывание в конструкции разговора. Однако в контексте психобиографического анализа Александра Дворкина, чьи воспоминания, взгляды и поведенческие паттерны легли в основу данной книги и проецируются на её персонажей — подобные детали приобретают диагностическую значимость.

Выскочил в коридор, а они тут как тут — дежурная с милиционером. Бросился я к лестнице, они за мной, потом передумали и к лифту рванули — перехватить меня решили, значит. Я как из общежития выскочил, ещё пять кварталов бежал, как помешанный. А Дыркач застрял. Как он выпутался — неизвестно. Сегодня я его спрашиваю: «Помнишь чего?», — а он смеётся: формула, дескать, вывела. А какая может быть формула: «Здравствуй, Бог универсальный, я стою немного сальный, лодку, память и весло, слава небу, унесло». Обнимемся, друзья! А «формуле» вы пить не давайте, а то хлопот не оберётесь. Ах, уже

96

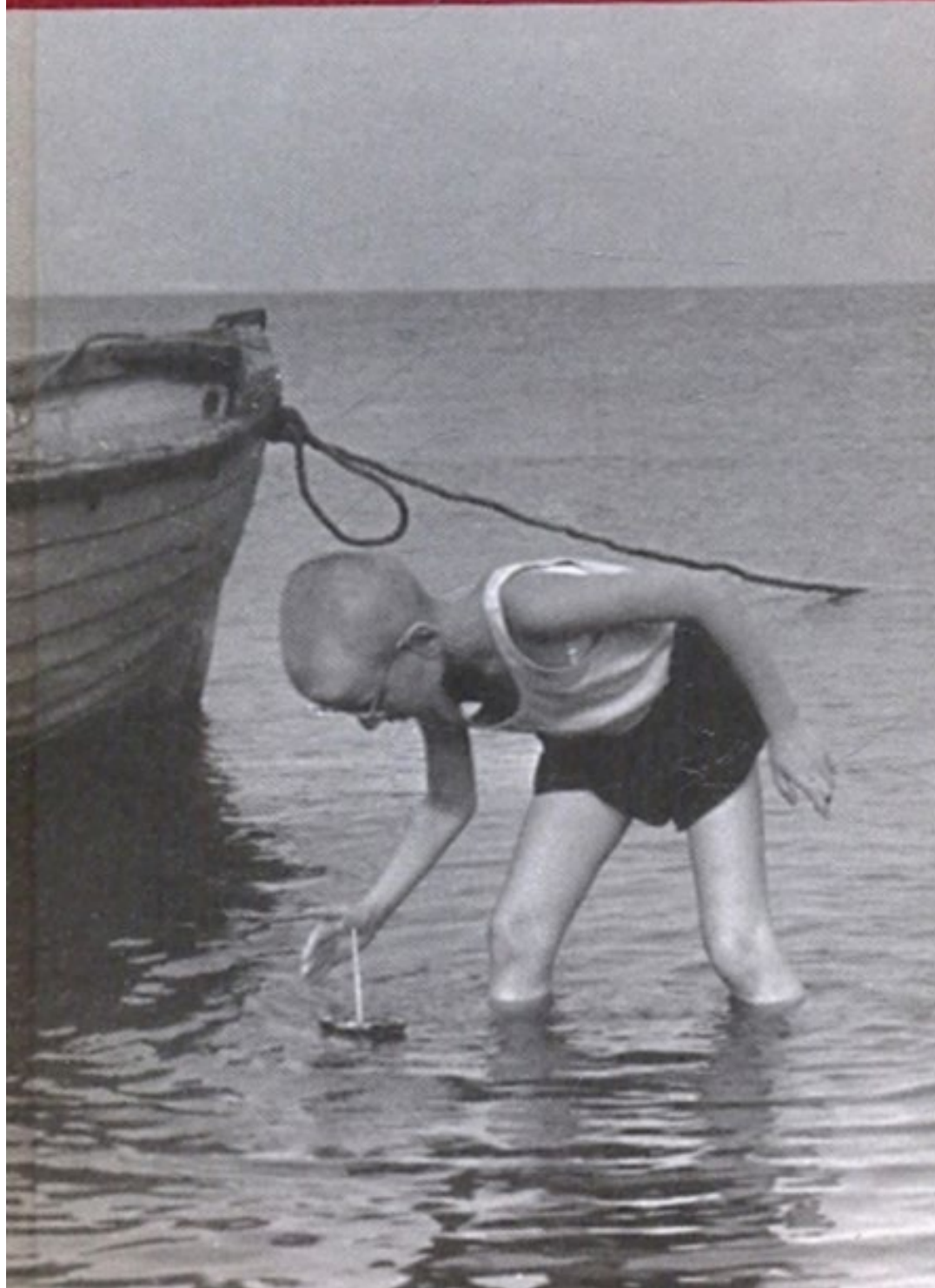
Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 96 [7].

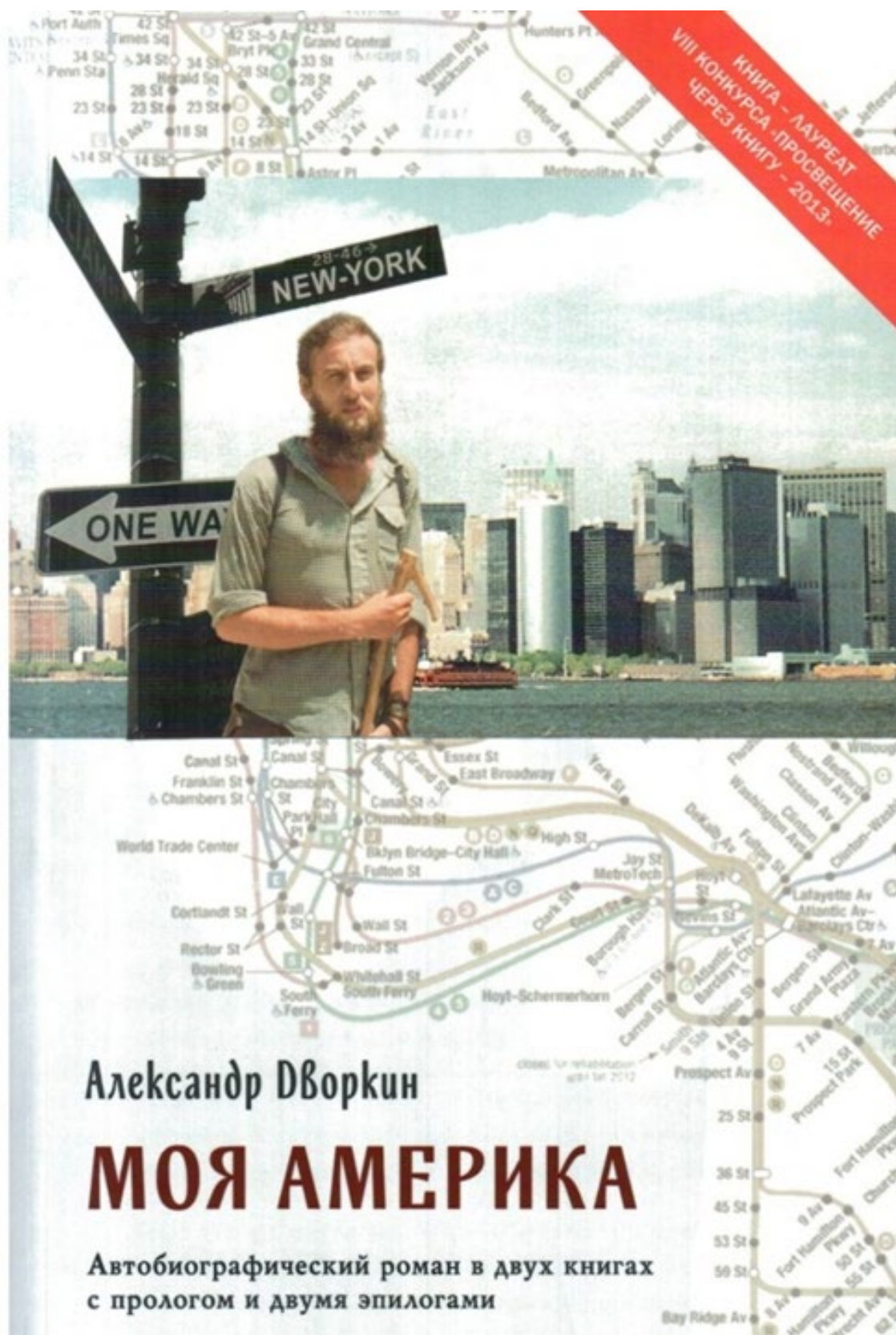
Детали: «Небо. Вода. Лодка». В рамках психобиографического анализа обращает на себя внимание символическое содержание обложек авторских книг «Учителя и уроки: воспоминания, рассказы, размышления», «Моя Америка» — фотографий, выбранных Александром Дворкиным для публичного представления своей личности. Это особенно важно в случае автобиографических работ, где отбор фотографий, обложек и ключевых образов является актом сознательного и бессознательного самоопределения автора. На обложках двух автобиографических книг Александра Дворкина повторяющимся мотивом выступает изображение **одинокой фигуры автора на фоне неба, воды и судна.**

Александр Дворкин

Учителя и уроки

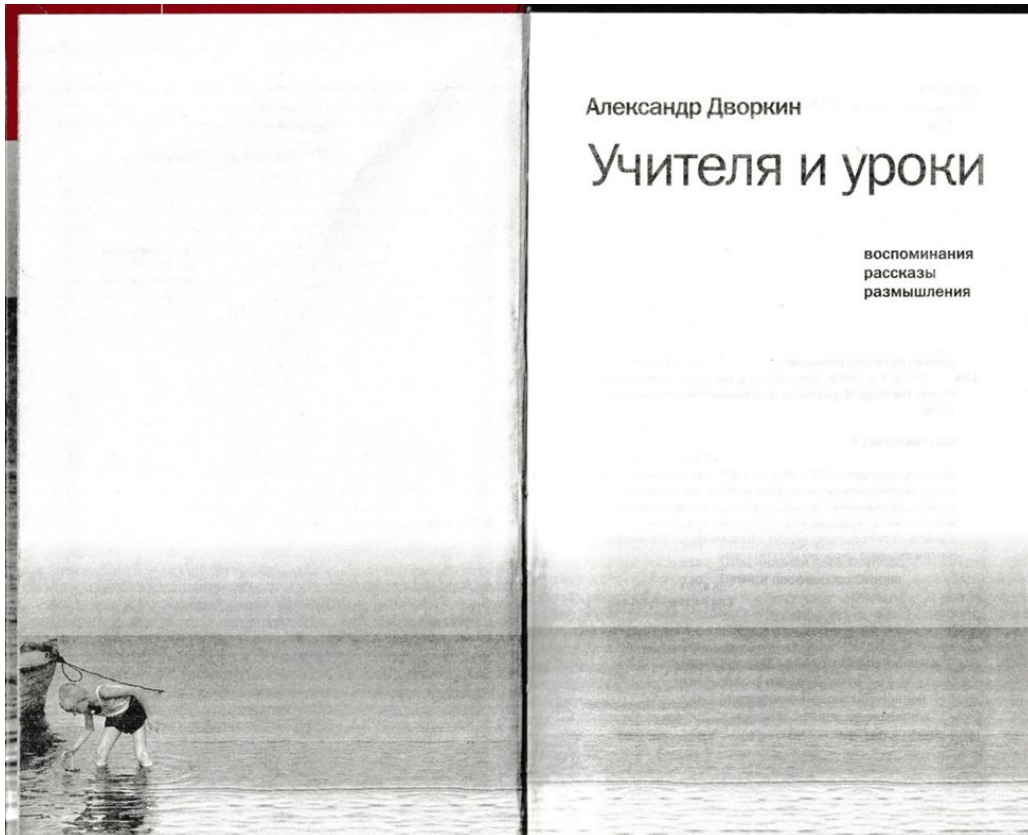
воспоминания
рассказы
размышления

При подготовке автобиографических изданий (особенно известных личностей) выбор материалов для книги, включая личные фотографии автора (в том числе размещенных на обложку), как правило, осуществляется самим автором и проходит согласование с издательством. Авторы, особенно достигшие зрелого возраста и обладающие устоявшимся социальным статусом, при отборе изображений, личных фотографий для публичной самопрезентации, как правило, стремятся продемонстрировать наиболее репрезентативный (статусный) образ «Я», либо выбирают визуальный нарратив, символически отражающий ключевой этап, центральную тему или наиболее значимый (травматический или трансформативный) опыт своего жизненного пути.

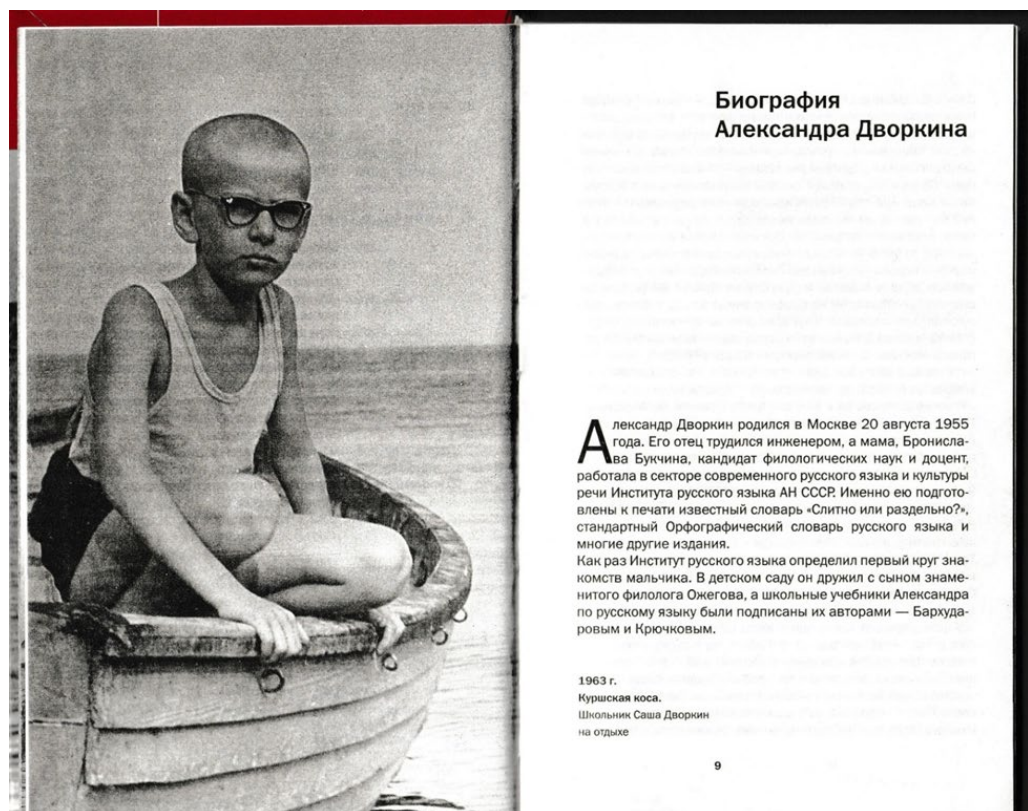
На обложке автобиографического издания Александра Дворкина «Учителя и уроки: воспоминания, рассказы, размышления» (2008) акцент сделан на фотографии 1963 года, где на момент съёмки **Дворкину было 8 лет**. На изображении запечатлён мальчик в очках, в белой майке и тёмных трусах, стоящий в наклонной позе в воде у причаленной деревянной лодки. **Правая рука ребёнка нависает над игрушечным корабликом**, находящимся на воде. Фон композиции образуют водная гладь и небо, лишённое визуальных деталей («пустое небо»). Этот же снимок репродуцирован на авантитуле издания, где доминирующую часть занимают изображения **водной поверхности и «пустого неба»**.

Александр Дворкин

Учителя и уроки

воспоминания
рассказы
размышления

Биография Александра Дворкина

Александр Дворкин родился в Москве 20 августа 1955 года. Его отец трудился инженером, а мама, Бронислава Букчина, кандидат филологических наук и доцент, работала в секторе современного русского языка и культуры речи Института русского языка АН СССР. Именно ею подготовлены к печати известный словарь «Слитно или раздельно?», стандартный Орфографический словарь русского языка и многие другие издания.

Как раз Институт русского языка определил первый круг знакомств мальчика. В детском саду он дружил с сыном знаменитого филолога Ожегова, а школьные учебники Александра по русскому языку были подписаны их авторами — Бархударовым и Крючковым.

1963 г.
Куршская коса.
Школьник Саша Дворкин
на отдыхе

На стр. 8 непосредственно перед началом главы «Биография Александра Дворкина» размещена фотография **8-летнего Саши Дворкина с выражением нахмуренности на лице**. На снимке он сидит в пустой лодке на фоне водной глади и неба. Подпись к фотографии «1963 год. Куршская коса. Школьник Саша Дворкин на отдыхе» [8].

Ключевыми визуальными и нарративными элементами в данных фотографиях, требующими внимания, являются: **«пустое небо», вода, лодка, жест руки (правая рука нависает над игрушечным корабликом), возраст субъекта (8 лет) и его аффективное состояние (нахмуренность)**.

С точки зрения психологии символизма, указанный набор образов может содержать значимую информацию о структуре личности и пережитых травмах. Ключевым элементом, требующим внимания, является композиция, где рука субъекта нависает над корабликом. В психоаналитической традиции рука, особенно в контексте доминирования над объектом, трактуется как символ власти, может символизировать также контроль над судьбой или жизнью другого субъекта. Этот и другие символы, визуальные и нарративные элементы на фотографии, размещенной на обложке автобиографической книги, приобретают особое значение в свете вышеизложенной информации из психобиографии Александра Дворкина:

- **Символ «протянутой руки».** Эпизод, связанный с детством объекта исследований, с рассказами в 1 классе его одноклассника Яши, который описывал Бога как невидимую силу, способную **«протянуть руку и достать кого захочет»** (*«Его нельзя увидеть, но он может протянуть руку и достать кого захочет»*).
- **Символ воды.** Эпизод, связанный со смертью Яши в 9 классе: **«В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах»**. Эта информация вводит в нарратив символ воды как **пространства смерти и утраты**.

- **Символ «пустого неба».** Эпизод, связанный с размышлениями после смерти Яши. В ответ на утрату Яши объект исследований формулирует своё экзистенциальное переживание через образ «пустого неба»: **«Но Бога нет, и ничего этого не будет. Не будет жизни, не будет радости, не будет ничего. Вообще ничего. Есть только абсолютно *пустое небо над головой*».**
- **Символ «лодки».** Эпизод о «формуле» везения, упомянутой в контексте удачного избежания задержания правоохранительными органами: **«Здравствуй, Бог универсальный, я стою немного сальный, лодку, память и весло, слава небу, унесло».** Обращает внимание ещё один факт, что в 1970 году, когда Александр Дворкин учился в 9 классе и погиб Яша, в парке «Сокольники» (парк, расположенный на территории района Сокольники на востоке г. Москвы) и его прудах в тот период использовались для проката традиционные **деревянные весельные лодки.**
- Отдельно следует учитывать **критический инцидент в возрасте 8 лет**, связанный с пребыванием Саши Дворкина в пионерском лагере. Опыт был охарактеризован им как «резко негативный» и настолько травматичный, что побудил послушного ребёнка к побегу из лагеря. Впоследствии объект исследований заявляет о формировании устойчивой антипатии к коллективизму и всему, с ним связанному, что указывает **на раннее формирование паттерна социальной изоляции и недоверия к институциональным структурам.**

В совокупности выбор этих специфических и повторяющихся образов — одиночество, вода как символ, связанный в памяти со смертью, лодка как изолированный сосуд (на другой фотографии, где только «Я» в лодке), жест руки как проявление власти и контроля над чьей-то «судьбой» (корабликом) — выходит за рамки случайного эстетического предпочтения. Такая конфигурация может

интерпретироваться как нарративный индикатор, отражающий глубинную структуру личности и, возможно, фундаментальный травматический опыт, связанный с темами власти, вины, экзистенциального одиночества и утраты. В психотравматологии подобные повторяющиеся символы на изображениях (в том числе и фотографиях), подсознательно выбранных автором, может быть способом бессознательной репрезентации неинтегрированного травматического опыта.

Такие паттерны, хотя и не являются доказательством причастности к преступлению, **соответствуют темам, выявляемым в нарративах лиц, скрывающих латентные насильственные эпизоды в прошлом**, как это описано в исследованиях по поведенческому анализу и судебной психиатрии. Для проверки этой гипотезы необходим комплексный ретроспективный анализ, включающий сопоставление этих символических индикаторов с другими поведенческими, психологическими и фактологическими данными из биографии Александра Дворкина.

Криминологические и поведенческие исследования указывают на то, что у серийных преступников часто наблюдается устойчивая тенденция к репродукции символики, пространственных характеристик или аффективных компонентов своего первого преступления в своих фантазиях, творчестве или поведении. Эта репродукция может проявляться как на уровне осознанного поведения, так и в бессознательных формах (через фантазии, вербальные нарративы, письменное творчество, а также повторяющиеся поведенческие паттерны) как проявление компульсивного воспроизведения, контроля и осмысления травматического опыта, связанного с первым актом убийства. Согласно концептуальным работам ведущих специалистов по профилированию серийных убийц, включая Роберта Ресслера и Джона Дугласа, сцена первого убийства часто становится «ядром» будущей фантазийной и поведенческой жизни преступника.

Анализ психобиографических данных объекта исследования, включая вербальные и поведенческие маркеры, особенности нарративной структуры его высказываний, избирательность воспоминаний, а также наличие диссоциативных или рационализирующих стратегий, позволяет выявить индикаторы, типичные для лиц, скрывающих причастность к насильственной смерти других людей. Эти индикаторы могут включать: аномальную фиксацию на определенных темах,

избегание конкретных временных или пространственных референций, использование пассивных конструкций при описании травматических событий, а также проекцию ответственности на внешние обстоятельства. Тем не менее, подобные наблюдения носят предварительный характер и требуют систематической верификации через ретроспективный анализ доступных данных и совокупность имеющихся фактов, включая хронологическую реконструкцию жизненного пути, перекрестную проверку показаний и сопоставление с установленными поведенческими профилями.

В контексте данной статьи ниже будут представлена выборочная ретроспективная реконструкция психобиографии объекта исследования, включающая период его молодости. Но вначале представляется методологически целесообразным, раскрыть концепцию «первого убийства» опираясь на данные международных исследований. А именно, какое значение этот переломный момент имеет для серийных убийц и какова динамика его влияния на последующие поведенческие и фантазийно-нарративные изменения.

Источники:

1. John Douglas, Mark Olshaker, "Journey Into Darkness", 2010.
<https://www.amazon.com/Journey-Into-Darkness-John-Douglas/dp/1439199817>
2. Reid Meloy (2000), "The Nature and Dynamics of Sexual Homicide", Aggression and Violent Behavior, Vol. 5, No. 1, pp. 1–22.
https://drreidmeloy.com/wp-content/uploads/2015/12/2000_TheNatureAndDyn.pdf
3. Simon, G. [2018]. The Portrayal and the Attributes of Serial Killers and Some of the Most Notorious Ones. National University of Public Service (Hungary).
<https://real.mtak.hu/107807/>
4. Beck, A. T. (1995). Cognitive Therapy: Basics and Beyond. Guilford Press).
<https://psycnet.apa.org/record/1995-98312-000>
5. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
6. Meloy, 1988; FBI BAU, Crime Classification Manual
7. Аркадий Ровнер «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.
8. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.
9. John H. Campbell. (2004). Profilers.
<https://www.thetedkarchive.com/library/john-h-campbell-profilers-leading-investigators-take-you-inside-the-criminal-mind-book>

Часть 3.

Поведенческие маркеры

В каждой истории жизни серийного убийцы обычно можно выделить три категории факторов: **предрасполагающие** (формирующие уязвимость личности), **способствующие** (поддерживающие развитие паттернов насилия) и **триггерные** (непосредственно инициирующие преступное поведение). Ключевую роль в этой динамике имеет первое убийство: оно выступает в роли катализатора, инициирующего глубинные трансформации в психологической структуре и поведенческих паттернах личности. Эти изменения особенно выражены в случаях, когда преступление остаётся латентным — то есть не раскрытым правоохранительными органами и незаметным для социального окружения, что способствует закреплению насильственного сценария у преступника.

Джон Дуглас в своей работе пишет: *«Первое убийство часто бывает самым трудным для преступника, поскольку ему необходимо преодолеть значительные психологические барьеры. Однако, однажды совершив его и избежав наказания, он значительно снижает свои внутренние запреты и с большей вероятностью убьёт снова»* (книга Дуглас, Дж. Э., Берджесс, А. В., Берджесс, А. Г., и Ресслер, Р. К. «Справочник по классификации преступлений: Стандартная система расследования и классификации насильственных преступлений») [1].

Первое убийство представляет собой критическую точку в развитии серийного преступника — своего рода «точку невозврата». Это событие, при котором индивид впервые переступает внутренний психологический барьер между агрессивной фантазией и актом насилия. После этого перехода прежняя идентичность разрушается, и преступник вступает в новую поведенческую фазу, характеризующуюся повторяющимся насилием как попыткой воспроизведения ощущения контроля, власти и попыткой разрешения внутреннего напряжения.

Данное событие инициирует глубокие деструктивные трансформации в структуре личности, закладывая основу для последующей криминальной траектории. С этого события у преступника начинает формироваться устойчивая склонность, влечение к насильственному лишению жизни других людей, часто сопряжённая с антисоциальными чертами личности преступника, его деструктивным поведением, патологическим нарциссизмом или психопатией.

У многих серийных преступников наблюдается выраженная дихотомия в поведенческом профиле. На уровне структуры личности это выражается в формировании **разделенной идентичности на: социальное «Я»** (внешне адаптивное, нормативное, интегрированное в социальные структуры) и **скрытое «Я»** (скрытая внутренняя реальность, содержащая тайну преступления, в которой доминируют фантазии о власти, контроле над жизнью и смертью, а также связанные с ними чувства тревоги и вины). Такой раскол лежит в основе **двойной жизни**, характерной для многих серийных преступников. **Первое убийство для них становится «ядром» скрытого «Я»**, центральным событием, вокруг которого консолидируются последующие фантазии, ритуальные элементы и поведенческие паттерны. Этот скрытый аспект личности сопровождается хроническим внутренним напряжением, тревогой, обусловленными постоянным риском разоблачения.

Как отмечают Джон Дуглас и Марк Олшейкер, серийные убийцы способны в течение многих лет поддерживать социально приемлемую модель поведения, эффективно скрывая свою криминальную активность. Этот феномен, известный в судебной психиатрии как «маска нормальности», когда лица с антисоциальными или психопатическими чертами **имитируют** эмпатию, приверженность социальным нормам и эмоциональную вовлечённость. Все это скрытый убийца делает не ради подлинной интеграции, а в целях манипуляции, сокрытия своих преступлений и выживания в социальной среде. Другими словами, он демонстрирует такое поведение для социальной маскировки.

Существует ряд выявляемых поведенческих, психологических и нарративных маркеров, возникающих после первого убийства и предиктивных в отношении риска рецидива (определяющих их склонность к последующим убийствам). К ним относятся изменения в эмоциональной сфере (снижение эмпатии, рост цинизма), трансформация мировоззренческих установок (моральная дезинтеграция, чувство

избранности), перестройка социальных связей (избирательная изоляция, поиск «единомышленников»), **смещение интересов в сторону тем насилия, смерти, власти и контроля.**

После первого убийства у индивида наблюдается запуск комплекса защитных механизмов, направленных на разрешение острого когнитивного диссонанса и психологическую адаптацию к травматическому опыту и к новой, преступной идентичности. Наиболее значимыми и часто фиксируемыми в практике профайлинга в рамках анализа пост-преступного поведения (адаптационных механизмов после первого убийства) являются следующие паттерны:

— **диссоциация**, проявляющаяся в формах **деперсонализации** (ощущение отчуждения от собственного «Я» и своих действий) и **дереализации** (восприятие окружающей реальности как нереальной или сюрреалистичной); исследования [2] подтверждают, что диссоциация является распространенным фактором риска при насильственных преступлениях;

— **нарциссическая переоценка собственной значимости и грандиозность**, сопровождающаяся искаженным представлением о себе, основанном на чувстве избранности, уникальности или превосходства;

— **антисоциальная атрибуция**, сопровождающаяся **негативным отношением к социальным нормам, закону и фигурам авторитета**; такое поведение интерпретируется как защитная реакция, направленная на переложение вины и оправдание собственных действий системой, которую индивид теперь воспринимает как враждебную;

— **поведенческие стратегии подавления и избегания**: для управления нарастающим внутренним конфликтом и тревогой индивид часто прибегает к поиску способов **подавления внутреннего конфликта**, к деструктивным моделям поведения, к которым относятся **злоупотребление психоактивными веществами (алкоголь, наркотики)**, вовлечение в импульсивные или рискованные действия, а также эмоциональная изоляция как способ **избегания близких межличностных контактов, способных раскрыть скрытую идентичность преступника и создать угрозу для его безопасности.**

Формирование насильственной фантазии как предиктор серийного

убийства. Анализ биографий серийных преступников указывает на то, что задолго до совершения первого убийства многие из них на протяжении длительного периода времени **развивали сложные внутренние фантазии.** Центральным элементом этого процесса была насильственная тематика. У индивида происходила длительная фиксация внимания на насильственной фантазии. Эти фантазии не являются просто мыслями; они представляют собой динамичные, повторяющиеся сценарии, которые играют ключевую роль в формировании будущего преступного поведения.

Критическим фактором, способствующим развитию подобных паттернов (в том числе формирования патологических психологических механизмов), является **дисфункциональная среда в детском возрасте,** характеризующаяся жестоким обращением, пренебрежением или иными формами психологической травмы. В ответ на эти хронические стрессоры будущие серийные преступники (зачастую уже в детстве демонстрирующие признаки склонности к экстремальной агрессии) развивают сложные фантазийные конструкции в своем воображаемом мире. Эти внутренние сценарии функционируют как поведенческая стратегия регуляции эмоций, направленная на снижение тревоги и восстановление ощущения контроля и власти, утраченного в реальном мире.

В рамках этих воображаемых сценариев реальные травматические переживания — страх, гнев, ненависть и чувство беспомощности — проецировались и трансформировались в контролируемые воображаемые образы доминирования, мести и насилия. Эти сцены насилия навязчиво проигрывались в их воображении по кругу. И чем дольше будущий преступник уделял им внимание, тем со временем всё более жестокий и, зачастую, сексуализированный характер приобретали такие фантазии, постепенно переходя от пассивного воображения к активному, агрессивному, эмоционально окрашенному сценарию будущих преступлений. Особенно значимую роль в этом процессе играла ранняя психологическая травма, которая выступала в качестве катализатора. Она не только стимулировала развитие патологических фантазий, но и способствовала ослаблению внутренних ингибиторов, сдерживающих агрессивные импульсы и антисоциальное поведение.

Чем дольше индивид был погружён в такие насильственные фантазии, тем сильнее у него формировалась от них психологическая **зависимость.** Эти фантазийные сценарии начинали выполнять функцию регуляции самооценки и

укрепления фрагментированного «Я», компенсируя таким образом хронически низкую самооценку. Насильственный акт, вплоть до убийства, многократно «проживался» в воображении через всё более детализированные и эмоционально насыщенные фантазии, которые со временем приобретали все более навязчивый, компульсивный характер и становились доминирующим компонентом внутренней жизни преступника.

«В фантазиях маньяка убийство является своего рода компенсацией. Поскольку эти преступники считают, что имеют право на все что угодно и что жизнь к ним несправедлива, фантазия становится для них отдушиной и местом, в котором можно самовыражаться и властвовать над другими людьми. Занимая центральное положение в жизни этих людей, фантазии становятся их личным и ярким представлением об объективной реальности». Джон Дуглас, Энн Бёрджесс, Роберт К. Ресслер «Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы» [3].

Насильственные фантазии могут возникать у многих людей. Однако у большинства срабатывают внутренние и внешние ингибиторы — психологические и социальные барьеры, которые достаточно сильны, чтобы не переступать черту, препятствующие переходу от фантазии к преступному поведению, действию. **Внутренние ингибиторы** включают моральные принципы, самосознание, здравомыслие, религиозные табу, страх общественного осуждения; **внешние ингибиторы** — восприятие риска быть пойманным, страх быть наказанным или подвергнутым социальной изоляции.

У потенциального серийного убийцы эти ингибиторы систематически подавляются под влиянием детской травмы, социальной изоляции, когнитивных искажений (например, рационализации насилия) и постоянного погружения в насильственные фантазии. По мере того, как интерес к насильственному акту усиливается, а сопротивление ему ослабевает, индивид приближается к так называемой «точке невозврата» — моменту, когда он совершает свое первое убийство. Преступное поведение возникает тогда, когда мотивационный интерес к нему превышает совокупную силу ингибиторов.

После первой жертвы фантазия перестаёт быть исключительно воображаемой и интегрируется в реальный опыт. Если до первого убийства фантазии фокусировались преимущественно на самом факте лишения жизни, в то время как после первого

убийства они были направлены на совершенствование различных фаз убийства (детализировать и «оттачивать» отдельные фазы преступления — от поиска жертвы до способа убийства и пост-преступного поведения). Зависимость от патологических фантазий с годами только возрастает: они продолжают заменять реальные чувства контроля и служить выходом для гнева, а также служить компенсацией хронически низкой самооценки и чувства личной несостоятельности.

Первое убийство в серии играет критическую роль в формировании **преступного почерка (signature)** и «**образа действия**» (**modus operandi**). С этого события у преступника начинает формироваться устойчивая склонность, влечение к насильственному лишению жизни других людей, часто сопряжённая с антисоциальными чертами личности преступника, выраженным нарциссизмом, деструктивным поведением.

Как отмечалось ранее, в рамках исследований поведенческой криминологии, судебной психиатрии и психологии серийного насилия особой опасностью представляет **латентность** первого убийства — его нераскрытость правоохрательными органами. В таких случаях преступник после успешного избегания задержания, зачастую испытывает чувство власти, безнаказанности и экзистенциального превосходства. Этот опыт усиливает его пренебрежение социальными нормами, законом. А в сочетании с ростом его психических проблем значительно повышает вероятность совершения последующих преступлений при наличии подходящих условий и доступных жертв. Он учится минимизировать следы, избегать ошибок предыдущих актов и совершенствовать методы маскировки своего поведения. Как показали интервью с осуждёнными преступниками, этот процесс «обучения на опыте» является ключевым фактором в эволюции их преступного поведения.

В своих дальнейших действиях преступник, как правило, выбирает локацию и жертву **в пределах своей зоны психологического комфорта**, где он чувствует себя наиболее уверенно, контролируемо, в относительной безопасности. Когда обстоятельства складываются для убийцы благоприятно и подворачивается подходящая жертва, то он, обычно, вновь проявляет свою преступную сущность. Хотя первое убийство может носить неорганизованный характер, с каждым последующим актом его (совокупность тактик и методов совершения преступления) становится всё

более продуманным, систематичным и организованным, что отражается на отработке его поведенческих стратегий и улучшении навыков избегания обнаружения.

Нейропсихологические исследования подтверждают, что у некоторых людей наблюдается биологическая предрасположенность к насилию [4]. Она обусловлена нарушениями работы головного мозга, связанными с низким уровнем фрустрационной толерантности (устойчивость к разочарованиям), что является следствием дисфункции нейронных сетей, отвечающих за исполнительные функции и эмоциональную регуляцию [5]. Это может быть дисфункция лобных долей: нарушения в префронтальной коре, которая играет ключевую роль в торможении реакций, планировании и оценке последствий, её нарушение приводит к снижению способности справляться с неудачами [6]. Это могут быть нарушения управляющих функций, или эмоциональная дисрегуляция, то есть проблемы с переработкой негативных эмоций, быстрая потеря самообладания и склонность к агрессии или депрессивным состояниям, повышенная реактивность стрессовой системы и т. д. Все это проявляется в поведенческих реакциях (таких, например, как вспышки гнева, импульсивные поступки, протестное поведение), когнитивных искажениях (например, фокусировка на негативе), психологических проблемах (постоянная тревожность, депрессии, психосоматические расстройства) [7]. Вот к такой изменчивой структуре мозга добавляются еще и стрессовые события и травмы, связанные с окружающей средой.

Анализ биографий серийных убийц выявляет ряд повторяющихся поведенческих маркеров, которые часто встречаются у серийных убийц. К ним относятся: выраженные нарциссические и антисоциальные черты личности, хроническая ложь, бунтарское поведение, трудности в межличностных отношениях, проявления жестокости к животным в детстве и другие. Многие преступники сообщали о предпочтении аутоэротической активности и фетишистских практик, которые часто интегрировались в их преступные сценарии.

Одной из центральных психологических характеристик многих серийных убийц является глубокий внутренний конфликт между чувством вседозволенности и хронически низкой самооценкой — укоренившимся чувством неполноценности. Этот неразрешимый конфликт служит мощным мотивационным двигателем, который побуждает индивида к манипуляции, поискам власти, контролю и унижению других,

как способу временной компенсации собственного ощущения неполноценности. Именно эта потребность в доминировании и демонстрации контроля над жертвой лежит в основе преступного поведения многих серийных убийц.

Как подтверждают научные исследования насильственных преступлений, особенно убийств на сексуальной почве, ключевой идеей серийных убийц является идея об **одержимости темами насилия и убийства** как поведенческом паттерне. Зачастую они демонстрируют навязчивую фиксацию на насилии и убийстве, особое отношение к смерти.

Джон Дуглас, Энн Берджесс, Роберт К. Ресслер в книге «Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы» [3] пишут:

*«Анализируя информацию, почерпнутую из наших интервью с убийцами, мы попытались увязать количественные данные с показаниями самих убийц о наличии у них **агрессивных мыслей и фантазий, направленных на сексуализированную смерть**. Результаты свидетельствуют о том, что такие **паттерны мышления сформировались на ранних этапах жизни и существовали в контексте социальной изоляции**».*

«Одним из индикаторов наличия некой фантазии является огромное количество деталей, приводимых преступником. Эти детали служат прекрасным источником информации о данном субъекте. Для многих из опрошенных нами убийц детальное планирование было свидетельством их превосходства, власти и одаренности. Обычно наряду с эмоциональной стимуляцией фантазирование дает ощущение власти и могущества. В некоторых случаях фантазии выглядели защитной реакцией на погружение в полный хаос или психоз. Это было заметно по рассказам опрашиваемых об их приступах ярости в случаях, когда жертва нарушала их планы. Также убийц очень задевало, когда их называли безумцами или маньяками, поскольку это ассоциировалось у них с совершением неразумных, безрассудных и неуправляемых поступков».

Инстинкт отвращения к смерти, присущий всем людям, у серийных убийц ослаблен или отсутствует. **Их привлекает смерть и всё, что с ней связано.** Они постоянно думали на эти темы, читали литературу, смотрели фильмы о насилии, собирали «трофеи», иногда делали намеки или откровения своим знакомым в

завуалированной форме. До первого убийства они были сосредоточены на самом акте насилия; после — на совершенствовании сценария убийства. Убийство в глазах преступника становилось «высшим выражением доминирования» и подтверждением контроля, а граница между фантазией и реальностью размывалась.

Страх наказания (страх перед правовыми последствиями) является одним из самых мощных внешних ингибиторов для преступника. Если преступления остались нераскрытыми и преступник не понес должного наказания, то потребности преступника и эскалация насилия будет только расти, а поведение будет **эволюционировать** в сторону большей организации и контроля. Преступник становится более планомерным, а его действия более продуманными и последовательными.

С течением времени он развивает практическое понимание методов работы правоохранительных органов и начинает применять контрмеры для снижения риска своего обнаружения. Это проявляется в стремлении минимизировать улики, изменять тактики поиска жертв и усложнять сценарии преступлений. Этот процесс «обучения на опыте» является ключевым для понимания, почему некоторые серийные убийцы часто кажутся «экспертами» в своей области и со временем демонстрируют высокий уровень совершаемых преступлений. Их уверенность и профессионализм вырабатываются в результате серии безнаказанных преступлений. Основной мотивацией для многих серийных убийц является не просто акт насилия, а стремление к абсолютному контролю и власти над жертвой. Успех и безнаказанность служат подтверждением их воображаемого превосходства, компенсируя глубинные чувства неполноценности.

Серийные убийцы часто начинают с более простых и рискованных преступлений, а затем постепенно переходят к более сложным и контролируемым сценариям. Риски, которые преступник готов брать на себя, становятся все выше, и структура самой серии его убийств будет демонстрировать явную эволюцию. Он будет придумывать все более извращённые способы убийства и упования собственной властью, манипуляцией и контролем. **Серийный убийца не останавливается по собственной воле.**

Серийные убийцы и социально-средовые факторы, определяющие склонность к убийству. Анализ биографии серийных убийц выявляет факторы, определяющие их поведение и склонность к убийству. На практике не существует

единого универсального профиля серийного убийцы, так как в каждом отдельном случае причинные факторы являются сложной комбинацией психологических, социально-культурных и биологических переменных. Однако есть много исследований, посвященных влиянию социально-средовых и индивидуальных факторов.

Например, исследование 2020 года Эбби Джин Мароно и соавторов «Анализ последовательности поведения в жизни серийных убийц: от жестокого обращения в детстве до методов убийства» [8], где отмечается, что профиль серийного убийцы обычно включает пережитое в детстве насилие и детские травмы, связанные с агрессивными когнитивными искажениями.

Другое исследование «Биопсихосоциальные характеристики детей, впоследствии совершивших убийство: проспективное исследование» (Lewis et al., 1985) [9], где авторы описывают нейropsychиатрические и семейные характеристики девяти подростков, прошедших клиническое обследование и впоследствии арестованных за убийство. Будущие убийцы демонстрировали совокупность биопсихосоциальных характеристик, включающих психотические симптомы, серьезные неврологические нарушения, наличие психотического родственника первой степени родства, акты насилия в детстве и жестокое физическое насилие.

Еще пример исследования 2022 года «Серийные убийцы из числа молодежи: психологические и криминологические профили» (García-Baamonde et al., 2022) [10], где авторы делают обзор профилей молодых серийных убийц, включая их общие черты — тягу к риску, отсутствие эмпатии, импульсивность, стремление к контролю и так далее.

Существует множество частных концепций, разработанных исследователями. Например, для большей публицистической ясности в формате научно-популярной статьи приведем концепцию итальянской школы криминологии — типологию социально-средовых, индивидуальных и реляционных факторов («modello SIR»), которая была создана на основании исследования в 2011 году итальянскими психиатрами Марко Де Лука и Винченцо Мастронарди. Де Лука сформулировал свою теорию после изучения характеристик международной выборки, состоящей из 2230 идентифицированных убийц. Эта модель рассматривает поведение серийных убийц

как результат взаимодействия врождённых особенностей, личных предрасположенностей, социальных систем и отношений между ними. Эта модель известна также как системно-реляционная теория к объяснению серийного убийства.

Никола Малиция из Университета Энна Коре (Италия) в своей работе «Серийный убийца: механизм от воображения до стадий убийства» [11] приводит эту **модель SIR** («modello SIR»):

«Серийное убийственное поведение является результатом циклического сочетания трех факторов (F), которые переплетаются друг с другом, имея различную важность для разных людей и разную интенсивность соответствующих субфакторов (SF). Инициалы трех факторов: Социальные и экологические (S), Индивидуальные (I) и Реляционные (R) определяют модель SIR, которая является отправной точкой для создания новой таксономии серийных убийств, учитывающей реальную сложность явления и способной объяснить, почему человек становится серийным убийцей (De Luca & Mastronardi, 2011). Фактор F (S) включает в себя все социальные и экологические компоненты, которые могут влиять на поведение серийного убийцы.

1) Социально-экологический фактор.

SF1: Первоначальная семейная среда. В большинстве случаев семья, в которой растёт серийный убийца, не способствует здоровому развитию эмпатии и, следовательно, формированию уравновешенной личности. Физическое, сексуальное и психологическое насилие, а также эмоциональная депривация — лишь некоторые из многочисленных травм, которые субъект переживает в детстве и которые закладывают основу для будущего преступного поведения.

SF2: Вовлеченность в общество. В подростковом возрасте, а затем и во взрослой жизни, серийный убийца, в принципе, имеет низкий уровень интеграции в общество; на самом деле, очень часто, у него нет достойной работы, мало друзей и он человек с ограниченными культурными интересами. Даже в тех случаях, когда, по видимому, субъект демонстрирует «фасад нормальности» (например, женат, имеет детей, стабильную работу и пользуется положительным отношением в обществе), в действительности это интеграция, которая ограничивается поверхностным уровнем и не затрагивает ядро личности, преследуемое глубокими внутренними тревогами.

SF3: Предрасполагающие, способствующие и запускающие события.

В каждой истории жизни серийного убийцы можно найти предрасполагающие, способствующие и запускающие события, которые могут произойти в любой момент, запуская цепную реакцию убийств; эти события, которые для другого человека могут показаться совершенно безобидными, для серийного убийцы обладают разрушительной эмоциональной энергией, способной сломить хрупкую личность. Список этих событий не одинаков для всех, но среди наиболее распространенных — внезапная смерть, нарушающая хрупкое внутреннее равновесие субъекта, внезапное оставление человека, легкий доступ к оружию и наличие определенного типа легкодоступной жертвы.

SF4: Субкультурные влияния. Этот фактор приобретает значительную важность в тех случаях, когда серийный убийца растет в криминальной среде, где, например, родители демонстрируют криминальное поведение, или субъект, особенно в подростковом возрасте, попадает в группу криминальных сверстников, оказывающих на него существенное влияние. Многие серийные убийцы начинают криминальную карьеру рано, поскольку попадают в контекст, который способствует и поддерживает переход к агрессивным действиям.

SF5: Награды и наказания со стороны окружающей среды. Реакция общества на первые девиантные и преступные действия потенциального серийного убийцы играет важную роль в формировании его будущего поведения. Преступный путь человека начинается не с серийных убийств, а с менее серьезных инцидентов. За свои действия человек может получать награды или наказания, либо наказания с воспитательной функцией, которые могут замедлить или заблокировать развитие серийного убийственного поведения.

2) Индивидуальный фактор.

SF1: Психологические и психопатологические особенности. Серийный убийца обладает своеобразными психологическими характеристиками, которые во многих случаях связаны с психопатологическими особенностями и могут принимать различные формы (психические заболевания, неврологические нарушения) и определять его поведение. У некоторых субъектов «предрасположенность к злу»

проявляется с очень раннего криминального поведения, даже в семьях, где не было травмирующих событий.

SF2: Сексуальность. Качество и количество сексуальных импульсов субъекта в период развития подпитывают его фантазийную жизнь и являются ключевым фактором, определяющим поведение во взрослом возрасте. Развитие извращенной сексуальности может стать центральным компонентом поведения будущего серийного убийцы.

SF3: Воображаемая жизнь (фантазии). Общей чертой всех серийных убийц является очень богатая и разнообразная воображаемая жизнь. По сравнению с фантазиями обычных людей, фантазии потенциальных серийных убийц с самого начала ориентированы на власть, контроль и уничтожение других людей, которых они представляют как «объекты», используемые для личного удовлетворения.

SF4: Субъективные потребности (мотивации). На протяжении всей жизни у каждого человека есть стремления и мотивы, которые приводят к определенному поведению. У серийных убийц убийство всегда связано с чисто личными психологическими мотивами; на самом деле, когда их задерживают и допрашивают о том, что побудило их к убийству, очень трудно понять их оправдание.

SF5: Способность к обработке травмы. Этот индивидуальный фактор очень важен для понимания того, почему одни люди становятся серийными убийцами, а другие нет, даже несмотря на схожий жизненный опыт в их личной истории. Травматическое событие (например, горевание любимого человека, унижение со стороны одноклассников, отказ со стороны сексуального партнера) может восприниматься разными людьми по-разному.

3) Реляционный фактор.

SF1: Общение с самим собой. Серийные убийцы испытывают трудности в установлении и поддержании подлинно эмпатических отношений с другими и предпочитают жить в одиночестве, в окружении лишь своего воображения. Качество этих фантазий и внутренний диалог, который каждый серийный убийца ведет сам с собой, имеют основополагающее значение и влияют на его будущие действия.

SF2: Коммуникация между индивидуумом и семьей происхождения.

Обесценивающее отношение отца или матери может необратимо подорвать развитие личности ребенка. Действительно, напряженность в отношениях с родителями может определять будущее поведение взрослых, что также может привести к убийству женщин, «напоминающих им мать», потому что, несмотря на отсутствие смелости убить собственную мать, они убивают ее символически, используя других жертв.

SF3: Коммуникация индивида с сексуальными партнерами. Секс — один из фундаментальных аспектов человеческой жизни, и тип взаимодействия человека с сексуальными партнерами оказывает определенное влияние на его личность. Многие из проанализированных серийных убийц выработали неадекватный путь, состоящий из отказов, предательства и унижений всех видов. Поэтому они начинают ненавидеть определенную категорию людей (в большинстве случаев, женщин), которым они хотят отомстить, убивая их.

SF4: Коммуникация индивида и общества. Некоторые серийные убийцы умудряются замаскироваться под маску нормальности, устанавливая весьма поверхностные отношения с другими социальными субъектами, но на самом деле продолжают относиться к людям как к простым «объектам» и не верят в возможность установления позитивных отношений. В случае, если у серийных убийц есть собственная семья (возможно, женатые с детьми), отношения с семьей имеют ту же тенденцию, что и внешние: «фасад нормальности», в то время как в действительности семейная жизнь отмечена ежедневным скрытым напряжением.

SF5: Способы обучения насилию. Из того, что мы можем заключить, следует, что человек не рождается серийным убийцей, а с годами учится использовать насилие для удовлетворения своих потребностей (идентичности, сексуальных, личного удовлетворения, всемогущества), и способы обучения всегда являются вопросом взаимодействия с одной или несколькими негативными моделями поведения, взятыми за отправные точки».

Джон Дуглас и Марк Олшейкер в книге «Погружение во мрак» [12] пишут: *«Как и у многих других преступников, после первых убийств поведение НС наверняка изменилось, чего не могли не заметить люди, окружающие его. Он мог*

начать пить, употреблять наркотики, спать и есть в непривычное время, терять вес, проявлять беспокойство, повышенное стремление к общению. К тому же он наверняка следил за ходом расследования. Мы сообщили полиции, что общественность может оказать неоценимую помощь в поиске убийцы, если будет опубликован перечень этих недавно появившихся у человека качеств: по крайней мере, кто-то в окружении преступника поймет, в чем дело».

Источники:

1. Douglas, J. E., Burgess, A. W., Burgess, A. G., & Ressler, R. K. (2013). Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes.
2. Dominique Bourget, Pierre Gagné, Stephen Floyd Wood «Dissociation: Defining the Concept in Criminal Forensic Psychiatry», 2017.
<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28619854/>
3. Douglas, J. E., Burgess, A. W., Ressler, R. K. (1988). Sexual Homicide: Patterns and Motives.
<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/sexual-homicide-patterns-and-motives-o>
4. Yang, Y., & Raine, A. (2009). Prefrontal structural and functional brain imaging findings in antisocial, violent, and psychopathic individuals: a meta-analysis. *Psychiatry research*, 174(2), 81–88.
<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2784035/#:~:text=%28e,impulsivity%20and%20poor%20behavioral%20control>
5. Best, M., Williams, J. M., & Coccaro, E. F. (2002). Evidence for a dysfunctional prefrontal circuit in patients with an impulsive aggressive disorder. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 99 (12), 8448–8453.
<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC123087/#:~:text=Clues%20to%20the%20neurobiology%20of,OMPCC>
6. Siever L. J. (2008). Neurobiology of aggression and violence. *The American journal of psychiatry*, 165(4), 429–442.
<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4176893/#:~:text=a%20history%20of%20violence%20demonstrated,evaluating%20responses%20to%20the%20probe>
7. Siep, N. et al. (2019). Anger provocation increases limbic and decreases medial prefrontal cortex connectivity with the left amygdala in reactive aggressive violent offenders. *Brain imaging and behavior*, 13(5), 1311–1323.
<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6732149/#:~:text=task,In%20addition%2C%20an>
8. Abbie Jean Marono et al., “A Behaviour Sequence Analysis of Serial Killers’ Lives: From Childhood Abuse to Methods of Murder”.

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7144278/#:~:text=Research%20has%20suggested%20that%20the,Pettit%2C%20Bates%2C%20%26%20Valente%2C%201995>

9. “Biopsychosocial Characteristics of Children Who Later Murder: A Prospective Study” (Lewis et al., 1985).

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2072934/#:~:text=The%20authors%20document%20the%20childhood,of%20violence%20and%20discuss%20ethical>

10. “Youth Serial Killers: Psychological and Criminological Profiles” (García-Baamonde et al., 2022).

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9105323/#:~:text=In%20short%2C%20what%20we%20can,49>

11. Nicola Malizia “Serial Killer: The Mechanism from Imagination to the Murder Phases” (Sociology Mind, Vol. 7, No. 2, March 17, 2017), cites this SIR model (“modello SIR”).

<https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=74772#ref10>

12. John Douglas and Mark Olshaker, “Journey Into Darkness”, 2010.

Часть 4.

Ретроспективный анализ

Ретроспективный анализ является неотъемлемой частью реконструкции биографии. Он позволяет погрузиться в прошлое, изучить факты и события, выявить закономерности и причинные связи, чтобы понять истоки современного поведения и увидеть целостную картину жизни человека с её ключевыми этапами и изменениями. В криминалистическом профайлинге действует принцип, согласно которому мышление человека определяет его поведение. Это означает, что внутренний мир, мотивация и личностные характеристики преступника неизбежно отражаются во внешних проявлениях, особенно в условиях стресса или при совершении насильственных актов. Поэтому анализ психобиографии объекта исследования помогает понять логику его поведения.

В рамках настоящей статьи приведем ретроспективную реконструкцию психобиографии пятнадцатилетнего фрагмента жизни Александра Дворкина с фокусом на период, начинающийся с девятого класса школы. Целью анализа является выявление потенциальных психологических, поведенческих и нарративных сдвигов, способных указывать на формирование дезадаптивных или криминогенных паттернов на последующих жизненных этапах (старших классов школы, периода обучения в высшем учебном заведении и иммиграции в Соединённые Штаты Америки). Особое внимание уделяется динамике этих изменений, и как они повлияли на дальнейшую траекторию поведенческого развития. Такой анализ необходим для определения того, соответствуют ли выявленные психологические, поведенческие и нарративные маркеры уже известным установленным паттернам, характерным для серийных убийц.

Обнаружение значимых изменений в психобиографии объекта исследования требует дополнительной верификации: насколько выявленные индикаторы

согласуются с устоявшимися поведенческими шаблонами, существующими моделями поведенческой динамики серийных преступников, описанными в исследованиях, что позволит определить их диагностическую значимость.

Факт №1. 9 класс. Предрасполагающее событие. Изменение поведения, алкоголь, наркотики, субкультурные влияния.

На основании анализа вышеперечисленных источников, включая автобиографические сведения, можно сделать вывод, что Александр Дворкин начал употреблять алкоголь и «экспериментировать» с психоактивными веществами (наркотиками) в период обучения в 9 классе. Последующие этапы его жизненного пути, описанные в данных источниках, содержат значительное количество эпизодов, связанных с употреблением наркотиков и взаимодействием с социальным окружением, вовлечённым в наркотическую среду в качестве как потребителей, так и участников их распространения.

Александр Дворкин

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

9 класс. Вовлечение Александра Дворкина в наркотическую среду.

Ключевым предрасполагающим событием, отмеченным в нескольких источниках (книгах «Калалацы» [2], «Моя Америка» [1]), стало знакомство Александра Дворкина в 9 классе с новым одноклассником, оказавшим существенное влияние на формирование его девиантных установок. В книге «Калалацы» этот индивид фигурирует под именем Павел, в книге «Моя Америка» под именем Толи Вайнберга. Новый одноклассник познакомил Александра Дворкина с субкультурой хиппи. В то время в неформальных молодежных группах в Москве, которые относили себя к этой субкультуре, было распространено употребление алкоголя и наркотиков. В своей автобиографии Александр Дворкин отмечает, что до того как его новый знакомый был отчислен из школы, между ними установились дружеские отношения. Александр Дворкин также «ходил к нему в гости», что способствовало дальнейшей социализации в девиантной среде.

Эпизод из книги Аркадия Ровнера «Калалацы» [2]: ***«Павел перешёл в нашу школу в девятом классе и принёс с собой атрибутику системы одежду, волосы и наркотики... Говорил Павел медленно, гнусаво, будто упрасивал. Гнал телеги, показывал дырки на венах. Однажды принёс в школу пакетик: героин-де, несёт продавать грузинам за сотню. Рассказывал, как трахаются. Я всё надеялся, что он сведёт меня туда, где трахаются. Ходили к нему разные персонажи, уводили во двор разговаривать и растворялись. Потом он пропал из дому на две недели, и в школе появилась его мама (тоже вихлявая и тоже с профилем), проскочила, прижимая к животу сумку, в кабинет директорши. Там её уже поджидали участковый Кузякин и историк, он же секретарь парткома Вась Васич Кошечкин. Стали копать и кое-что узнали — след тянулся за Павлом ещё из его старой школы. Как только он объявился, его сразу из школы вытолкали.***

Тогда Павел врубился, что это я на него донёс. Поймал в подворотне и говорит: „Сейчас тебя резать буду“. Прижал меня в угол — с ним была его команда — и начал издеваться: „Не бойся, расстегни пальто, это не больно“. Офелия пожалела меня и говорит ему: „Отпусти его“. Но он долго не пускал. „Скажи, говорит, кивая на Офелию, что она самая красивая, тогда, может быть, отпущу“.

Я сказал, и он меня отпустил.

Добежал я до дому, заперся на все замки и задвижки и стал писать записку. Написал, руки у меня дрожали, буквы шатались, что Павел хочет... Мама утром нашла записку на кухне, побежала к директорше, вызвали участкового, втолкнули меня в кабинет, и там я рассказал Кузякину и Вась Васичу всё, что знал и о дырках, и о героине, и обо всём. Знал, что закладываю, что всю жизнь буду мучиться потом, и всё же рассказал.

Я думал, что после этого мне конец, но вышло по-другому. Он увидел меня в скверике, подошел и предложил покурить косяк. Покурили и разобрались. Через день Павел привел меня к Офелии».

— — —

Павел перешёл в нашу школу в девятом классе и принёс с собой атрибутику системы — одежду, волосы и наркотики. Это был худющий вихлявый юнец с сальными волосами до подмышек: без фаса — один профиль. У него была кошка вегетарианка, и сам он был вегетарианцем. Кошку он вначале морил три дня голодом, после чего она съела солёный огурец.

Говорил Павел медленно, гнусаво, будто упрасивал. Гнал телеги, показывал дырки на венах. Однажды принёс в школу пакетик: героин-де, несёт продавать грузинам за сотню. Рассказывал, как трахаются. Я всё надеялся, что он сведёт меня туда, где трахаются. Ходили к нему разные персонажи, уводили во двор разговаривать и растворялись.

Потом он пропал из дому на две недели, и в школе появилась его мама (тоже вихлявая и тоже с профилем), проскочила, прижимая к животу сумку, в кабинет директорши. Там её уже поджидали участковый Кузякин и историк, он же секретарь нарткомы Вась Васич Кошечкин. Стали копать и кое-что узнали — след тянулся за Павлом ещё из его старой школы. Как

только он объявился, его сразу из школы вытолкали.

Тогда Павел врубился, что это я на него донёс. Поймал в подворотне и говорит: «Сейчас тебя резать буду». Прижал меня в угол — с ним была его команда — и начал издеваться: «Не бойся, расстегни пальто, это не больно». Офелия пожалела меня и говорит ему: «Отпусти его». Но он долго не пускал. «Скажи, — говорит, кивая на Офелию, — что она самая красивая, тогда, может быть, отпущу». Я сказал, и он меня отпустил.

Добежал я до дому, заперся на все замки и задвижки и стал писать записку. Написал, руки у меня дрожали, буквы шатались, что Павел хочет... Мама утром нашла записку на кухне, побежала к директорше, вызвали участкового, втолкнули меня в кабинет, и там я рассказал Кузякину и Васю Васичу всё, что знал и о дырках, и о героине, и обо всём. Знал, что закладываю, что всю жизнь буду мучиться потом, и всё же рассказал.

Я думал, что после этого мне конец, но вышло по-другому. Он увидел меня в скверике, подошёл и предложил покурить косяк. Покурили и разобрались. Через день Павел привёл меня к Офелии.

— — —

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 36 [2]

Согласно данным, приведённым в книге «Калалацы» и в автобиографии «Моя Америка», можно заключить, что квартира Офелии функционировала как место сбора лиц, употреблявших психоактивные вещества, и что Александр Дворкин также посещал это помещение. Офелия упоминается среди знакомых Александра Дворкина периода его юности:

«Одной из самых известных среди хипповых компаний стала группа, называвшая себя просто: «Волосы». Я часто встречался с ними, но от более тесных отношений меня удерживала неприемлемая для меня, да и нетипичная для хиппи, организованность и подчинение своему лидеру — довольно некрасивой девушке по кличке Офелия» [1].

Одной из самых известных среди хипповых компаний стала группа, называвшая себя просто: «Волосы». Я часто встречался с ними, но от более тесных отношений меня удерживала неприемлемая для меня, да и нетипичная для хиппи, организованность и подчинение своему лидеру – довольно некрасивой девушке по кличке Офелия. С эстетической точки зрения «Волосы» выделя-

Александр Дворкин. «Моя Америка» Стр. 91 [1].

«В коридоре раздался звонок, хлопанье дверьми, топот — в комнату ввалилась команда волосатых Чёрнорубашечник, Лёша, Бостон, окрылённая Офелия носилась между ними, как богиня победы Ника. Заложник, оставив Воннегута, возился с проигрывателем. Потом пришла Алёна и принесла жратву, я не знал, что она пасётся при Офелии. Пустили по кругу косяк».

В коридоре раздался звонок, хлопанье дверьми, топот — в комнату ввалилась команда волосатых — Чёрнорубашечник, Лёша, Бостон, — окрылённая Офелия носилась между ними, как богиня победы Ника. Заложник, оставив Воннегута, возился с проигрывателем. Потом пришла Алёна и принесла жратву,

38

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 38 [2].

я не знал, что она пасётся при Офелии. Пустили по кругу косяк.

Взвилась и с гиканьем понеслась бездомная циничная

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 39 [2].

Обращает на себя внимание тот факт, что книга «Калалацы», составленная на основе устных воспоминаний молодого Александра Дворкина, содержит многочисленные эпизоды, отражающие его вовлечённость в наркотическую среду: в том числе **описание практик употребления психоактивных веществ, методов их приготовления, а также комбинирования фармакологических препаратов для достижения специфических психических состояний**. Эти аспекты будут рассмотрены более подробно на последующих страницах исследования.

Другой эпизод из автобиографической книги Александра Дворкина «Моя Америка» [1], который отражает то же самое событие — знакомство Дворкина с новым одноклассником в 9 классе. Важно учитывать, что на момент выхода этой книги автору было около 58 лет. Как и в случае многих ретроспективных автобиографий, изложение ранних этапов жизни может быть подвержено последующей интерпретации, направленной на согласование прошлого с актуальным статусом автора. Это предполагает возможность селективного представления событий — в частности, опускания, сокращения или смягчения, трактования иначе деталей, которые тридцать лет ранее, в период пребывания Александра Дворкина в статусе малоизвестного молодого иммигранта из СССР, могли быть рассказаны с большей откровенностью.

«А ведь я хорошо был знаком с одним из членов Системы. Когда мы перешли в девятый класс, нам представили нового ученика — Толю Вайнберга. Его черные, прямые, блестящие волосы, почти закрывавшие уши (что виделось неслыханной длиной), и смуглая кожа делали его похожим на индейца в исполнении популярного югославского актера Гойко Митича. Джинсы с небольшим клешем, стоившие по тем временам баснословных денег, сразу же поставили его на небывалую высоту среди моих одноклассников. Говорил Толик мало, предпочитая гордое молчание, прерываемое отрывочными лаконичными фразами, которые он ронял лишь в случаях самой острой необходимости. Общаться с нами он явно не желал, но делал это с таким достоинством, что все восприняли это как должное.

Дальше последовала долгая история: учителя заставляли его стричься и переодеваться — он этого не делал; его не пускали на занятия, вызывали в школу его мать, она плакала, что сын совсем от рук отбился, и так далее. В конце концов его выгнали из нашей образцово-показательной школы, и мать устроила его в ШРМ. Но за это время я успел с ним подружиться. Он-то впервые и рассказал мне*

о хиппи и по секрету сообщил, что он — один из их числа. Я ходил к нему в гости и слушал на магнитофоне «Смена» записи тогдашних рок-групп: в первую очередь, конечно, Beatles и Rolling Stones, но также и Led Zeppelin, Deep Purple, Black Sabbath и Uriah Heep. Все эти названия звучали музыкой для моих ушей, и я жадно впитывал новые ритмы и новое звучание».

А ведь я хорошо был знаком с одним из членов Системы. Когда мы перешли в девятый класс, нам представили нового ученика – Толю Вайнберга. Его черные, прямые, блестящие волосы, почти закрывавшие уши (что виделось неслыханной длиной), и смуглая кожа делали его похожим на индейца в исполнении популярного югославского актера Гойко Митича. Джинсы с небольшим клешем, стоившие по тем временам баснословных денег, сразу же поставили его на небывалую высоту среди моих одноклассников. Говорил Толик мало, предпочитая гордое молчание, пре-

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 66 [1].

рываемое отрывочными лаконичными фразами, которые он ронял лишь в случаях самой острой необходимости. Общаться с нами он явно не желал, но делал это с таким достоинством, что все восприняли это как должное.

Дальше последовала долгая история: учителя заставляли его стричься и переодеваться – он этого не делал; его не пускали на занятия, вызывали в школу его мать, она плакала, что сын совсем от рук отбился, и так далее. В конце концов его выгнали из нашей образцово-показательной школы, и мать устроила его в ШРМ*. Но за это время я успел с ним подружиться. Он-то впервые и рассказал мне о хиппи и по секрету сообщил, что он – один из их числа. Я ходил к нему в гости и слушал на магнитофоне «Смена» записи тогдашних рок-групп: в первую очередь, конечно, Beatles и Rolling Stones, но также и Led Zeppelin, Deep Purple, Black Sabbath и Uriah Heep. Все эти названия звучали музыкой для моих ушей, и я жадно впитывал новые ритмы и новое звучание.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 67 [1].

Толя Вайнберг. Несколько слов о Толе Вайнберге, который в 9 классе впервые познакомил Александра Дворкина с субкультурой хиппи. В последующем он сыграл значительную роль в биографии Дворкина, включая участие в событиях, непосредственно связанных с иммиграцией Дворкина в США (город Нью-Йорк). Будучи в Нью-Йорке, Толя Вайнберг произвел сильное впечатление на атеиста Дворкина тем, что крестился и стал православным. Вскоре Дворкин последовал его примеру. В автобиографической книге Дворкина «Моя Америка» [1] содержится несколько эпизодов, связанных с Толей Вайнбергом (в компании друзей-хиппи его называли «Толик-Винниту»):

- *«Когда мы перешли в девятый класс, нам представили нового ученика —*

Толю Вайнберга», «...за это время я успел с ним подружиться. Он-то впервые и рассказал мне о хиппи и по секрету сообщил, что он — один из их числа. Я ходил к нему в гости...» («Моя Америка», стр. 66).

- Московский период. «После отчисления Толика из школы я потерял его из вида, но сейчас вновь стал встречать на Стриту. Он обычно шел среди спутников Солнышка». «Теперь его так и звали — Виннету. Толик познакомил меня с Солнцем, и я удостоился вялого рукопожатия великого человека». («Моя Америка», стр. 67). Примечание: «Солнышко» — местный авторитет «хиппи» («Системы») начала 1970-х годов по кличке «Солнышко» (Юрий Попов).
- 1977 год. «И тут я встретил Толика-Виннету, давно уже не появлявшегося на моем горизонте. Он сообщил, что уезжает в Америку по израильской визе, и спросил, не прислать ли мне приглашение. Даже не думая, я согласился» («Моя Америка», стр. 100). Примечание: через два месяца пришло приглашение.
- «Еще раньше я отыскал в Нью-Йорке Толика-Виннету. Самый первый хиппи в моей жизни, как оказалось, закончил компьютерные курсы, устроился на работу и стал полноценным членом общества. Он жил в тесной и душной квартире (но зато в престижном Аппер-Ист-Сайде, чем очень гордился) с женой Венерой (она была татаркой) и трехлетним сыном». «Толик познакомил меня со своим другом, киевским хиппи Мариком, с которым они постоянно проводили время вместе. Марик, проживавший в Гринвич-Виллидж...» («Моя Америка», стр. 182, 183).
- «...Толик давно уже перестал быть хиппи. Но зато он сказал мне, что крестился и стал православным. Подробностей не сообщал, несмотря на все мои упорные расспросы. В церковь Толик не ходил, да и в жизни его я не видел никаких проявлений религиозности. Но сам факт, что человек, которого я знал еще со школы и который впервые познакомил меня с Системой, идентифицирует себя с христианством и Церковью, произвел на меня сильное, хоть и не слишком осознанное впечатление». («Моя Америка», стр. 184).

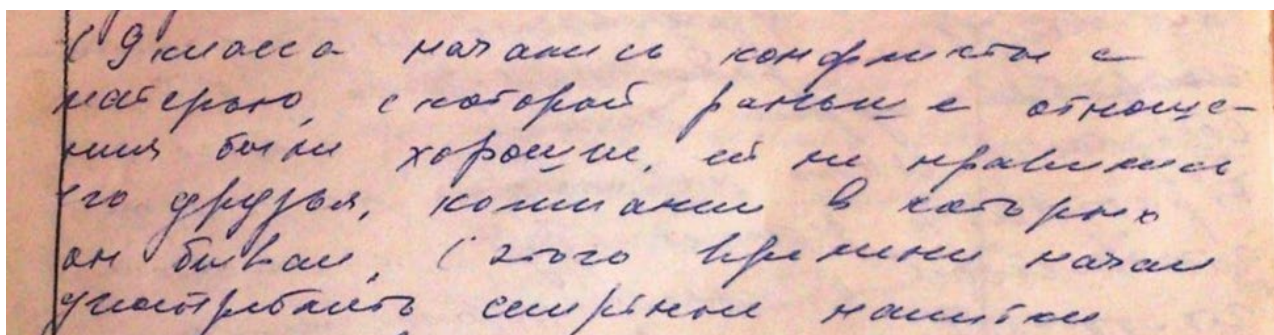
- *«Подошла весна. Как-то Толик сказал мне, что сегодня пасхальная ночь и он собирается пойти на службу в церковь. Я вызвался сходить с ним».* («Моя Америка», стр. 189).

Алкоголь. Изменение поведения. Согласно медицинской документации, с 9 класса у Александра Дворкина начались конфликты с матерью, с которой до этого поддерживались хорошие отношения. Как отмечается в записях, причиной разногласий стало неодобрение матерью его нового социального окружения и круга общения. В этот же период Дворкин начал употреблять спиртные напитки.

Александр Дворкин в юности.

Цитата из медицинской документации: «С **9-го класса** начались конфликты с матерью, с которой раньше отношения были хорошими. Ей не нравились его друзья, компании, в которых он бывал. С этого времени начал употреблять спиртные напитки...».

Источник: [3].

В совокупности это указывает на то, что в 9 классе у Александра Дворкина произошли заметные поведенческие изменения, зафиксированные близкими родственниками (в частности, матерью): он начал употреблять алкоголь и был вовлечён в наркотическую среду, присоединившись к одной из неформальных групп, связанных с хиппи-движением.

Соответствия с социально-экологическим фактором, субфакторами «Предрасполагающие, способствующие и запускающие события», «Субкультурные влияния» в модели SIR:

- **SF3: Предрасполагающие, способствующие и запускающие события.** В каждой истории жизни серийного убийцы можно найти предрасполагающие, способствующие и запускающие события, которые могут произойти в любой момент, запуская цепную реакцию убийств; эти события, которые для другого человека могут показаться совершенно безобидными, для серийного убийцы обладают разрушительной эмоциональной энергией, способной сломить хрупкую личность.

- **SF4: Субкультурные влияния.** Этот фактор приобретает значительную важность в тех случаях, когда серийный убийца... особенно в подростковом возрасте, попадает в группу криминальных сверстников, оказывающих на него существенное влияние. Многие серийные убийцы начинают криминальную карьеру рано, поскольку попадают в контекст, который способствует и поддерживает переход к агрессивным действиям.

Студенты I-го курса пединститута.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Факт №2. Вовлеченность в общество. Изменения в социальной сфере.

Хронология социально-поведенческих изменений Александра Дворкина в период 1972–1975 гг. На основании биографических и медицинских источников, можно реконструировать ключевые этапы социальной дезадаптации Александра Дворкина после окончания школы:

- 1972 г. Поступление в Московский государственный педагогический институт (МГПИ) на факультет русского языка и литературы.
- Вскоре после поступления Александр Дворкин стал часто посещать различные неформальные молодёжные группы, связанные с субкультурой «хиппи».
- 1973 г. Со второго года обучения в институте отмечается резкое снижение академической вовлечённости: Александр Дворкин систематически прогуливает занятия, критикует учебный процесс как «примитивный», вступает в конфликты с преподавателями.
- Социальные связи со сверстниками по институту разрываются: по его собственным словам, «они его раздражали».
- Основное социальное окружение формируется из лиц, употребляющих вместе с ним психоактивные вещества (анаша, пятновыводитель как ингалянт, седуксен и т.д.), чтобы «отключиться от действительности», «отвлечься».
- С 1973 по 1977 гг. состоял на учёте в московском психоневрологическом диспансере № 3.
- Его образ жизни становится маргинальным: бродяжничество, отказ от трудовой и учебной деятельности, что в советской терминологии квалифицировалось как «паразитический образ жизни».
- Поведение Александра Дворкина неоднократно становилось предметом внимания со стороны правоохранительных структур.
- В 1975 гг. из официальных инстанций на факультет пришло письмо с негативной характеристикой на Александра Дворкина.
- Осень 1975 г.: отчисление Александра Дворкина с третьего курса МГПИ «за убеждения, несовместимые с теми, которые должны быть у будущего советского педагога».

- Параллельно в семейной среде Александр Дворкин устраивал периодически скандалы. В медицинской документации зафиксирован эпизод гиперэмоционального срыва с истерикой, рыданиями и попыткой суицида на фоне семейного конфликта — признаки глубокой эмоциональной нестабильности и неспособности к конструктивной регуляции стресса.

Далее в исследовании приведены подтверждающие цитаты из медицинских документов, автобиографических материалов Александра Дворкина. Некоторые из них будут детализированы и проанализированы в отдельных пунктах исследования.

«Индивидуальная карта амбулаторного больного: Дворкина Александра Леонидовича... 20\VIII 1955 г., студент МГПИ им. Ленина.

Мама Букчина Бронислава. Отец с семьей не живет... Жалобы: с весны 1973 года появилась апатия, вялость, растерял друзей. Изменились отношения к родителям. Появилось чувство «ненависти» к ним. 11 / IX -73 ушел из дома. Дома конфликты из-за длинных волос. Была борода, после бритья появилось ощущение, что течет кровь. Летом было тягостное ощущение, пытался покончить жизнь самоубийством (порезал вены на предплечье). Пропал интерес к учебе.

Анамнез неизвестен.

Status: внешний вид неопрятен, длинные волосы до плеч».

но близких друзей в школе у него по-прежнему не было. Дружил с ребятами, занимающимися в археологическом кружке. Учителя жаловались на его несобранность и неорганизованность.

Окончил 10 классов, сразу поступил в пединститут. С этого времени мать начала замечать, что появились новые друзья «хиппи с длинными волосами», разболтанные, развязные, один из них лечился в ПБ (психбольнице). Считается, что больной поддался нездоровому влиянию. Он стал лживым с матерью, очень ленивым, до 10-11 часов мог ничего не делая, ничем не занимается. Целыми днями прокручивает поп музыку. Начал отпускать длинные волосы, объяснял, что это ему идет. Летом 1973 года по собственному желанию пошел работать на Мосфильм, с целью подработать.

Начав 1973 г. осенью заниматься все был в каких-то компаниях, иногда приходил в нетрезвом виде, однажды сказал матери, что принял несколько таблеток седуксена для «приятного отключения». В зимнюю сессию после I экзамена был очень обижен, однажды начал кричать, сказал, что он больше так не может, сестра плохо говорит о его знакомой, упал на пол, рыдал, после замечания матери поднялся выпил таблетку люминала, подошел к столу. Начал бритвой резать руку, потом позвонил одной знакомой, попрощался с ней, полежав некоторое время, поднялся, начал обедать. Когда пришла та девушка, которой он звонил, то она сказала, что его знакомая часто дома устраивает точно такие же истерики. Мать считает его внушаемым, она считает, что он запутался в друзьях, во лжи. Мать считает его здоровым, считает, что он сможет служить в армии.

Обращался в 1973 г. в сентябре в ПНД (психоневрологический диспансер), чтобы не стричься перед военной кафедрой.

В школьные годы он был полностью откровенным с матерью, сейчас контакта внутреннего с ним нет».

ночью, сестра, много говорила
о его знакомой, ушел на войну,
ушел, когда замкнули двери
поднялись книги табличку по-
ликала, сидела. В субботу
начал писать письма другу.
много писали одной знакомой,
когда пришла с письмом, похвалив
некоторое время, поднялись, начал
обидел. Когда пришла та
девушка, сестра он ушел, но
она сказала, что его знакомая,
такой дома устраивал тогда
также не потеряли.
Мать читает его письма, она
читает, что он замкнул
дверь, но не. Мать читает
его удивления, читает, что он
сидит слушает в армии.
Обратился в 1943. в сентябре
в ВДВ, тогда не бригады перед
военной кадрами.
В таком-то году он был полковником
открытием с матерью, сестра
контакты внутри семьи с ним
не.

Источник: [3].

Поведение Александра Дворкина неоднократно становилось предметом внимания со стороны правоохранительных структур и педагогов:

«Образ жизни хиппи казался ему самым радикальным воплощением этой идеи. Понятно, почему «органы» стали испытывать к Дворкину растущий интерес, и если обычных «волосатых» разгоняли дружинники, то Александру и его нескольким единомышленниками уделяли повышенное внимание работники КГБ.

— Бывало, гуляем по центру, и тут вдруг появляются милиционеры: «Пройдемте!», — вспоминает Дворкин. Сама госбезопасность при задержаниях никогда не «отсвечивала». Просто в отделении милиции, оформив протоколы, самых ярких представителей группы поочередно отводили в помещение, где сидели уже «люди в штатском». Их, видимо, после задержания оповещали по телефону «птички в клетке»-де, можете приезжать. Эти люди журили собеседника за неправильный образ мыслей, пытались вытянуть из него «адреса, пароли, явки» и непрерывно предлагали сотрудничать с органами. Все, понятное дело, отказывались. После этого нас, подержав еще некоторое время для острастки в отделении милиции, а иногда и побив, отпускали по домам».

жизни хиппи казался ему самым радикальным воплощением этой идеи. Понятно, почему «органы» стали испытывать к Дворкину растущий интерес, и если обычных «волосатых» разгоняли дружинники, то Александру и его нескольким единомышленниками уделяли повышенное внимание работники КГБ.

— Бывало, гуляем по центру, и тут вдруг появляются милиционеры: «Пройдемте!», — вспоминает Дворкин. — Сама госбезопасность при задержаниях никогда не «отсвечивала». Просто в отделении милиции, оформив протоколы, самых ярких представителей группы поочередно отводили в помещение, где сидели уже «люди в штатском». Их, видимо, после задержания оповещали по телефону — «птички в клетке»-де, можете приезжать. Эти люди журили собеседника за неправильный образ мыслей, пытались вытянуть из него «адреса, пароли, явки» и непрерывно предлагали сотрудничать с органами. Все, понятное дело, отказывались. После этого нас, подержав еще некоторое время для острастки в отделении милиции, а иногда и побив, отпускали по домам.

В сентябре 1974-го на весь мир прогремела так называемая «Бульдозерная выставка». Полтора десятка самодеятельных

Александр Дворкин. «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр.14 [4].

«В институтской многотиражке появилась статья о моральном облике студента Дворкина, которого неоднократно вызывали на проработку, но который так и не думает исправляться. „О чем он думает — неизвестно“ — так завершалась статья. „Знали бы они, о чем я думаю на самом деле“, — с ехидной улыбкой говорил я, показывая газету своим приятелям».

В институтской многотиражке появилась статья о моральном облике студента Дворкина, которого неоднократно вызывали на проработку, но который так и не думает исправляться. «О чем он думает – неизвестно» – так завершалась статья. «Знали бы они, о чем я думаю на самом деле», – с ехидной улыбкой говорил я, показывая газету своим приятелям.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 77 [1].

«Антисоветской агитацией я не занимался, но открытое пренебрежение тем, что составляло общепринятый образ жизни, не могло не бросаться в глаза. Это тоже была идеологическая позиция. Разумеется, в институте дела мои шли все хуже. Мое демонстративно вызывающее поведение никто не собирался терпеть бесконечно, тем более что исправляться я не собирался».

свое мнение. Антисоветской агитацией я не занимался, но открытое пренебрежение тем, что составляло общепринятый образ жизни, не могло не бросаться в глаза. Это тоже была идеологическая позиция. Разумеется, в институте дела мои шли все хуже. Мое демонстративно вызывающее поведение никто не собирался терпеть бесконечно, тем более что исправляться я не собирался.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 84 [1].

«Начался новый виток преследований – из разных инстанций на места работы и учебы «хиппов» полетели письма, в которых утверждалось, что эти

люди «позорят наш строй». Пришла такая бумага и на факультет, где учился Александр. Вот так «за убеждения, несовместимые с теми, которые должны быть у будущего советского педагога», его и отчислили осенью 1975 года с третьего курса института».

щечиной. Начался новый виток преследований — из разных инстанций на места работы и учебы «хиппов» полетели письма, в которых утверждалось, что эти люди «позорят наш строй». Пришла такая бумага и на факультет, где учился Александр. Вот так «за убеждения, несовместимые с теми, которые должны быть у будущего советского педагога», его и отчислили осенью 1975 года с третьего курса института. Правда, со-

Александр Дворкин. «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр.15 [4].

Корреляция с социально-экологическим фактором, субфактором «вовлеченность в общество» в модели SIR:

SF2: Вовлеченность в общество. В подростковом возрасте, а затем и во взрослой жизни, серийный убийца, в принципе, имеет низкий уровень интеграции в общество; на самом деле, очень часто, у него нет достойной работы, мало друзей и он человек с ограниченными культурными интересами.

Поведенческая траектория Александра Дворкина в 1972–1975 гг., характеризующаяся резкой трансформацией личности и социального функционирования, соответствует структуре постпреступной адаптации, типичной для серийных насильников после совершения первого убийства. С учётом гипотезы, согласно которой экстремальный насильственный акт был совершён объектом исследования в возрасте 15 лет (в 9 классе), последующие изменения — включая избегание институционального контроля (систематическое уклонение от социального надзора), вовлечение в девиантные субкультуры, употребление психоактивных

веществ и социальную изоляцию — указывают на целенаправленную стратегию психологической стабилизации и маскировки.

Такое поведение функционировало как **компенсаторный механизм**: маргинальный образ жизни и принадлежность к девиантной группе обеспечивали иллюзию автономии и контроля в условиях ощущения чувства собственной неполноценности. При этом растущая изоляция от нормативного общества способствовала **интенсификации внутреннего фантазийного мира**, где насилие и доминирование становились единственными доступными способами утверждения «Я».

Анализ позволяет предположить, что уже в раннем взрослом возрасте у Александра Дворкина сформировалась **устойчивая поведенческая траектория**, включающая паттерны антисоциального поведения, социальную дезинтеграцию, когнитивные искажения, связанные с рационализацией агрессии и дефицитом эмпатии, а также выраженные трудности в эмоциональной регуляции. В совокупности эти характеристики соответствуют поведенческому профилю, типичному для лиц, совершивших серийные насильственные преступления с ранним началом криминальной активности. При этом наблюдаемая хроническая социальная дезинтеграция выступает одновременно как фактор маскировки и как условие, способствующее сохранению и развитию криминальной карьеры.

Факт №3. Коммуникация индивида и общества. Протестное поведение. Антисоциальная атрибуция.

Анализ автобиографических материалов Александра Дворкина выявляет устойчивую модель **антисоциальной атрибуции**, демонстрацию маргинальности как формы власти. Особенно показательным является описание Дворкиным его внутреннего мировоззрения, сформированного в «хипповой юности»:

«Вернемся к моей хипповой юности. Да, я по-прежнему выискивал в любой литературе отрывки из недоступной мне Библии и по-прежнему любил заходить в храмы, если они попадались мне по пути, где удивлял старушек знанием иконописных сюжетов. Но все это было не более чем хобби, далекое от моей жизни, ее событий и моих поступков, часто подлых и гадких. В ответ на призывы мамы,

деда, бабушки, которые указывали мне на это, я вполне логично говорил: «А в чем дело? Ведь Бога нет — соответственно, все позволено. С чего вы взяли, что нельзя то, нельзя это?» Пожалуй, единственное, что я, к нынешнему своему удивлению, признавал, — что нельзя предавать. Хотя, конечно, это было нелогичным с моей стороны. Почему нельзя, если Бога нет? Все равно, когда все умрут, ничего не будет. И какая в посмертном небытии разница между предателем и героем? Правда, этой нелогичности я тогда не видел. Более того, под предательством я понимал только нечто, ну, скажем, политическое. Например, не выдать друзей милиции. Предательства в личных отношениях, которые я совершал тогда налево и направо, для меня виделись чем-то совершенно естественным. Но все остальное, кроме такого весьма специфического понимания предательства (ну и причинения физического вреда другому человеку — я ведь называл себя пацифистом), я считал вполне нормальным и допустимым.

Мои неверующие родные не могли меня убедить, почему нельзя совершать те или иные поступки. Мои ответы ставили их в тупик. Аморально, безнравственно? А откуда тогда берутся мораль и нравственность и что это такое вообще? А если для меня естественна совсем другая модель поведения, то чем она безнравственнее предпочитаемой ими модели? При этом я даже не задумывался над тем, что моя «модель поведения», то есть мой образ жизни, причинял тяжелые страдания моей семье, моим близким. Напротив, я обижался на них и скандалил с ними, обвиняя их во вмешательстве в мою жизнь, так как они не позволяют мне делать все, что я хочу. Но брать у них деньги не стыдился и считал это нормой.

В такой тяжелой и постыдной слепоте я пребывал все дольше и дольше и увязал в ней все глубже и глубже. Ту неизбывную внутреннюю неудовлетворенность собой, которую не мог не ощущать, я списывал на внешнюю среду, на обрыдший советский строй и все советское общество».

БОЛЬШЕ НЕ СТУДЕНТ

Вернемся к моей хипповой юности. Да, я по-прежнему выискивал в любой литературе отрывки из недоступной мне Библии и по-прежнему любил заходить в храмы, если они попадались мне по пути, где удивлял старушек знанием иконописных сюжетов. Но все это было не более чем хобби, далекое от моей жизни, ее событий и моих поступков, часто подлых и гадких. В ответ на призывы

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 82 [1].

84 книга первая: В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

среду, на обрыдший советский строй и все советское общество. Страна моей мечты – Америка, в которой царят

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 83-84 [1].

Такой нарратив демонстрирует когнитивную структуру, типичную для серийных насильников: полное отрицание объективной морали, релятивизация нравственности (утверждение, что не существует таких норм, как добро и зло, что приводит к идее «всё дозволено») и полное отсутствие эмпатии к близким. При этом объект исследования сохраняет избирательную мораль, что типично для лиц с психопатическими чертами — мораль используется не как внутренний регулятор, а как инструмент социальной игры и самовосприятия.

Важно отметить, что такая система убеждений оформляется у объекта исследования сразу после периода, совпадающего, согласно рассматриваемой гипотезе, после совершения первого убийства в 15 лет. Это позволяет

интерпретировать её как **психологический механизм рационализации насильственного акта**. Отрицание морали и переложение вины на «советский строй» и окружающую «внешнюю среду» функционируют как **защита от когнитивного диссонанса**. Подобное поведение (отрицание морали и законов и переложение своей вины на внешнюю среду) свойственно также людям, совершившим убийство, но вынужденным продолжать существовать в социуме.

Другой автобиографический эпизод Александра Дворкина отражает **грандиозную, но фрагментированную идентичность**, характерную для лиц с ранним началом преступной активности:

«В Москву я вернулся уже бывалым путешественником. Московская Система начинала признавать меня за своего. В своих обтрепанных расклеенных брюках и с лежащими на плечах волосами я выглядел настоящим хиппи, что позволяло мне наслаждаться заслуженным вниманием: как восторженным со стороны студенческой молодежи, так и резко враждебным — со стороны советского мэйнстрима. В вагоне метро или в троллейбусе я неизбежно делался предметом громкого и оживленного обсуждения окружающих меня пассажиров. На меня орали, мне грозили, милиция проверяла документы, уличные хулиганы пинали, заушали и таскали за волосы. Но благодаря этому я ощущал себя героем-одиночкой, отважно противостоящим бездушной машине подавления. Нарциссизм и гордыня полностью овладели мной. В школе я ощущал себя гадким утенком. Теперь я стал... нет, конечно, не лебедем, но, наверное, павлином. Глупым, тщеславным, самовлюбленным павлином. Я наслаждался собою и своей новообретенной популярностью».

В Москву я вернулся уже бывалым путешественником. Московская Система начинала признавать меня за своего. В своих обтрепанных расклешенных брюках и с лежащими на плечах волосами я выглядел настоящим хиппи, что позволяло мне наслаждаться заслуженным вниманием: как восторженным – со стороны студенческой молодежи, так и резко враждебным – со стороны советского мэйнстрима. В вагоне метро или в троллейбусе я неизбежно делался предметом громкого и оживленного обсуждения окружающих меня пассажиров. На меня орали, мне грозили, милиция проверяла документы,

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 74 [1].

уличные хулиганы пинали, заушали и таскали за волосы. Но благодаря этому я ощущал себя героем-одиночкой, отважно противостоящим бездушной машине подавления. Нарциссизм и гордыня полностью овладели мной. В школе я ощущал себя гадким утенком. Теперь я стал... – нет, конечно, не лебедем, но, наверное, павлином. Глупым, тщеславным, самовлюбленным павлином. Я наслаждался собою и своей новообретенной популярностью.

* * *

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 75 [1].

Поведение и саморепрезентация Александра Дворкина демонстрируют

признаки **патологического нарциссизма с выраженным нарушением идентичности**, что является одним из ключевых маркеров в профилировании серийных убийц, особенно тех, чья преступная карьера начинается в подростковом возрасте. Это не просто «самолюбие» — это глубинный дефицит структуры личности, компенсируемый грандиозными фантазиями и насильственным контролем над реальностью.

Грандиозные нарциссы склонны предъявлять завышенное мнение о своих способностях и перекладывать вину на других, даже когда сталкиваются с критикой. В таком контексте внимание окружающих (даже негативное) интерпретируется как подтверждение собственной исключительности; оно подпитывает иллюзию контроля и власти, компенсирующую отсутствие реальных достижений. Социальная маргинализация в глазах субъекта превращается в образ «героического сопротивления», что позволяет ему оправдать внутреннюю пустоту и ощущение неполноценности.

Следующий эпизод также подтверждает вышесказанное, углубляя понимание мотивационной динамики: Дворкин постоянно колеблется между грандиозностью и ощущением внутренней пустоты (тупика), что делает его особенно уязвимым для перехода к насильственному поведению как к «решению» внутреннего конфликта:

«В любом случае, наш изначальный праздник скоро выродился в мучительные будни. Сейчас я понимаю, что, несмотря на горделивое ощущение себя избранными одиночками, «элитой», посмеившей бросить вызов «гегемонам» и начать новую, отдельную от всех жизнь в своего рода «внутренней эмиграции», подспудно зрело желание принадлежности к чему-то большему, единому, правильному. Ничто так не утомляет и не разочаровывает еще не совсем испорченного и не совсем тупого человека, как роль гордого одиночки в компании таких же гордых одиночек. Мы притворялись, что все остается по-старому, но не могли не видеть, что забрели в еще худший тупик».

В любом случае, наш изначальный праздник скоро выродился в мучительные будни. Сейчас я понимаю, что, несмотря на горделивое ощущение себя избранными одиночками, «элитой», посмевавшей бросить вызов «гегемонам» и начать новую, отдельную от всех жизнь в своего рода «внутренней эмиграции», подспудно зрело желание принадлежности к чему-то большему, единому, правильному. Ничто так не утомляет и не разочаровывает еще не совсем испорченного и не совсем тупого человека, как роль гордого одиночки в компании таких же гордых одиночек. Мы притворялись, что все остается по-старому, но не могли не видеть, что забрели в еще худший тупик.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 95 [1].

Описанный эпизод раскрывает внутреннюю противоречивость нарциссической идентичности Александра Дворкина. За позой «избранного одиночки» и декларируемой «элитарностью» скрывается глубокая потребность в принадлежности и легитимации, что указывает на фундаментальную нестабильность «Я». Эта амбивалентность — между стремлением к абсолютной автономии и неосознанной тоской по устойчивой идентичности в рамках «чего-то большего» в сочетании с уже озвученными условиями жизни — типична для лиц с ранним началом преступной активности, чья идентичность формируется в условиях хронической дезинтеграции. Неспособность удовлетворить эту потребность легитимными способами усиливает фрустрацию и когнитивный диссонанс, которые, в свою очередь, подпитывают фантазийный нарратив о собственном всеисии и оправдывают переход от символического «сопротивления» к реальному насилию как единственной доступной форме утверждения «Я».

«Коммуникация индивида и общества» в модели SIR:

SF4: Коммуникация индивида и общества. Некоторые серийные убийцы умудряются замаскироваться под маску нормальности, устанавливая весьма поверхностные отношения с другими социальными субъектами, но на самом деле продолжают относиться к людям как к простым «объектам» и не верят в возможность установления позитивных отношений.

Такой тип поведения характерен для лиц, у которых формируются **патологические фантазии и отсутствует эмпатия**. На основе биографических данных можно предположить, что поведение Александра Дворкина на данном этапе его жизни соответствует **паттерну ранней социальной дезинтеграции**, типичному для лиц с предрасположенностью к серийной насильственной преступности. Его **антисоциальная атрибуция** — проявлявшаяся в отрицании авторитетов, презрении к социальным нормам и перекладывании ответственности на «враждебную систему» — не являлась лишь формой протестного поведения. Такое поведение интерпретируется как защитная реакция, направленная на переложение вины и оправдание собственных действий системой, которую индивид теперь воспринимает как враждебную.

Объект исследования устанавливает поверхностные, инструментальные отношения с окружающими, воспринимая их либо как аудиторию (студенты, пассажиры), либо как источник ресурсов (родные, дающие деньги), либо как врагов («советский мейнстрим»). Подлинная эмпатия, способность к взаимности и признание других как субъектов отсутствуют. Его антисоциальная атрибуция, нарциссическая идентичность, избирательная мораль и использование социальной среды как сцены для самоутверждения — всё это указывает на признаки **формирования устойчивого профиля серийного убийцы с ранним началом насильственной активности**.

Ключевым механизмом выступает **перекладывание ответственности на внешнюю социальную систему**, что позволяет субъекту поддерживать когнитивную согласованность и позитивный образ «Я» на фоне систематического нарушения базовых социальных и моральных норм. В этом контексте его нарратив о

«героическом сопротивлении» выполняет преимущественно **психологическую**, а не политическую функцию: он придаёт смысл насилию и превращает субъект из социального неудачника в мифологического персонажа — архетипического образа «одинокого борца», чья власть проявляется в способности **вызывать страх, отвращение и восхищение** одновременно. Таким образом, описанный период жизни Александра Дворкина может интерпретироваться не как этап «поиска себя», а как процесс консолидации преступной идентичности, который, согласно существующим моделям поведенческой криминологии, создаёт психологические предпосылки для последующих серийных актов насилия.

Факт №4. Индивидуальный фактор. Психологические и психопатологические особенности. Диагноз Александра Дворкина: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм.

Согласно архивным данным Московского психоневрологического диспансера (1973–1977 гг.) [3], Александр Дворкин состоял на учёте с клиническим **диагнозом «циклотимия»** (по современной Международной классификации болезней 11-го пересмотра (МКБ-11) — циклотимическое расстройство (код: 6A62)), а также с заключением о **«патологическом развитии личности» и «психофизическом инфантилизме»** — терминах, использовавшихся в советской психиатрической практике для обозначения устойчивых нарушений эмоциональной регуляции, социальной адаптации и психосоциальной зрелости. В современной терминологии эти характеристики могут быть интерпретированы как проявления расстройства личности с элементами эмоциональной незрелости и аффективной нестабильности.

Первые обращения к психиатру были обусловлены следующими симптомами: устойчивая тревожность и апатия, аффективные вспышки (включая ненависть к близким), истерические реакции, навязчивые состояния, демонстративная попытка суицида, соматические жалобы («что-то сжимается в груди»), перцептивные нарушения («слышит одну и ту же мелодию в голове», «чувствует присутствие кого-то за спиной»), амбивалентное отношение к социальным контактам: отвращение к сверстникам при одновременном страдании от одиночества. У пациента отмечалась нарушенность ряда психических процессов и операций по типу искажения.

Впоследствии Александр Дворкин был госпитализирован в психиатрическую больницу № 14, где в течение месяца находился на стационарном лечении. Психиатрическое наблюдение было прервано в связи с его выездом из СССР и последующей иммиграцией в США.

В российской и международной психиатрической практике полное излечение от этих расстройств невозможно, возможна лишь временная ремиссия. При расстройствах биполярного спектра (к которой относится и циклотимическое расстройство) пациенту следует наблюдаться у психиатра, регулярно его посещать, и получать необходимое поддерживающее лечение. Циклотимическое расстройство и расстройство личности существенно снижают способность к рефлексии, адекватной оценке последствий своих действий. Такие заболевания делают пациента непригодным для занятия любого рода научной, общественной или политической деятельностью в виду крайней субъективности восприятия, невозможностью адекватно оценивать последствия собственных поступков и нести за них ответственность.

Фрагменты интервью с Александром Дворкиным (1979 г.) [5]:

«Q. А у вас самого был опыт пребывания в психиатрических больницах?»

А. Да.

Q. На каком основании вас туда поместили?

А. Сначала я пошёл туда сам, потому что не хотел идти в армию, и я знал, что... я тогда ещё учился в университете, но понимал, что моя университетская карьера скоро закончится, и я пошёл туда, чтобы спасти себя от армии. А потом ещё два раза меня туда доставляли с полицией.

Q. С полицией?

А. С полицией, с полицейским конвоем, а затем уже просто полиция. Ну, вообще-то они просто называли это «экстренным случаем», у них даже была скорая помощь.

Q. Что побудило их это сделать или в чём была причина?

А. В первый раз меня просто отвезли в полицию, потому что я не работал, и они хотели узнать — почему. Потом они начали меня избивать, и у меня было

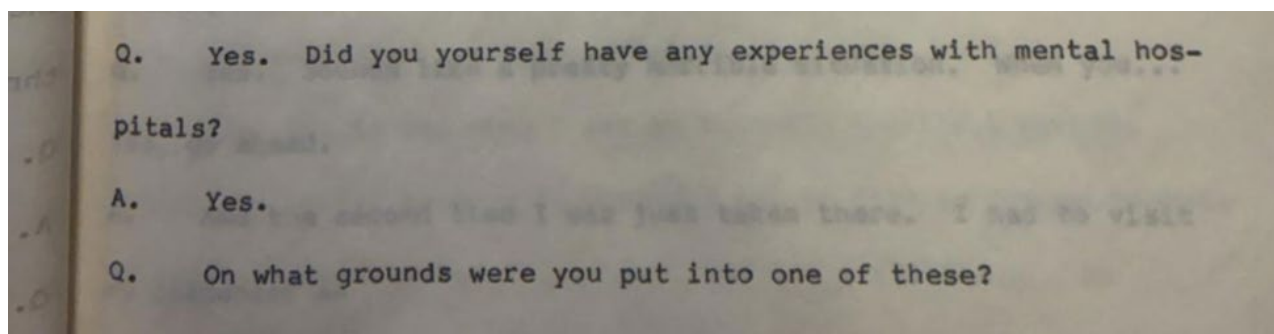
лезвие бритвы, так что я порезал себе запястье, и меня отвезли в приёмное отделение (какой-то) психиатрической больницы, они отнеслись к этому так, будто я совершаю самоубийство. Так что [смех] этого оказалось достаточно.

Q. Да. Звучит как довольно ужасная ситуация. Когда вы... Да, продолжайте.

A. А во второй раз меня просто туда отвезли. Мне нужно было навестить своего диспансерного врача... — несколько раз в год, и однажды меня туда доставили, и оттуда они просто не выпустили меня.

Q. Как вам в итоге удалось выйти?

A. Как и всем остальным — по израильской причине.

Alexander Dvorkin

5.

A. First I went there myself because I didn't want to go into the army and I knew that...I was still at the university then, but I knew that my university career soon will be over and I went there to save myself from the army. And after, twice I was taken there with the police.

Q. By the police?

A. With the police, with a police escort and then by the police. Well, actually they just called it an emergency, they even had an ambulance.

Q. What provoked them to do this or what was the reason for their doing that?

A. *just a minute* (?)

Q. Yes, that's okay. [recorder off]

A. First time I was just taken to the police because I didn't work and they wanted to know why. Then they started to beat me and I had a razorblade, so I cut my wrist and they took me to the emergency room *inside the* (?) mental hospital they got there as if I was committing suicide. So [laugh] that was enough reason.

Q. Yes. Sounds like a pretty horrible situation. When you... Yes, go ahead.

A. And the second time I was just taken there. I had to visit my dispenser --

«С «хиппи» отпустил бороду, длинные волосы. Знакомые ребята рассказывали, как легко освободиться от Армии.

Status: внешний вид прежний, обманул врача, сказав, что ночевал у товарища. Понимает, что не может посещать военную кафедру с такими волосами. Обещал подстричься, но только через несколько дней, морально подготовленный. Фон настроения снижен, монотонный; интеллект N (норма).

Диагноз: Психофизический инфантилизм. Патология развития личности».

Патологоанатомическое (гистологическое) заключение

б-цу на стац. ВВК.

Соматически: кожные покровы чистые. По внутренним органам

Клинические анализы в пределах нормы.

Неврологически: неврологический статус в пределах нормы. На
ме видимых патологических изменений не обнаружено.

Психический статус: спокоен, вял, медлителен в движениях.

лица грустное. Охотно беседует, говорит тихим, голосом. Жалуется на то, что трудно сосредоточиться при чтении учебной литературы, "часто не улавливаю ~~смысла~~". Он не может заставить себя заниматься, "нет желаний, прежнего интереса, нет сил". Наступило у него "грустно-тоскливое", в груди что-то сжимается. Наскучило со всеми сверстниками рассорился, они его раздражают. Он в это время тяготит одиночество. По утрам он с трудом встает, в то время слабость, тяжесть во всем теле, скованность, ему стыдно, что короткая прическа, кажется, что все окружающие обращают на него внимание. С длинными волосами он чувствует себя спокойнее, тише. Сам говорит, что несколько раз употреблял седуксен, по 8 табл. за прием. Нерхал пятновыводитель, Вначале с целью релакса, затем, "чтобы отключиться от действительности". Глухоня обману отрицает, бредовых идей не высказывает. В отделении - время заливается постели, ни с кем не общается, печален. Но к врачу не обращается. Тихим голосом жалуется на слабость, ливость, пониженное настроение, "то тоска, то ~~бессонница~~ Бессонница, ная тревога". Особенно плохо себя чувствует по утрам. К вечеру появляется "активность". В дальнейшем в процессе лечения сталнее, начал избирательно общаться со сверстниками, по просьбе нала помогать в отделении, начал читать художественную литературу. Отмечал, что по утрам оставалась "тяжелой голова", с трудом лял себя подняться с постели из-за сильной слабости. Перед выпиской - седуксен, табл.

Перед выпиской - спокоен, избирательно общается со сверстниками, охотно читает, принимает участие в трудовых процессах. Охотно беседует с врачом. Жалоб не предъявляет. Насыщение в течение дня ровное. Просит о выписке. Намерен продолжать занятия в ин-те. Продуктивной психосимптоматики в форме бреда и галлюцинаций не выявляется. В отд. прлучал лечение: мелипрамин 50мг, amitriptilin до 100 мг, транквилизаторы, симптоматическое лечение.

25/ту-74п - ВПК - заключение: циклотимия

Председатель ВВК —

в) сопутствующий

Член ы ВВК -

/Сорокин/

/Поляков/

/Булатова/

«Патологоанатомическое (гистологическое) заключение.

Соматически: кожные покровы чистые. По внутренним органам без патологии.

Клинические анализы в пределах нормы.

Неврологически: неврологический статус в пределах нормы. ... видимых патологических изменений не обнаружено.

*Психический статус: спокоен, вял, медлителен в движениях. Выражение лица грустное. Охотно беседует, говорит тихим голосом. Жалуется на то, что трудно сосредоточиться при чтении учебной литературы, «часто не улавливаю смысла». Он не может себя заставить заниматься, «нет желания, прежнего интереса, нет сил». Настроение у него «грустно-тоскливое», «в груди что-то сжимается». Он почти со всеми сверстниками рассорился, они его раздражают, в то же время тяготит одиночество. По утрам он с трудом встает, сильная вялость, тяжесть во всем теле, скованность, ему стыдно, что у него короткая прическа, кажется, что все окружающие обращают на него внимание. С длинными волосами он чувствует себя спокойнее, увереннее. **Сам говорит, что несколько раз употреблял седуксен, циклодол по 8 таблеток за прием. Нюхал пятновыводитель.** Вначале с целью «отвлечься, ради интереса», затем, «чтобы отключиться от действительности». Слуховые обманы отрицает, бредовых идей не высказывает.*

В отделении все время заливается в постели, ни с кем не общается, печален, но к врачу не обращается. Тихим голосом жалуется на слабость, сонливость, пониженное настроение, «то тоска, то безосновательная тревога». Особенно плохо себя чувствует по утрам. К вечеру появляется «активность». В дальнейшем в процессе лечения стал активнее, начал избирательно общаться со сверстниками, по просьбе персонала начал помогать в отделении, начал читать художественную литературу. Отмечал, что по утрам оставалась «тяжелой голова», с трудом заставлял себя подняться с постели из-за сильной слабости.

Перед выпиской — спокоен, избирательно общается со сверстниками, охотно читает, принимает участие в трудовых процессах. Охотно беседует с врачом. Жалоб не предъявляет. Настроение в течение дня ровное. Просит о выписке.

Намерен продолжать занятия в институте. Продуктивной психосимптоматики в форме бреда галлюцинации не выявляется. В отделении получал лечение: мелипрамин 500 г, амитриптилин до 100 мг, транквилизаторы, симптоматическое лечение.

25/IV 74 ВВК — заключение: циклотимия.

Председатель ВВК — /Сорокин/

Члены ВВК — /Поляков/, /Булатова/»

20/I 77. Ответ в 124 чм. 18

Дата посещения	Анамнез	Жалобы больного, объективные данные, течение	Назначение
20/I 77	что, Дворкин А.Л. 1955 г.р. проживающий...	наблюдается диспансером по поводу нервно-психического заболевания в форме циклотимии.	ВВК / Лис. /
31/X 77	Звонил городской психиатр Котов В.П.	сообщил, что больной уехал за границу.	
21/X 77	Звонил домой, со слов матер.	больной как 9 месяцев уехал в Израиль.	

ПО «Печатник» УИМ. Зап. 183

«20/I 77 г. На ваш запрос сообщаем, что Дворкин А.Л. 1955 года рождения, проживающий... наблюдается диспансером по поводу нервно-психического заболевания в форме циклотимии.

31/ X 77 Звонил городской психиатр Котов В.П. Сообщил, что больной уехал за границу.

31/ X 77 Звонил домой, со слов матер: больной как 9 месяцев уехал в Израиль».

Источник: [3].

Диагноз Александра Дворкина — **циклотимия в сочетании с патологическим развитием личности** — представляет собой ключевой индивидуальный фактор, обуславливающий повышенную уязвимость его психики к формированию патологической идентичности (включающую не только разные «Я» в одном человеке, сильные эмоциональные колебания, недоверие к другим, но и **навязчивое желание поступать вопреки всем** (негативизм)). Циклотимическое расстройство, характеризующееся колебаниями между гипоманиакальными состояниями (например, раздражительность, экспансивность, завышенная самооценка) и депрессивными фазами (например, апатия, чувство упадка, снижение интереса к деятельности, усталость), создаёт условия, благоприятные для проявления или усиления черт **патологического нарциссизма**.

Наличие этих расстройств, задокументированных в юношеском возрасте, может рассматриваться как значимый **фактор риска**, способствовавший формированию агрессивной идентичности, склонной к компенсаторным фантазиям и затруднённому установлению эмпатических связей. В условиях экстремального стресса или насильственного опыта подобная психическая нестабильность, вероятно, усиливалась, проявляясь в прогрессирующей дезорганизации личностного функционирования.

В совокупности с ранее описанными чертами — включая нарциссические черты, неустойчивость идентичности, склонность к враждебной атрибуции и зависимость от компенсаторных фантазий — вышеуказанные данные указывают на соответствие поведенческому профилю, описанному в исследованиях серийных насильственных преступников с ранним началом преступной активности, чья дальнейшая криминальная траектория развивалась на фоне хронической эмоциональной и поведенческой нестабильности.

Соответствия с индивидуальным фактором, субфактором «Психологические и психопатологические особенности» в модели SIR:

SF1: Психологические и психопатологические особенности. Серийный убийца обладает своеобразными психологическими характеристиками, которые во

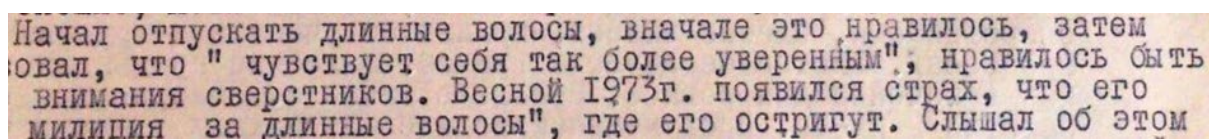
многих случаях связаны с психопатологическими особенностями и могут принимать различные формы (психические заболевания, неврологические нарушения) и определять его поведение.

Соответствия с реляционным фактором, субфактором «Общение с самим собой» в модели SIR:

SF1: Общение с самим собой. Серийные убийцы испытывают трудности в установлении и поддержании подлинно эмпатических отношений с другими и предпочитают жить в одиночестве, в окружении лишь своего воображения. Качество этих фантазий и внутренний диалог, который каждый серийный убийца ведет сам с собой, имеют основополагающее значение и влияют на его будущие действия.

Нарциссические черты. Фиксация на длинных волосах. Особое внимание заслуживает эпизод из автобиографии Александра Дворкина, связанный с его фиксацией на своих длинных волосах — элементе внешнего облика, который он наделял глубоким символическим значением и очень этим гордился. Согласно медицинским документам у него появился устойчивый страх, что его «арестует милиция за длинные волосы, где его остригут».

Цитата из медицинских документов: «Начал отпускать длинные волосы, вначале это нравилось, затем он почувствовал, что «чувствует себя более уверенным», нравилось быть в центре внимания сверстников. Весной 1973 года, появился страх, что его арестует милиция за длинные волосы, где его остригут».

Начал отпускать длинные волосы, вначале это нравилось, затем почувствовал, что "чувствует себя так более уверенным", нравилось быть в центре внимания сверстников. Весной 1973г. появился страх, что его арестует милиция за длинные волосы", где его остригут. Слышал об этом

Источник: [3].

В одном из эпизодов Дворкин повествует о том, как ему все-таки пришлось постричь волосы после посещения «военной кафедры», когда он ещё числился в педагогическом институте в Москве:

«Отец мой, вопреки уверенности подполковника, «главком» не был, и стричься мне пришлось. По мере того как под рукой парикмахера падали на пол мои локоны, я ощущал вытекающую из меня силу. Из парикмахерской я вышел разжалованным из генералов в рядовые. Теперь я опять сливался с толпой и ничем не выделялся из нее. На меня никто больше не пялил глаза и не оглядывался. Даже знакомые на Стриту перестали узнавать. Я доставал свою фотографию с волосами, лежащими на плечах, показывал ее всем, говорил, что это вынужденная мера. Знакомые вежливо мне сочувствовали и шли дальше. Я сам отторг себя от хиппового братства!

Я суетился, оправдывался и в совершенно безумном тщеславии дошел до того, что прикрепил к груди самодельный значок с собственным волосато-бородатым изображением, чтобы все видели, каким я был. Однако это не помогало. Не успев по-настоящему стать хиппи, я утратил это высокое для меня звание. Нужно было что-то решать».

Отец мой, вопреки уверенности подполковника, «главком» не был, и стричься мне пришлось. По мере того как под рукой парикмахера падали на пол мои локоны, я ощущал вытекающую из меня силу. Из парикмахерской я вышел разжалованным из генералов в рядовые. Теперь я опять сливался с толпой и ничем не выделялся из нее. На меня никто больше не пялил глаза и не оглядывался. Даже знакомые на Стриту перестали узнавать. Я доставал свою фотографию с волосами, лежащими на плечах, показывал ее всем, говорил, что это – вынужденная мера. Знакомые вежливо мне сочувствовали и шли дальше. Я сам отторг себя от хиппового братства!

Я суетился, оправдывался и в совершенно безумном тщеславии дошел до того, что прикрепил к груди самодельный значок с собственным волосато-бородатым изображением, чтобы все видели, каким я был. Однако это не помогало. Не успев по-настоящему стать хиппи, я утратил это высокое для меня звание. Нужно было что-то решать.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 75-76 [1].

Дворкин описывает острижение волос как травматическую утрату: *«По мере того как под рукой парикмахера падали на пол мои локоны, я ощущал вытекающую из меня силу... Я вышел разжалованным из генералов в рядовые»*. Эта метафора — потеря «силы», «звания», «узнаваемости» — указывает не просто на эгоцентризм или демонстративность, а на нарративное конструирование себя как исключительной фигуры, чья внешняя форма служит видимым знаком внутренней власти.

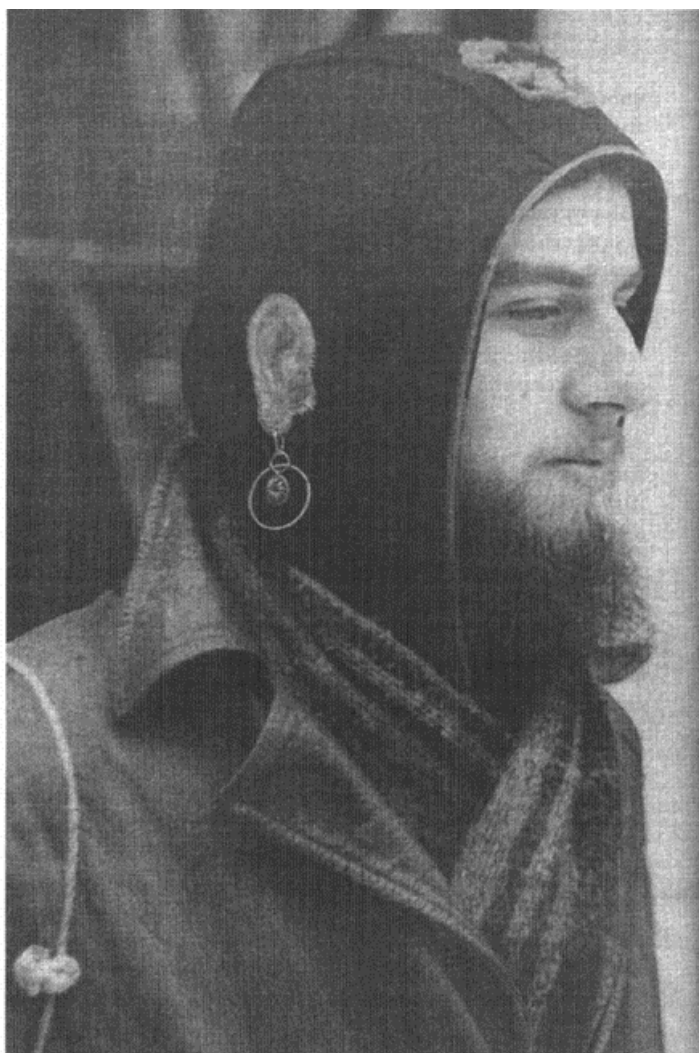
Для Александра Дворкина длинные волосы (а впоследствии и отпущенная борода), по-видимому, имели значение не только как внешний символ принадлежности к «элите» хиппи-субкультуре или средства привлечения внимания социального окружения, но и выступали как носители глубинного символического смысла. Одновременно в его внутреннем мире этот символ, вероятно, затрагивал и более глубокий образ в его подсознании. Он был знаком ему с детства — образ Иисуса Христа, с которым, Дворкин, повзрослев, очевидно, стал себя идентифицировать.

Учитывая **нарциссические черты Александра Дворкина**, склонность к **грандиозным фантазиям** и особенности его мышления, данный образ, скорее всего, функционировал в его когнитивно-аффективной системе не как символ сострадания или жертвенности, а как архетип абсолютной власти. Для Дворкина, учитывая его атеистическое мировоззрение, психические заболевания, нарциссические черты и стремление к абсолютной власти, идентификация с божественным образом, вероятно, трансформировалась в убеждение его собственной

исключительности и личной узурпации права распоряжаться жизнью и смертью других людей, то есть во внутреннее убеждение в праве на насилие. Таким образом, внешний облик становился для Дворкина **сакральным атрибутом «божественной избранности»**, маркером трансцендентной значимости, неподсудности, тайной власти.

Утрата этого символа была воспринята Дворкиным как акт десакрализации, унижения, экзистенциального кризиса, сопровождавшегося ощущением утраты уникальности и «богоподобности»: *«Теперь я сливался с толпой и ничем не выделялся из неё»*. Попытка компенсировать утрату через создание самодельного значка с собственным изображением может интерпретироваться как **острая тревожная реакция на воспринимаемую угрозу идентичности**, направленная на сохранение связи с идеализированным «Я».

Подобная динамика соответствует поведенческому паттерну, описанному в исследованиях нарциссической личности [6]: **фиксация на внешних символах исключительности, экстремальная уязвимость самооценки и кризис идентичности** при его утрате. Такие черты часто наблюдаются у лиц, склонных к экстремальным формам компенсации своей внутренней пустоты и неполноценности, включая насильственное поведение, направленное на восстановление чувства контроля и своей уникальности.

Александр Дворкин.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Сравнение с Иисусом Христом. Дополнительным подтверждением склонности Александра Дворкина к идентификации себя с божественным архетипом служит эпизод, описанный им в автобиографической книге «Моя Америка». После отчисления Дворкина из педагогического института за несоответствие «моральному облику педагога», он временно устраивается рентгентехником (рентгенолаборантом) в отделение реанимации кардиологического института. Дворкин проработал там недолго.

В начале лета он случайно столкнулся в коридоре с директором кардиологического института академиком Петровским, который сделал Дворкину

короткое ироничное замечание по поводу его неопрятного внешнего вида и длинных волос: «Ну, ты, **Иисус Христос**, немедленно марш в парикмахерскую!». Дворкин не просто запомнил этот инцидент, но и включил его в автобиографический нарратив, представив себя для читателя в выгодном свете — в роли морально превосходящего местный авторитет. В контексте ранее описанного мотива «**богоподобности**» эта аллюзия приобретает особое значение: речь здесь идёт не о религиозной идентичности Александра Дворкина (в то время он идентифицировал себя как ярый атеист), а о **проекции божественного статуса на собственное «Я»**.

*«... Как-то, это было уже в начале лета, он случайно столкнулся в коридоре со мной. Я отработал смену и шел по коридору, стянув с головы медицинскую шапочку. Длинные волосы висели в художественном беспорядке. Увидев меня, академик побагровел и осведомился у своей свиты, откуда я такой взялся. Ему доложили. Тогда светило науки обратился непосредственно ко мне, сказав буквально следующее: «Ну, ты, **Иисус Христос**, немедленно марш в парикмахерскую!» Я очень спокойно ответил ему, что мы на брудершафт с ним не пили, что обращаться ко мне на «ты» он не имеет права. Академик еще больше побагровел и сообщил, что я ему во внуки гожусь, поэтому он может ко мне обращаться как хочет. Я тихим голосом возразил, что все же не являюсь его внуком, а взрослые и ответственные люди обращаются друг к другу на «Вы», и поскольку, надеюсь, мы с ним оба взрослые люди, то я вправе ожидать от него обращения на «Вы». Министр рявкнул: «Вон!» и вместе со своей свитой удалился. Я сразу же пошел в отдел кадров и написал заявление об уходе по собственному желанию».*

и обычно ему подсовывали безнадежных больных. Как-то, это было уже в начале лета, он случайно столкнулся в коридоре со мной. Я отработал смену и шел по коридору, стянув с головы медицинскую шапочку. Длинные волосы висели в художественном беспорядке. Увидев меня, академик побагровел и осведомился у своей свиты, откуда я такой взялся. Ему доложили. Тогда светило науки обратился непосредственно ко мне, сказав буквально следующее: «Ну, ты, Иисус Христос, немедленно марш в парикмахерскую!» Я очень спокойно ответил ему, что мы на брудершафт с ним не пили, что обращаться ко мне

на «ты» он не имеет права. Академик еще больше побагровел и сообщил, что я ему во внуки гожусь, поэтому он может ко мне обращаться как хочет. Я тихим голосом возразил, что все же не являюсь его внуком, а взрослые и ответственные люди обращаются друг к другу на «Вы», и поскольку, надеюсь, мы с ним оба взрослые люди, то я вправе ожидать от него обращения на «Вы». Министр рявкнул: «Вон!» – и вместе со своей свитой удалился. Я сразу же пошел в отдел кадров и написал заявление об уходе по собственному желанию. Врачи, под началом ко-

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 85-86 [1].

В совокупности представленные данные могут рассматриваться как ранний индикатор формирования преступной идентичности, центральным мотивом которой выступает стремление к абсолютной власти, проецируемой через «божественное

соперничество» (архетип божественности). Публичное сравнение с Иисусом Христом, последовавшее за ним унижение и угроза утраты символического атрибута (длинных волос), вероятно, усилили у Александра Дворкина не только чувство собственной избранности, но и **обиду на социальное окружение, воспринимаемое им как враждебное и отрицающее его исключительность.**

Такая динамика соответствует поведенческому паттерну, описанному в исследованиях серийных убийц, чьё насилие нередко выступает как попытка имитировать или **присвоить божественную функцию** (функции трансцендентной власти) и **стереть или переопределить моральный порядок**, в рамках которого они ощущают себя униженными, непризнанными или отвергнутыми. Таким образом, патологическая фиксация Дворкина на длинных волосах может интерпретироваться как нарративный маркер зарождающейся **претензии на абсолютную власть (всевластие)** — одна из ключевых характеристик поведенческого профиля лиц, совершивших серийные насильственные преступления на основе грандиозных, «богоподобных» фантазий (с мотивом «богоподобности»).

Страх ареста, наказания и полиции. Как упоминает в своих книгах Джон Дуглас, у серийных преступников есть неподдельная боязнь того, что их найдут и накажут. В автобиографических текстах Александр Дворкин неоднократно рассказывает о ситуациях, демонстрирующих его устойчивый страх перед представителями правоохранительных органов, страх ареста и наказания. Эти страхи присутствуют как в эпизодах, где повествуются события, произошедшие в жизни Дворкина, так и в эпизодах, где он описывает свои ночные кошмары, в том числе и часто повторяющиеся сны.

Согласно психоаналитической традиции, сновидения могут отражать бессознательные конфликты, страхи, травматический опыт, переживания, недоступные для осознания в дневной жизни. Фрейд называл сон «королевской дорогой к бессознательному» и подчеркивал, что сны — это замаскированное удовлетворение подавленного желания. Сновидения маскируют истинный смысл через цензуру, где при расшифровке «явное» содержание ведет к латентному (скрытому) смыслу, который раскрывается через анализ символики и защитных механизмов, выявляя глубокие, в том числе, травмирующие переживания и тайные

желания. Страх полиции, проявляющийся в сновидениях, может быть проекцией собственной вины и тревоги.

Особенно показателен в этом контексте сон, который Александр Дворкин описывает в своей автобиографической книге «Моя Америка». В сюжете этого сна он преследуется сотрудником правоохранительных органов, а затем Дворкин пытается его убить. Примечательно, что тот же сюжет сна есть и в книге Аркадия Ровнера «Калалацы», которая написана по устному рассказу Александра Дворкина, когда тому было около 25 лет.

Интересно, что в книге «Калалацы» упоминается, что этот сон снился персонажу по имени Бостон. Учитывая, что этот рассказ был написан по устному рассказу Дворкина, допускаем именно такую передачу информации. В психоанализе Фрейда описан феномен, при котором человек приписывает себе лучшие качества и перекладывает свои недостатки на других. Это является классическим проявлением защитного механизма проекции, особенно характерного для человека с невротическими или нарциссическими паттернами поведения. Проекция является неосознанным психологическим защитным механизмом, при котором человек приписывает другому человеку свои неприемлемые, подавленные мысли, эмоции, мотивы или качества, а также собственные тревоги и неуверенности, чтобы избежать дискомфорта от признания их в себе.

Анализ автобиографических книг Александра Дворкина указывает на то, что там содержится достаточно много эпизодов, где Дворкин идеализирует себя, приписывая себе лучшие качества, поступки, и обесценивает или «демонизирует» других, в том числе авторитетных или известных людей, чтобы сохранить свое «идеальное Я». Такое поведение весьма характерно для нарциссического расстройства личности или пограничного расстройства, когда есть сильная потребность поддерживать свой идеальный образ. Напомним, что *нарциссическое расстройство личности* (НРЛ) [7] — это сложное психологическое состояние, характеризующееся устойчивым проявлением грандиозности, потребностью в восхищении и отсутствием эмпатии. НРЛ может вызывать значительные социальные и профессиональные проблемы и часто сопровождается сопутствующими психическими расстройствами и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ.

Эпизод из книги «Калалацы»: «Бостону снились необыкновенные сны. Однажды он **убегал по рытвинам от участкового майора Кузякина**. Участковый Кузякин долго его преследовал, размахивал пистолетом и кричал: "Врёшь, не уйдёшь!" Наконец, Бостон оторвался, **спрятался там — была яма — и толкнул Кузякина в яму, и даже завалил камнями**. И вдруг видит: Кузякин **лезет из ямы и кричит**: "Врёшь, дурак, — Кузякин бессмертен!"»

Другой раз ему приснилось, что **дом его окружён, и в комнату к нему вламывается толпа**, и тогда он начинает подниматься по лестнице, неизвестно откуда явившейся посреди комнаты, он всё лезет и лезет, проходит потолки, крышу, а лестница всё не кончается, и, наконец, он выбирается на второй этаж, и с этой мыслью, что он на втором этаже жизни, он просыпается».

Бостону снились необыкновенные сны. Однажды он убегал по рытвинам от участкового майора Кузякина. Участковый Кузякин долго его преследовал, размахивал пистолетом и кричал: «врёшь, не уйдёшь!» Наконец, Бостон оторвался, спрятался — там была яма — и толкнул Кузякина в яму, и даже завалил камнями. И вдруг видит: Кузякин лезет из ямы и кричит: «врёшь, дурак, — Кузякин бессмертен!»

Другой раз ему приснилось, что дом его окружён, и в комнату к нему вламывается толпа, и тогда он начинает подниматься по лестнице, неизвестно откуда явившейся посреди комнаты, он всё лезет и лезет, проходит потолки, крышу, а лестница всё не кончается, и, наконец, он выбирается на второй этаж, и с этой мыслью, что он на втором этаже жизни, он просыпается.

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 46 [2].

Эпизод из книги Александра Дворкина «Моя Америка»: «А под вечер этого же дня меня наконец-то застал дома участковый капитан Кузякин. Он давно охотился за мною, но обнаружить меня дома было не так-то просто. Капитан ненавидел меня люттой ненавистью: я был единственной «паршивой овцой» на его участке. С остальными было проще: набедокурил, попался и

отправился в тюрьму. Участок опять чистый. А меня никак не удавалось отправить с подведомственной ему территории, и я продолжал портить статистику, из-за чего ему никак не давали майора.

Досаждал он мне изрядно. Помню даже однажды приснившийся мне сон, в котором я убегал по каким-то буеракам от преследовавшего меня по пятам доблестного капитана. Несмотря на все мои уловки, он никак не отставал. Наконец мне удалось подстроить так, что он свалился в яму. Я засыпал ее тяжелейшими валунами и только успел вздохнуть с облегчением, как увидел выползающего из-под камней милиционера, задорно кричащего: «Врешь, паскуда, не возьмешь! Кузякин бессмертен!» Проснулся я в холодном поту».

А под вечер этого же дня меня наконец-то застал дома участковый капитан Кузякин. Он давно охотился за мною, но обнаружить меня дома было не так-то просто. Капитан ненавидел меня лютой ненавистью: я был единственной «паршивой овцой» на его участке. С остальными было проще: набедокурил, попался и отправился в тюрьму. Участок опять чистый. А меня никак не удавалось отправить с подведомственной ему территории, и я продолжал портить статистику, из-за чего ему никак не давали майора.

Досаждал он мне изрядно. Помню даже однажды приснившийся мне сон, в котором я убегал по каким-то буеракам от преследовавшего меня по пятам доблестного капитана. Несмотря на все мои уловки, он никак не отставал. Наконец мне удалось подстроить так, что он свалился в яму. Я засыпал ее тяжелейшими валунами и только успел вздохнуть с облегчением, как увидел выползающего из-под камней милиционера, задорно кричащего: «Врешь, паскуда, не возьмешь! Кузякин бессмертен!»

Проснулся я в холодном поту.

В современных нейропсихологических исследованиях отмечается, что травматические переживания, которым человек подвергался в прошлом, оставляют глубокие следы в психической структуре человека и могут воскреснуть в виде травматических снов. Травматические или повторяющиеся сны часто связаны с неразрешёнными внутренними конфликтами и продолжающейся переработкой травмы. Явный сюжет сна Александра Дворкина маскирует латентный смысл, отражающий подавленные желания и страхи. Для раскрытия содержания требуется анализ символики и защитных механизмов. Учитывая, что субъект помнит этот сон спустя 30 лет, это дополнительно указывает на маркер фиксации на травматическом конфликте, связанном с желанием абсолютной власти, сохранения анонимности и неизбежным наказанием.

Параноидная тревога и латентное чувство вины. Так что же скрывается за реальными внутренними страхами Александра Дворкина? Анализ данных из открытых источников выявляет диссонансную реакцию Дворкина на взаимодействие с правоохранительными органами, что может указывать на наличие латентного чувства вины и сопутствующей параноидной тревоги.

С одной стороны, в своём интервью 1979 года молодой Александр Дворкин с иронией упоминает, что, когда он бродяжничал (позже в автобиографии своё бродяжничество он назовёт «автостопным путешествием»), его много раз (почти «каждый день») задерживали сотрудники правоохранительных органов.

Фрагменты интервью с Александром Дворкиным (1979 г.) [5]:

Q. *«... Я помню, вы также говорили о столкновениях с милицией. Когда и где это с вами происходило — вы, кажется, говорили, что у вас были проблемы с милицией?»*

A. *«Через день /оба смеются/ — в каждом городе и посёлке. Я просто выглядел подозрительно».*

Q. /смех/ /диктофон выключен/

A. Хорошо. Ну, самое тяжёлое — однажды мы были в Крыму, где меня один раз побрили, затем в городе Херсоне меня посадили в тюрьму на две недели. Ну, помимо тех случаев, когда меня избивали, но, ладно, это происходило слишком часто, так что я не могу вспомнить все разы.

Q. Почему вас посадили в тюрьму в Херсоне?

A. Потому что они сказали, что у меня и у моего друга были поддельные паспорта, а если человек не может доказать свою личность, они имеют право арестовать его в его городе на три дня, а в чужом городе — на две недели. Так что, конечно, у них ушло две недели, чтобы связаться с Москвой и доказать...

Q. Что это действительно были вы.

A. — мой паспорт. Да.

Q. Какой была тюрьма?

A. Вообще-то это была не тюрьма, это была тюрьма для всех людей без подтверждённых документов — вроде всех бродяг. Это что-то вроде тюрьмы (?), как вы это называете? По-русски это называется... «приемное отделение».

Q. У нас это называют предварительным задержанием».

are a mentally sick person, and if you were sick at the time of committing the crime you just get a year or more of cure in the mental hospital. So some people would prefer it. They didn't know what would *be better*

(?)

Q. Prefer that to prison. I remember you talked also about run-ins with the militia. When and where did that happen to you that I think you said you had some trouble with the militia?

A. Every other day [Both laugh] in every city and town. I just looked suspicious.

Q. [Laugh] [Recorder off]

A. Okay. Well, the most heavy, once we were in Crimea where I was shaved once, then in the City of Kherson I was taken to prison for two weeks. Well, besides the ones where I was beaten, but, okay, it happened too much, so I can't remember all the times.

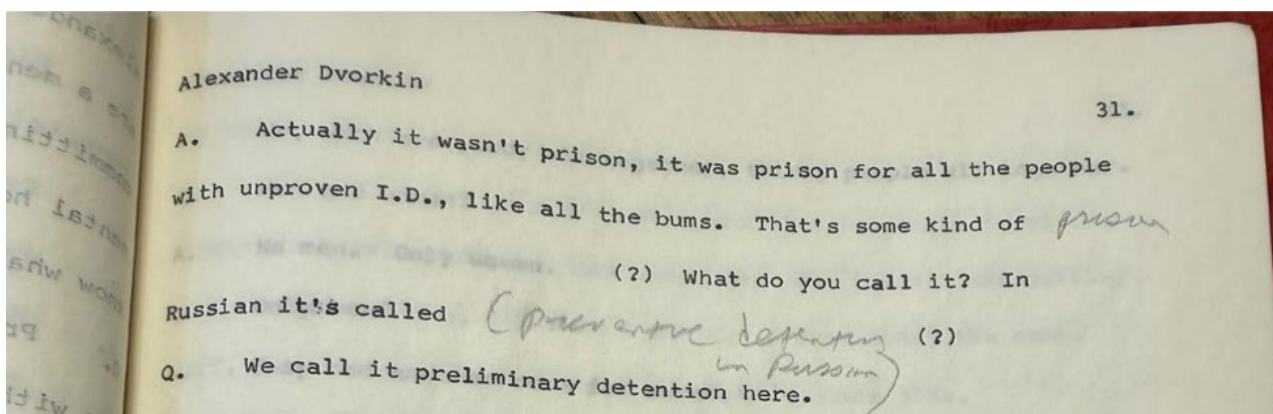
Q. Why did they take ^{it} you to prison in Kherson?

A. Because they said that my friend and me had false passports, and if a person can't prove his identification, they have a right to arrest him in his city for three days and in a strange city for two weeks. So there of course it took them two weeks to call to Moscow and prove --

Q. That you were you.

A. -- my passport. Yes.

Q. What was the prison like?

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» [5].

С другой стороны, в своей автобиографической книге «Моя Америка» Александр Дворкин приводит эпизоды, свидетельствующие о ярко выраженной панической реакции на контакт с представителями власти и правоохранительными органами как в **повторяющемся сне**, так и в жизненных ситуациях:

*«В течение большей части моей эмиграции (до начала перестройки и появления возможности вернуться) мне **часто снился один и тот же сон.***

*Я возвращаюсь домой, хожу по знакомым с детства улицам, общаюсь с родными и друзьями. Меня переполняет щемящее чувство радости: разлука преодолена! Но вдруг подходит наряд милиции, меня сажают в «воронок» и увозят, причем я понимаю, что назад в Америку меня уже не отпустят и что ничего, **кроме долгих лет тюрьмы, мне не светит...***

Я просыпаюсь в холодном поту, вижу, что я в Америке, на свободе, с облегчением вздыхаю, но... Значит, я не дома! И облегчение сменяется глубокой печалью».

В течение большей части моей эмиграции (до начала перестройки и появления возможности вернуться) мне часто снился один и тот же сон.

Я возвращаюсь домой, хожу по знакомым с детства улицам, общаюсь с родными и друзьями. Меня переполняет щемящее чувство радости: разлука преодолена! Но вдруг подходит наряд милиции, меня сажают в «воронок» и увозят, причем я понимаю, что назад в Америку меня уже не отпустят и что ничего, кроме долгих лет тюрьмы, мне не светит...

Я просыпаюсь в холодном поту, вижу, что я в Америке, на свободе, с облегчением вздыхаю, но... Значит, я не дома! И облегчение сменяется глубокой печалью.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 39 [1].

Другой эпизод описывает панический страх Дворкина перед правоохранительными органами перед его вылетом за границу:

«Потом шампанское и таможня. Досмотрели мои вещи поверхностно, потом принялись за Лайми. Я стоял, ждал и мечтал, как мы помашем всем рукой с балкончика и какие слова я скажу на прощанье. Что-то долго Лешу шмонают. Ну, вроде все. Нет, опять нашли что-то. Потом у него куда-то запропастилась виза, и, когда он лихорадочно выворачивал карманы, пришел капитан-пограничник и сказал, что мы задержаны. Помню животный страх до дрожи в коленках, до обморочного состояния, до смерти... но тут виза нашлась. Ух, полегчало. Но он все равно приглашает следовать за собой — страх нахлынул опять. Он ведет нас какими-то окольными путями, мимо солдат-мордоворотов, через комнаты и подземные переходы с трубами над головой. Еле иду, подгибаются коленки. И вдруг большой зал с обилием света и иностранцев. Тут я понял, что все-таки улечу, но что слов прощания не будет. Все».

но. Потом шампанское – и таможня. Досмотрели мои вещи поверхностно, потом принялись за Лайми. Я стоял, ждал и мечтал, как мы помашем всем рукой с балкончика и какие слова я скажу на прощанье. Что-то долго Лешу шмонают. Ну, вроде все. Нет, опять нашли что-то. Потом у него куда-то запропастилась виза, и, когда он лихорадочно выворачивал карманы, пришел капитан-пограничник и сказал, что мы задержаны. Помню животный страх до дрожи в коленках, до обморочного состояния, до смерти... но тут виза нашлась. Ух, полегчало. Но он все равно приглашает следовать за собой – страх нахлынул опять. Он ведет нас какими-то окольными путями, мимо солдат-мордоворотов, через комнаты и подземные переходы с трубами над головой. Еле иду, подгибаются коленки. И вдруг – большой зал с обилием света и иностранцев. Тут я понял, что все-таки улечу, но что слов прощания не будет. Все.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 59 [1].

Противоречие между ироничным упоминанием Александра Дворкина своих задержаний правоохранительными органами в процессе его бродяжничества по городам и селам в интервью 1979 года и паническими воспоминаниями в автобиографии «Моя Америка», написанной три десятилетия спустя, отражает **эволюцию нарратива и психологических механизмов защиты, указывающих на глубинное, бессознательное ощущение вины, трансформирующееся в параноидную тревогу.** В условиях отсутствия реальной угрозы преследования Александр Дворкин мог позволить себе ретроспективно признать глубинный страх, ранее им подавлявшийся. Тем не менее, сама потребность описать этот страх с такой интенсивностью может рассматриваться как косвенный **маркер латентного чувства вины, связанного с нераскрытыми тяжкими деяниями прошлого.**

В криминальной психологии подобная динамика часто наблюдается у лиц, скрывающих тяжкие преступления: несмотря на отсутствие объективных оснований для опасений, они испытывают **навязчивый страх разоблачения**, ощущение преследования и убеждённость в том, что окружающие (особенно представители власти) «знают правду».

Источники:

1. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
2. Аркадий Ровнер «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.
3. <https://actfiles.org/alexander-dvorkins-medical-files-full-archive/>
4. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.
5. A 1979 interview with Alexander Dvorkin for the project "Recent Soviet Immigrants in America.". Interviewer: Lynn Visson (June 19–20, 1979). William E. Wiener Oral History Library of the American Jewish Committee. New York Public Library (NYPL) Research Libraries.
<https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/page/n5/mode/2up>
6. Ronningstam, E. F. (2005). Identifying and understand the narcissistic personality. Oxford University Press. <https://psycnet.apa.org/record/2005-05680-000>
7. Paroma Mitra; Tyler J. Torrico; Dimy Fluyau (2024). Narcissistic Personality Disorder. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK556001/#:~:text=Psychoanalyst%20Wilhelm%20Reich%20described%20,the%20development%20of%20NPD%20in>

Часть 5.

Полинаркомания. Деструктивная девиация

Представляется целесообразным в дальнейшем провести комплексный криминологический и психобиографический анализ роли психоактивных веществ в формировании поведенческой траектории Александра Дворкина. Особое внимание заслуживает его **практическое знание фармакологических свойств различных психоактивных веществ, включая их комбинации, эффекты, риски передозировки и потенциально летальные последствия.**

Злоупотребление психоактивными веществами — это немедицинское потребление химических веществ, оказывающих влияние на центральную нервную систему и психические функции. Оно дополнительно повреждает участки мозга, что приводит к импульсивности, агрессии и антисоциальному поведению. Это тесно связано с ростом криминальной агрессии и преступностью.

Нейровизуализационное исследование зависимости (Goldstein & Volkow, 2011) [1], которое было поддержано Национальным институтом по борьбе со злоупотреблением наркотиками США, показывает, что **хроническое употребление психоактивных веществ, интоксикация ими** само по себе **нарушает работу префронтальной коры у наркозависимых**, снижая толерантность к фрустрации, способность контролировать импульсы и оценивать последствия, что усиливает агрессию и антисоциальное поведение и объясняет импульсивное и рискованное поведение зависимых.

Нейропсихиатрические исследования [2] также отмечают, что у лиц с криминальным поведением и насильственными преступлениями нередко

обнаруживаются повреждения префронтальной коры; при сочетании с зависимостью **риск агрессии резко возрастает.**

В контексте криминальной психологии злоупотребление психоактивными веществами рассматривается как сопутствующий фактор, способный снижать порог самоконтроля, усиливать импульсивность и склонность к рискованному поведению, смене ценностей и детерминировать антисоциальное поведение, что часто приводит к рецидивам. Исследования показывают, что психологические деформации, агрессивное поведение и когнитивные искажения выступают в качестве основного психологического фактора, лежащего в основе преступного поведения наркомана. У преступников обнаруживают сходные образцы мышления. Они включают в себя: постоянную ложь, отсутствие самокритики, неспособность к эмпатии, стремление к немедленному удовлетворению своих желаний, перенос вины на окружающих людей и обстоятельства. В случае лиц с предрасположенностью к антисоциальному поведению (например, при наличии патологического развития личности или психопатических черт), хроническое злоупотребление психоактивными веществами может усугублять уже существующие когнитивные искажения, способствуя криминализации. Таким образом, наркомания и психоактивная интоксикация выступают как катализаторы и усилители латентных девиантных тенденций.

Несмотря на публичные заявления Александра Дворкина о незнании «физики и химии», данные из автобиографических и биографических источников свидетельствуют о том, что Александр Дворкин обладает детализированным пониманием действия психотропных веществ: он не только умеет вызывать с их помощью определённые психические состояния, но и знает, как комбинировать их с медицинскими препаратами для усиления или модуляции эффекта — вплоть до **создания потенциально опасных для жизни сочетаний.**

Этот уровень компетенции объясняется совокупностью факторов:

1. **Семейная среда:** его дед, который во многом заменял ему отсутствующего в семье отца, отбывал наказание за преступления, связанные с «химией» («мой дед, в свое время **отсидевший приличный срок** в сталинском лагере», «он **отсидел своё за химию**»), что предполагает наличие специфической информации в семейной среде, где рос Дворкин.

2. **Ближайшие родственники:** в семье воспитывалась сестра

Александра Дворкина, состоявшая на учёте в психоневрологическом диспансере, что предполагает **доступ Дворкина к психотропным препаратам в домашних условиях** и наблюдение за их воздействием.

3. Личный опыт пациента: сам Дворкин в течение нескольких лет находился под наблюдением специалистов в психоневрологическом диспансере и пребывал на стационарном лечении в психиатрической больнице, где получил **практические знания о дозировках, механизмах действия и побочных эффектах психофармакологических средств.**

4. Профессиональный эпизод в медицинской сфере: будучи на учете в психоневрологическом диспансере, Александр Дворкин недолгое время работал санитаром в отделении травматической реанимации, где имел доступ к психоактивным веществам.

5. Длительный опыт употребления психоактивных веществ: Дворкин, как человек с продолжительным стажем употребления психоактивных веществ, приобрёл опыт и знания, включая знания о психофармакологических средствах, различных их комбинациях, дозировках, способах изготовления наркотических веществ, а также знания в области управления психоактивными состояниями — **достижение целевых изменений сознания и осознание рисков, связанных с передозировкой и смертельными комбинациями веществ.**

Таким образом, знания Александра Дворкина в области психофармакологии выходят далеко за рамки бытового опыта и приближаются к практической, хотя и неформальной, компетенции, что делает его потенциально способным к **целенаправленному использованию психоактивных веществ в качестве инструмента воздействия, в том числе в криминальных целях.** Информация из исследуемых автобиографических, биографических и иных открытых источников содержит значительное количество эпизодов, связанных с контентом, указывающим на роль психоактивных веществ в формировании поведенческой траектории Дворкина, на практическое знание им фармакологических свойств различных психоактивных веществ, на употребление психоактивных веществ (полинаркоманию) и на взаимодействие с социальным окружением, вовлечённым в наркотическую среду, — как в качестве потребителей, так и участников их распространения.

В рамках настоящей статьи приводятся лишь несколько наглядных примеров — фрагментов, взятых из:

— книги Аркадия Ровнера «Калалацы» [3] (первая публикация в 1980 г.), написанной по устным рассказам Александра Дворкина;

— интервью 1979 года, которое дал Александр Дворкин для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» [4];

— автобиографической книги Александра Дворкина «Моя Америка» (2013) [5].

Эпизод 1. «— *Hello children*, — смеясь, закивал головой Лопухов, — *my name is Jimmy Hendrix*. Я **принял порцию героина**, через пять минут он начнет действовать, а пока я вам что-нибудь сыграю. Вообще-то я, ребята, дрянь, но на гитаре умею играть. И переходя на свой голос. — Ну ладно, вокайте дальше, Буптов. Люблю я вас слушать, а потом за свое выдавать. Я у своей кодлы в теоретиках хожу — вашей милостью. А выпить у вас есть?»

— **Hello children**, — смеясь, закивал головой Лопухов, — **my name is Jimmy Hendrix**. Я **принял порцию героина**, через пять минут он начнет действовать, а пока я вам что-нибудь сыграю. Вообще-то я, ребята, дрянь, но на гитаре умею играть. — И переходя на свой голос. — Ну ладно, вокайте дальше, Буптов. Люблю я вас слушать, а потом за свое выдавать. Я у своей кодлы в теоретиках хожу — вашей милостью. А выпить у вас есть? Не

71

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 71 [3].

Эпизод 2. «Обычно начинали со снотворного, с какого-нибудь димедрола полпачки, пачки, двух. Я стадию димедрола не прошёл и очень этим гордился: от него тяжёлая тупость. Димедрол это антиаллергетик с побочным снотворным эффектом. Была смешная история в Киеве: парень вошёл в аптеку и спросил димедрол, а ему говорят: да ни, немає, усё хипи поили.

После димедрола начинали есть седуксен, эноокрин, ноксирон, а также все

снотворные барбитурного ряда: барбамил, фенобарбитал и другие — одним словом, барбитуру. На этой же ступени начинали курить дурь: план, паль, анашу — грубо просеянный гашиш (пыльцу с конопли) — и марихуану (листки протёртые). Вся старая система прошла через барбитурную стадию и застряла на седуксене.

Если в больнице дают антидепрессант, то от него бывают сильные судороги, потому нужен и циклодол как корректор. Но если циклодол есть отдельно, то бывают яркие галлюцинации. Ноксирон же едят, как седуксен, закидываются от пяти и больше. Тогда он перестаёт усыплять и начинает действовать по назначению.

Однажды — я тогда уже учился в институте — мы вместе с Алёной наелись седуксена, ходили и блаженствовали. Она украла из столовой пять яиц — я спросил: зачем? — она сказала: подожди — увидишь. А когда мы вышли, она стала бросать яйца в институтскую стену и, бросая, приговаривать: вот зачем! Вот зачем!»

Обычно начинали со снотворного, с какого-нибудь димедрола — полпачки, пачки, двух. Я стадию димедрола не прошёл и очень этим гордился: от него тяжёлая тупость. Димедрол — это антиаллергетик с побочным снотворным эффектом. Была смешная история в Киеве: парень вошёл в аптеку и спросил димедрол, а ему говорят: да ни, нимае,

усё хипы поилы.

После димедрола начинали есть седуксен, энокрин, ноксирон, а также все снотворные барбитурного ряда: барбамил, фенobarбитал и другие — одним словом, барбитуру. На этой же ступени начинали курить дурь: план, паль, анашу — грубо просеянный гашиш (пыльцу с конопли) — и марихуану (листки протёртые). Вся старая система прошла через барбитурную стадию и застряла на седуксене.

Если в больнице дают антидепрессант, то от него бывают сильные судороги, потому нужен и циклодол как корректор. Но если циклодол есть отдельно, то бывают яркие галлюцинации. Ноксирон же едят, как седуксен, — закидываются от пяти и больше. Тогда он перестаёт усыплять и начинает действовать по назначению.

Однажды — я тогда уже учился в институте — мы вместе с Алёной наелись седуксена, ходили и блаженствовали. Она украдала из столовой пять яиц — я спросил: зачем? — она сказала: подожди — увидишь. А когда мы вышли, она стала бросать яйца в институтскую стену и, бросая, приговаривать: вот зачем! вот зачем!

— — —

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 53, 54 [3].

Эпизод 3. *«Тот, кто проходил седуксеновую стадию — если проходил, потому что застревали на всех этапах, — переходил к кодеину с ноксироном, и тогда проявлялся подлинный смысл ноксирона. Если на пять кодеинин брать одну ноксиронину, то кайф получался красивый и чистый, как китайская гравюра.*

Однажды надо мной жестоко подшутили. Маковый сезон закончился, дырок новых я ещё не вышустрил, а старые закрылись. Тогда я пошёл к знакомому врачу — тот дал мне фентопил. Я вмазался в задницу — я от кого-то слышал, что если вмазать в мышцу, то выходит красивая кодеиновая таска — и поехал на день рождения к Алёне. И вдруг спина моя ушла назад, а шея вперёд — меня всего скрутило».

пошли по лагерям, потому что в дурдомах их не обнаружили.

Тот, кто проходил седуксеновую стадию — если проходил, потому что застревали на всех этапах, — переходил к кодеину с ноксиромом, и тогда проявлялся подлинный смысл ноксирона. Если на пять кодеинин брать одну ноксиронину, то кайф получался красивый и чистый, как китайская гравюра.

Однажды надо мной жестоко подшутили. Маковый сезон

54

закончился, дырок новых я ещё не вышустрил, а старые закрылись. Тогда я пошёл к знакомому врачу — тот дал мне фентопил. Я вмазался в задницу — я от кого-то слышал, что если вмазать в мышцу, то выходит красивая кодеиновая таска — и поехал на день рождения к Алёне. И вдруг спина моя ушла назад, а шея вперёд — меня всего скрутило.

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 54, 57 [3].

Эпизод 4. «Где-то между седуксеном, кодеином и циклодолом начинали шмыгаться — курение дури продолжалось на всех ступенях. Пройдя низшие ступени, человек выходил к «благородным» наркотикам, а все остальные отсекались. Оставались — дурь, опиаты и кокаин.

Опиаты — это кодеин, морфин, фентопил, ну и, конечно, самодельный опий из маков. (Фентопил — венгерский препарат, его дают с дренопериодолом перед операцией, чтобы больной не волновался). Есть несколько технологий для получения самодельного опия...»

Где-то между седуксеном, кодеином и циклодолом начинали шмыгаться — курение дури продолжалось на всех ступенях. Пройдя низшие ступени, человек выходил к благородным

57

наркотикам, а все остальные отсекались. Оставались — дурь, опиаты и кокаин.

Опиаты — это кодеин, морфин, фентопил, ну и, конечно, самодельный опий из маков. (Фентопил — венгерский препарат, его дают с дренопериодолом перед операцией, чтобы больной не волновался).

Есть несколько технологий для получения самодельного опия. Всё зависит от того, ворует ли ты маки или вольготно

Аркадий Ровнер. «Калалацы», стр. 57-58 [3].

Эти и другие данные говорят о том, что исследуемый объект практиковал полиупотребление психоактивных веществ (полинаркомания) и обладал представлением об их потенциально летальных последствиях — в том числе на основе наблюдений за судьбами своих знакомых. Известно, что в конце 1970-х годов среди лиц, употребляющих психоактивные вещества, распространённой была комбинация диазепама (диазепам принадлежит к семейству бензодиазепинов, в СССР — под торговым названием «Седуксен») с другими депрессантами центральной нервной системы, включая алкоголь и опиоиды (например, морфин). При употреблении диазепама («седуксена») с этими веществами депрессивное, седативное действие обоих препаратов усиливается в геометрической прогрессии, резко повышая риск передозировки.

Одновременная комбинация диазепама и опиоидов вызывает опасные побочные эффекты. Согласно фармакологическим исследованиям [6], одновременное применение бензодиазепинов и опиоидов приводит к синергетическому усилению их депрессивного действия: угнетение дыхательного центра, снижение артериального давления, нарушения сознания, а также резкое повышение риска развития комы и летального исхода. Уже при терапевтических дозах такая комбинация может вызывать глубокую седацию, когнитивные нарушения, дезориентацию и потерю способности к адекватному суждению. При передозировке риск смерти возрастает экспоненциально.

Эпизод 5. «Существовать от лета до психбольницы, а затем опять — от психбольницы до лета... Слава Богу, меня это пока коснулось меньше, моих друзей — гораздо больше, но в этом чередовании периодов вольной жизни с психиатрическими застенками была роковая неизбежность, которая стоила слишком дорого».

к распаду личности. Существовать от лета до психбольницы, а затем опять — от психбольницы до лета... Слава Богу, меня это пока коснулось меньше, моих друзей — гораздо больше, но в этом чередовании периодов вольной жизни с психиатрическими застенками была роковая неизбежность, которая стоила слишком дорого.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 118 [5].

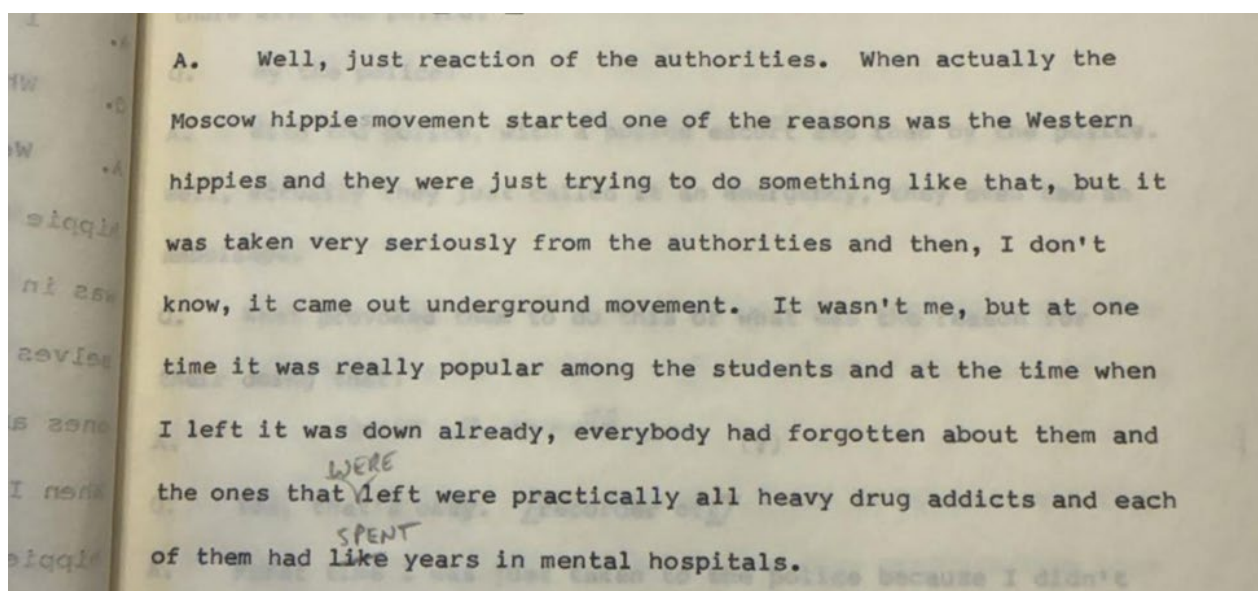
Эпизод 6. *«Кроме того, имелась и еще одна крайне важная проблема: наркотики. Постепенно они проникли в нашу среду и, как яд, отравляли ее. Я не говорю о неотвратимом распаде личности, к которому они приводили. Но они разлагали и все наше братство. Собственно, с распространением наркотиков оно перестало существовать: остались лишь изолированные одиночки, каждый из которых был заинтересован только тем, где раздобыть новую дозу. Постепенно доза начала заменять все идеи, друзей, любовь, да и жизнь, наконец. Все чаще мы сталкивались с торговлей между своими, с воровством, с предательством друзей, с отказом от самых близких людей. Участились и аресты: теперь у властей нарисовался абсолютно безупречный повод борьбы с нами. Появились и первые среди нас погибшие от передозировок и других связанных с наркотиками причин».*

Кроме того, имелась и еще одна крайне важная проблема: наркотики. Постепенно они проникли в нашу среду и, как яд, отравляли ее. Я не говорю о неотвратимом распаде личности, к которому они приводили. Но они разлагали и все наше братство. Собственно, с распространением наркотиков оно перестало существовать: остались лишь изолированные одиночки, каждый из которых был заинтересован только тем, где раздобыть новую дозу. Постепенно доза начала заменять все – идеи, друзей, любовь, да и жизнь, наконец. Все чаще мы сталкивались с торговлей между своими, с воровством, с предательством друзей, с отказом от самых близких людей. Участились и аресты: теперь у властей нарисовался абсолютно безупречный повод борьбы с нами. Появились и первые среди нас погибшие от передозировок и других связанных с наркотиками причин.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 121 [5].

Эпизод 7. Фрагменты из интервью с Александром Дворкиным (1979 г.):

*«...Ну, это была просто реакция властей. Когда фактически началось московское хиппи-движение, одной из причин были западные хиппи, и они просто пытались делать что-то подобное, но власти отнеслись к этому очень серьезно, и затем, я не знаю, это ушло в подполье. Это был не я, но в какой-то момент это было действительно очень популярно среди студентов, а к тому времени, **когда я уехал, движение уже пошло на спад, все о них забыли, и те, кто остались, были практически все тяжёлыми наркозависимыми, и каждый из них провёл по несколько лет в психиатрических больницах**».*

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр.4 [4].

Эпизод 8.

«Q. Когда вы говорите о хиппи-культуре в Советском Союзе, вы имеете в виду наркотическую культуру или вы различаете эти две вещи?»

A. Да, я провожу различие, потому что хиппи-культура не возникла из наркотиков, так что... Наркокультура появилась значительно позже и была очень тесно с этим связана. Но существовала наркокультура у заключённых и у (рукописная пометка: «каторжные / тюремный термин?»)»

Q. Осуждённых.

A. Да, у осуждённых, так что это было другое. Кроме того, была мусульманская культура, которая является древней культурой гашиша.

Q. И существует уже очень давно. Нашли ли вы какую-то связь между одной из этих культур — хиппи или наркотической — и какими-то религиозными подпольными группами или мистическими течениями?»

A. Ну, многие хиппи интересовались мистикой и всевозможными религиями, и многие из них потом или уже в то время примыкали к различным религиозным сектам и группам после или в то время как они были хиппи.

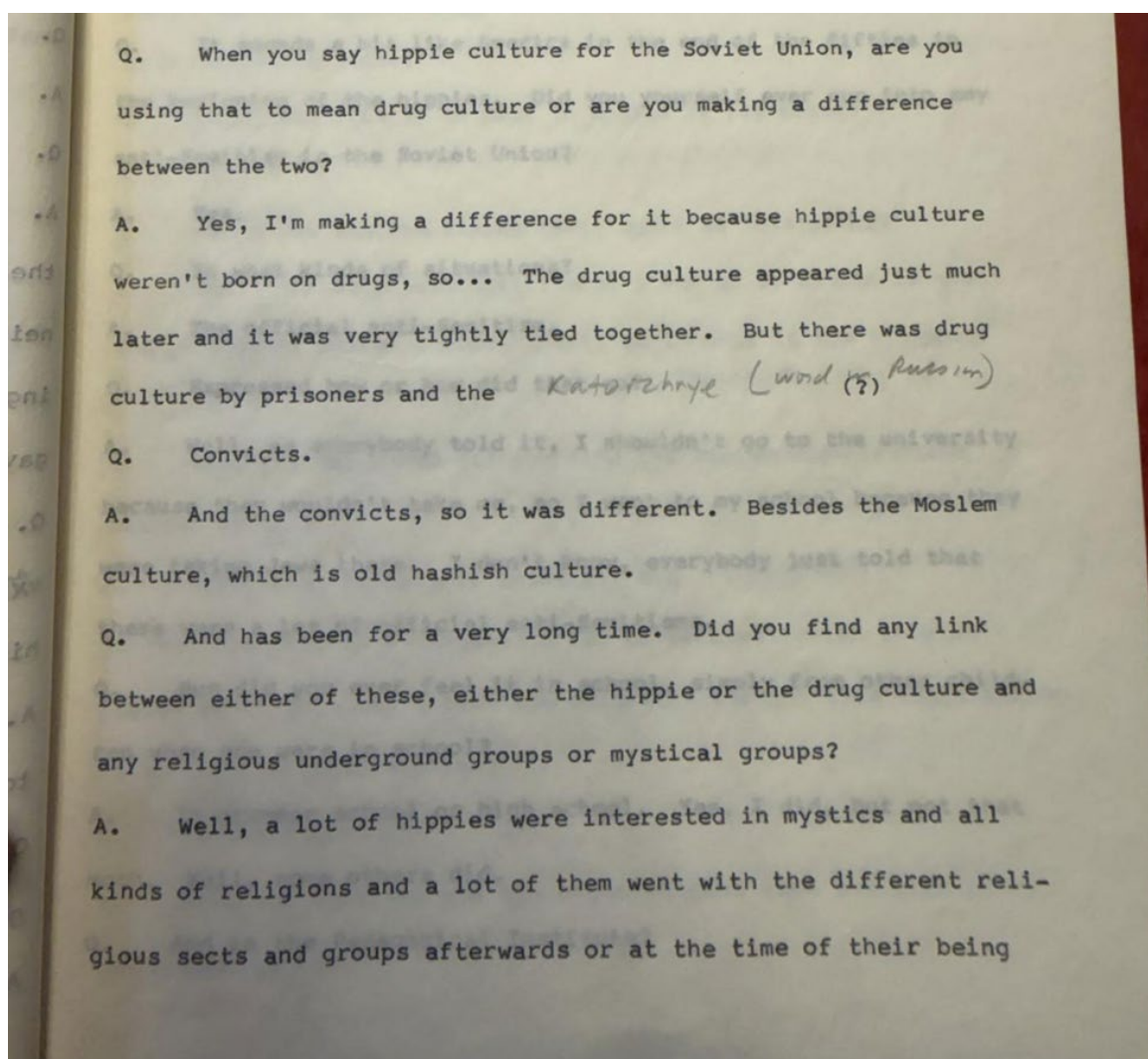
Q. Какие именно религиозные группы?

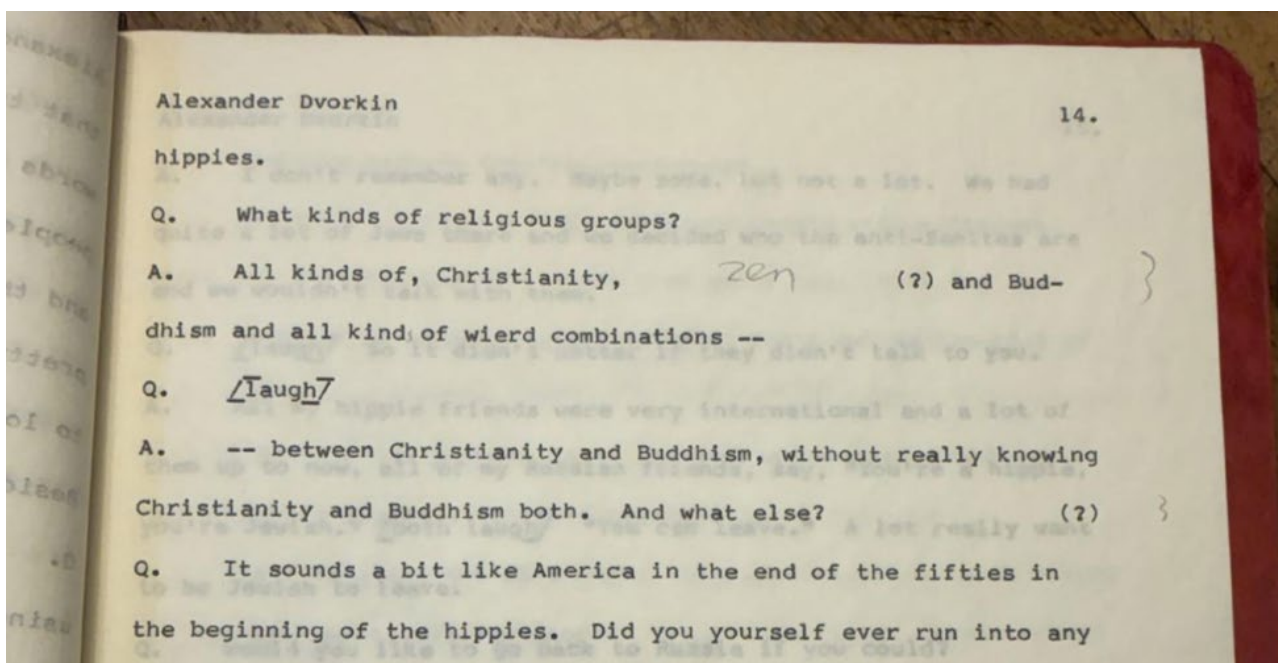
A. Самые разные: христианство, дзен (?) и буддизм, и всевозможные странные сочетания —

Q. (смех)

A. — между христианством и буддизмом, при этом без реального знания ни христианства, ни буддизма. И что ещё?

Q. Это немного похоже на Америку конца пятидесятих — начала хиппи-движения».

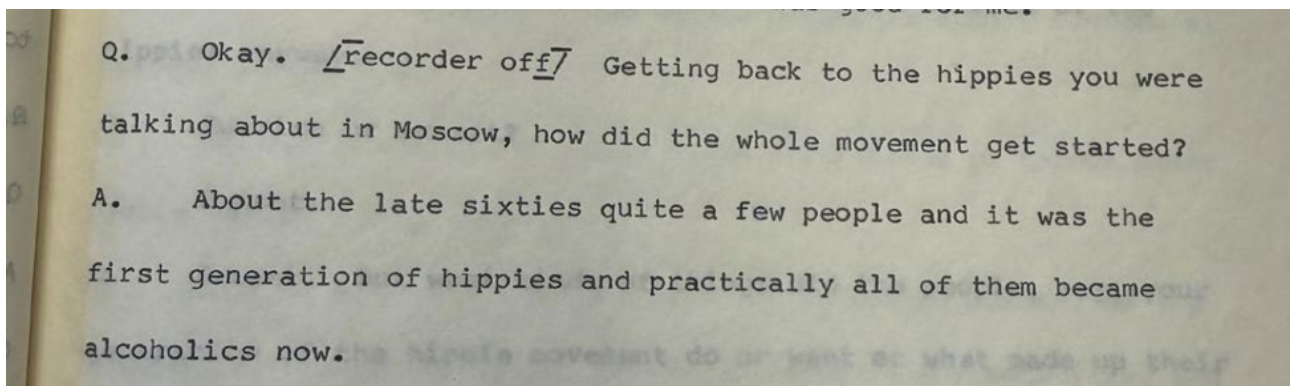

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр. 13, 14 [4].

Эпизод 9.

«Q. Хорошо. [запись выключена] Возвращаясь к хиппи, о которых вы говорили в Москве: как вообще началось это движение?

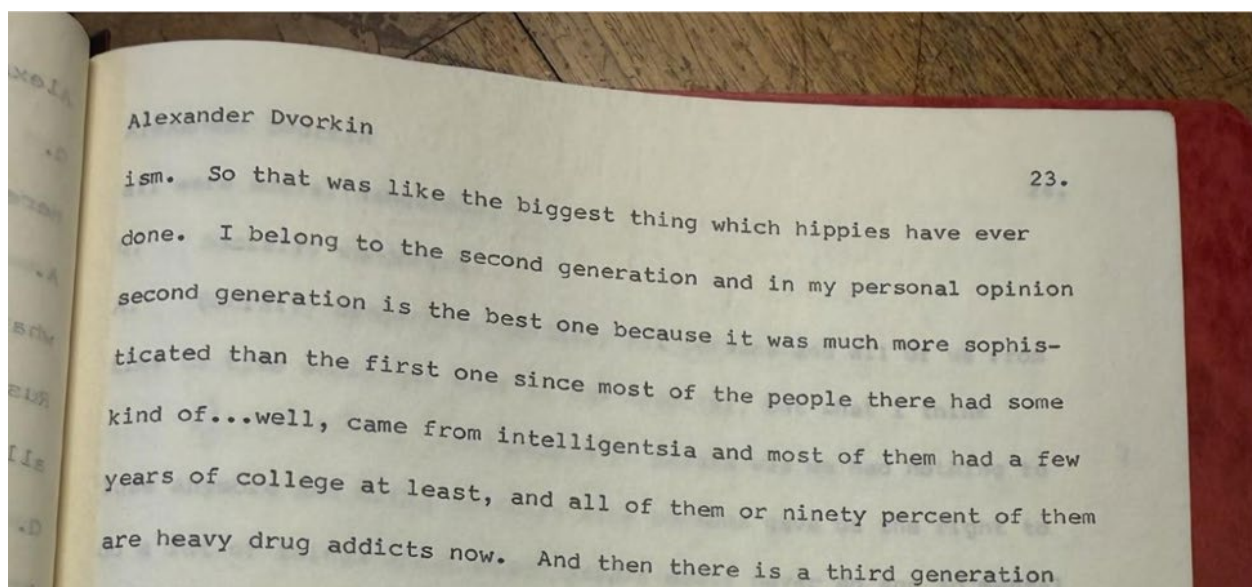
A. Примерно в конце шестидесятых — довольно немного людей, и это было первое поколение хиппи, и практически все они сейчас стали алкоголиками».

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр. 22 [4].

Эпизод 10.

«А. ...Я принадлежу ко второму поколению, и, по моему личному мнению, второе поколение — лучшее, потому что оно было гораздо более развитым, чем первое, поскольку большинство людей там были из интеллигенции, и у большинства из них было как минимум несколько лет высшего образования, и все они — или девяносто процентов из них — сейчас тяжёлые наркоманы...»

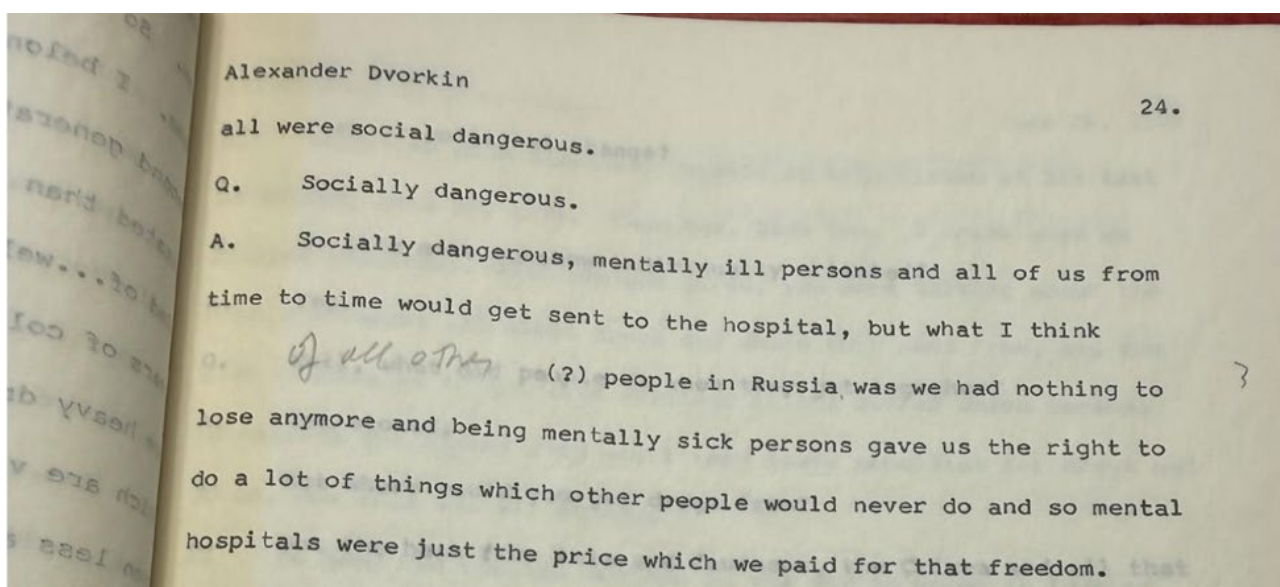
Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр.23 [4].

Эпизод 11.

«А. Мы — все считались социально опасными.

Q. Социально опасными.

А. Социально опасными, психически больными людьми, и всех нас время от времени отправляли в больницу. Но, как я думаю, изо всех остальных людей в России нам уже было нечего терять, и статус психически больных давал нам право делать много того, чего другие люди никогда бы не смогли делать».

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр.24 [4].

Эпизод 12.

«Q. Ну а что люди делали, когда собирались вместе?»

A. Употребляли наркотики.

Q. Но откуда можно было достать наркотики?

A. Гашиш привозили из Азии и с Кавказа, из Крыма и вообще из всех южных регионов. Все тяжёлые наркотики брали из больницы, потому что у них были специальные запасы...

*... Так вот, в Советском Союзе существовали **специальные запасы в случае (наркоманов?), — медицинские запасы наркотических препаратов.***

Q. Вы имеете в виду снабжение или резервы?

A. Резервы.

Q. Резервы.

A. Их нужно было менять каждые пять лет — уничтожать, получать новые. Но наркотики, — все наркотики — через пять лет остаются совершенно годными, с ними ничего не происходит —

Q. /смех/

А. — **поэтому люди просто продавали их в больших количествах — те, кто отвечал за эти резервы.** И именно так доставалась большая часть наркотиков в Советском Союзе. Но еще **очень многие люди просто работали в больницах —**

Q. /смех/

А. — **и делали там всё, что могли.** А теперь — о наказаниях... Ну, мы все, опять же, считались психически больными пациентами, поэтому вместо наказания нас помещали на год в психиатрическую больницу — на год или больше, но на самом деле год — это примерно предельный срок. После года можно вернуть многое из того, что было утрачено, а многое из того, что ты там получил, — это необратимо (неразборчиво).

Q. Необратимо.

А. Необратимо. Так что этого вполне достаточно, и большинство моих друзей к настоящему времени через это уже прошли.

Q. Какие виды лечения получают люди в этих психиатрических больницах?

А. Всевозможные **нейролептики, в очень больших дозах, и —**

Q. Нарколептики?

А. Нет, нейролептики.

Q. А, препараты, воздействующие на нервную систему.

А. Да, и **психолептики**, и шоковые методы, психиатрические (?), электрический шок, и (какие-то) препараты — что угодно.

Q. И что ещё?

А. (Неразборчиво: «массовые препараты»?) — **это специальные препараты, которые нужно принимать в дополнение к другим лекарствам, чтобы снимать —**

Q. Побочные эффекты.

А. Побочные эффекты — чтобы их убирать. Они тоже очень

тяжёлые».

Alexander Dvorkin 25.
June 20, 1979
cal reform or political change?
A. No.
Q. So it's more somehow individually oriented?
A. Yes.
Q. Well, what did people do when they got together?
A. Get stoned.
Q. But where could you get drugs from?
A. Got the hash from Asia and Caucasus, the Crimea and all that southern part. Got all the heavy drugs from the hospitals because they have a special savings ~~(2)~~ in the --
[End of Side One of tape -- beginning of Side Two]

26.
June 20, 1979

Q. Interview with Alexander Dvorkin by Lynn Visson at 315 East 68 Street, June 20, 1979. Tape One, Side Two. I think when we stopped yesterday, when you got tired, you were talking about the hippie movement and about drugs and where they came from, and one also wonders as to the risk involved in the Soviet Union because in America you always read about very heavy penalties for drugs and so on, how this was all managed.

A. So they had special savings in the Soviet Union in case of ~~addicts~~ (?), medical savings of drugs.

Q. You mean supplies or reserves?

A. Reserves.

Q. Reserves.

A. And they had to change it every five years, to destroy it, to get new ones. But drugs, all drugs are very good after five years, nothing happens to them --

Q. /laugh/

A. -- so people would just sell a lot of them, the people who were in charge of these reserves, and that's how most ~~part of~~ drugs are gotten in the Soviet Union. But a lot of people just work in the hospitals --

Q. /laugh/

A. -- and do whatever they can do there. And about the penalties.

Well, all of us, again, were mental patients, so instead of a penalty we would get *CONFINED TO (?)* a year in mental hospital, year or more, but actually a year is about the deadline. After a year you can get a lot of the stuff back, and a lot of the things that you got there, it's *neobramyl (?)* *(Russian word)*

Q. Irreversible.

A. Irreversible. So that's enough, and most of my friends went through that by now.

Q. What kind of treatments do people get in these mental hospitals?

A. All kind of naroleptics, very heavy doses, and --

Q. Narcoleptics?

A. No, neuroleptics.

Q. Oh, drugs that affect the nervous system.

A. Yes, and psycholeptics and shock treatments, *in mental (?)* and electrical shock, and *those drugs (?)*, whatever.

Q. And what?

A. *those drugs* (?) Those are special drugs which you have to take in addition to the other drugs always to take the

"problem effects" (?)

Q. Side effects.

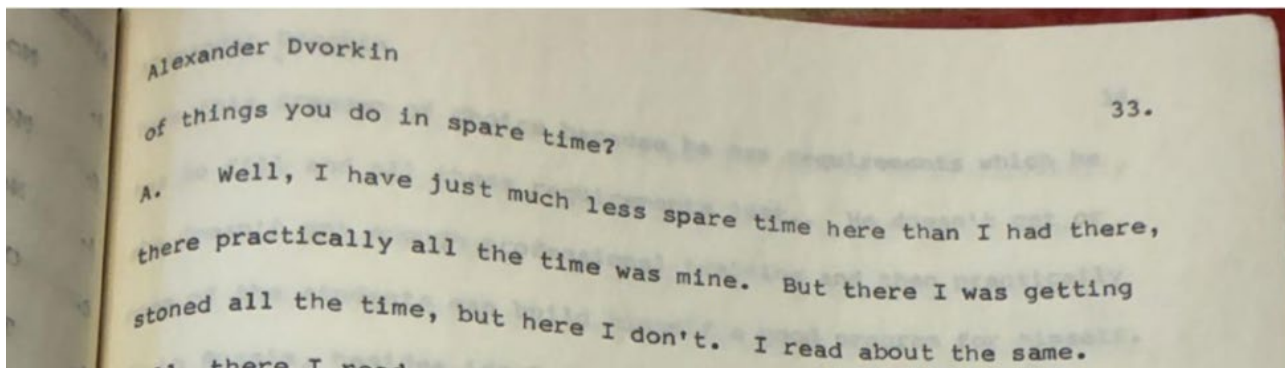
A. Side effects, to take off that. They're very bad too,

(?)

иммигранты в Америке», стр. 25, 26, 27 [4].

Эпизод 13.

«А. Ну, здесь у меня просто гораздо меньше свободного времени, чем было там; там практически всё время было моим. Но там я всё время был под кайфом, а здесь — нет».

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр.33 [4].

Эпизод 14.

«Q. Чувствовали ли вы, что в психиатрических больницах было хоть что-то положительное, предпринимались ли какие-то попытки помочь?»

А. Психически больным людям?

Q. Да.

А. Ну, их просто держали на очень сильной медикаментозной терапии.

Q. Лечение.

А. Лечение, лечение. То есть они были спокойны под воздействием всех этих лекарств. Их просто «приглушали» на всё это время, и я не думаю, что это им действительно помогало. Это просто делало их тихими.

Q. Были ли там люди, с которыми вы могли разговаривать, в психиатрической больнице?

А. Да. Да, там были очень интересные пациенты. Были такие... обычно в каждом отделении были... я снова забыл слово, каторжные.

Q. Осуждённые.

А. Осуждённые, которые пытались таким образом «уйти» от чего-то, и я с ними разговаривал.

Q. Вы имеете в виду — притворяясь психически больными?

А. Да.

Q. (смех) Прятались в психиатрической больнице.

А. Да. Ну потому что после ареста, если ты ведёшь себя как-то странно, тебя могут поместить в психиатрическую больницу, чтобы проверить, если ты...являешься психически больным человеком, и если ты был болен в момент совершения преступления, то ты просто получаешь год или больше «лечения» в психиатрической больнице. Поэтому некоторые люди предпочитали это. Они не знали, что будет лучше.

Q. Предпочитали это тюрьме».

Q. Did you feel there was ever anything positive in the mental hospitals, was there any effort to help at all?

A. For the mentally ill persons?

Q. Yes.

A. Well, they were just on a very heavy drug curement.

Q. Treatment.

A. Treatment, treatment. So they were quiet under all these drugs, with all these drugs. They were just put down for all this time and I don't think it's very helpful for them. It made them quiet down.

Q. Were there people you could talk to there in the mental hospital?

A. Yes. Yes, there were some very interesting patients. There were some...usually in each department there were some... I forgot the word again, *Katolizhnye* (word in Russian)

Q. Convicts.

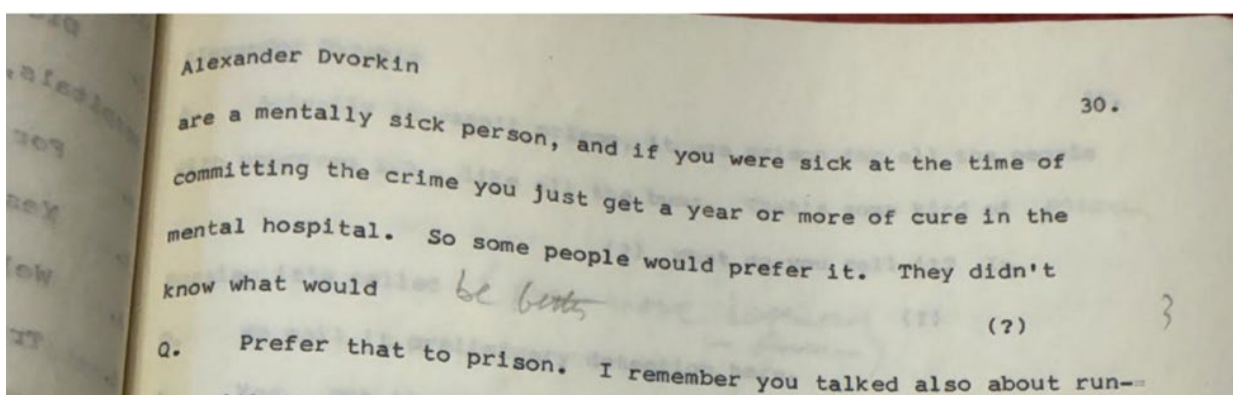
A. Convicts who were trying to get away with something and I would talk to them.

Q. You mean by pretending to be mentally ill?

A. Yes.

Q. [Laugh] Hiding out in a mental hospital.

A. Yes. Well, because after they arrest you, if you act somehow strange, they ~~can~~ put you into a mental hospital to prove if you

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр. 29-30 [4].

Злоупотребление психоактивными веществами является значительным катализатором девиантного поведения. **В сочетании с нейронными дисфункциями, психопатическими чертами и травмами оно снижает способность контролировать агрессию и увеличивает вероятность криминальных актов, в том числе серийных убийств.** Эмпирические данные криминологии [7] показывают, что значительная доля убийц и других насильственных преступников активно употребляет наркотики или алкоголь до совершения преступления. Злоупотребление психоактивными веществами часто сопровождается когнитивными искажениями, ложью, отсутствием эмпатии и стремлением к немедленному удовлетворению желаний.

«Санитар». Способы обучения насилию. После того как Александра Дворкина выгнали из педагогического института, он в течение короткого периода работал «рентгенотехником» в отделении реанимации кардиологического центра городской клинической больницы №1 им. Н.И. Пирогова (г. Москва). Однако вследствие конфликтной ситуации с главой администрацией учреждения был уволен. Затем бродяжничал в Одессе. После устроился работать санитаром в отделении травматической реанимации городской клинической больницы №67 г. Москвы и проработал до лета 1976 года.

Александр Дворкин — санитар отделения травматической реанимации

Александр Дворкин. «Моя Америка» [5].

Для двадцатилетнего Александра Дворкина, демонстрировавшего выраженные нарциссические черты личности, амбициозную когнитивную установку «богоподобности», устойчивые проявления патологического влечения к контролю и власти над другими людьми, должность санитара в отделении травматической реанимации, по его словам, показалась «привлекательной». С точки зрения психобиографического анализа, данный выбор может рассматриваться не как случайный, а как функционально обусловленный его внутренней мотивационной структурой и патологическими потребностями. Отделение травматической реанимации является экстремальной средой, где происходит ежедневное столкновение с человеческими страданиями, предсмертными состояниями и техническим управлением жизненно важными функциями с помощью медицинской аппаратуры и медикаментов.

Учитывая совокупность вышеперечисленных факторов, включая его психиатрический **диагноз, практику полинаркомании и обладание** специфическими **знаниями** в области психофармакологии, а также **мотивацию**, — профессиональное пребывание Александра Дворкина в реанимационном отделении создавало условия для развития и эскалации его криминальных склонностей. В такой среде субъект имел **доступ:**

- к сильнодействующим фармакологическим препаратам, включая наркотические анальгетики и седативные средства;
- возможность ознакомления с медицинской документацией, содержащей данные о диагнозах, состоянии здоровья, прогнозах и степени уязвимости пациентов;
- непосредственный контакт с пациентами, находящимися в критическом состоянии при минимальном уровне внешнего контроля (без свидетелей), особенно в ночные часы своего дежурства.

Такие условия потенциально могли способствовать трансформации его патологических когнитивных установок в преступное поведение.

Данная закономерность находит подтверждение в исследованиях поведенческого анализа. Так, **Джон Дуглас, Марк Олшейкер в книге «Психологический портрет убийцы. Методики ФБР» [8]** отмечают, что больница или дом престарелых зачастую являлись тем местом, где время от времени они встречали серийных убийц, которые прибегали к помощи какого-нибудь «чистого» средства, например сильнодействующего лекарства, предпочитая его огнестрельному или холодному оружию. Это удовлетворяло потребность серийных убийц в скрытном контроле над жизнью и смертью своих жертв. Более того, это **позволяло серийным убийцам минимизировать внешние следы насильственного вмешательства, способствуя классификации смерти как естественной или обусловленной тяжестью основного заболевания.** Фактором, способствующим маскировке преступлений, выступала статистическая ожидаемость летальных исходов в стационарных условиях, что снижало вероятность инициации уголовных расследований и проведения судебно-медицинских экспертиз. Это создавало условия для продолжения преступной деятельности серийных убийц на

протяжении длительного периода времени.

В криминальной психологии для такого типа серийного убийцы используют термин «медицинский серийный убийца», в популяризаторской литературе — «ангел смерти». Он, как правило, работает врачом или медицинским работником, или сиделкой. Часто занимает позицию, которая позволяет ему принимать решения о прекращении или продолжении жизни больных, и использует свои знания, чтобы убивать жертв. Серийный убийца такого типа намеренно причиняет вред, страдания своей жертве. Он убивает пациентов или людей, находящихся под его опекой, больных неизлечимыми заболеваниями. Однако важно отметить, что мотивационная структура редко ограничивается исключительно пациентами с неизлечимыми заболеваниями: в ряде задокументированных случаев **криминальное поведение распространяется на лиц с благоприятным прогнозом** (на здоровых и легко излечимых людей), **что свидетельствует о доминировании контролирующих или садистических мотивов над псевдоальтруистическими**. Инъекционный путь введения является наиболее распространённым, однако не универсальным — фиксировались случаи применения иных методов (передозировка пероральных препаратов, изменение параметров медицинского оборудования и т. д.).

В американском журнале «Прокурор» (Том: 38. Выпуск: 1 Дата: январь-февраль 2004 г.) в статье Карин Х. Кэтер (2004) **«Серийные убийцы, скрытые убийства: преследование медицинских работников, убивающих пациентов»** [9] представлены примеры из ряда юрисдикций США, демонстрирующие, как прокуроры и следователи успешно справлялись с трудностями в делах, в которых медицинские работники умышленно убивали своих пациентов:

*«Что делает этот вид преступлений таким сложным для выявления и преследования, так это то, что преступники выбирают в качестве жертв тяжелобольных, даже неизлечимо больных, которые не могут говорить за себя. Такие пациенты уязвимы для смерти от естественных причин, а также для медицинских работников, которые могут преднамеренно вводить смертельные дозы терапевтических или даже токсичных веществ в присутствии очевидцев. Часто вскрытие не проводится. Таким образом, пациенты с терминальной стадией болезни Альцгеймера, **онкологические больные, лица в коме или пожилые и больные люди становятся мишенью для убийц** из числа*

медицинских работников.

Даже если такие преступления удастся выявить, для их доказательства требуются обширные медицинские доказательства и победа в споре экспертов, который может включать в себя оспаривание допустимости доказательств в соответствии с принципами Дауберта. В одном из случаев, описанных в этой статье, убийство двух пожилых пациентов дома престарелых было заподозрено из-за подозрительного времени и обстоятельств их смерти, а также нескольких признаний, сделанных обвиняемым коллегам. Дело было возбуждено на основании показаний экспертов, которые расходились во мнениях относительно относительной значимости **чрезвычайно высоких посмертных уровней морфина у больного раком** пациента дома престарелых. В другом случае серийный убийца был обнаружен благодаря **резкому увеличению смертности в окружной больнице после того, как обвиняемый был принят на работу»**.

Многие задокументированные случаи указывают на то, что **медицинские серийные убийцы** [10] демонстрируют поведенческие характеристики, которые соответствуют организованному типу серийного убийцы: планирование преступлений, сохранение внешнего контроля над ситуацией, способность к длительному сокрытию противоправной деятельности и т. д. Эти убийцы, как правило, умны и умеют тщательно и искусно скрывать свои преступления, прикрываясь тем, что смерть в больницах — не редкость.

Есть несколько мотивационных конфигураций, характерных для субъектов данного типа:

— **Контролирующий / садистический мотив:** реализация потребности во власти и контроле над жизненно важными функциями жертвы, когда убийца использует своё положение; получение садистского удовлетворения от наблюдения за страданиями или проявлениями уязвимости пациента; в отдельных случаях — убеждённость в собственном праве определять судьбу других лиц («я могу это сделать», «я облегчаю боль для пациента», «избавляю от страданий»);

— **Псевдоальтруистический мотив («убийство из милосердия»):** когда

преступник убежден, что избавляет жертву от «невыносимых страданий» или считает, что жертве «уже ничем нельзя помочь». Важно отметить, что данное убеждение может носить бредовый характер или служить рационализацией девиантных потребностей, а не отражать объективную клиническую картину;

— **«Синдром героя»:** создание искусственной кризисной ситуации (например, путём введения смертельно опасных доз препаратов, провоцирующих ухудшение состояния пациента) с последующей имитацией спасательных мероприятий с целью получения социального одобрения, признания профессиональных заслуг или удовлетворения нарциссических потребностей.

Примером **медицинского серийного убийцы** является Дональд Харви — санитар, осуждённый за серийные убийства. **Джон Дуглас в учебном руководстве «Джон Дуглас — Учит думать как профайлер ФБР»** [11] упоминает: *«Дональд Харви убил до 87 человек (он был признан виновным только за 37 убийств) в течение 17 лет, работая санитаром и помощником медсестры в больницах Кентукки и Огайо. Хотя он расширился и до убийств вне медицинских учреждений, обычно он убивал в больницах, где его наняли, так как мог контролировать себя без привлечения внимания. Тем не менее, его прозвище пришло от коллег, которые без подозрений отметили количество смертей под его опекой. Харви душил некоторых пациентов, отравлял других и даже менял настройки на устройствах для сохранения жизни. В 1987 году полиция наконец обнаружила Харви после вскрытия одного из пациентов, выявившего наличие цианида. Он утверждал, что его многочисленные убийства были актами милосердия по отношению к умирающим».*

Джон Дуглас, Марк Олшейкер в книге «Психологический портрет убийцы. Методики ФБР» [8] отмечают: *«Они убеждены, что на протяжении всей жизни являются жертвами: ими манипулируют, над ними властвуют, их контролируют другие. Но в другой ситуации, подзаправленной фантазией, этот неполноценный, жалкий неудачник, по сути дела, ничтожество, способен сам манипулировать жертвой и властвовать над ней; контроль оказывается в его руках. Он сам определяет, чего хочет от жертвы. Только он может решить, останется ли его жертва в живых или умрет, а если умрет, то как именно. Последнее слово остается за ним, он наконец-то отыгрывается за свои прежние неудачи».*

В рамках психобиографического анализа целесообразно рассмотреть ретроспективные данные, касающиеся профессионального опыта Александра Дворкина в должности санитара, а также его когнитивных установок и аттитудов (устойчивых социально-психологических установок личности). Особое внимание обращает на себя искажённая система убеждений, эмоциональных реакций и поведенческих тенденций, связанных с феноменом смерти. Анализ автобиографических нарративов позволяет реконструировать процесс формирования его представлений о границе между жизнью и смертью, а также выявить взаимосвязь между профессиональной средой, личностными особенностями и девиантными мотивационными паттернами.

Эпизод 1. Фрагмент интервью Александра Дворкина 1979 года.

*«**Q.** Вы также упоминали, что работали **санитаром**.*

***A.** Да, но это было, когда я был в Москве. Обычно я работал зимой, потому что зимой мне приходилось жить в Москве, так как там было **просто трудно бродяжничать дальше**. Так что... потом мне пришлось работать, поэтому **зимой я работал санитаром, рентген-техником**. Я делал это два раза.*

***Q.** Вам нравилась такая работа?*

***A.** Да. Я действительно очень интересуюсь медициной, но я очень плох в физике и химии. Я даже думал о каком-то медицинском образовании, но я совсем не знаю ни химию, ни физику. **Зато я немного изучал медицину самостоятельно**».*

7
7.

Alexander Dvorkin

get in *pen* (?) I had to work, so I did in winter as an orderly,
as X-ray technician. I did it twice. and I just answered that

Q. Did you like that kind of work? now.

A. Yes. I'm really fascinated with medicine, but I'm really bad
at physics and chemistry. I even thought of some kind of medical
studies, but I don't know chemistry or physics at all. But I
studied a little medicine by myself. I was in Moscow and I know

7
7.

Alexander Dvorkin

get in *pen* (?) I had to work, so I did in winter as an orderly,
as X-ray technician. I did it twice. and I just answered that

Q. Did you like that kind of work? now.

A. Yes. I'm really fascinated with medicine, but I'm really bad
at physics and chemistry. I even thought of some kind of medical
studies, but I don't know chemistry or physics at all. But I
studied a little medicine by myself. I was in Moscow and I know

Интервью Александра Дворкина 1979 года для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке», стр. 6-7 [4].

Эпизод 2. Информация об Александре Дворкине из медицинского архива [12]:

ВКЛАДНОЙ ЛИСТ К МЕДИЦИНСКОЙ КАРТЕ №

Баранович, Умис, Ф. 18 25-16

Утверждена Министерством здравоохранения СССР 16/VII 1954 г.

Фамилия, и.о. Н.Н. 75г. На приеме доктором С.С.С.

Дата посещения 1976 г. 7

Амбул. на дому (вп-сать) Острые приступы стенокардии

Жалобы больного, объективные данные, течение болезни, подпись врача и консультанта

Назначенные и отмеченные в амбул. карте лекарственные средства

агрессивная жалоба. Не спит, в виде 1/1. В виде 1/1 стенокардия

Справка - медохранит

1976 г. 7

6/76г. Больной работает санитаром в отделении реанимации в 67 гор. б-це. Желудочек на слезах, усталость, нервозное настроение, безразличие

ВКЛАДНОЙ ЛИСТ К МЕДИЦИНСКОЙ КАРТЕ №

Баранович, Умис, Ф. 18 25-16

Утверждена Министерством здравоохранения СССР 16/VII 1954 г.

Фамилия, и.о. Н.Н. 75г. На приеме доктором С.С.С.

Дата посещения 1976 г. 14

Амбул. на дому (вп-сать) Острые приступы стенокардии

Жалобы больного, объективные данные, течение болезни, подпись врача и консультанта

Назначенные и отмеченные в амбул. карте лекарственные средства

но всему. Состояние не вышло на работу. Выкуривает, носит в бороду, длинные волосы.

8-10г. 1 76г. 0 6861

Лекарства: амитриптилин 1/2 + 8г.

12/76г. Лекарства принимаются, состояние улучшается, но все же нервозное, не спит, в виде 1/1 стенокардия

11-13г. 1 76г. 0 6861

Лекарства: амитриптилин 1/2 + 8г.

6/76 г. Больной работает санитаром в отделении реанимации в 67 городской

больнице. Жалуется на слабость, усталость, подавленное настроение, безразличие ко всему. Сегодня не вышел на работу. Вычурный, носит бороду, длинные волосы.

Лечение: амитриптилин 1/2 т. х 3 р.

12/ I 76г. Лекарства принимает, стал себя чувствовать лучше, ровнее настроение, меньше чувствует вялости, слабости, но депрессия не прошла.

Лечение: амитриптилин 1 т. х 3 раза.

12

ВКЛАДНОЙ ЛИСТ К ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТЕ №

Здравоохр. учет. ф. № 76-2

Утверждена Министерством здравоохранения СССР 16/VI 1976

14/I 76г. Представлен на РВК.

Фамилия, И. О. Григорьевский

Дата посещения: 14/I 76г.

Состояние: Состояние улучшилось, ровнее настроение, меньше тоски, апатии. Сегодня не вышел на работу, так как долго спал, но имел намерение трудиться. Психотических симптомов нет.

Д-з: циклотимия.

Лечение: то же

14/I 76г. с 15/I на работу.

14/I 76г. Соснов

14/ I 76 г. Представлен на РВК.

Состояние улучшилось, ровнее настроение, меньше тоски, апатии. Сегодня не вышел на работу, так как долго спал, но имел намерение трудиться. Психотических симптомов нет.

Диагноз: циклотимия.

Лечение то же

б/л 14/ I 76 г. с 15/ I на работу.

Источник: [12].

Эпизод 3. Фрагмент из книги Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» [13]:

«Причем, понятное дело, окончательное отчисление из вуза привело лишь к тому, что Александр стал еще активнее участвовать в «хипповском» движении.

Затем до лета 1976-го Дворкин работал санитаром в отделении травматологической реанимации больницы на Хорошевке, где его коллегой был, кстати, бас-гитарист «Машины времени» Евгений Маргулис. С какими только трагедиями и страданиями не сталкивался там юный хиппи! Но он любил свою работу — и во всем, что от него зависело, он старался изо всех сил облегчить тяжелую участь пациентов реанимационного отделения и предоставить им хоть какой-то комфорт даже перед смертью. А работа санитаром — должность на самом низу социальной лестницы — не требовала от него кривить душой и «играть в те игры», в которые играло все советское общество».

Причем, понятное дело, окончательное отчисление из вуза привело лишь к тому, что Александр стал еще активнее участвовать в «хипповском» движении.

Затем до лета 1976-го Дворкин работал санитаром в отделении травматологической реанимации больницы на Хорошевке, где его коллегой был, кстати, бас-гитарист «Машины времени» Евгений Маргулис. С какими только трагедиями и страданиями не сталкивался там юный хиппи ! Но он любил свою работу — и во всем, что от него зависело, он старался изо всех сил облегчить тяжелую участь пациентов реанимационного отделения и предоставить им хоть какой-то комфорт — даже перед смертью. А работа санитаром — должность на самом низу социальной лестницы — не требовала от него кривить душой и «играть в те игры», в которые играло все советское общество.

Александр Дворкин. «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 18 [13].

Эпизод 4. В книге «Моя Америка» [5] Александр Дворкин приводит свои

впечатления о курсе «Литургия смерти», который он слушал в период пребывания в США. Его читал профессор, священник Александр Шмеман. По признанию самого Дворкина, это оказалось «потрясающе интересным» (причины такого интереса субъекта к теме данной лекции и непосредственно ее лектору будут рассмотрены в последующих разделах исследования). В этом контексте Александр Дворкин пишет в своей автобиографической книге:

*«Смерть вытеснена из жизни, человек живет, как будто ее нет, и ничто не должно напоминать ему о ней. Даже когда она уже рядом, делается все, чтобы больной до последнего не знал, что он умирает. Его все время уверяют: «С вами все нормально, у вас ничего страшного, вы прекрасно выглядите, у вас лишь небольшое недомогание, которое скоро пройдет. Вот примите еще такое лекарство, и у вас все будет хорошо». Умирание переносится в больничные стены, где живущего последние дни человека загружают наркотиками, транквилизаторами, антидепрессантами — чем угодно, **только бы он не пребывал в полном сознании, не устроил бы никаких истерик или незапланированных выходов, чтобы его самого не мучили страхи и чтобы он в таком полубессознательном состоянии отошел в мир иной.** Итак, главное событие жизни, главный переход свершается **в стерильном безличном больничном окружении**, среди сиделок, врачей и сестер, вдали от дома, домашних, близких, вдали от осознания важности того, что происходит».*

Смерть вытеснена из жизни, человек живет, как будто ее нет, и ничто не должно напоминать ему о ней. Даже когда она уже рядом, делается все, чтобы больной до последнего не знал, что он умирает. Его все время уверяют: «С вами все нормально, у вас ничего страшного, вы прекрасно выглядите, у вас лишь небольшое недомогание, которое скоро пройдет. Вот примите еще такое лекарство, и у вас все будет хорошо». Умирание переносится в больничные стены, где живущего последние дни человека загружают наркотиками, транквилизаторами, антидепрессантами – чем угодно, только бы он не пребывал в полном сознании, не устроил бы никаких истерик или незапланированных выходов, чтобы его самого не мучили страхи и чтобы он в таком полубессознательном состоянии отошел в мир иной. Итак, главное событие жизни, главный переход свершается в стерильном безличном больничном окружении, среди сиделок, врачей и сестер, вдали от дома, домашних, близких, вдали от осознания важности того, что происходит.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 453 [5].

Эпизод 5. Фрагмент из книги Александра Дворкина «Моя Америка» [5]:

«Что делать?»

*К тому времени я работал санитаром в отделе травматической реанимации 67-й горбольницы, недалеко от моего тогдашнего дома на Хорошевке. Туда я устроился сразу же по возвращении из автостопного путешествия в Одессу. Работа была весьма напряженной, но **приносила мне удовлетворение, так как я видел, что помогаю людям в самом беспомощном состоянии и тем самым приношу пользу.** В отличие от клиники сердца, где мой контакт с больными был эпизодическим (сделал рентгеновский снимок и укатил), тут я был при пациентах постоянно. Люди к нам поступали сильно искалеченные, после аварий и катастроф. Я старался исполнять свои*

нехитрые обязанности не за страх, а за совесть: подавал больным утку и судно, перестилал им постели, подкладывал подушки, приносил еду и питье. **Даже уколы научился делать и делал их, по словам больных, хорошо: они часто просили, чтобы уколол их именно я.**

Напарником моим по отделению оказался Женя Маргулис — бас-гитарист из той самой «Машины времени», которая постепенно выдвигалась на лидирующее место среди московских групп. Тогда она, как и все самые лучшие из них, играла английскую музыку. Мы с Женей перекладывали больных на каталки и везли их на операции, потом назад. Больных, которым делалось лучше, мы с радостью катили наверх, в терапевтическое или хирургическое отделение, умерших же покрывали простыней и отвозили вниз — в морг. Помню, как я плакал, столкнувшись с первой смертью одного из наших пациентов. И хотя потом, как и у всех медицинских работников, душа моя огрубела, я все же сильно переживал по поводу каждой из **весьма частых в нашем отделении смертей.**

В свободное время я несколько раз ездил в ближайшие города: в Питер и в Киев, где останавливался у знакомых «волосатых». Если что-то не получалось, всегда можно было перекантоваться ночь-другую в подъезде. Отправиться зимой в автостопные путешествия мало кто рисковал, так что я приспособился ездить зайцем на поездах: из-за холода проверяющие билеты проводники обычно стояли в вагоне, возле своего купе, так что можно было зайти и тут же перескочить в задний тамбур соседнего вагона, изображая на минутку вышедшего покурить пассажира. Когда проверка билетов заканчивалась, оставалось пройти в плацкартный вагон и тихонько занять свободное место. На худой конец годилась и верхняя багажная полка».

мне было все равно. Вокруг царил беспросветный мрак. Я ощущал себя ограбленным: у меня только что отняли лучший момент жизни. Это оказался не мой день.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

К тому времени я работал санитаром в отделе травматической реанимации 67-й горбольницы, недалеко от моего тогдашнего дома на Хорошевке. Туда я устроился сразу же по возвращении из автостопного путешествия в Одессу. Работа была весьма напряженной, но приносила мне удовлетворение, так как я видел, что помогаю людям в самом беспомощном состоянии и тем самым приношу пользу. В отличие от клиники сердца, где мой контакт с больными был эпизодическим (сделал рентгеновский снимок и укатил), тут я был при пациентах постоянно. Люди к нам поступали сильно искалеченные, после аварий и катастроф. Я старался исполнять свои нехитрые обязанности не за страх, а за совесть: подавал больным утку и судно, перестилал им постели, подкладывал подушки, приносил еду и питье. Даже уколы научился делать и делал их, по словам больных, хорошо: они часто просили, чтобы уколол их именно я. Напарником моим по отделению оказался Женя Маргулис – бас-гитарист из той самой «Машины времени», которая постепенно выдвигалась на лидирующее место среди московских групп. Тогда она, как и все самые лучшие из них, играла английскую музыку. Мы с Женей перекладывали больных на каталки и везли их на операции, потом назад. Больных, которым делалось лучше, мы с радостью катили наверх, в терапевтическое или хирургическое отделение, умерших же покрывали простыней и отвозили вниз – в морг. Помню, как я плакал, столкнувшись с первой смертью одного из наших пациентов. И хотя потом, как и у всех медицинских работников, душа моя огрубела, я все же сильно переживал по поводу каждой из весьма частых в нашем отделении смертей.

В свободное время я несколько раз ездил в ближайшие города: в Питер и в Киев, где останавливался у знакомых «волосатых». Если что-то не получалось, всегда можно было перекантоваться ночь-другую в подъезде. Отправиться зимой в автостопные путешествия мало кто рисковал, так что я приспособился ездить зайцем на поездах: из-за холода проверяющие билеты проводники обычно стояли в вагоне, возле своего купе, так что можно было зайти и тут же перескочить в задний тамбур соседнего вагона, изображая на минутку вышедшего покурить пассажира. Когда проверка билетов заканчивалась, оставалось пройти в плацкартный вагон и тихонько занять свободное место. На худой конец годилась и верхняя багажная полка.

* * *

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 97-98 [5].

Эти эпизоды из автобиографии Александра Дворкина представляют собой ценный материал для психобиографического и поведенческого анализа, позволяя реконструировать глубинные психологические механизмы, лежащие в основе его самопрезентации и мотивационной структуры. Ретроспективный текст демонстрирует высокую степень нарративной самопрезентации. Он служит инструментом постфактумной легитимации прошлого опыта. Это не просто воспоминание, возникшее спустя три десятилетия, а осознанное конструирование личностного нарратива. Дворкин создаёт себе образ «прозревающего» экзистенциального наблюдателя. Такая нарративная структура служит не столько воспоминанием, сколько механизмом постфактумной рационализации и когнитивного **оправдания собственных действий**. Такой паттерн соответствует описанным в литературе формам нарративной защиты, описанным у лиц с выраженными чертами

грандиозного нарциссизма и склонностью к моральной диссоциации.

Это типичный приём, описанный в истории криминалистики, который использовали серийные убийцы с высоким уровнем интеллектуальной рефлексии и моральной диссоциацией: они редко отрицают свои действия напрямую, а **переосмысливают их в рамках философской экзистенциальной или псевдоморальной системы**, в которой предстают себя не как преступники, а как «просветители», «освободители» или «свидетели истины». Многие серийные убийцы, в своих оправданиях избегают прямых формулировок вроде «Я убивал», а отдают предпочтение заявлениям: «Общество лжёт о смерти, а я знал правду». Подобный нарратив позволял им сохранить позитивный образ «Я», компенсируя когнитивный диссонанс между собственными поступками и социальными нормами, и даже возвысить собственный опыт, трансформируя насилие в форму «экзистенциального свидетельства».

Эти и другие эпизоды из автобиографии Александра Дворкина раскрывают сложную двойственность его внутреннего мира, демонстрируя выраженную диссоциацию между образом «гуманистического человека», представленным в самопрезентации, и реальной мотивацией его поведения. Фраза о том, что он «любил свою работу» и «старался облегчить участь пациентов», на первый взгляд воспринимается как проявление альтруизма. Однако в контексте всей психобиографии она приобретает иной смысл. Здесь проявляется классический механизм моральной диссоциации: разделение «хорошего "Я"» (заботливый санитар) и «тёмного "Я"» (контролёр смерти). На это указывает ряд скрытых, но значимых деталей, очевидных для специалистов в области поведенческого анализа, которые позволяют глубже понять его личность, мотивационные установки и когнитивные стратегии самоописания.

Например, фразы Александра Дворкина о **«весьма частых в нашем отделении смертей»**, **«даже уколы научился делать»** свидетельствуют о нарушении им профессиональных и этических границ в период работы санитаром. В советской системе здравоохранения **санитар** (младший медицинский персонал) **не имел права выполнять инъекции** — это входило исключительно в компетенцию медицинских сестёр и врачей. Утверждение Александра Дворкина, что он «научился делать уколы» и что пациенты «просили, чтобы уколол именно он», может указывать

на следующие аспекты его поведенческой и мотивационной структуры:

- **Сознательное нарушение профессиональных и институциональных норм**, что согласуется с ранее описанной установкой на «бунт против системы» и стремлением к личной автономии;

- **Стремление к расширению зоны контроля над другим человеком**: инъекция — это не просто техническая процедура, а акт **прямого физического вмешательства в тело пациента**, сопряжённого с болью, уязвимостью, доверием и потенциальной опасностью. Для лица с патологическим интересом к власти над жизнью и смертью такой акт становится идеальным способом получения чувства контроля под прикрытием заботы и помощи;

- **Потребность в социальном одобрении и признании**: упоминание того, что пациенты «просили именно его», свидетельствует о стремлении к внешней валидации. Это подкрепляет не только ощущение власти, но и формирует положительную обратную связь, крайне значимую для личности с выраженными чертами грандиозного нарциссизма.

Примечательно, что Дворкин не скрывает эти эпизоды, а, напротив, включает их в нарратив как свидетельство личной автономии и независимости от институциональных норм. Это указывает на то, что он **испытывает гордость за свою способность существовать вне установленной системы**, — и эта установка распространяется также на его поведение в медицинском учреждении, где он «играл по своим правилам» (в частности, выполнял инъекции, несмотря на официальный запрет). Таким образом, эпизод с уколами представляет собой не просто бытовую деталь, а **поведенческий маркер использования медицинской роли в качестве прикрытия для удовлетворения патологических потребностей**. Это также демонстрирует склонность Александра Дворкина к **самообучению и экспериментированию** — черты, ранее отмеченные в контексте его знаний в области психофармакологии.

Другой пример — утверждение о том, что субъект «сильно переживал по поводу каждой смерти», выглядит как риторический приём, направленный на создание образа «сострадательного человека». Однако в контексте его экзистенциального противостояния, нарциссических и психопатических черт личности, лежащих в

основе мотивационной структуры (включая комплекс «богоподобности», «бунт против Бога»), смерть для него не является трагедией, а представляет собой **поле для проявления власти и контроля**. Для него пациенты были не просто страдающие люди, а *носители смерти* — и обращение с ними требовало определённого ритуала. Его критика больничной практики больше напоминает разочарование в лишении смерти её осознанности и значимости: *«Умирание переносится в больничные стены, где живущего последние дни человека загружают наркотиками, транквилизаторами, антидепрессантами — чем угодно, только бы он не пребывал в полном сознании, не устроил бы никаких истерик или незапланированных выходов, чтобы его самого не мучили страхи и чтобы он в таком полубессознательном состоянии отошел в мир иной»* [5]. Это напоминает отношение палача к приговорённому. Его понимание «комфорта перед смертью» могло включать не только реальное облегчение физических страданий, но и психологическую подготовку пациента к переходу — возможно, даже к переходу, находящемуся под его контролем.

Описанный интерес субъекта к смерти как к объекту контроля соответствует паттерну, характерному для серийных убийц с выраженным садистическим компонентом и потребностью в доминировании. Эмпирические исследования [14] демонстрируют, что преступники не воспринимают смерть как абстрактную категорию, а стремятся к её инструментализации — превращению в средство демонстрации власти над жертвой. Ключевым мотивом выступает потребность в контроле над процессом умирания, включая манипуляцию эмоциональным состоянием жертвы в предсмертный период. Такое поведение отражает проявление грандиозного нарциссизма с элементами садизма [15]: преступник стремится занять позицию абсолютного контролёра жизни и смерти, что служит удовлетворению потребности в подтверждении собственного всемогущества. Требование «осознанного участия» жертвы в акте умирания соответствует описанному в литературе феномену «игры с жертвой», при котором преступник продлевает её агонию для получения удовольствия от наблюдения за страхом и беспомощностью жертвы. Он хочет, чтобы жертва понимала, что происходит, осознавала свою участь и, возможно, даже вступала с ним в предсмертный диалог. Подобные паттерны отражают когнитивные искажения, характерные для лиц с антисоциальными и садистическими чертами

личности.

Таким образом, высказывания Александра Дворкина становятся не «оправданием», а ключом к пониманию его внутреннего мира, для которого смерть, очевидно, была не концом, а полем для проявления собственной комплекса «богоподобности». Его текст — не столько проявление сострадания, сколько эстетико-онтологическая претензия к качеству смерти. По всей видимости, его «забота» о пациентах была частью ритуала власти, а не альтруизма. Упомянутая им критика больничной системы может указывать на проекцию собственного желания контролировать смерть как значимый, осознанный акт. Это типично для убийц с высоким уровнем нарциссизма и интеллектуализации насилия: **они хотят, чтобы их акт был замечен, признан, осознан — даже если это осознание принадлежит только им самим.**

Эмпирические исследования демонстрируют, что медицинские серийные убийцы систематически используют профессиональную легитимность для маскировки преступлений. Медицинские учреждения, где они устраивались работать, давали им конкретные знания и навыки, доступ к ресурсам и анонимность, необходимые для совершения убийств без немедленного обнаружения. Ежедневное наблюдение за тем, как врачи принимают решения о спасении или отказе от лечения, как они используют различные препараты для поддержания жизненно важных функций, становилось для потенциальных убийц ценным источником информации, в том числе и о способах введения лекарств, их действии на организм, побочных эффектах и, что самое важное, о возможности их использования как средства для ускорения смерти.

Серийные убийцы в начале своей преступной карьеры учились тому, что раньше было только в их фантазии: они узнавали, как минимизировать следы и придать процессу видимость естественной причины смерти, как обмануть систему контроля. Это было решающим этапом в их трансформации из человека с патологическими желаниями в исполнителя убийств — того, кто хотел не просто видеть смерть, а управлять ею осознанно, лично и без посредников. Такая практика обеспечивала им не только техническую подготовку к применению фармакологических средств в неклинических целях, но и репетицию ролевого поведения, связанного с управлением предельными состояниями человеческого организма. Таким образом, работа в

медицинских учреждениях становилась для них «школой насилия» и местом приобретения навыков для реализации патологической потребности в контроле над жизнью и смертью под прикрытием социальной полезности. Дальнейшие события в их жизни становились катализаторами эскалации и модификации их методологии убийства.

Соответствия с реляционным фактором, субфактором «Способы обучения насилию» в модели «SIR»:

SF5: Способы обучения насилию. Из того, что мы можем заключить, следует, что человек не рождается серийным убийцей, а с годами учится использовать насилие для удовлетворения своих потребностей (идентичности, сексуальных, личного удовлетворения, всемогущества), и способы обучения всегда являются вопросом взаимодействия с одной или несколькими негативными моделями поведения, взятыми за отправные точки».

Источники:

1. Rita Z Goldstein, Nora D Volkow «Dysfunction of the prefrontal cortex in addiction: neuroimaging findings and clinical implications»

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3462342/#:~:text=Abstract>

<https://nida.nih.gov>

2. M. Brower, B. Price «Neuropsychiatry of frontal lobe dysfunction in violent and criminal behaviour: a critical review»

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1737651/#:~:text=violent%20and%20criminal%20behaviour%20suggest,impulsive%20subtype%20of%20aggressive%20behaviour>

3. Аркадий Ровнер «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.

4. A 1979 interview with Alexander Dvorkin for the project "Recent Soviet Immigrants in America.". Interviewer: Lynn Visson (June 19–20, 1979). William E. Wiener Oral History Library of the American Jewish Committee. New York Public Library (NYPL) Research Libraries.

<https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/mode/2up>

5. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.

6. Elinore F. McCance-Katz, Lynn Sullivan, Srikanth Nallani: «Drug Interactions of Clinical Importance among the Opioids, Methadone and Buprenorphine, and other Frequently Prescribed Medications: A Review»

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3334287/#:~:text=>

7. R M Yarvis «Patterns of Substance Abuse and Intoxication Among Murderers», 1994

<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/patterns-substance-abuse-and-intoxication-among-murderers#:~:text=manslaughter%20who%20were%20referred%20for,important%20etiological%20contributor%20to%20some>

8. John E. Douglas and Mark Olshaker note in their book “Mindhunter: Inside the FBI’s Elite Serial Crime Unit”, 2017.

9. Karin H. Cather (2004) «Serial Killers, Hidden Murders: The Prosecution of Health Care Professionals Who Kill Patients». Prosecutor Volume: 38 Issue: 1 Dated: January-February 2004.

<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/serial-killers-hidden-murders-prosecution-health-care-professionals>

10. Angel of mercy (criminology)

[https://en.wikipedia.org/wiki/Angel_of_mercy_\(criminology\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Angel_of_mercy_(criminology))

11. «John Douglas Teaches How to Think Like an FBI Profiler», 2022.

12. <https://actfiles.org/alexander-dvorkins-medical-files-full-archive/>

13. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.

14. Ressler, R. K., Burgess, A. W., & Douglas, J. E. (1988). Sexual homicide: Patterns and motives. Lexington Books/D. C. Heath and Com.

<https://psycnet.apa.org/record/1988-97582-000>

15. J. Reid Meloy «Nature and Dynamics of Sexual Homicide: An Integrative Review». Journal Aggression and Violent Behavior Volume: 5 Issue: 1 Dated: January-February 2000 Pages: 1-22

<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/nature-and-dynamics-sexual-homicide-integrative-review>

Часть 6.

Бродяжничество

Согласно автобиографическим сведениям, в конце весны 1976 года Александр Дворкин уволился с должности санитаря отделения травматической реанимации городской больницы №67 г. Москвы. В своей книге Дворкин объяснил читателям мотив увольнения: якобы пришел вызов-приглашение из-за границы на постоянное место жительства в Израиль. Однако далее следует уточнение: он показал вызов-приглашение *«родственникам и приятелям и задвинул письмо в дальний ящик. Было это в начале весны 1976 года»*.

Следует напомнить, в период его работы санитаром имели место частые смерти пациентов (*«...я все же сильно переживал по поводу каждой из весьма частых в нашем отделении смертей»*). Книга «Моя Америка», стр. 97 [1]). Непосредственно перед увольнением, по словам Дворкина, *«ему пришлось идти в логово врага — местное отделение милиции»* (там же, стр. 101), поскольку он *«потерял паспорт и должен был получить новый»*.

«И тут я встретил Толика-Виннету, давно уже не появлявшегося на моем горизонте. Он сообщил, что уезжает в Америку по израильской визе, и спросил, не прислать ли мне приглашение. Даже не думая, я согласился — почему бы и нет, тем более что звучало это предложение более чем абстрактно.

Но вдруг через пару месяцев я извлек из почтового ящика вызывающе иностранный, длинный белый конверт с прозрачным окошечком, открывающим мой адрес. Приглашение пришло. Меня вызывал на постоянное место жительства в Израиль некто называвшийся моим родственником. Имя было не похоже ни на что — было не даже понятно, кто отправитель: мужчина или женщина».

* * *

И тут я встретил Толика-Виннету, давно уже не появлявшегося на моем горизонте. Он сообщил, что уезжает в Америку по израильской визе, и спросил, не прислать ли мне приглашение. Даже не думая, я согласился – почему бы и нет, тем более что звучало это предложение более чем абстрактно.

Но вдруг через пару месяцев я извлек из почтового ящика вызывающе иностранный, длинный белый конверт с прозрачным окошечком, открывающим мой адрес. Приглашение пришло. Меня вызывал на постоянное место жительства в Израиль некто называвшийся моим родственником. Имя было не похоже ни на что – даже не было понятно, кто отправитель: мужчина или женщина.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 100 [1].

видывал. Я показал диковинную вещь родственникам и приятелям и задвинул письмо в дальний ящик.

Было это в начале весны 1976 года. Вскоре мне пришлось идти в логово врага – в местное отделение милиции. Я потерял паспорт и должен был получить новый.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 101 [1].

Отметим, что Александр Дворкин уволился после ночного дежурства в больнице. В своей книге он описывает эпизод, произошедший в последнюю смену: **поздно ночью** он зашел в актовый зал и *«написал-нацарапал неприличное слово на гипсовом лбу белого бюста Вождя всех трудящихся»* (там же, стр. 101, 102). Этот рассказ косвенно указывает на то, что подобные ночные дежурства Дворкина проходили **без свидетелей**, что создавало условия для совершения действий, не

подлежащих немедленному обнаружению.

После этого хулиганского поступка, Дворкин поясняет свой мотив — почему он столь быстро покинул Москву и поехал в «автостопное путешествие»:

«Я понимал, что за подобное преступление можно получить лет десять, но увидев такую возможность, удержаться не смог» (там же, стр. 102).

«Предложение было серьезным. Я решил скрыться из Москвы и поразмыслить о своем будущем на досуге. Уволившись с работы, я стал собираться в большое автостопное путешествие по всей стране, которую я знал еще весьма мало.

Накануне увольнения я дежурил в больнице последнюю смену. Поздно ночью я зашел в актовый зал и написал-нацарапал неприличное слово на гипсовом лбу белого бюста Вождя всех трудящихся. Такие изображения Ульянова были непременным атрибутом всех публичных мест. Ситуация усугублялась еще и тем, что на завтрашнее утро, как я знал, было назначено всебольничное партийное собрание, которое теперь окажется в весьма забавном положении — глубоко процарапанное матерное слово просто так смыть будет невозможно. Я понимал, что за подобное преступление можно получить лет десять, но, увидев такую возможность, удержаться не смог».

Предложение было серьезным. Я решил скрыться из Москвы и поразмыслить о своем будущем на досуге. Уволившись с работы, я стал собираться в большое автостопное путешествие по всей стране, которую я знал еще весьма мало.

Накануне увольнения я дежурил в больнице последнюю смену. Поздно ночью я зашел в актовый зал и написал-нацарапал неприличное слово на гипсовом лбу белого бюста Вождя всех трудящихся. Такие изображения

Ульянова были неременным атрибутом всех публичных мест. Ситуация усугублялась еще и тем, что на завтрашнее утро, как я знал, было назначено всебольничное партийное собрание, которое теперь окажется в весьма забавном положении – глубоко процарапанное матерное слово просто так смыть будет невозможно. Я понимал, что за подобное преступление можно получить лет десять, но, увидев такую возможность, удержаться не смог.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 101, 102 [1].

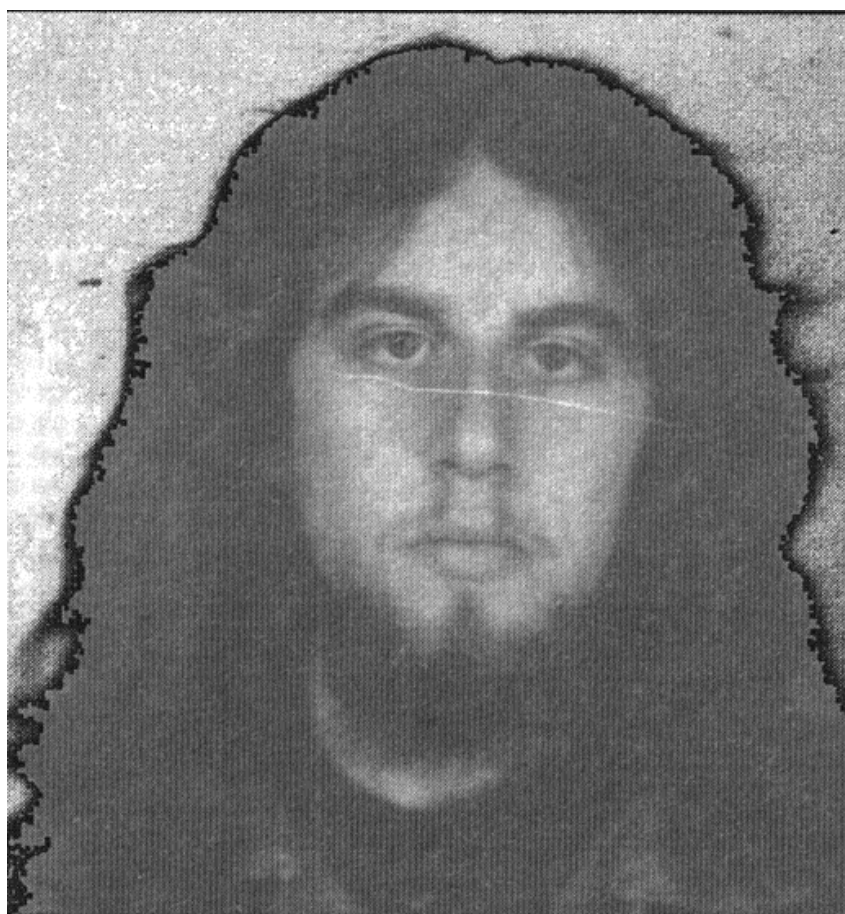
Здесь стоит пояснить вопрос, касательно исторического правового контекста. В 1976 году в СССР действовал Уголовный кодекс 1960 года (с учётом всех внесённых на тот момент изменений). Согласно нему, хулиганство (статья 206) или умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры (статья 230) предусматривали наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, или исправительных работ на тот же срок, или штрафа.

А вот наказание в виде десяти лет лишения свободы было максимальным наказанием для серьезного преступления против личности, в частности, за умышленное убийство (статья 103), или стандартным для тяжких преступлений против личности, в частности, за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (статья 102).

После этого дежурства Александр Дворкин, по его словам, *«исчез из Москвы»*, *«я решил скрыться из Москвы»*. И далее в течение последующих четырёх месяцев он *«скрывался»*, бродяжничая вместе со своим другом Димой Степановым: *«выехали в середине мая, а вернулись домой в середине сентября»*.

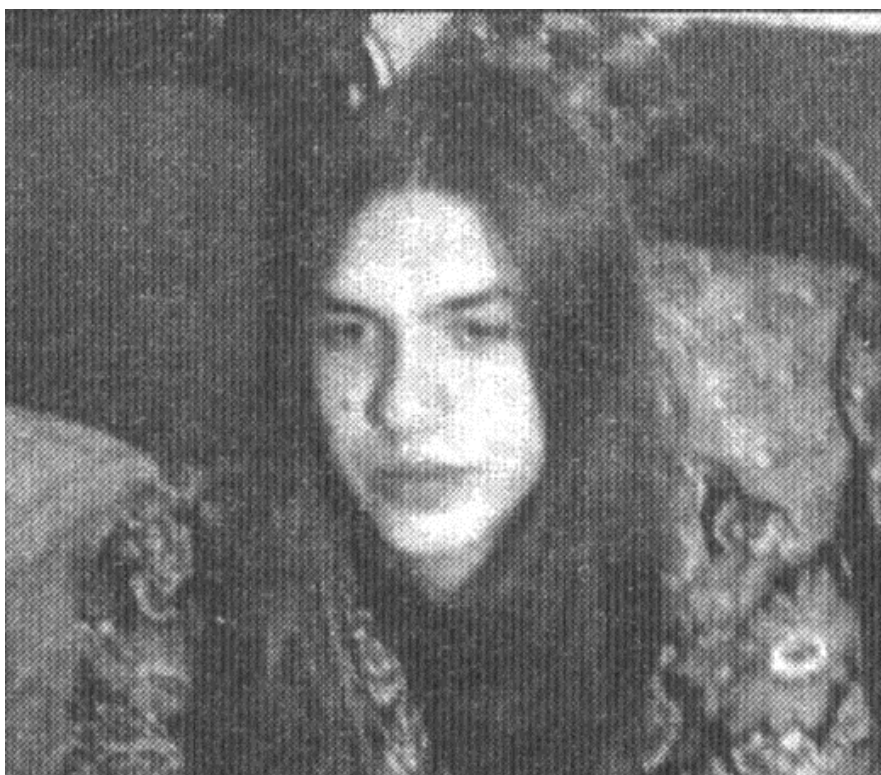
Однако остаётся открытым вопрос: **за совершение какого именно преступления на самом деле опасался Александр Дворкин получить десятилетнее тюремное заключение**, и что именно побудило его столь поспешно

исчезнуть из Москвы? Учитывая несоответствие между реальной уголовной ответственностью за совершенное им хулиганство и его собственной оценкой угрозы («можно получить лет десять»), его страх, поспешный отъезд («автостопом») и последующее бродяжничество — возникает предположение, что истинная причина бегства могла быть связана не с вандализмом в отношении бюста, а с иным, более тяжким деянием — возможно, совершенным накануне или в ходе последнего ночного дежурства.

Александр Дворкин, 1976 г.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Дима Степанов.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

«АВТОСТОПОМ ВОКРУГ РОССИИ.

Все путешествие заняло около четырех месяцев: мы выехали в середине мая, а вернулись домой в середине сентября».

АВТОСТОПОМ ВОКРУГ РОССИИ

Все путешествие заняло около четырех месяцев: мы выехали в середине мая, а вернулись домой в середине сентября. Я был абсолютно городским жителем, из ин-

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 102 [1].

Летом 1976 года, за четыре месяца бродяжничества (по словам Дворкина «путешествия автостопом») он вместе с другом побывали **как на территории**

России (РСФСР), так и союзных республик СССР: Грузии, Украине, Молдавии, Белоруссии, Эстонии, Литве, Латвии.

«Первоначально мы направились в Тбилиси, где жили двое моих приятелей-грузин. Я подружился с ними два года назад в Пярну, и они приглашали в гости. Ехать предстояло через Восточную Украину, Ростов и далее Ставропольский край».

Первоначально мы направились в Тбилиси, где жили двое моих приятелей-грузин. Я подружился с ними два года назад в Пярну, и они приглашали в гости. Ехать предстояло через Восточную Украину, Ростов и далее Ставропольский край.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 103 [1].

В исторической криминологической литературе советского периода **бродяжничество и тунеядство** рассматривались как асоциальные явления, зачастую способствующие совершению правонарушений — от мошенничества, мелких краж до грабежей, разбоев и, в редких случаях, убийств. Лица без определённого места жительства или пребывания традиционно считались группой повышенного криминогенного риска. Причинами бродяжничества могли выступать как социально-экономические факторы (отсутствие жилья, работы, разрыв социальных связей), так и индивидуальные — включая психические расстройства, а также зависимость и злоупотребление психоактивными веществами, в том числе наркотиками.

Считалось, что длительное пребывание в условиях социальной изоляции, а также вынужденная адаптация к криминальной среде создавали условия, при которых некоторые лица, занимающиеся бродяжничеством, разлагающе влияли на окружающих — особенно на молодежь, подростков и детей, вовлекая их в попрошайничество, проституцию, употребление алкоголя и наркотиков, а также совершение правонарушений. В то время бродяжническая среда становилось все более активным каналом распространения наркомании и незаконного оборота

наркотиков. Среди бродяг были и люди с венерическими заболеваниями, психическими расстройствами, зависимые от психоактивных веществ, а также лица, разыскиваемые правоохрнительными органами, — что делало эту группу потенциально уязвимой, требующей особого внимания со стороны правоохрнительных и социальных служб.

Если вопрос касался разыскиваемых преступников, то в рамках криминологического подхода того времени важно отметить, что «автостоп» рассматривался как один из способов перемещения преступников, создающий серьёзные следственные трудности: отсутствие документальных следов, использование ложных имён и целей поездки, а также выбор случайных водителей затрудняли установление маршрутов и личностей подозреваемых. То есть **подозреваемые лица, как правило, ездили в попутных машинах и давали ложную информацию о себе и о цели своей поездки.** Даже при наличии очевидцев, если они и вспоминали такого попутчика, описание сводилось к общим внешним чертам, что делало последующую идентификацию крайне затруднительной. Подобная мобильность перемещения при сохранении анонимности, намеренное введение окружающих в заблуждение — позволяли разыскиваемым лицам длительное время оставаться незамеченными для правоохрнительных органов.

В криминалистической литературе есть категория преступников — **географически мобильные серийные убийцы.** Исследования показывают, что такие лица сознательно перемещаются по обширным территориям в поисках жертв, а тела часто оставляют в удалённых или труднодоступных местах. Важно, что при этом их передвижения обусловлены не из-за отсутствия потенциальных жертв в одном районе, регионе, а стремлением затруднить установление серийности преступлений, выявление закономерностей и сбить следствие с толку, то есть дезориентировать правоохрнительные органы.

«Мобильные убийцы» нередко пересекают административные границы или государственные границы, совершая преступления в разных юрисдикциях. Это значительно усложняет раскрытие дел, поскольку расследование начинается и ведётся по месту совершения преступления. В результате число жертв таких преступников может возрасти на протяжении длительного времени. Эффективное противодействие подобным серийным преступникам, раскрытие их дел требует

межведомственного, межрегионального, а порой и межгосударственного взаимодействия правоохранительных структур.

Легендарный профайлер ФБР **Джон Дуглас**, написавший совместно с Марком Олшейкером книгу **«Тень убийцы: Охота профайлера ФБР на серийного убийцу-расиста»** [2], описывает в ней расследование дела Джозефа Франклина — одного из самых опасных психопатов в его практике: *«Оценивая преступления, мы думаем о средствах, мотивах и возможностях. Франклин был достаточно универсален и легко приспосабливался, чтобы иметь возможность **менять средства и использовать различные возможности. Его мотивы не менялись никогда.** Оглядываясь назад, можно сказать, что правление террора, устроенное Франклином, очевидно, было значительно большим, чем кто-либо, включая меня, мог себе представить. В самом начале мы узнали, что он очень мобильный убийца. Так уж вышло, что это оказалось, возможно, его главным козырем. Он убивал на столь обширной территории, в течение столь долгого промежутка времени, что многие из его преступлений и методов трудно сложить вместе».*

В истории Министерства внутренних дел (МВД) СССР в 1970-х годах в оперативной практике правоохранительных органов (милиции) географически мобильных преступников неофициально называли «гастролёрами», то есть лицами, совершающими преступления вне своего места жительства или постоянного места нахождения. Когда такой «гастролёр» или «банда гастролёров» [3] появлялись в регионе, транзитный характер их поездок и зачастую отсутствие свидетелей существенно усложняли расследование, которое длилось не один год, и требовало координации сил МВД на союзном уровне.

В своих автобиографических книгах и других открытых источниках Александр Дворкин, как уже было указано выше, упоминает, что в 1976 году в течение четырех месяцев занимался бродяжничеством на территории нескольких союзных республик СССР — в частности, в **России (РСФСР), Грузии, Украине, Молдавии, Белоруссии, Эстонии, Литве, Латвии.** Впоследствии, после эмиграции из СССР он периодически возвращался к подобному образу жизни, но уже **в США, в странах Европы, а также Турции, Израиле** и других регионах. Многие из этих «автостопных путешествий» осуществлялись им **в одиночку.**

Для примера, приведем несколько эпизодов, указывающий на определенные детали таких «путешествий».

Эпизод 1.

«Эмигрировать Александр решился не сразу. Чтобы как следует подумать, он уволился с работы и исчез из Москвы, отправившись с тогдашним своим лучшим другом Дмитрием Степановым в долгое «автостопное» путешествие.

*За четыре месяца мы побывали в Грузии, Крыму, Новороссии, Молдавии, Западной Украине, Белоруссии, во всех трех прибалтийских республиках, а затем через Питер вернулись в Москву, — вспоминает Дворкин. Как и полагается хиппи, искали ночлега у единомышленников, «аскали» на пропитание. Не обошлось, конечно, и без милиции. В крымском Судаче меня насильно постригли, а в Херсоне продержали около двух недель в спецприемнике. Но все же это путешествие принесло массу позитивного опыта. **Четыре месяца мы с другом были предоставлены лишь самим себе, и наша жизнь напрямую зависела от умения общаться с людьми и их к себе располагать. Эта школа очень пригодилась мне впоследствии.** Ну и, конечно, я познакомился со своей страной, с ее национальными окраинами не просто как турист, а через людей, в гуще которых провел все это время. Людей самых разных — от милиционеров до заключенных в спецприемнике, от шоферов-дальнобойщиков до артистической богемы, от карпатских крестьян до грузинской «золотой молодежи». И память об этом долгом путешествии уже потом, в годы эмиграции, воспринималась мной как одно из самых драгоценных сокровищ».*

Эмигрировать Александр решился не сразу. Чтобы как следует подумать, он уволился с работы и исчез из Москвы, отправившись с тогдашним своим лучшим другом Дмитрием Степановым в долгое «автостопное» путешествие.

— За четыре месяца мы побывали в Грузии, Крыму, Новороссии, Молдавии, Западной Украине, Белоруссии, во всех трех прибалтийских республиках, а затем через Питер вернулись в Москву, — вспоминает Дворкин. — Как и полагается хиппи, искали ночлега у единомышленников, «аскали» на пропитание. Не обошлось, конечно, и без милиции. В крымском Судаче меня насильно постригли, а в Херсоне продержали около двух недель в спецприемнике. Но все же это путешествие

19

принесло массу позитивного опыта. Четыре месяца мы с другом были предоставлены лишь самим себе, и наша жизнь напрямую зависела от умения общаться с людьми и их к себе располагать. Эта школа очень пригодилась мне впоследствии. Ну и, конечно, я познакомился со своей страной, с ее национальными окраинами — не просто как турист, а через людей, в гуще которых провел все это время. Людей самых разных — от милиционеров до заключенных в спецприемнике, от шоферов-дальнобойщиков до артистической богемы, от карпатских крестьян до грузинской «золотой молодежи». И память об этом долгом путешествии уже потом, в годы эмиграции, воспринималась мной как одно из самых драгоценных сокровищ. Об

Александр Дворкин. «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 19-20 [4].

Эпизод 2.

В ходе бродяжничества Александр Дворкин и Дмитрий Степанов оказались в г. Харькове (Украина), где в местной столовой произошёл инцидент, описанный в автобиографии следующим образом:

«Когда в конце концов мы сели обедать, к нам за столик подсел какой-то

человек неопределенного вида. Он стал нас довольно дружелюбно расспрашивать, кто мы такие, отчего так выглядим и какой жизнью живем. **После наших подробных ответов он, неожиданно резко переменив тон, прошипел: "Я интеллигентный бандит! Даю вам полчаса. Если через это время я встречу вас в Харькове, обещаю, что вам не жить!"».**

шество. Когда в конце концов мы сели обедать, к нам за столик подсел какой-то человек неопределенного вида. Он стал нас довольно дружелюбно расспрашивать, кто мы такие, отчего так выглядим и какой жизнью живем. После наших подробных ответов он, неожиданно резко переменив тон, прошипел: «Я – интеллигентный бандит! Даю вам полчаса. Если через это время я встречу вас в Харькове, обещаю, что вам не жить!»»

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 103 [1].

Очевидно, этот ситуативный конфликт был случайным столкновением Александра Дворкина и его друга с представителем местной преступной среды, выполнявшим функции территориального контроля. Вероятно, данный человек, исходя из своего опыта, воспринял их как потенциально опасных «чужаков», маргиналов, либо как конкурентов (чужих воров, преступников, бандитов или залетных «гастролёров»). В условиях, когда преступные группы 1970-х годов стремились минимизировать внешние угрозы и сохранять монополию на криминальную активность в своём районе, подобная реакция была типичной.

Использование фразы «интеллигентный бандит» отражает парадоксальный кодекс, существовавший в некоторых слоях советской криминальной субкультуры, где агрессия сочеталась с формальной вежливостью, а угроза — с предварительным «диалогом». Предоставление получаса на покидание города также соответствует практике контролируемого изгнания.

Эпизод 3. Незаконный сбор мака и конопли с частных участков.

«Обычно маки выращивают на приусадебных участках. Однажды я набрёл на участок, одна половина которого была в маках, другая в конопле. Вышла бабка, заголосила:

— Москали пришли, всё отбирают!

Я ей:

— Бабка, а зачем тебе маки?

Она смутилась, говорит: то да сё.

— Для пищи, что ли?

— Да, — говорит, — для пищи.

— А конопля для чего?

— Да для того же.

В другой раз мужик вышел и говорит:

— Не дам вам. Мне они нужны для того же, для чего и вам, — и показал всю руку исколотую».

Обычно маки выращивают на приусадебных участках. Однажды я набрёл на участок, одна половина которого была в маках, другая в конопле. Вышла бабка, заголосила:

— Москали пришли, всё отбирают!

Я ей:

— Бабка, а зачем тебе маки?

Она смутилась, говорит: то да сё.

— Для пищи, что ли?

— Да, — говорит, — для пищи.

— А конопля для чего?

— Да для того же.

В другой раз мужик вышел и говорит:

— Не дам вам. Мне они нужны для того же, для чего и вам, — и показал всю руку исколотую.

Эпизод 4. Школа-интернат для слепых и слабовидящих детей в г. Бельцы (Молдавия, СССР).

Напомним, что в книге «Моя Америка» Дворкин упоминал о том, что Александр Ровнер, делая заметки для книги «Калалацы», подробно расспрашивал молодого Дворкина не только о его хипповой жизни, но и особенно подробно расспрашивал о сексуальной стороне его жизни («Моя Америка», стр. 233).

«Мы отправились с ребятами бродяжничать. Ехали автостопом по двое с уговором встретиться. В Бельцах мы набрали на интернат для слепых детей, сказали завхозу: мы студенты-ботаники, изучаем маки и другие лекарственные растения. Та засомневалась: директор в отпуске, не могу взять ответственности, но всё же поселила.

Время было роскошное: мы сидели князьками в спортзале, аборигены носили маки, дети бутерброды, мы открыто готовили отвары, мазались, а вечерами ходили бесплатно на ужин. Но вернулся из отпуска директор, и нам пришлось распрощаться с интернатом.

Тогда мы устроились в общежитии сельскохозяйственного института. Сказались артистами из Москвы, ожидающими труппу. Директорша сомневалась, спрашивала документы, боялась неприятностей. На прощанье всё же не удержалась и попросила автографы. Уехать пришлось из-за Чёрнорубашечника. Он круто засел на маки и превратился в типичного наркомана из медицинских учебников».

Мы отправились с ребятами бродяжничать. Ехали автостопом по двое с уговором встретиться. В Бельцах мы набрали на интернат для слепых детей, сказали завхозу: мы студенты-ботаники, изучаем маки и другие лекарственные растения. Та засомневалась: директор в отпуске, не могу взять ответственности, — но всё же поселила.

Время было роскошное: мы сидели князьками в спортзале, аборигены носили маки, дети — бутерброды, мы открыто готовили отвары, мазались, а вечерами ходили бесплатно на ужин. Но вернулся из отпуска директор, и нам пришлось распрощаться с интернатом.

Тогда мы устроились в общежитии сельскохозяйственного института. Сказались артистами из Москвы, поджидающими труппу. Директорша сомневалась, спрашивала документы, боялась неприятностей. На прощанье всё же не удержалась и попросила автографы.

Уехать пришлось из-за Чёрнорубашечника. Он круто засел на маки и превратился в типичного наркомана из медицинских учебников. Он ездил в паре со своей Пингвинихой — короткой,

Книга Аркадия Ровнера «Калалацы» (1980), написанная по устному рассказу Александра Дворкина, стр. 51 [5].

Эпизод 5.

Тридцать лет спустя Александр Дворкин упоминает похожий эпизод в книге «Моя Америка», указав интернат для **детей** с задержками развития уже **г. Могилево-Подольск (Украина)**, расположенный недалеко от г. Бельцы (Молдавия):

*«Отдохнув пару дней у Диминых родственников в Одессе, мы перебрались в Кишинев, где натолкнулись на четырех московских хиппи, приехавших туда несколькими днями раньше. Мы погостили у молдавских собратьев (вся кишиневская Система вряд ли превышала полтора десятка человек) и направились на север — **через Бельцы** и Единцы в Западную Украину.*

*Помню красивый старый монастырь **в городе Могилеве-Подольском — на границе Молдавии и Украины.** Приблизившись к нему, мы обнаружили, что он*

находится в полуразрушенном состоянии. Тем не менее в его осыпающихся корпусах размещался **интернат для детей с задержками развития. Мы зашли на никем не охраняемую территорию, где нас немедленно облепила кучка маленьких маугли** — шустрых подростков в оборванных и обтрепанных сиротских униформах. Все они — и мальчики и девочки — были стрижены «под ноль». Выглядели эти маленькие и щуплые **дети лет на восемь-десять**. Каково же было наше удивление, когда они, в ответ на вопрос, стали называть свой возраст: как правило, **тринадцать-четырнадцать лет!** Мы дружелюбно поговорили с ними — как мы обычно говорили со всеми, кто нам встречался.

И этих нескольких слов оказалось достаточно, чтобы стать лучшими друзьями заброшенных и затравленных детей, видимо чрезвычайно редко встречавших простое, неагрессивное отношение со стороны взрослых. **Они стали приносить нам еду (отрывая ее от себя — ведь вряд ли их очень сытно кормили) и даже отдавать какие-то безделушки, видно главные свои сокровища. Мы отказались от всего, забрав только сигареты** (они-то, рассудили мы, детям совсем ни к чему). "Возьмите нас с собой, — просили мальчишки. Мы хотим поехать с вами. Мы будем делать все, что вы скажете, будем все время вас слушаться, только возьмите нас!".

Как нам ни было мучительно жалко этих несчастных детей, мы отказались. Да и что бы мы могли сделать? «Мы все равно убежим отсюда», — говорили дети. Мы настоятельно посоветовали им все же дождаться шестнадцати лет и получить паспорта, а до того не предпринимать никаких решительных действий, чтобы не попасть в куда худшее место, чем их детский дом. Не знаю, послушались ли они нас...»

Отдохнув пару дней у Диминых родственников в Одессе, мы перебрались в Кишинев, где натолкнулись на четырех московских хиппи, приехавших туда несколькими днями раньше. Мы погостили у молдавских братьев (вся кишиневская Система вряд ли превышала полтора десятка человек) и направились на север – через Бельцы и Единцы в Западную Украину.

Помню красивый старый монастырь в городе Могилеве-Подольском – на границе Молдавии и Украины. Приблизившись к нему, мы обнаружили, что он

находится в полуразрушенном состоянии. Тем не менее в его осыпающихся корпусах размещался интернат для детей с задержками развития. Мы зашли на никем не охраняемую территорию, где нас немедленно облепила кучка маленьких маугли – шустрых подростков в оборванных и обтрепанных сиротских униформах. Все они – и мальчики и девочки – были стрижены «под ноль». Выглядели эти маленькие и щуплые дети лет на восемь-десять. Каково же было наше удивление, когда они, в ответ на вопрос, стали называть свой возраст: как правило, тринадцать-четырнадцать лет! Мы дружелюбно поговорили с ними – как мы обычно говорили со всеми, кто нам встречался. И этих нескольких слов оказалось достаточно, чтобы стать лучшими друзьями заброшенных и затравленных детей, видимо чрезвычайно редко встречавших простое, неагрессивное отношение со стороны взрослых. Они стали приносить нам еду (отрывая ее от себя – ведь вряд ли их очень сытно кормили) и даже отдавать какие-то безделушки, видно главные свои сокровища. Мы отказались от всего, забрав только сигареты (они-то, рассудили мы, детям совсем ни к чему). «Возьмите нас с собой, – просили мальчишки. – Мы хотим поехать с вами. Мы будем делать все, что вы скажете, будем все время вас слушаться, только возьмите нас!»

Как нам ни было мучительно жалко этих несчастных детей, мы отказались. Да и что бы мы могли сделать?

«Мы все равно убежим отсюда», – говорили дети.

Мы настоятельно посоветовали им все же дождаться шестнадцати лет и получить паспорта, а до того не предпринимать никаких решительных действий, чтобы не попасть в куда худшее место, чем их детский дом. Не знаю, послушались ли они нас...

Напомним, что к описываемому периоду Александр Дворкин уже имел длительный опыт полинаркомании, вёл антисоциальный образ жизни и обладал развитыми навыками манипуляции. Его поведение свидетельствует о патологическом интересе к крайним состояниям человеческого существования — особенно у тех, кто был уязвим, зависим или лишён социальной защиты. Как следует из приведённых эпизодов, он систематически прибегал к подмене идентичности и предоставлению ложной информации о себе и целях своих перемещений (например, выдавая себя за «студентов-ботаников», «артистов из Москвы»). Это соответствует тактике маскировки идентичности (identity masking) для снижения бдительности потенциальных жертв, описанной в исследованиях о серийных преступниках.

Ключевые поведенческие маркеры Александра Дворкина включают:

- высокий уровень планирования и адаптивности;
- поиск уязвимых объектов;
- отсутствие признаков раскаяния или эмпатии;
- использование доверия через манипуляцию;
- использование институциональной уязвимости (например, интернатов, общежитий);
- инструментальное отношение к другим людям как к ресурсу для выживания или удовлетворения собственных потребностей;
- нарративное оправдание действий через рационализацию.
- наркотическая деградация.

Особое внимание вызывает его взаимодействие с несовершеннолетними. Хотя в приведённых фрагментах отсутствуют прямые свидетельства сексуального характера, подобная модель поведения — формирование зависимости у социально изолированных детей, их готовность «послушаться во всём»

— в практике поведенческого анализа рассматривается **как потенциальный индикатор риска груминга** (действий, предпринимаемых взрослым для установления доверительных отношений с ребенком с целью его последующего сексуального совращения) и требует повышенного внимания.

В совокупности описанные эпизоды напоминают поведенческие репетиции — типичный паттерн, наблюдаемый у лиц, склонных к серийному насильственному поведению. В ходе таких «репетиций» преступник отрабатывает ключевые навыки: маскировку, манипуляцию, выбор жертв, управление последствиями.

Эпизод 6. Дополнение к информации: Детский лагерь.

Дополнительным элементом поведенческого анализа **Александра Дворкина** является эпизод, иллюстрирующий его отношение **к несовершеннолетним еврейским и американским детям в лагере для детей в США**. Это событие произошло спустя два года после описанных выше событий (1978 г.), когда ему было 22 года. К тому времени он, иммигрировав в США, на летний период устроился работать в **детский лагерь вожатым, где руководил отрядом мальчиков 12-13 лет**. Его описание этого опыта крайне показательно — как свидетельство не столько условий лагеря и характеристики самих детей, сколько как **зеркало его собственного когнитивного и эмоционального мира**.

Обращает на себя внимание, что Александр Дворкин практически не упоминает педагогические аспекты работы, которые обычно освещают воспитатели детских лагерей: воспитательные мероприятия, игры, развитие навыков общения или поддержку детей. **Вместо этого внимание Дворкина сфокусировано исключительно на сексуальном поведении подростков:** якобы коллективная мастурбация, «развратность», рассказы о родителях, якобы поощряющих сексуальные контакты, и даже история об оплате сексуальных услуг посудомойке. Такая гиперсексуализация детского поведения гораздо больше отражает внутренние установки самого **Александра Дворкина**, чем объективную реальность детского лагеря. В профессиональной литературе подобное **искажение восприятия — когда взрослый приписывает детям сексуальную осведомлённость и активность, выходящие далеко за рамки возрастной нормы, —**

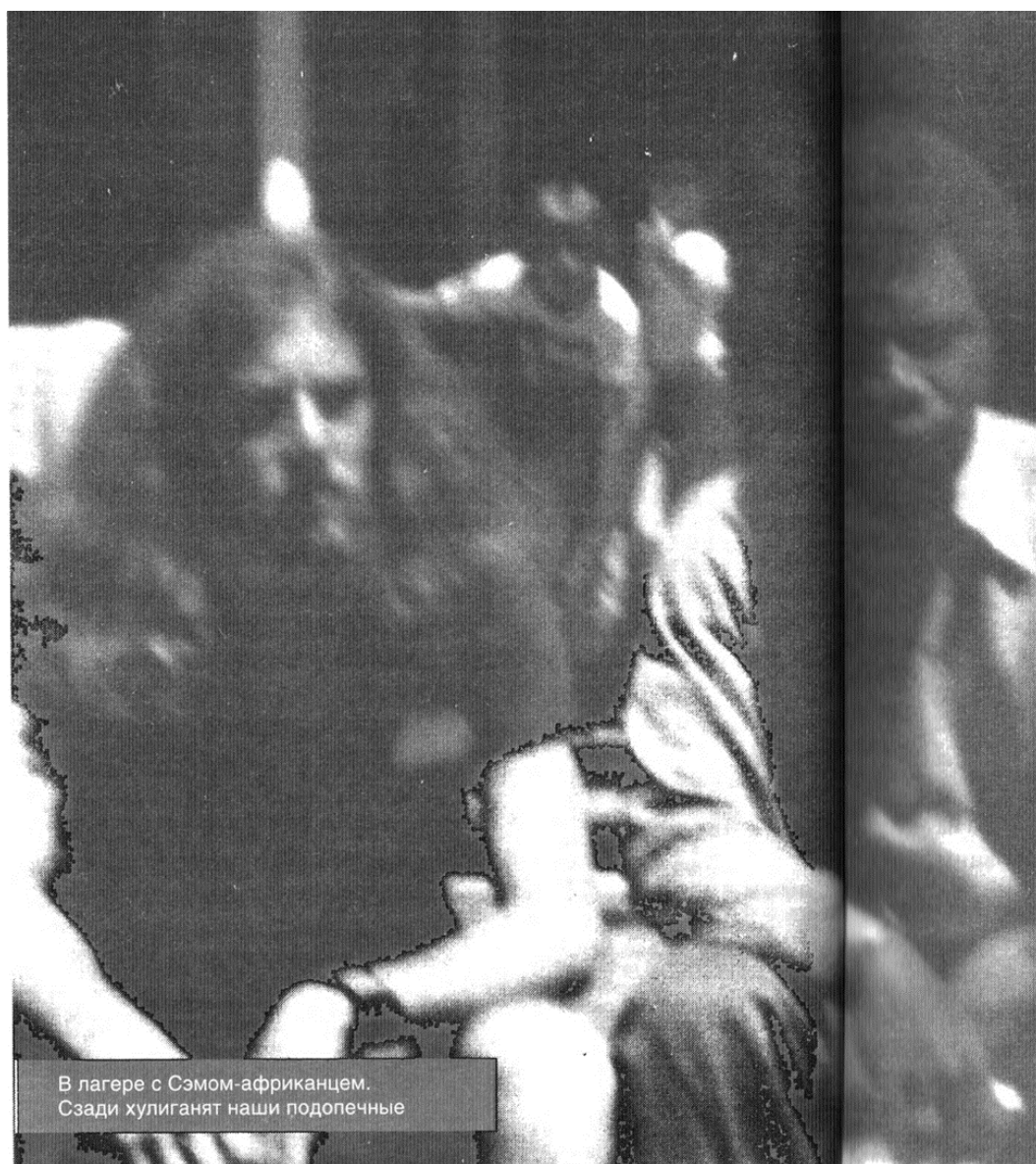
рассматривается как потенциальный индикатор риска сексуальной эксплуатации.

Джон Дуглас, Марк Олшейкер в книге «Погружение во мрак» [6], описывают предсказуемое поведение растлителя малолетних:

«Несмотря на то что многие педофилы успешно функционируют в обществе и сливаются с ним, по крайней мере на некоторое время, определенные аспекты их образа жизни не могут не настораживать. Люди, проявляющие чрезмерный интерес к нашим детям, вызывают у нас недоверие. Взрослый человек, болтающийся по паркам и детским площадкам и не имеющий друзей-ровесников, кажется не вполне нормальным. Педофил знает, что его сексуальные пристрастия надо держать в тайне, поэтому почти не поддерживает более-менее близкие взаимоотношения с другими людьми. Часто его друзьями становятся другие взрослые педофилы, способные понять его и оказать поддержку».

«Кроме того, он может говорить (или писать) о детях как об "объектах, проектах или имуществе"».

«Наряду с оправданиями в ход пускается фальсификация, и чем умнее растлитель, тем более запутанной будет ложь. Один педофил сообщил, что дети сами сняли на видеопленку половой акт, а когда он узнал об этом, то сохранил кассету, чтобы показать их родителям. Менее талантливые, но в равной степени отчаявшиеся растлители могут изобразить внезапный приступ психического заболевания или же сыграть на чувствах людей, надеясь, что раскаяние и прочная связь с обществом заставят окружающих пожалеть непутевого, но в душе доброго парня. Прибегая к извращенному, окольному пути, они пытаются защититься, якобы внося свой вклад в жизнь общества — например, добровольно вызвавшись работать с детьми с единственной настоящей целью — иметь постоянный доступ к ним».

Подпись к фото: «В лагере с Сэмом-африканцем. Сзади хулиганят наши подопечные».

Александр Дворкин «Моя Америка» [1].

«Я страшно обиделся, но работу-тоискать все равно было необходимо. А она не находилась. Положение делалось совсем критическим. Деньги уже подходили к концу. И тут Бобби предложила мне уехать в детский лагерь вожатым. Это был тот самый лагерь, куда она ездила в детстве и о котором у нее остались самые нежные воспоминания. Правда, как оказалось, вожатым там платили очень мало: двести пятьдесят долларов за два месяца. Может быть, поэтому оставались незамещенные вакансии, а руководство согласилось меня взять, хотя я явно им не

подходил. Должен сказать, что я с детства терпеть не мог лагерей, коллективизма, отрядов и жизнь под звуки барабана и горна. Единственный раз в детстве я был в пионерском лагере, но через две недели перелез через забор и сбежал. До сих пор я с трудом выношу всевозможные коллективные мероприятия — не люблю турпоходов, совместных поездок, слетов на природе, КСП и т.д. А тут мне предлагали не какую-то групповую экскурсию, но самый настоящий лагерь! Но, похоже, выбора у меня больше не оставалось, и я пошел сдаваться. Все оказалось куда хуже, чем я думал. Лагерь был еврейским и социалистическим. Костяк его руководства составляли бывшие коммунисты, изгнанные из компартии США за критику антисемитизма в СССР».

* * *

Я страшно обиделся, но работу-то искать все равно было необходимо. А она не находилась. Положение делалось совсем критическим. Деньги уже подходили к концу. И тут Бобби предложила мне уехать в детский лагерь вожатым. Это был тот самый лагерь, куда она ездила в детстве и о котором у нее остались самые нежные воспоминания. Правда, как оказалось, вожатым там платили очень мало — двести пятьдесят долларов за два месяца. Может быть, поэтому оставались незамещенные вакансии, а руководство согласилось меня взять, хотя я явно им не подходил. Должен сказать, что я с детства терпеть не мог лагерей, коллективизма, отрядов и жизнь под звуки барабана и горна. Единственный раз в детстве я был в пионерском лагере, но через две недели перелез через забор и сбежал. До сих пор я с трудом выношу всевозможные коллективные мероприятия — не люблю турпоходов, совместных поездок, слетов на природе, КСП* и так далее. А тут мне

* «Клуб самодетальной песни» — так назывались популярные одно время слеты на природе, где по вечерам вокруг костра всевозможные полупрофессиональные (а часто и совсем не профессиональные) барды исполняли под гитару свои произведения.

предлагали не какую-то групповую экскурсию, но самый настоящий лагерь! Но, похоже, выбора у меня больше не оставалось, и я пошел сдаваться.

Все оказалось куда хуже, чем я думал. Лагерь был еврейским и социалистическим. Костяк его руководства составляли бывшие коммунисты, изгнанные из компартии США за критику антисемитизма в СССР. Но тем не

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 204 [1].

*«Вот это да! Вот это попал! К каким-то **реликтовым уродам!** Я хотел было развернуться и уйти, но, поймав на себе напряженный взгляд Бобби, вздохнул... и от полной безысходности остался. По крайней мере, эти ничего не говорили о необходимости стричься.*

Через несколько дней я наконец-то выписался из гостиницы, где проживал с самого моего приезда в Нью-Йорк, отвез свои пожитки в подвал к Гроднеру, а Мурку к знакомым. После всех этих дел у меня оставался один доллар тридцать семь центов. С ними я и выехал в лагерь — весьма живописное место на берегу озера в трех часах к северу от города. Должен сказать, что во всех моих самых мрачных ожиданиях я не подозревал, **насколько мерзкой оказалась эта клоака.** Единственным нормальным человеком на весь лагерь оказался мой **напарник по руководству отрядом 12-13-летних мальчиков — чернокожий студент** из Берега Слоновой Кости, получивший эту работу по молодежному обмену.

Заведующая эстетическим воспитанием детей, безобразно толстая женщина среднего возраста, сразу же после знакомства заявила мне, что она лесбиянка и находится в интимных отношениях с худосочной прыщавой поварихой.

Я так и не понял, зачем она решила загрузить меня этой информацией.

Зайдя после вечерней летучки в барак, где спали мои мальчики, я застал старшую группу за сеансом коллективного рукоблудия, а на мое требование немедленно прекратить мерзость, услышал, что родители им это позволяют и даже поощряют. Я сказал, что тогда пусть делают это так, чтобы я ничего не видел, но при мне ничего подобного не будет. Еще через пару недель самый старший мальчик в группе похвастался своими родителями, которые сочли, что ему пора становиться мужчиной, и дали деньги на оплату сексуальных услуг лагерной посудомойки.

Вот и получилось, что общался я почти исключительно с Сэмом-африканцем, также постоянно дивившимся, куда он попал и как такое может быть. Он подарил мне изделие со своей родины — большой кожаный крест, который я тогда же стал носить сверху одежды. У руководства лагеря это вызвало шок, но я заявил, что они **не имеют права преследовать меня за выражение моей веры, которую я лично исповедую и никому не навязываю. Почему-то это подействовало.** Может быть, они ощущали некоторые угрызения совести из-за запрета на разговоры об СССР и им неудобно было показывать себя полными держимордами. Но, скорее всего, заменить меня им было нечем, ведь по нормативам в каждой группе полагалось иметь двоих вожатых».

Вот это да! Вот это попал! К каким-то реликтовым уродам! Я хотел было развернуться и уйти, но, поймав на себе напряженный взгляд Бобби, вздохнул... и от полной безысходности остался. По крайней мере, эти ничего не говорили о необходимости стричься.

Через несколько дней я наконец-то выписался из гостиницы, где проживал с самого моего приезда в Нью-

Йорк, отвез свои пожитки в подвал к Гроднеру, а Мурку к знакомым. После всех этих дел у меня оставался один доллар тридцать семь центов. С ними я и выехал в лагерь – весьма живописное место на берегу озера в трех часах к северу от города. Должен сказать, что во всех моих самых мрачных ожиданиях я не подозревал, насколько мерзкой оказалась эта клоака. Единственным нормальным человеком на весь лагерь оказался мой напарник по руководству отрядом 12–13-летних мальчиков – чернокожий студент из Берега Слоновой Кости, получивший эту работу по молодежному обмену.

Нанявшая меня на работу директриса, как выяснилось, сожительствовала с пожилым физруком. В середине лета ее муж, маленького роста курчавый еврей, заставший парочку вдвоем, тряс дюжего, дородного физкультурника за грудки посреди лагеря, а тот плаксивым голосом кричал: «Ударь меня по лицу! Я это заслужил! Я даже не дам сдачи!»

Заведующая эстетическим воспитанием детей – безобразно толстая женщина среднего возраста – сразу же после знакомства заявила мне, что она – лесбиянка и находится в интимных отношениях с худосочной прыщавой поварихой. Я так и не понял, зачем она решила загрузить меня этой информацией.

Зайдя после вечерней летучки в барак, где спали мои мальчики, я застал старшую группу за сеансом коллективного рукоблудия, а на мое требование немедленно прекратить мерзость, услышал, что родители им это позволяют и даже поощряют. Я сказал, что тогда пусть делают это так, чтобы я ничего не видел, но при мне ничего подобного не будет. Еще через пару недель самый старший мальчик в группе похвастался своими родителями, которые сочли, что ему пора становиться мужчиной, и дали деньги на оплату сексуальных услуг лагерной посудомойки.

Вот и получилось, что общался я почти исключительно с Сэмом-африканцем, также постоянно дивившимся, куда он попал и как такое может быть. Он подарил мне изделие со своей родины – большой кожаный крест, который я тогда же стал носить сверху одежды. У руководства лагеря это вызвало шок, но я заявил, что они не имеют права преследовать меня за выражение моей веры, которую я лично исповедую и никому не навязываю. Почему-то это подействовало. Может быть, они ощущали некоторые угрызения совести из-за запрета на разговоры об СССР и им неудобно было показывать себя полными держимордами. Но, скорее всего, заменить меня им было нечем, ведь по нормативам в каждой группе полагалось иметь двоих вожатых.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 206 [1].

*«Как же плохо было мне в этом лагере! Я был один, **во враждебном окружении**, среди чужих людей, чужого языка и **избалованных, развратных детей!** Я должен был постоянно защищаться и никогда не мог расслабиться».*

Как же плохо было мне в этом лагере! Я был один, во враждебном окружении, среди чужих людей, чужого языка и избалованных, развратных детей! Я должен был постоянно защищаться и никогда не мог расслабиться. Тут я впервые затосковал по России и по родному языку.

«Вот краткая запись того времени:

*Мне приснился сон — я под Москвой... Почему-то мне снилось, что уже конец августа. Такое счастье почувствовал: — Подмосковье, цветы, все друзья тут — даже не знаю, чему больше радоваться. Целый букет цветов собрал, красивых, разноцветных — маков, васильков, ромашек... Проснулся я с радостью, вначале не понимал почему, а потом обломался. Это был так называемый sleep-out с детьми. **Противными, избалованными, жадными, развратными, богатыми, наглыми и жестокими американскими детьми.***

В середине августа лагерь закончился. В сентябре мне предстояло начать учебу в университете, куда меня приняли еще весной и дали стипендию, покрывающую все расходы на обучение. Это был весьма известный в стране Хантер-колледж Нью-Йоркского городского университета».

Вот краткая запись того времени:

Мне приснился сон – я под Москвой... Почему-то мне снилось, что уже конец августа. Такое счастье почувствовал – Подмосковье, цветы, все друзья тут – даже не знаю, чему больше радоваться. Целый букет цветов собрал, красивых, разноцветных – маков, васильков, ромашек...

Проснулся я с радостью, вначале не понимал почему, а потом обломался. Это был так называемый sleep-out с детьми. Противными, избалованными, жадными, развратными, богатыми, наглыми и жестокими американскими детьми.*

* * *

В середине августа лагерь закончился. В сентябре мне предстояло начать учебу в университете, куда меня приняли еще весной и дали стипендию, покрывающую все расходы на обучение. Это был весьма известный в стране Хантер-колледж Нью-Йоркского городского университета. С учетом обучения в Москве меня приняли туда сразу

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 209 [1].

Данный эпизод демонстрирует устойчивый паттерн взаимодействия **Александра Дворкина с несовершеннолетними (мальчиками 12-13 лет)**, проекцию собственных установок и нарративную стратегию оправдания через жертвенность. Поведенческие маркеры, выявленные в эпизоде:

— **гиперсексуализация несовершеннолетних** (приписывание детям сексуальной активности и осведомлённости, не соответствующей возрасту);

— проекция собственных установок;

— **постоянное напряжение контроля над собственными импульсами:** «никогда не мог расслабиться» — фраза, которая в контексте работы с детьми может иметь двойной смысл;

— **позиция жертвы «враждебной среды»** — представление себя как «вынужденного» находиться среди детей (снижает чувство вины, дистанцирует себя от ответственности, легитимирует своё присутствие среди детей в качестве «взрослого-опекуна»);

— **избирательное внимание** — фокус исключительно на сексуальных аспектах, игнорирование всего остального.

Данный эпизод в совокупности с предыдущими эпизодами формирует устойчивый поведенческий паттерн: Александр Дворкин систематически оказывается в ситуациях, где имеет доступ к уязвимым несовершеннолетним, устанавливает с ними эмоциональный контакт, получает их доверие, и использует их как объект проекции или потенциального контроля, отрабатывает ключевые элементы взаимодействия с уязвимыми жертвами под прикрытием социальной легитимности и нарратива вынужденного участия. Хотя в тексте отсутствуют прямые свидетельства сексуального контакта Дворкина с детьми, совокупность поведенческих маркеров соответствует **профилю лица с повышенным риском груминга и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних.**

Джон Дуглас, Марк Олшейкер в книге «Погружение во мрак» [6] пишут:

«Педофилы демонстрируют весьма предсказуемые, доступные для распознавания родителями модели поведения, чего не скажешь о ситуационных растлителях. В подростковом возрасте педофил может почти не общаться с другими подростками: его сексуальные интересы уже направлены на детей. Став взрослым, он склонен к частым и неожиданным переездам, точнее — бегствам от подозрительных родителей и представителей правоохранительных органов. Если он поступает на воинскую службу, его могут уволить без объяснения причин. Во многих случаях у субъекта оказывается длинный «послужной список» предшествующих арестов, в том числе по обвинению в совращении и изнасиловании, а также в связи с нарушением законов об использовании детского труда, подделки чеков, попыток выдать себя за должностное лицо. Если прежде он подвергался аресту за растление малолетних, он может увеличить число своих жертв — если совращает одного ребенка, живущего по соседству, то наверняка

попытается совратить и других.

Получив возможность проанализировать все его преступления, мы заметим, какой высокий уровень планирования (и риска) связан с неоднократными попытками совращения детей. В отличие от ситуационного растлителя, педофил тратит уйму времени и энергии, чтобы разработать идеальный подход, который будет не раз использовать, добиваясь совершенных навыков».

«Растлитель может прибегнуть к эмоциональному шантажу. И поскольку многие из них спешно добиваются возможности всегда находиться в окружении детей (в качестве тренера младшей лиги или просто «приятного знакомого», который всегда берет соседских детей в походы или на прогулки), они могут даже воспользоваться групповой иерархией, чтобы держать жертвы в подчинении. При этом они могут прибегнуть и к конкуренции или давлению со стороны самих детей, чтобы обеспечивать постоянный приток новых жертв и избавляться от прежних, не рискуя выдать себя».

Сексуальная преступность является одной из наиболее опасных форм антисоциального поведения, характеризуется высоким уровнем латентности. Значительная часть таких деяний остаётся нераскрытой, поскольку потерпевшие и их семьи нередко скрывают факт насилия из-за страха осуждения, стыда, из-за боязни негативной реакции их социального окружения. Такие деяния далеко не всегда становятся известны правоохранительным органам.

В современной судебной психиатрии при анализе сексуальных преступлений против несовершеннолетних используется дифференцированный подход. Педофильное расстройство определяется возрастом объекта влечения (препубертатные дети). Преступники, совершающие насилие над мальчиками, могут иметь: гомосексуальную педофилию (влечение к мальчикам); бисексуальную педофилию (влечение к детям обоих полов); или совершать насилие по несексуальным мотивам (доминирование, доступность жертвы).

В работах, описывающих особенности выбора и отношения к объекту сексуального влечения у лиц с различными формами нарушений сексуального предпочтения, отмечается наличие специфических нарушений и искажений в сфере

аффективного восприятия и понимания роли сексуального партнера, в основе которых лежат нарушения эмпатии, нарушения социальных навыков, когнитивные искажения и трудности поддержания интимности и близости.

Поведение лиц, совершающих сексуальные преступления в отношении детей, может различаться. Одни предпочитают эпизодическое насилие — однократные контакты со случайно встреченными детьми. Такое поведение часто связано с импульсивностью, употреблением психоактивных веществ. В немалой степени этому способствует страх разоблачения и уголовного наказания. Другие предпочитают длительную эксплуатацию через доверие, устанавливая продолжительные отношения с ребёнком или его семьёй. Некоторые правонарушители получают официальный статус опекуна, репетитора, тренера или вожатого, чтобы легитимизировать доступ к жертве [7].

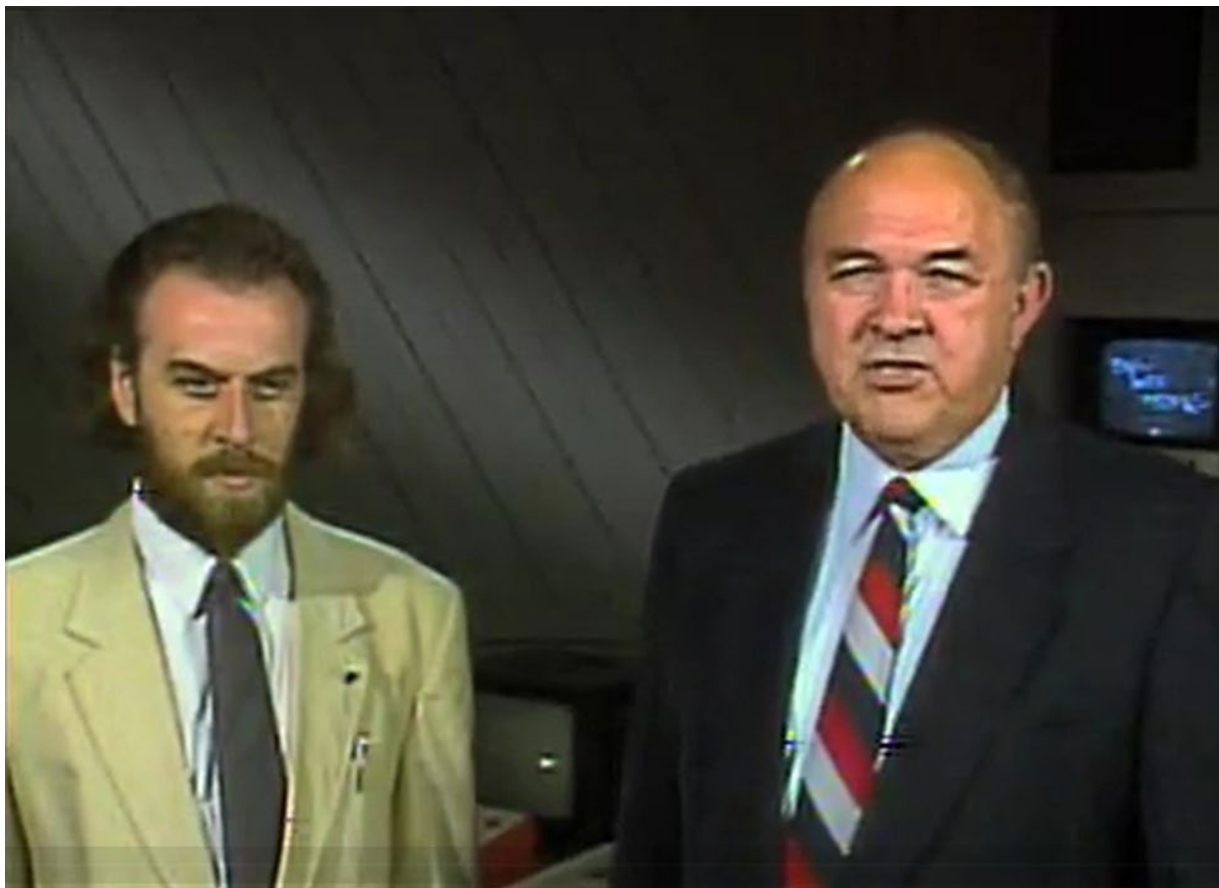
Есть лица, совершающие сексуальное насилие в отношении детей через принуждение: использование физической силы, угроз, шантажа или эксплуатация зависимого положения ребёнка (например, в условиях бедности, семейного неблагополучия или инвалидности). Употребление наркотиков связано с повышенной агрессией среди педофилов [8].

Лица, совершающие сексуальное насилие в отношении детей, страдающие педофилией, также могут заниматься торговлей детьми с другими педофилами, используют угрозы в отношении детей, иногда похищают детей [9].

В контексте рассматриваемой психобиографии Александра Дворкина, следует отметить, что в последующие годы, находясь в США, он работал в международной организации «Welcome House» of Pearl Buck Foundation по усыновлению детей-сирот из России.

Дворкин в интервью каналу CCGD (Christian Community of God's Delight, Dallas, Texas) [10]: *«Я также работаю в международной организации по усыновлению, которая находится в Пенсильвании. Она называется Welcome House of Pearl Buck Foundation. Мы находим детей в России, которые нуждаются в любящих семьях, но не могут их найти в России. К сожалению, мы помогаем им найти любящие семьи в*

этой стране. Вот чем я занимаюсь».

Источник: [10].

Учитывая ранее выявленные поведенческие маркеры Александра Дворкина, включая интерес к уязвимым несовершеннолетним, склонность к установлению доверительных отношений под видом заботы и использование институциональных ролей для доступа к детям, — его участие в деятельности, связанной с усыновлением, требует внимательного анализа.

Более того, Дворкин также сотрудничал со скандально известной антикультиевой организации CAN (Cult Awareness Network), представители которой занималась насильственным депрограммированием, незаконным похищением людей и применением к ним психологического, физического и сексуального насилия.

Александр Дворкин в интервью программе «Времечко» (Россия, 04.1996) [11]:

«Q: С какой организацией вы прежде всего сотрудничаете?»

А: Она называется сокращенно CAN. Это Cult Awareness Network — сеть по распознаванию культов».

Источник: [11].

До того, как эта организация в середине 1980-годов получила свое название как

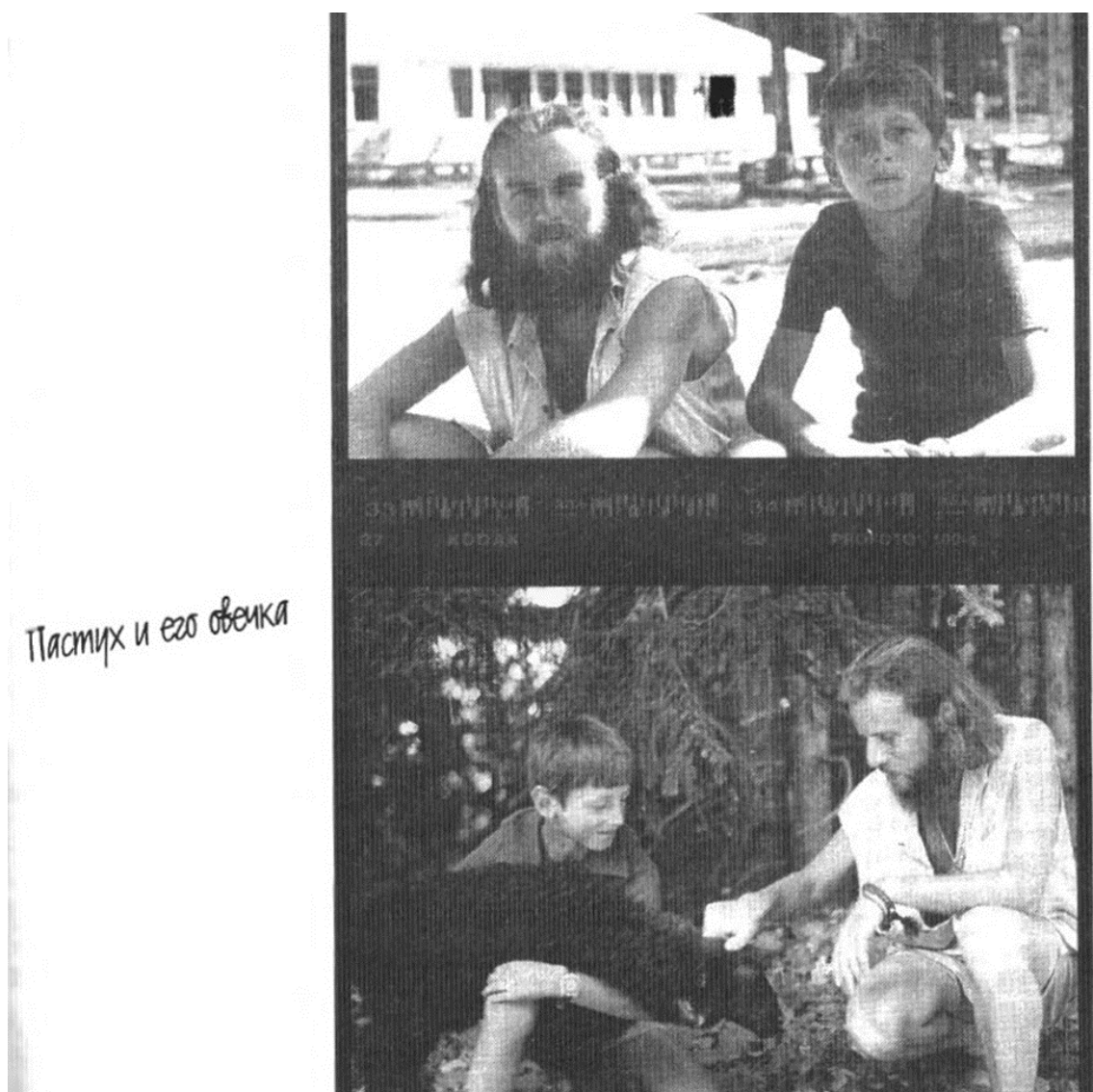
CAN, она была известна как Citizens Freedom Foundation (CFF). Показательными являются слова бывшего исполнительного директора CFF **Джона Суини**: *«Многие специалисты по депрограммированию вступали в сексуальные отношения со своими жертвами и употребляли наркотики во время депрограммирования»* [12], [13].

Бывший президент CAN (CFF), Майкл Рокос, вынужден был подать в отставку после резонанса в СМИ, когда его разоблачили как виновного в склонении к сексу сотрудника отдела по борьбе с пороками в Балтиморе, который выдавал себя за несовершеннолетнего [14].

Джон Дуглас, Марк Олшейкер в своей книге «Погружение во мрак» [6] пишут:

«Кен Ланнинг описывает предсказуемое поведение растлителя малолетних после того, как тот сталкивается с риском расследования или наказания. Неудивительно, что вначале он все отрицает. Он может разыграть удивление, шок, даже возмущение, услышав выдвинутые против него обвинения. Может попытаться представить дело так, будто ребенок его неправильно понял: «Разве обнять ребенка — преступление?». В зависимости от структуры его социальной поддержки он может заручиться помощью членов семьи, соседей или коллег, способных положительно охарактеризовать его».

«Такие люди постоянно оправдывают свои потребности и действия перед собой — они не хотят считать себя сексуально извращенными преступниками. Наиболее распространенное оправдание — попытка переложить вину на жертву: жертва сама соблазнила его, а он не знал ее возраст, или жертва на самом деле была проституткой. Но даже в этом случае преступление остается преступлением, поскольку согласие ничего не значит, когда речь идет о сексе с участием ребенка».

Подпись к фотографии: «Пастух и овечка».

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Подпись к фото: «Св. Николай посещает приходских детей»

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Эпизод 7. «Яд, который сейчас не действует, а заработает через год».

Обращает на себя внимание случай, о котором Дворкин рассказывает в автобиографической книге «Моя Америка» [1], продолжая рассказ о своем

«автостопе» по СССР о том, как однажды, находясь в компании бродяг, попытался набрать воды в дорожную фляжку из колодца в одном из карпатских сёл на Украине. Местные жители, заметив незнакомцев, окружили их и доставили в сельсовет, куда вскоре прибыли сотрудники милиции (местной правоохранительной службы). Ключевым элементом этого эпизода является фраза, которую Дворкин приписывает местным жителям: **«А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?»**

С точки зрения историко-медицинской реалистичности, маловероятно, чтобы сельские жители 1970-х годов обладали представлениями о существовании веществ с отсроченным токсическим эффектом, проявляющимся спустя год после контакта. Подобные знания выходят далеко за рамки бытового опыта того времени. В то же время эта деталь может отражать собственные представления самого Александра Дворкина. Учитывая его ранее продемонстрированные глубокие практические знания в области психофармакологии — включая свойства, комбинации, эффекты, риски и потенциально летальные последствия различных психоактивных веществ — можно предположить, что подобная **идея отсроченного действия яда была ему знакома.**

Таким образом, высказывание, вложенное в уста местных жителей, скорее всего, представляет собой **проекцию собственных когнитивных установок автора**, а не достоверную реплику реального диалога. Это соответствует уже выявленному паттерну: Александр Дворкин склонен интерпретировать внешние события через призму своих патологических интересов, наделяя других участников сценариев мотивами и знаниями, которые на самом деле принадлежат ему самому.

«Теперь перед нами лежали Карпаты. Тут нам довелось испытать подлинную советскую бдительность, воспитанную десятилетиями пропаганды, которой подвергались жители приграничных районов.

В одном селе мы (в тот момент нас было четверо) подошли к колодцу, чтобы наполнить дорожную фляжку. Остатки старой воды выплеснули в траву рядом. Не успели мы опомниться, как нас окружила толпа селян и, крепко взяв под руки, препроводила к сельсовету. Вскоре прибыла местная милиция, и после долгих допросов нас заставили написать объяснительные записки, в которых мы ругались, что не являемся засланными иностранными диверсантами, пытавшимися

отравить сельский колодец.

Мы клялись и божились, и каждый выпил не меньше, чем по литру колодезной воды, чтобы доказать невиновность. **«А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?»** – торжествующе утверждали бдительные жители окраины Советской страны».

112 книга первая: В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

кроме Москвы) и лицедреть себя в этом на редкость плохом фильме. Теперь перед нами лежали Карпаты. Тут нам довелось испытать подлинную советскую бдительность, воспитанную десятилетиями пропаганды, которой подвергались жители приграничных районов.

В одном селе мы (в тот момент нас было четверо) подошли к колодцу, чтобы наполнить дорожную фляжку. Остатки старой воды выплеснули в траву рядом. Не успели мы опомниться, как нас окружила толпа селян и, крепко взяв под руки, препроводила к сельсовету. Вскоре прибыла местная милиция, и после долгих допросов нас заставили написать объяснительные записки, в которых мы ручались, что не являемся засланными иностранными диверсантами, пытавшимися отравить сельский колодец.

Мы клялись и божились, и каждый выпил не меньше, чем по литру колодезной воды, чтобы доказать невиновность. **«А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?»** – торжествующе утверждали бдительные жители окраины Советской страны.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 112 [1].

растениям.

В той же автобиографической книге «Моя Америка» Александр Дворкин уделяет внимание описанию ядовитого плюща (poison ivy) — растения, с которым он столкнулся уже в период жизни в США. В рамках бытовой жизни, он описывает poison ivy как «ловушку» американской природы: незаметное, повсеместно распространённое растение, вызывающее тяжёлую аллергическую реакцию у большинства людей. Александр Дворкин уделяет внимание и возможному смертельному исходу от контакта с poison ivy: *«Если плющ случайно попадёт в костёр и кто-то вдохнёт дым от него, пузыри появляются в лёгких, а это может привести даже к смертельному исходу».*

«Плющ.

*Но была в американской природе одна ловушка. Это **poison ivy — ядовитый плющ**. Совсем незаметное маленькое растение, он встречается повсюду, и если его не знать, можно нарваться на страшные проблемы. Дело в том, что **плющ — очень мощный аллерген, действующий на любого человека**, кроме индейцев, у которых к нему иммунитет. У американцев существует поверье, что индейцы проклинали природу, чтобы она вредила бледнолицым. **Достаточно дотронуться до него или даже погладить задевшую его собаку (на животных он не действует), как через два-три дня на коже появляются большие волдыри и начинается мучительный зуд**. Потом они лопаются, и там, куда попадает вытекшая жидкость, появляются новые волдыри, которые чешутся не меньше прежних. Все это длится не менее двух недель. **Если плющ случайно попадет в костер и кто-то вдохнёт дым от него, пузыри появляются в легких, а это может привести даже к смертельному исходу.***

Я долго не верил в ядовитый плющ, считая, что это американская легенда: они-де не любят природу, боятся ее, вот и придумывают невероятные страшилки. Но на втором курсе академии, работая на газонокосилке, я, видимо, обрызгался соком ядовитого плюща, который тогда еще не распознавал. Через два дня волдыри

полностью покрыли мои ноги так, что я даже не мог надеть брюки, и две недели мне пришлось носить подрясник поверх шортов, пока наконец пузыри не зарубцевались, а зуд не успокоился. Так я научился быть осторожным с американской природой!».

Но была в американской природе одна ловушка. Это poison ivy – ядовитый плющ. Совсем незаметное маленькое растение, он встречается повсюду, и если его не знать, можно нарваться на страшные проблемы. Дело в том, что плющ – очень мощный аллерген, действующий на любого человека (кроме индейцев, у которых к нему иммунитет: у американцев существует поверье, что индейцы прокляли природу, чтобы она вредила бледнолицым). Достаточно дотронуться до него или даже погладить задевшую его собаку (на животных он не действует), как через два-три дня на коже появляются большие волдыри и начинается мучительный зуд. Потом они лопаются, и там, куда попадает вытекшая жидкость, появляются новые волдыри, которые чешутся не меньше прежних. Все это длится не менее двух недель. Если плющ случайно попадет в костер и кто-то вдохнет дым от него, пузыри появляются в легких, а это может привести даже к смертельному исходу.

Я долго не верил в ядовитый плющ, считая, что это американская легенда: они-де не любят природу, боятся ее, вот и придумывают невероятные страшилки. Но на втором курсе академии, работая на газонокосилке, я, видимо, обрызгался соком ядовитого плюща, который тогда еще не распознавал. Через два дня волдыри полностью покрыли мои ноги так, что я даже не мог надеть брюки, и две недели мне пришлось носить подрясник поверх шортов, пока наконец пузыри не зарубцевались, а зуд не успокоился.

Так я научился быть осторожным с американской природой!

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 385 [1].

На бытовом уровне — это история об адаптации к новой среде. Однако в контексте психобиографии Александра Дворкина данный эпизод приобретает дополнительные смыслы: **фиксация на скрытой, отсроченной опасности** — ядовитый плющ не убивает мгновенно — его эффект проявляется через 2–3 дня, может распространяться вторично и даже приводить к смерти при вдыхании дыма. Это перекликается с ранее отмеченной фразой из другого эпизода: *«А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?»* — гипотетическая конструкция, которая, скорее всего, отражает собственные представления Дворкина о **скрытом, отсроченном воздействии токсинов**.

Согласно современным данным поведенческого анализа, лица с выраженными антисоциальными и психопатическими чертами (включая большинство серийных убийц) демонстрируют сниженный уровень тревожности, повышенную толерантность к риску и дефицит эмпатии. Их преступления часто являются осознанным воплощением длительно вынашиваемых фантазий, которые приобретают для них значение «реального» опыта. Они интегрирует фантазию в свою систему восприятия, используя её как инструмент психологической компенсации и утверждения контроля. Акт убийства служит кульминацией этой фантазии.

У серийных убийц с садистским мотивом доминирует потребность в контроле над процессом умирания жертвы и демонстрации власти, часто сопровождаемая получением удовольствия от страданий другого. Однако после воплощения фантазии часто наблюдается разочарование, снижение возбуждения, что ведёт к эскалации — необходимости всё более интенсивных актов для достижения прежнего уровня удовлетворения.

Джон Дуглас, Марк Олшейкер в книге «Погружение во мрак» [6] отмечают: *«Как мы писали в статье о «похотливом убийце», он «прежде всего нарушитель общественного спокойствия, опытный манипулятор людьми, заботящийся только о самом себе. Затруднения, возникающие с родными, друзьями и лицами, облеченными властью, он компенсирует антисоциальными действиями, которые могут включать убийство. Цель преступника несоциального типа — рассчитаться с обществом».*

Эпизод 9. Фрагменты интервью с Александром Дворкиным для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» [15].

«Q. В Америке это не совсем так, по крайней мере в некоторых её частях.

А. В провинции люди очень гостеприимные.

«Q. Они много спрашивали вас о Москве или знали, что происходит в остальной части Советского Союза?»

*А. Нет, но они не очень этим интересовались. Они спрашивали меня о нас, потому что мы действительно много путешествовали и так далее, — о нас самих, потому что они никогда не видели таких **странных людей**. Но это очень странно, потому что **один и тот же человек: если днём на улице ты бы его встретил, он мог накричать на тебя и избить, а ночью, если ты постучался бы к нему в дверь, он впустил бы тебя и был бы действительно гостеприимным — очень гостеприимным человеком**».*

Источники:

1. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
2. John Douglas, Mark Olshaker «The Killer's Shadow: The FBI's Hunt for a White Supremacist Serial Killer», 2020.
3. М. В. Беляев «Банда гастролеров». Журнал «Эхо веков», 2013.
<https://cyberleninka.ru/article/n/banda-gastrolerov>
4. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.
5. Аркадий Ровнер «Калалацы». М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.
6. John Douglas and Mark Olshaker "Journey Into Darkness," 1997.
7. Kristin A. Danni; Gary D. Hampe «Analysis of Predictors of Child Sex Offender Types Using Presentence Investigation Reports». Journal International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology Volume: 44 Issue: 4 Dated: August 2000 Pages: 490-504.
<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/analysis-predictors-child-sex-offender-types-using-presentence>
8. Nayla R Hamdi, Raymond A Knight «The relationships of perpetrator and victim substance use to the sexual aggression of rapists and child molesters», 2011
<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21890810/>
9. Bernard Gallagher, Michael Bradford, Ken Pease «Attempted and completed incidents of stranger-perpetrated child sexual abuse and abduction», 2008.
<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18513796/>
10. Интервью Александра Дворкина CCGD (Christian Community of God's Delight, Dallas, Texas)
<https://vimeo.com/148551852> (24:32)
11. Alexander Dvorkin in an interview with the program Vremenchko (Russia, April 1996).

<https://www.youtube.com/watch?v=zNPUNO2gOTY> (55:53)

12. Anson D. «Shupe CAN: Anti-Cultists, Deprogramming, And Crime. 7. Sexual Abuse as a Deprogramming Tool», 2024.

<https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-7-sexual-abuse-as-a-deprogramming-tool>

13. Anson D. Shupe «CAN: Anti-Cultists, Deprogramming, And Crime. 4. Anti-Cultists and Deprogrammers, An Old Association», 2024.

<https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-4-anti-cultists-and-deprogrammers-an-old-association>

14. https://docs.preterhuman.net/CULT_AWARENESS_NETWORK_BRAINWASHERS_URGED_ATTACK_ON_WACO

15. A 1979 interview with Alexander Dvorkin for the project "Recent Soviet Immigrants in America." Interviewer: Lynn Visson (June 19–20, 1979). William E. Wiener Oral History Library of the American Jewish Committee. New York Public Library (NYPL) Research Libraries.

<https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/page/n5/mode/2up>

Часть 7.

Фиксация на смерти

Анализ феномена серийных убийств выявляет ряд устойчивых характеристик, определяющих склонность к насильственному поведению. У большинства людей присутствует инстинктивное отвращение к смерти. Однако у серийных убийц эта реакция ослаблена или полностью отсутствует. **Их привлекает смерть и всё, что с ней связано.**

При аресте некоторые серийные убийцы способны с предельной детализацией и высокой зрительной памятью воспроизводить динамику своих преступлений. Эта особенность выражена у лиц с садистическим мотивом: они демонстрируют специфическую фиксацию на контроле над процессом умирания, повышенную визуальную память на деталях своих преступлений. Это связано с эмоциональным возбуждением, испытываемым во время совершения акта преступления, которое усиливает нейрокогнитивное кодирование воспоминаний. Это объясняет необычайную точность и детализацию их последующих рассказов, в некоторых случаях даже спустя годы.

Для лиц с выраженными чертами психопатии и грандиозного нарциссизма, которые совершили насильственное преступление, характерна потребность каким-либо образом «похвастаться» своими преступлениями, в той или иной форме «продемонстрировать» итог своих преступных деяний. Данная склонность может проявляться в виде их прямых признаний, завуалированных намёков в беседе, воспоминаниях или иных форм самореферентного повествования. Такие индивиды формируют искажённую систему убеждений, а также устойчивые паттерны поведенческих и эмоциональных реакций, связанных со смертью. Они демонстрируют чрезвычайно высокую детализацию и эмоциональную вовлечённость при описании своих преступлений, что указывает на глубокую когнитивную и аффективную

салиентность темы смерти. В их нарративах смерть — это в первую очередь, **скрытая демонстрация их власти и контроля над жертвой, позиция распорядителя жизни и смерти, подтверждение собственного всемогущества.**

В исследовании уже упоминалось, что некоторые серийные убийцы описывают свои действия как «игры с жертвой». Для них принципиально важно **осознанное участие жертвы в акте умирания** — это служит подтверждением их полного контроля. **Такие преступники часто стремятся к тому, чтобы жертва понимала, что происходит, осознавала свою беспомощность и неизбежную участь.** Подобное поведение обусловлено получением интенсивного удовольствия от наблюдения за страхом, страданием и утратой контроля со стороны жертвы. Они превращают свое убийство в «спектакль» собственной власти.

Психобиографический анализ автобиографического текста книги Александра Дворкина «Моя Америка» [1] выявил устойчивую тенденцию к воспроизведению эпизодов со смертельным исходом (самоубийства, смерти от естественных причин и иные случаи). Некоторые из них произошли с людьми, которых Дворкин знал лично; другие — с лицами, с которыми он впервые познакомился и имел непосредственный контакт незадолго до их смерти. Кроме того, в тексте описаны случаи со смертельным исходом, которые оставили настолько глубокий след в субъективном опыте Александра Дворкина, что он посчитал необходимым включить их в свой публичный нарратив. В качестве примера приведем некоторые из таких описаний.

Эпизод 1. Самоубийство «соседа сверху».

После своего четырехмесячного бродяжничества Александр Дворкин вернулся в Москву. Вскоре ему пришла очередная повестка в милицию. Ему пришлось ещё пару месяцев с друзьями скрываться от властей. В конечном итоге, милиция их нашла, задержала, но вскоре отпустила. Одной из причин, побудивших его к эмиграции, стала прогрессирующая наркозависимость:

«Кроме того, имелась и еще одна крайне важная проблема: наркотики. Постепенно они проникли в нашу среду и, как яд, отравляли ее». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 121) [1].

«Появились и первые среди нас погибшие от передозировок и других связанных

с наркотиками причин». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 121) [1].

В середине февраля 1977 года Александру Дворкину выдали разрешение на выезд из СССР. 6 марта 1977 года он вылетел из СССР в Европу, а впоследствии (через несколько месяцев) добрался до США. По прибытии в г. Нью-Йорк организация, занимавшаяся помощью иммигрантам, поселила Дворкина в отель «Люцерн». Его номер находился на предпоследнем 10 этаже. На второй день своего пребывания в США Дворкин описывает следующий случай:

*«И номер мне дали на 10 этаже предпоследнем. Правда, вида особого нет — напротив тоже высокие дома, все загораживают. Утром, **после бессонной жаркой ночи** (еще и разница во времени с Европой — 6 часов — сказалась) я подошел к окну и увидел, как мимо пролетел человек с **искаженным от ужаса серым лицом** (мне кажется, что **я успел поймать его остановившийся взгляд**), а затем услышал глухой удар внизу, истошные вопли прохожих и вскоре трели разных сирен — полицейских, медицинских. Оказалось, **сосед сверху, пуэрториканец — один из многолетних постояльцев гостиницы**, решил свести счеты с жизнью».*

46 книга первая: В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

улице между Седьмой авеню и Бродвеем (опять семерки!). И номер мне дали на 10 этаже — предпоследнем. Правда, вида особого нет — напротив тоже высокие дома, все загораживают.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 46 [1].

Утром, после бессонной жаркой ночи (еще и разница во времени с Европой – 6 часов – сказала) я подошел к окну и увидел, как мимо пролетел человек с искаженным от ужаса серым лицом (мне кажется, что я успел поймать его остановившийся взгляд), а затем услышал глухой удар вниз, истошные вопли прохожих и вскоре трели разных сирен – полицейских, медицинских. Оказалось, сосед сверху, пуэрториканец – один из многолетних постояльцев гостиницы, решил свести счеты с жизнью.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 46 [1].

Эпизод 2. Скоропостижная смерть главного редактора.

Скоропостижная смерть главного редактора издательства профессора Карла Проффера (США), случившаяся вскоре после того, как молодой иммигрант Дворкин передал в его издательство «Ардис» в г. Энн-Арбор, штат Мичиган, свой первый «лингвистический труд» и издательство, по его словам, «приняло в печать».

*«Даже **решил увековечить наше движение**, составив словарь сленга советских хиппи. Общась со всеми, я постоянно записывал на карточки новые слова. Впоследствии мне удалось переправить картотеку в США и ее приняло в печать издательство «Ардис» в Энн-Арборе. **Однако вскоре после этого главный редактор издательства профессор Карл Проффер скоропостижно скончался**, а его вдове было уже не до издательства. Так мой первый (и единственный) лингвистический **труд не был опубликован**. Теперь я, скорее, этому рад».*

отовсюду. Даже решил увековечить наше движение, составив словарь сленга советских хиппи. Общаясь со всеми, я постоянно записывал на карточки новые слова. Впоследствии мне удалось переправить картотеку в США, и ее приняло в печать издательство «Ардис» в Анн-Арборе. Однако вскоре после этого главный редактор издательства профессор Карл Проффер скорпостижно скончался, а его вдове было уже не до издательства. Так мой первый (и единственный) лингвистический труд не был опубликован. Теперь я, скорее, этому рад.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 94 [1].

Следует уточнить, что принятие авторской работы в печать в издательской практике означает переход к производству данной книги. Это означает, что издательство одобрило авторскую работу и уже инвестировало свои средства для того, чтобы напечатать тираж книги в типографии, а значит запланировало и ее коммерческий выпуск. Если же авторская работа по каким-либо причинам изначально не представляет интереса для издательства, то автору отказывают в публикации, то есть это происходит до этапа планирования коммерческого производства книги. Таким образом, утверждение о том, что рукопись была «принята в печать», но не вышла из-за смерти редактора, сомнительно. Более вероятна версия, что главный редактор издательства известный профессор Карл Проффер отказал молодому Дворкину в публикации его «труда».

Иосиф Бродский [2], лично знавший Карла Проффера при жизни, описывал этого человека так: *«...в его присутствии ощущалось, что он раскусил вас без остатка и не питает по вашему поводу никаких иллюзий — и все же он был к вам добр»*.

Краткая биографическая справка: Карл Рэй Проффер [3] был известным американским славистом, литературоведом, переводчиком, издателем, профессором

русской литературы Мичиганского университета. Карл и его жена Эллендея Проффер были основателями (1969) и редакторами издательства «Ардис» [4] и журнала «Russian Literature Triquarterly». За годы существования издательства «Ардис» Профферы выпустили около 400 наименований произведений. Помимо публикации новых переводов классики (Булгакова, Мандельштама, Цветаевой), а также академических справочников, были опубликованы и произведения таких авторов как Набоков, Соколов, Бродский, Битов, Искандер, Аксенов, Довлатов и других авторов. Продукция «Ардиса» лежит в основе серьезных справочников, учебников и пособий, которыми пользуются современные американские и западные слависты.

Из переписки [5] писателя, журналиста Сергея Довлатова лично знавшего Проффера со своим давним другом Игорем Ефимовым, который работал в «Ардисе» у профессора Карла Проффера (Анн-Арбор, Мичиган), где были впервые выпущены книги Довлатова:

«ЕФИМОВ — ДОВЛАТОВУ, 27 ИЮЛЯ 1982 ГОДА: «27 ИЮЛЯ 1982 ГОДА. Вчера узнали тягостную новость. У Карла обнаружили рак. Очень запущенный. Не операбельный. Правда, говорят, что с раком прямой кишки иногда живут долго».

По официальной версии Карл Проффер **умер от рака 24 сентября 1984 г.** (г. Анн-Арбор, Мичиган) **в возрасте 46 лет.** Его жена Эллендея продолжала публиковаться.

На фотографии: Иосиф Бродский с Карлом и Эллендеей Проффер.

Источник: [6].

Несколько слов о том, как Александр Дворкин «работал» над составлением своего «первого труда» и какую значимость этому придавал. В интервью (1979 года) для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» [7] он сказал:

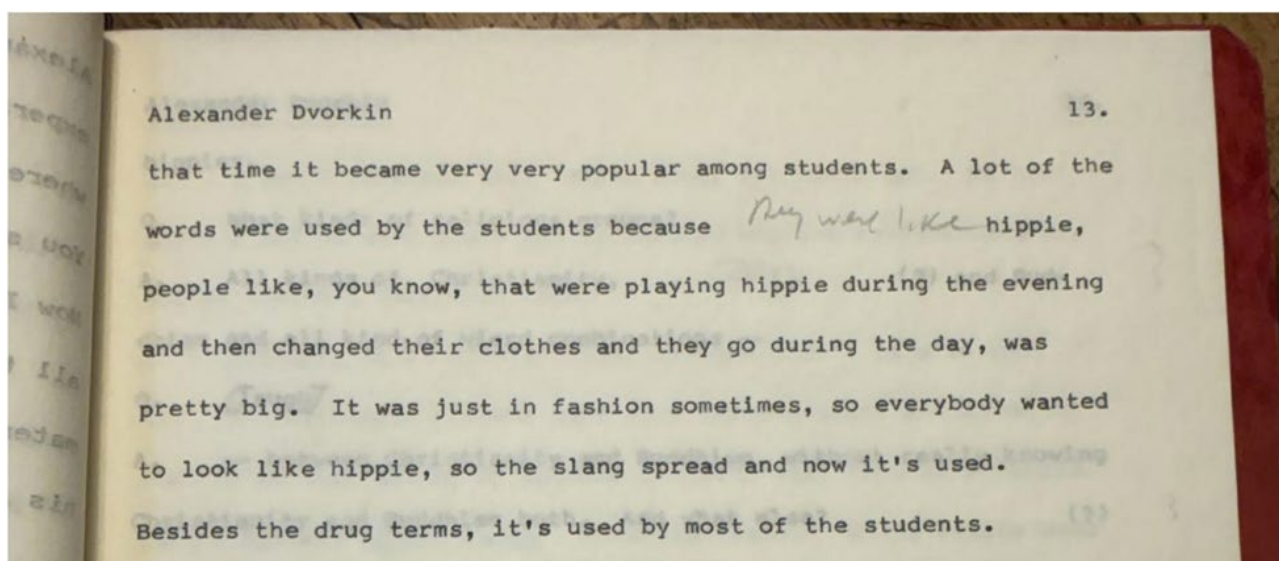
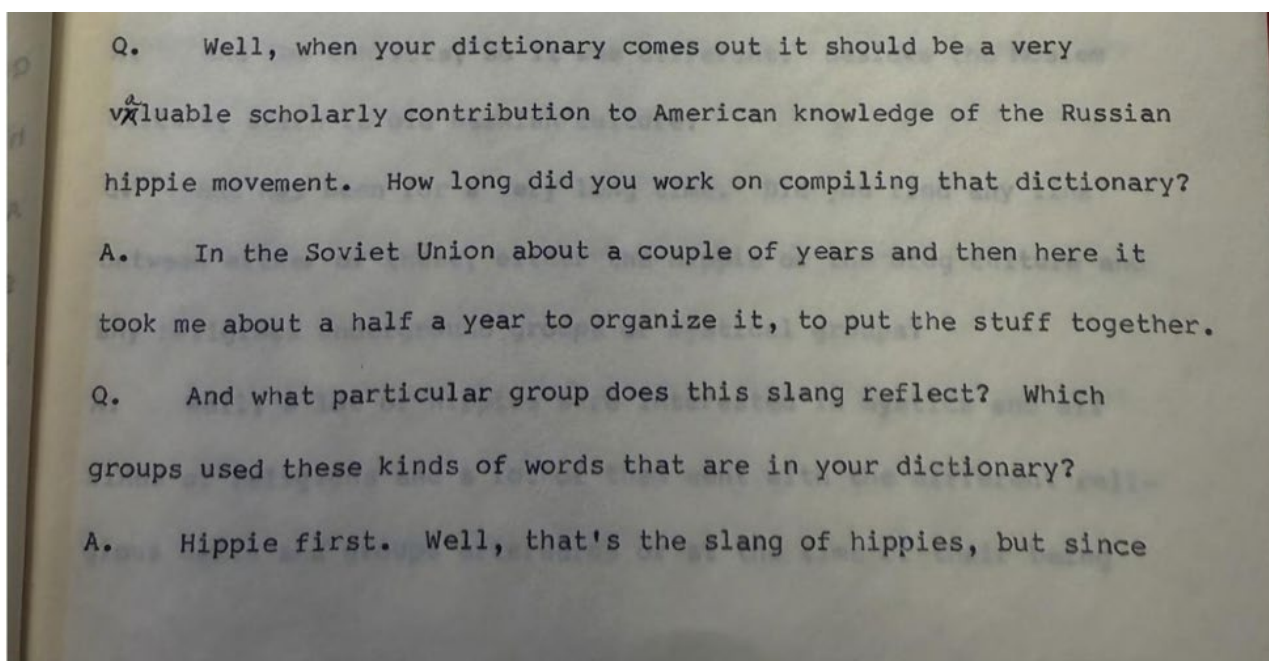
«А. Ну, когда ваш словарь выйдет, он станет очень ценным научным вкладом в американское понимание русского хиппи-движения. Сколько времени вы работали над составлением этого словаря?»

Q. В Советском Союзе — примерно пару лет, а потом здесь мне понадобилось около полугода, чтобы его организовать, собрать весь материал воедино.

А. И какую именно группу отражает этот сленг? Какие группы использовали такие слова, которые вошли в ваш словарь?»

Q. В первую очередь — хиппи. Ну, это сленг хиппи, но поскольку в то время это

стало очень, очень популярным среди студентов. Многие слова использовались студентами, потому что они были типа, понимаете, которые вечером «играли в хиппи», а потом переодевались и днём ходили как обычные люди, — это было довольно распространено. Иногда это просто было модно, так что все хотели выглядеть как хиппи, и поэтому сленг распространился и теперь используется. Помимо **наркотической терминологии**, он используется большинством студентов».

Интервью с Александром Дворкиным 1979 года для проекта «Недавние советские

иммигранты в Америке» [7].

Эпизод 3. Смерть пациентки в больнице после посещения Александра Дворкина.

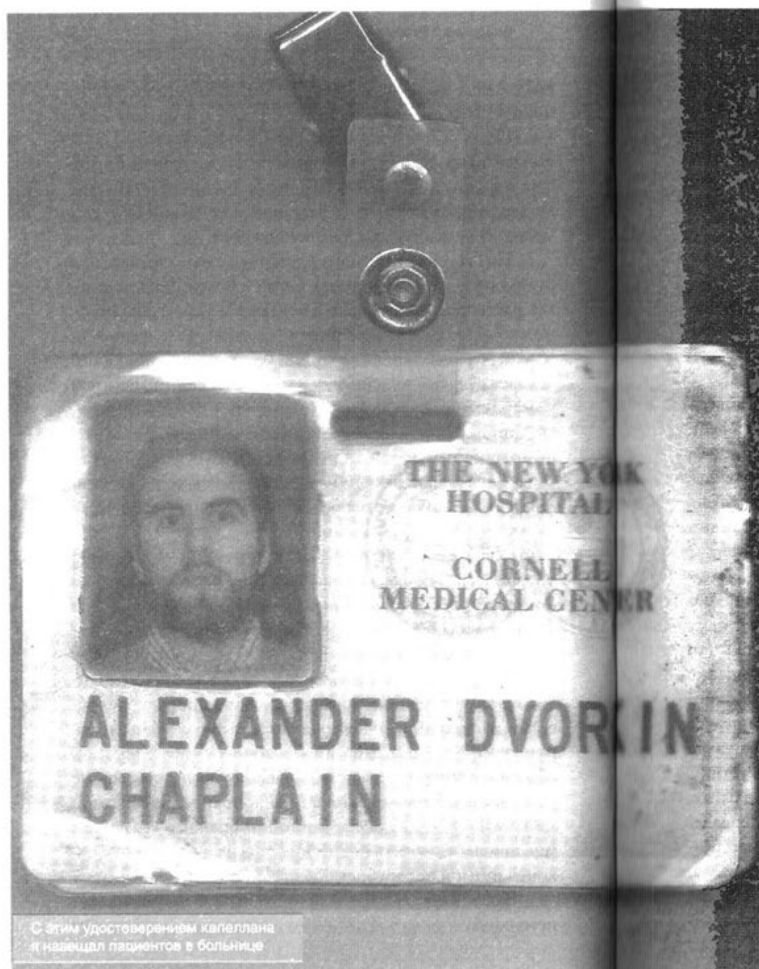
Александр Дворкин описывает случай, который произошел в отделении **реанимации**, после посещения им больницы в качестве капеллана, когда он учился на третьем курсе православной Свято-Владимирской семинарии в США.

«Гас-погорелец и другие.

Помимо напряженного академического цикла обучения, в программу входили еще и практические занятия. На третьем курсе нас обязывали пройти пастырскую практику по одному главному направлению и трем побочным. Выбор состоял из служений в больнице, в тюрьме, в старческом доме, в военной академии, в церковноприходской школе и т.д. По каждому — основному и побочным направлениям — требовалось набрать определенное количество часов. Я начал с больничного служения. Раз в неделю ездил в город, где проводил полдня в громадном госпитале, с которым у академии был договор. В регистратуре мне давали список больных. Дело в том, что при поступлении в больницу пациенты (по желанию) указывают свое вероисповедание и отмечают, хотят ли они, чтобы их посетил капеллан. Затем я шел к своим больным (обычно их оказывалось человек пять-шесть). С каждым я беседовал, предлагал помолиться вместе и спрашивал, желают ли они исповедаться и причаститься. Их имена я в тот же день передавал ответственному за наше служение священнику, и на следующее утро он приходил в больницу со Святыми Дарами.

Несколько моих больных я вспоминаю до сих пор. Одна пожилая дама (назовем ее Мария), лежавшая после операции на сердце в реанимации, происходила из известной русской дворянской семьи Трубецких, и мы с ней даже нашли нескольких общих знакомых. Она была спокойна и очень собрана. Моему визиту Мария обрадовалась, тем более что никак не ожидала, что капеллан будет русскоязычным. Мы с ней побеседовали, помолились, и я обещал, что завтра с утра к ней придет священник. После моего ухода больную посетила сестра, та

рассказала ей о моем визите, они пообщались, но вдруг Марии резко стало хуже, и она, несмотря на активные усилия врачей, скончалась. В тот же день сестра позвонила мне и рассказала о ее смерти, попросив молиться об упокоении ее души. Так вышло, что наша совместная молитва и стала ее последним разговором с Богом в этой жизни и подготовила ее к переходу в вечность».

ГАС-ПОГОРЕЛЕЦ И ДРУГИЕ

Помимо напряженного академического цикла обучения, в программу входили еще и практические занятия. На третьем курсе нас обязывали пройти пастырскую практику по одному главному направлению и трем побочным. Выбор состоял из служений в больнице, в тюрьме, в старческом доме, в военной академии, в церковноприходской школе и так далее. По каждому – основному и побочным направлениям – требовалось набрать определенное количество часов. Я начал с больничного служения. Раз в неделю ездил в город, где проводил полдня в громадном госпитале, с которым у академии был договор. В регистратуре мне давали список больных. Дело в том, что при поступлении в больницу пациенты (по желанию) указывают свое вероисповедание и отмечают, хотят ли они, чтобы их посетил капеллан. Затем я шел к своим больным (обычно их оказывалось человек пять-шесть). С каждым я беседовал, предлагал помолиться вместе и спрашивал, желают ли они исповедаться и причаститься. Их имена я в тот же день передавал ответственному за наше служение священнику, и на следующее утро он приходил в больницу со Святыми Дарами.

Несколько моих больных я вспоминаю до сих пор. Одна пожилая дама (назовем ее Мария), лежавшая после операции на сердце в реанимации, происходила из известной русской дворянской семьи

«С этим удостоверением капеллана я навещал пациентов в больнице».

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 387 [1].

Трубецких, и мы с ней даже нашли нескольких общих знакомых. Она была спокойна и очень собрана. Моему визиту Мария обрадовалась, тем более что никак не ожидала, что капеллан будет русскоязычным. Мы с ней побеседовали, помолились, и я обещал, что завтра с утра к ней придет священник. После моего ухода больную посетила сестра, та рассказала ей о моем визите, они пообщались, но вдруг Марии резко стало хуже, и она, несмотря на активные усилия врачей, скончалась. В тот же день сестра позвонила мне и рассказала о ее смерти, попросив молиться об упокоении ее души. Так вышло, что наша совместная молитва и стала ее последним разговором с Богом в этой жизни и подготовила ее к переходу в вечность.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 388 [1].

Эпизод 4. Смерть декана Александра Шмемана.

Отдельного анализа заслуживает смерть преподавателя и духовника Александра Дворкина протопресвитера **Александра Шмемана**, декана Свято-Владимирской православной семинарии. В своей автобиографической книге «Моя Америка» [1] Дворкин посвятил Шмеману подробную главу, в которой описывает как его личность, так и обстоятельства его скоропостижной смерти **в возрасте 62 лет**. Обращает внимание тот факт, что Дворкин затрагивает не только биографические детали, но и личные глубинные мотивационные паттерны, связанные с отношениями Дворкина к авторитетным фигурам.

В своих автобиографических текстах Александр Дворкин регулярно упоминает встречи с известными или авторитетными личностями, обладающими социальным статусом, известностью, профессиональным признанием. Однако эти упоминания нередко сопровождаются скрытой критикой, иронией или уничижительными

замечаниями, даже при внешней демонстрации уважения. Такая двойственность может указывать на глубинную неуверенность и конкуренцию за статус, характерную для лиц с грандиозным нарциссизмом, стремящихся компенсировать собственное чувство неполноценности через символическое принижение авторитетов.

Биографическая справка: Александр Дмитриевич Шмеман [8] (13 сентября 1921 — 13 декабря 1983) был влиятельным священником Православной церкви в США, доктором богословия, профессором, ректором Свято-Владимирской семинарии в г. Нью-Йорке, автором ряда работ по православному богословию и истории. Большую часть своей карьеры он провел в США.

Александр Шмеман.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Родился в Эстонии, в семье иммигрантов из Санкт-Петербурга, покинувших Россию после революции 1917 года. Являлся одним из близнецов; его брат — Андрей Дмитриевич Шмеман (1921–2008). Шмеман происходил из знатного рода. Его дед — Николай Эдуардович Шмеман (1850–1928) был лютеранином балтийско-немецкого происхождения; занимал высокие государственные должности в Российской империи: был действительным тайным советником, сенатором и членом Государственного совета в г. Санкт-Петербурге. Детство и юность Александр Шмеман провел преимущественно во Франции. После обучения в русских и французских школах и университетах с 1946 по 1951 год он преподавал в Париже. В том же году он вместе с семьей иммигрировал в США в г. Нью-Йорк, где приступил к преподавательской деятельности в Православной богословской Свято-Владимирской семинарии.

В 1954 году Александр Шмеман читал лекции в Русском центре Фордемского университета. В последующие годы он выступал в качестве приглашённого профессора в ряде ведущих учебных заведений Нью-Йорка, включая Колумбийский университет, Нью-Йоркский университет, Объединённую богословскую семинарию и Генеральную богословскую семинарию. В 1962 году был избран деканом в Свято-Владимирской духовной семинарии и занимал эту должность до своей смерти (1983 г.).

Александр Шмеман [9] был одним из лидеров в формировании Православной Церкви в Америке как автокефального учреждения, статус которого она получила от Русской Православной Церкви в 1970 году. Будучи одним из главных инициаторов автокефалии, Шмеман представлял Православную Церковь в Америке на переговорах с Москвой и Константинополем. В 1963–1979 годах Шмеман занимал должность заместителя председателя Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Америке, в 1979–1983 годах — председателя РСХД. В течение тридцати лет вёл религиозную программу на радио «Свобода». Современники отмечали его лидерские качества, остроумие, интеллектуальность и открытость.

Александр Шмеман был удостоен почётных докторских степеней ряда американских учебных заведений, включая Генеральную богословскую семинарию и Греческую православную богословскую школу Святого Креста. Его труды оказали существенное влияние на развитие литургической теологии в православной традиции. Шмеман опубликовал множество книг и статей. Книга «Ради жизни мира», посвященная христианской вере в литургии, переведена на одиннадцать языков. По официальной версии Шмеман **умер от рака легких в 1983 году** в Крествуде, округ Вестчестер, штат Нью-Йорк.

Двойственность повествования. При анализе главы об Александре Шмемане выявляется двойственность Дворкина в отношении к авторитетной личности: с одной стороны Дворкин показательно демонстрирует уважение к авторитету Шмемана, с другой — включает элементы скрытой критики, сарказма, последующей физической слабости от болезни и факта внезапной смерти Шмемана. При этом Дворкин акцентирует собственную исключительность в контексте их отношений с ректором при жизни. Такая двойственность характерна для нарративов лиц с грандиозным нарциссизмом, когда фигура учителя одновременно идеализируется и символически низводится — не через открытую агрессию, а через намёки, иронию («он был велик, но...» — классическая техника подрыва авторитета) или подчёркивание собственного «более глубокого понимания». Это позволяет автору сохранить внешнюю лояльность, но при этом занять позицию преемника, превосходящего учителя.

Например:

*«Его внутренняя сила выражалась, в том числе, в самостоятельности: **он делал все сам** и весьма ценил и оберегал свое личное пространство, пространство его личной жизни и личной неприкосновенности. И вот **его постигла смертельная болезнь и изматывающее лечение, приносящее тяжелые физические страдания и резкий упадок сил. Без помощи, даже банальной физической поддержки других людей он уже не мог обойтись**» (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 455) [1].*

Важная биографическая деталь — Александр Дворкин находился в непосредственной физической и социальной близости к Александру Шмеману в период его болезни и последнего года жизни:

«Нам также посчастливилось прослушать полный трехгодичный цикл лекций отца Александра, хотя в последний год он боролся с тяжелой болезнью и вынужден был пропускать многие занятия. Кроме того, в этот же последний год я нес послушание заместителя главного алтарника академического храма и присутствовал в алтаре на всех совершаемых отцом Александром богослужениях, помогал ему облачаться, слышал его вопросы и комментарии к богослужению. И наконец, до середины третьего, выпускного, курса академии я исповедовался у отца Александра. Когда болезнь его начала быстро прогрессировать, мне стало неловко утруждать его, и я взял у него благословение ходить на исповедь к отцу Иоанну Мейендорфу. По окончании академии я поступил в докторантуру Фордхэмского университета и, получив благословение ректора, остался жить там же. Назначили мне и послушание — на сей раз старшего алтарника академического храма. В этом качестве я пробыл в алтаре последние полгода жизни отца Александра, а кроме того, отвечал за порядок богослужения во время отпевания нашего почившего ректора».

Нам также посчастливилось прослушать полный трехгодичный цикл лекций отца Александра, хотя в последний год он боролся с тяжелой болезнью и вынужден был пропускать многие занятия. Кроме того, в этот же последний год я нес послушание заместителя главного алтарника академического храма и присутствовал в алтаре на всех совершаемых отцом Александром богослужениях, помогал ему облачаться, слышал его вопросы и комментарии к богослужению. И наконец, до середины третьего, выпускного, курса академии я исповедовался у отца Александра. Когда болезнь его начала быстро прогрессировать, мне стало неловко утруждать его, и я взял у него благословение ходить на исповедь к отцу Иоанну Мейендорфу. По окончании академии я поступил в докторантуру Фордхэмского университета и, получив благословение ректора, остался жить там же. Назначили мне и послушание – на сей раз старшего алтарника академического храма. В этом качестве я пробыл в алтаре последние полгода жизни отца Александра, а кроме того, отвечал за порядок богослужения во время отпевания нашего почившего ректора.

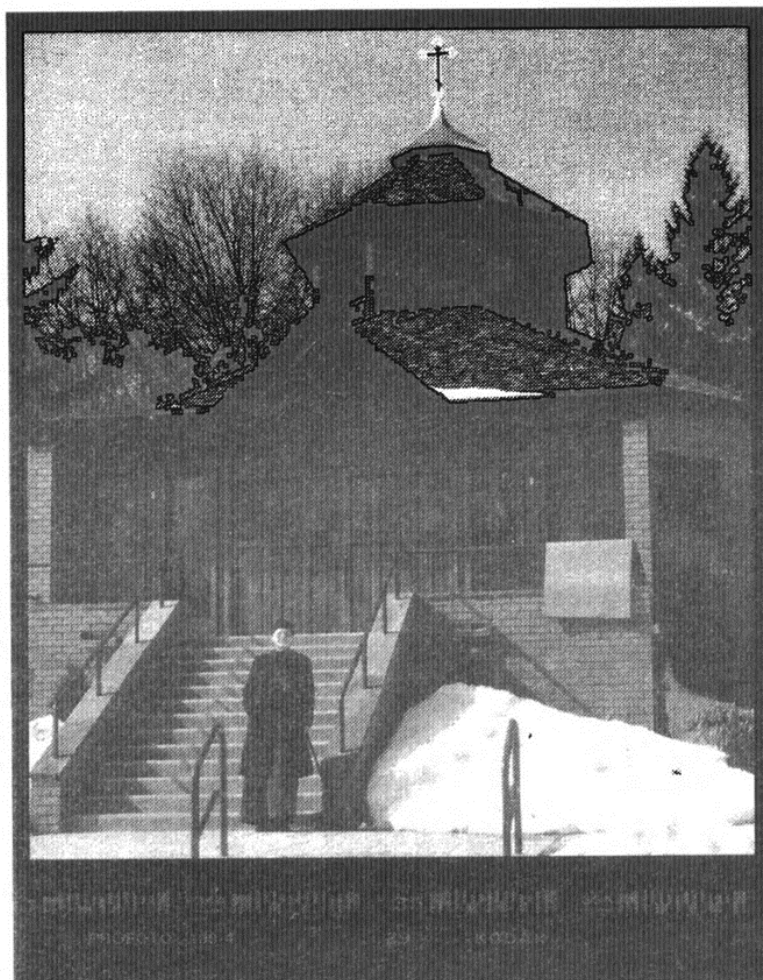
Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 434 [1].

Деструктивная зависть. Обращает на себя внимание отношение Александра Дворкина к людям, которые происходили из знатного рода, семей или знаменитостей, имевших имя, высокий социальный статус или положение. И особенно обращает на себя внимание его акцент на их преждевременной смерти. Пример описания отношений с протопресвитером Александром Шмеманом, деканом Свято-Владимирской семинарии:

«Понимая это, я не могу сказать об особых своих отношениях с отцом Александром. Я прекрасно сознавал всю разницу наших положений – студента и

ректора: его чудовищная занятость усугублялась точащей его изнутри болезнью, которая началась, несомненно, куда раньше, чем ее диагностировали. В его доме я был всего один раз, и то достаточно кратко».

Подпись к фотографии, помещённой Дворкиным в автобиографии «Моя Америка»: *«Отец Александр у нового академического храма. Через несколько месяцев в нем его будут отпевать».*

*Отец Александр
у нового академи-
ческого храма.
Через несколько
месяцев в нем его
будут отпевать*

На фотографии: Александр Шмеман.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Цитаты Александра Дворкина об аристократическом происхождении своих духовных наставников и преподавателей — Александра Шмемана и Александра

Мейендорфа:

«Шмеманы — служилый дворянский род, происходивший от остзейских немцев. По матери отец Александр принадлежал к роду Шишковых — того самого адмирала Шишкова, который в пушкинское время основал общество "Беседы о русской словесности"».

у отца Иоанна). Шмеманы — служилый дворянский род, происходивший от остзейских немцев. По матери отец Александр принадлежал к роду Шишковых – того самого адмирала Шишкова, который в пушкинское время основал общество «Беседы о русской словесности». Так что

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 438 [1].

«Когда я писал воспоминания об отце Иоанне Мейендорфе, я отметил, что его часто сравнивают с отцом Александром Шмеманом, даже имена их постоянно перечисляются подряд, на одном дыхании (язвительные студенты Свято-Владимирской академии придумали термин для таких перечислений: "Шмемандорф"). Наверное, и в этих воспоминаниях невозможно начать писать об одном, никак не упоминая другого. Действительно, оба священника были единомышленниками, друзьями; оба происходили из русских аристократических семей, оба носили немецкие фамилии, оба выросли в эмиграции в Париже и знали друг друга с детства, хотя отец Иоанн был на несколько лет моложе. В детстве они оба прислуживали в парижском Александро-Невском соборе (отец Александр отмечал, что именно он учил молодого Ивана Мейендорфа алтарничать) и оба учились на Свято-Сергиевском подворье. И они помнили своего ректора, протоиерея Сергия Булгакова, и профессора Карташева, и Бердяева, который туда периодически приходил, хотя сам был прихожанином Московской Патриархии. Им преподавали и архимандрит Киприан (Керн), и протоиерей Василий Зеньковский, и протоиерей Николай Афанасьев, и епископ Кассиан (Безобразов), да и все великие личности той, парижской эмиграции».

* * *

Когда я писал воспоминания об отце Иоанне Мейендорфе, я отметил, что его часто сравнивают с отцом Александром Шмеманом – даже имена их постоянно перечисляются подряд, на одном дыхании (язвительные студенты Свято-Владимирской академии придумали термин для

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 436 [1].

таких перечислений: «Шмемандорф»^{*}). Наверное, и в этих воспоминаниях невозможно начать писать об одном, никак не упоминая другого. Действительно, оба священника были единомышленниками, друзьями; оба происходили из русских аристократических семей, оба носили немецкие фамилии, оба выросли в эмиграции в Париже и знали друг друга с детства, хотя отец Иоанн был на несколько лет моложе. В детстве они оба прислуживали в парижском Александро-Невском соборе (отец Александр отмечал, что именно он учил молодого Ивана Мейендорфа алтарничать) и оба учились на Свято-Сергиевском подворье. И они помнили своего ректора протоиерея Сергия Булгакова, и профессора Карташева, и Бердяева, который туда периодически приходил, хотя сам был прихожанином Московской Патриархии. Им преподавали и архимандрит Киприан (Керн), и протоиерей Василий Зеньковский, и протоиерей Николай Афанасьев, и епископ Кассиан (Безобразов), да и все великие личности той, парижской эмиграции.

«Отец Иоанн происходил из очень древнего рода. Когда в 1982 году я первый раз был в Германии, то специально заехал в город Бамберг, в числе прочих красот знаменитый величественным собором романской архитектуры. В алтаре этого собора похоронен Римский папа Климент II фон Майендорф. Это второй немец в истории папства, краткий понтификат которого пришелся на 1046-1047 годы».

Преподаватели

459

* * *

Отец Иоанн происходил из очень древнего рода. Когда в 1982 году я первый раз был в Германии, то специально заехал в город Бамберг, в числе прочих красот знаменитый величественным собором романской архитектуры. В алтаре этого собора похоронен Римский папа Климент II фон Майендорф. Это второй немец в истории папства, краткий понтификат которого пришелся на 1046–1047 годы.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 459 [1].

В исследовании уже упоминалось, что Александр Дворкин не происходил из социально привилегированной или стабильной семьи. Его дед отбывал длительное тюремное заключение. Отец покинул семью в раннем детстве. В подростковом и юношеском возрасте Александр Дворкин имел проблемы с образованием, у него были эпизоды бродяжничества, а также продолжительный опыт употребления психоактивных веществ. Неоднократно возникали конфликты с преподавателями и другими фигурами авторитета — вплоть до открытых скандалов и досрочного прекращения обучения, работы. Этот паттерн согласуется с моделью поведения, характерной для лиц, у которых наблюдаются трудности в принятии социальных

норм, подчинении авторитету, склонность к оппозиционному поведению и тенденции обвинять внешние обстоятельства в собственных неудачах.

Подобный нарратив, в том числе и предполагающий двойственность повествования в отношении других людей, предполагает наличие у субъекта стремления к разрушению, **деструктивной формы зависти** [10] — психологического феномена, при котором восприятие чужого преимущества в значимой для субъекта сфере (социальный статус, интеллектуальное признание, аристократическое происхождение, власть, духовная авторитетность и так далее) **вызывает желание и мотивацию унижить, устранить или низвести объект сравнения.**

В автобиографических текстах Александра Дворкина эта установка проявляется в особом отношении к людям, обладавшим тем, чего он сам был лишён. Его описания авторитетных фигур часто сочетают внешнее уважение со скрытой критикой, сарказмом, акцентированием на их уязвимости или на их смерти. Возможно, для него это «уравнивает» статусы и устраняет угрозу превосходства. Такая двойственность Дворкина может интерпретироваться как проявление его **индивидуальной зависти, функционирующей как компенсаторный механизм**: она позволяет восстановить внутреннее равновесие в условиях острого переживания собственной маргинальности и «биографической неполноценности».

Согласно современным исследованиям, такая деструктивная форма проявления индивидуальной зависти часто коренится в травмах раннего детства, включая опыт отверженности, нестабильности, привязанности или сравнения с другими. В публичном дискурсе она проявляется через сарказм, пассивную агрессию, негативные сравнения, в нарративах, — через подрыв авторитета под видом «честного портрета». Её ключевая особенность — ориентация на лишение другого преимущества, а не на его достижение, устранение превосходства другого. В крайних случаях это может включать желание полного устранения объекта зависти — символически или физически.

«Я не потерплю, чтобы академия превратилась в притон для наркоманов и гомосексуалистов!».

В автобиографии «Моя Америка» [1] Александр Дворкин приводит эпизод,

который, по его словам, произошёл за год до его поступления в Свято-Владимирскую семинарию. В частности, декан **Александр Шмеман** после исключения **нескольких зачинщиков на общем собрании заявил: «Я не потерплю, чтобы академия превратилась в притон для наркоманов и гомосексуалистов!»**.

*«Нельзя не сказать о той трансформации, которая произошла с отцом Александром за время его болезни. Отец Александр был лидером, по-своему властным человеком, характер у него был горячий, он мог сорваться, мог резко сказать, иногда мог и повысить голос (студенты с нескрываемым «священным трепетом» передавали друг другу историю, как во время последнего академического кризиса, случившегося за год до моего поступления, после исключения нескольких зачинщиков отец ректор на общем собрании кричал: **«Я не потерплю, чтобы академия превратилась в притон для наркоманов и гомосексуалистов!»**).*

*Его внутренняя сила выражалась, в том числе, в самостоятельности: **он делал всё сам** и весьма ценил и оберегал свое личное пространство, пространство его личной жизни и личной неприкосновенности. И вот **его постигла смертельная болезнь и изматывающее лечение, приносящее тяжёлые физические страдания и резкий упадок сил. Без помощи, даже банальной физической поддержки других людей он уже не мог обойтись. Но сколько бы я ни видел его и ни говорил с ним, он никогда не жаловался на страдания, боли или потерю сил. Все постигшее его он переносил спокойно и стойко. К концу этого года все, что в нем было несвятого, выгорело, исчезло, испарилось. Осталась лишь чистая и лучезарная радостная детскость»**.*

Нельзя не сказать о той трансформации, которая произошла с отцом Александром за время его болезни. Отец Александр был лидером, по-своему властным человеком, характер у него был горячий, он мог сорваться, мог резко сказать, иногда мог и повысить голос (студенты с нескрываемым «священным трепетом» передавали друг другу историю, как во время последнего академического кризиса, случившегося за год до моего поступления, после исключения нескольких зачинщиков отец ректор на общем собрании кричал: «Я не потерплю, чтобы академия превратилась в притон для наркоманов и гомосексуалистов!»). Его внутренняя сила выражалась, в том числе, в самостоятельности: он делал все сам и весьма ценил и оберегал свое личное пространство, пространство его личной жизни и личной неприкосновенности. И вот его постигла смертельная болезнь и изматывающее лечение, приносящее тяжелые физические страдания и резкий упадок сил. Без помощи, даже банальной физической поддержки других людей он уже не мог обойтись. Но сколько бы я ни видел его и ни говорил с ним, он никогда не жаловался на страдания, боли или потерю сил. Все постигшее его он переносил спокойно и стойко. К концу этого года все, что в нем было несвятого, выгорело, исчезло, испарилось. Осталась лишь чистая и лучезарная радостная детскость.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 455 [1].

Учитывая, что к моменту поступления Дворкин уже имел длительный опыт употребления психоактивных веществ, а также опыт бродяжничества, пристрастие к гомосексуализму, неоднозначный опыт работы в детском лагере, возможно с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, можно предположить, что эта

история о заявлении декана Александра Шмемана вызвала у него сильную личную реакцию. Возможно, даже породило чувство внутреннего конфликта, ненависти, включающее отвращение, страх, гнев и враждебность, и выступило как механизм восприятия Шмемана как личной угрозы.

На это указывают его фразы, где с явным акцентом подчёркивается символическое низведение авторитета Шмемана как способ устранения реального авторитета. В частности, подтверждением этого может служить контраст в описании Шмемана: с одной стороны Дворкин описывает его как «властного» лидера, способного «сорваться», «резко сказать» и «повысить голос», с другой — как человека, поражённого «смертельной болезнью», испытывающего «резкий упадок сил» и полностью зависящего от помощи других. Такая двойственность соответствует известному механизму посмертной нейтрализации угрозы: пока фигура авторитета жива, она воспринимается как источник опасности; после смерти — подвергается идеализации или, наоборот, демонстрации уязвимости, что позволяет автору символически устранить её власть.

Александр Шмеман был духовником Дворкина. В контексте вышеизложенного, дополнением к пониманию картины взаимоотношений Александра Дворкина и Александра Шмемана становится следующий эпизод. В период обучения в Свято-Владимирской семинарии Дворкин должен был приходить к Шмеману на исповедь и раскрывать свои «ужасные» поступки: *«не реже раза в месяц, по академическим правилам, я должен был исповедоваться, а духовником моим как раз являлся отец ректор»*. То есть Дворкин это делал не по личной инициативе, а по принуждению, что подчёркивает его зависимость от авторитета.

Александр Шмеман, как человек с большим опытом педагогической работы, умный и проницательный, очевидно, вполне мог распознавать сложные внутренние состояния студентов и понимать, с кем он имел дело. Дворкин пишет: *«Бывало, расскажешь ему о том, что тебе кажется самым ужасным, стоишь, ждёшь приговора...»* Есть вероятность того, что Шмеман мог знать какую-либо специфическую информацию о своих студентах, включая Дворкина, в том числе и о их прошлом.

«Занятость его была феноменальной так же, как и работоспособность. Это всегда ощущалось нами в академии — большую часть времени отец ректор отсутствовал, а стоило ему появиться, как к нему выстраивалась очередь — на прием, на консультацию, на исповедь. Зная это, я всегда старался не обременять его моими проблемами и вопросами. **Но не реже раза в месяц, по академическим правилам, я должен был исповедоваться, а духовником моим как раз являлся отец ректор.**

Всякий раз идя на исповедь, **я чувствовал некое неудобство** из-за того, что мне придется своими мелкими проблемами загружать столь занятого человека, как отец Александр. Но когда начинался разговор, все забывалось, потому что он занимался мной столько, сколько было нужно, ни разу не давая понять, что он спешит, или что у него могут быть другие дела. Он беседовал со мной, расспрашивал меня и выслушивал мою исповедь так, как будто это было самое важное и самое нужное для него дело. И, кстати, он был очень великодушным исповедником. **Бывало, расскажешь ему о том, что тебе кажется самым ужасным, стоишь, ждешь приговора...** А он обнимет тебя тепло за плечи и скажет:

— Да, раб Божий, ну а в главном как?

— Что — в главном? — переспросишь.

— Ну как, в Бога вы еще веруете?

— Ну да, конечно, а как же, — отвечаешь.

— Вот видите, уже как хорошо, — утешает отец Александр.

Помню, как-то я прибежал к нему, уже тяжело больному, после скандала с одним из наших преподавателей, которого (ужасно стыдно теперь вспоминать) публично на лекции обличил в невежестве, а тот на меня сорвался».

которых, очевидно, ему часто не хватало. Это выявляет определенную «детскость» его характера, которая в полной мере открылась позже – уже во время его последней, смертельной болезни.

Занятость его была феноменальной, так же как и работоспособность. Это всегда ощущалось нами в академии – большую часть времени отец ректор отсутствовал, а стоило ему появиться, как к нему выстраивалась очередь – на прием, на консультацию, на исповедь. Зная это, я всегда старался не обременять его моими проблемами и вопросами. Но не реже раза в месяц, по академическим правилам, я должен был исповедоваться, а духовником моим как раз являлся отец ректор.

Всякий раз, идя на исповедь, я чувствовал некое неудобство из-за того, что мне придется своими мелкими проблемами загружать столь занятого человека, как отец Александр. Но когда начинался разговор, все забывалось, потому что он занимался мной столько, сколько было нужно, ни разу не давая понять, что он спешит, или что у него могут быть другие дела. Он беседовал со мной, расспрашивал меня и выслушивал мою исповедь так, как будто это было самое важное и самое нужное для него дело. И, кстати, он был очень великодушным исповедником. Бывало, расскажешь ему о том, что тебе кажется самым ужасным, стоишь, ждешь приговора... А он обнимет тебя тепло за плечи и скажет:

– Да, раб Божий, ну а в главном как?

– Что – в главном? – переспросишь.

– Ну, как, в Бога вы еще веруете?

– Ну да, конечно, а как же, – отвечаешь.

– Вот видите, уже как хорошо, – утешает отец Александр.

Помню, как-то я прибежал к нему, уже тяжело больному, после скандала с одним из наших преподавателей, которого (ужасно стыдно теперь вспоминать) публично

на лекции обличил в невежестве, а тот на меня сорвался.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 442–443 [1].

«Как я поспорил с Довлатовым».

В автобиографической книге Дворкина «Моя Америка» имеется глава под названием «Как я поспорил с Довлатовым». В ней описывается эпизод, произошедший с Дворкиным во время первого года его обучения (1980-1981 гг.) в Свято-Владимирской семинарии. По словам Александра Дворкина, декан Александр Шмеман вызвал его к себе в кабинет и вручил экземпляр иммигрантской газеты «Новый американец». Это была русскоязычная газета, выпускаемая тиражом 11 тысяч экземпляров. Главным редактором этой газеты был известный писатель и журналист Сергей Довлатов. В исследовании уже упоминалось, что Довлатов печатал свои книги у тогда еще живого профессора Карла Проффера, издателя «Ардис» и знал его лично.

По словам Дворкина, в газете «Новый американец» была опубликована статья о нём как о **«главе православной секты, занимающейся насильственным крещением евреев»**. Его обвиняли в похищении еврейских детей, избиении до полусмерти их матерей. Далее речь шла о несовершеннолетнем юноше, которого мать пыталась забрать из квартиры Дворкина.

«Как-то отец Александр, вернувшись с Радио «Свобода», где он еженедельно начитывал свои религиозные передачи, вызвал меня, тогда еще первокурсника, к себе в кабинет и вручил мне номер недавно появившейся русскоязычной газеты «Новый американец». Главным редактором издания значился писатель Сергей Довлатов. Тогда я был совершенно не знаком с его творчеством и знал только, что о его приезде в США не так давно писала вся русскоязычная пресса. Газета имела ярко выраженную еврейскую направленность и показалась мне малоинтересной. Я с удивлением взял номер из рук отца Александра. «Садитесь и почитайте, — предложил он мне, — тут статья про вас». Тогда я, мягко говоря, не

был избалован вниманием прессы (свое имя я видел в печати всего пару раз), а статей про меня вообще еще не писали. То, что я увидел, было зубодробительным разносом. В статье в лучших традициях газеты «Правда» живописалось **обо мне как о главе православной секты, занимающейся насильственным крещением евреев. Мне приписывались похищения еврейских детей, избиения до полусмерти их матерей и прочая чушь.**

В частности, рассказывалось, что в редакцию явилась несчастная мать по имени Таисия и рассказала, что **живущие в ее доме миссионеры похитили ее единственного сына**, талантливого резчика по дереву. **Паша стал пропадать в квартире Дворкина**, мать как-то спустилась за ним — и что она увидела? В полумраке горели свечи, повсюду висели кресты и иконы, на стенах приклеены фотографии обряда крещения евреев (интересно, чем евреи при крещении отличаются от других людей?). Таисия якобы пришла в ужас и потребовала вернуть ей сына. В ответ на законную просьбу матери новоиспеченные христианские братья накинулись на нее, избили до крови и выкинули на улицу, откуда ее забрала «скорая». После этого Пашу увезли в Вермонт, где держат взаперти и не возвращают матери, умоляющей вернуть ей сына. **В настоящее время, писала газета, решается вопрос о возбуждении уголовного дела, с тем чтобы насильники были призваны к ответу.**

А заканчивалась статья призывом «крепко дать по кровавым рукам платным эмиссарам антисемитской клики в их многовековой борьбе против еврейского народа».

Как-то отец Александр, вернувшись с Радио «Свобода», где он еженедельно начитывал свои религиозные передачи, вызвал меня, тогда еще первокурсника, к себе в кабинет и вручил мне номер недавно появившейся русскоязычной газеты «Новый американец». Главным редактором издания значился писатель Сергей Довлатов. Тогда я был совершенно не знаком с его творчеством и знал только, что о его приезде в США не так давно писала вся русскоязычная пресса. Газета имела ярко выраженную еврейскую направленность и показалась мне малоинтересной. Я с удивлением взял номер из рук отца Александра. «Садитесь и почитайте, – предложил он мне, – тут статья про вас». Тогда я, мягко говоря, не был избалован вниманием прессы (свое имя я видел в печати всего пару раз), а статей про меня вообще еще не писали. То, что я увидел, было зубодробительным разносом. В статье – в лучших традициях газеты «Правда» – живописалось обо мне как о главе православной секты, занимающейся насильственным крещением евреев. Мне приписывались похищения еврейских детей, избиения до полусмерти их матерей и прочая чушь.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 348 [1].

В частности, рассказывалось, что в редакцию явилась несчастная мать по имени Таисия и рассказала, что живущие в ее доме миссионеры похитили ее единственного сына, талантливого резчика по дереву. Паша стал пропадать в квартире Дворкина, мать как-то спустилась за ним – и что она увидела? В полумраке горели свечи, повсюду висели кресты и иконы, на стенах приклеены фотографии обряда крещения евреев (интересно, чем евреи при крещении отличаются от других людей?). Таисия якобы пришла в ужас и потребовала вернуть ей сына. В ответ на законную просьбу матери новоиспеченные христианские братья накинудились на нее, избили до крови и выкинули на улицу, откуда ее забрала «скорая». После этого Пашу увезли в Вермонт, где держат взаперти и не возвращают матери, умоляющей вернуть ей сына. В настоящее время, писала газета, решается вопрос о возбуждении уголовного дела, с тем чтобы насильники были призваны к ответу.

А заканчивалась статья призывом «крепко дать по кровавым рукам платным эмиссарам антисемитской клики в их многовековой борьбе против еврейского народа».

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 349 [1].

Отметим, что Дворкин не отрицает факт проживания Павла в своей квартире, а только опровергает насилие. Это типично для лиц, практикующих груминг детей, подростков. Они создают для них условия зависимости и являются манипуляторами и лжецами в оправдании своих совращений.

Инцидент происходит в период учёбы Дворкина у декана Александра Шмемана, то есть в момент, когда Александр Дворкин находится под его моральным надзором.

Подобные обвинения в публичном поле могли угрожать его положению в семинарии.

Далее в своей автобиографии Александр Дворкин приводит развёрнутое опровержение обвинений, изложенных в статье газеты «Новый американец», утверждая, что события были представлены ложным образом. Однако при анализе этого опровержения необходимо учитывать **устойчивые поведенческие паттерны**, выявленные в психобиографии Дворкина:

- склонность к манипуляции и искажению фактов в собственных нарративах;
- наличие гомосексуальных контактов, описанных в его текстах;
- конфликтное взаимодействие с авторитетными фигурами;
- длительный опыт употребления психоактивных веществ.

Эти факторы позволяют рассматривать **возможность достоверности исходных обвинений** как гипотезу, заслуживающую внимания в рамках поведенческого анализа.

Особый интерес представляет **способ, которым Александр Дворкин использует фигуру Александра Шмемана** в своём опровержении. Он ссылается на личную беседу с деканом, содержание которой **невозможно проверить**, поскольку Шмеман скончался и не оставил письменных свидетельств по данному эпизоду. При этом известно, что Шмеман открыто заявлял о неприятии «притона для наркоманов и гомосексуалистов» в стенах семинарии. В этих условиях утверждение Дворкина о том, что декан якобы поддержал его или смягчил позицию, выглядит **маловероятным** и может рассматриваться как **попытка легитимации через апелляцию к авторитету умершего**.

Кроме того, стоит учитывать, что **Сергей Довлатов [11] и Александр Шмеман одновременно работали на радио «Свобода» в г. Нью-Йорке** (в Нью-Йоркском бюро радио «Свободы». Офис находился по адресу: Бродвей, 1775.):

- Шмеман вёл регулярные религиозные передачи;
- Довлатов — авторскую программу «*Бродвей 1775*», посвящённую культуре и политике [12].

Это создаёт реальную возможность их **личного знакомства и**

профессионального взаимодействия, включая обсуждение инцидентов, связанных с русскоязычной диаспорой. Таким образом, информация, полученная Довлатовым для публикации, могла исходить не только от третьих лиц, но и от лиц, находившихся в непосредственном контакте с семинарией, включая самого Шмемана.

«Я взялся было объяснять своему ректору и духовнику, что все это неправда, но он решительно прервал меня. «Я и сам вижу, что все это откровенный и злобный бред, — сказал он, — но, думаю, вы должны радоваться. Это первая высокая награда в вашем послужном списке. И, как мне кажется, далеко не последняя». Когда сегодня в СМИ появляются все новые и новые клеветнические материалы в мой адрес, я часто вспоминаю оказавшиеся пророческими слова отца Александра».

Я взялся было объяснять своему ректору и духовнику, что все это неправда, но он решительно прервал меня. «Я и сам вижу, что все это откровенный и злобный бред, — сказал он, — но, думаю, вы должны радоваться. Это – первая высокая награда в вашем послужном списке. И, как мне кажется, далеко не последняя». Когда сегодня

350 эпилог первый

в СМИ появляются все новые и новые клеветнические материалы в мой адрес, я часто вспоминаю оказавшиеся пророческими слова отца Александра.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 349–350 [1].

Этот эпизод, будучи представленным Александром Дворкиным как своеобразное «пророчество» Шмемана по поводу его судьбы, служит нарративной легитимацией последующих конфликтов Дворкина с медиа и обществом. Таким образом, такая поддержка декана выглядит маловероятной и может рассматриваться как проекция собственных установок Дворкина на авторитетную фигуру Шмемана.

Ещё более показательным то, что **Александр Дворкин сохранил вырезку из газеты**, несмотря на её негативный характер:

*«После этой истории я долго из принципа не читал Довлатова. Впервые познакомился с его книгами я уже по возвращении в Россию и пожалел, что не читал их раньше. Так я простил ему ту позорную историю с неприличной газетой «Новый американец», которая, кстати говоря, просуществовала недолго. **Вырезка из того самого номера у меня до сих пор где-то хранится**».*

После этой истории я долго из принципа не читал Довлатова. Впервые познакомился с его книгами я уже по возвращении в Россию и пожалел, что не читал их раньше. Так я простил ему ту позорную историю с неприличной газетой «Новый американец», которая, кстати говоря, просуществовала недолго. Вырезка из того самого номера у меня до сих пор где-то хранится.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 350 [1].

В поведенческой психологии сохранение материалов, связанных с обвинениями, унижениями или конфликтами, особенно в отсутствие юридической или практической необходимости, может указывать на:

- **фиксацию на обиде;**
- **склонность к руминации** (навязчивому переживанию);
- **потенциальную мотивацию к реваншу.**

Как отмечается в исследованиях [13], лица с **грандиозным нарциссизмом** часто воспринимают критику как личное оскорбление и **сохраняют «доказательства» несправедливости** как часть внутреннего нарратива о себе как о «жертве системы».

Дворкин акцентирует внимание, что: *«Вырезка из того самого номера у меня до сих пор где-то хранится»*. Эта формулировка — не просто констатация, а **демонстрация готовности к «воспоминанию по первому запросу»**, что усиливает впечатление **долгосрочной эмоциональной привязанности к**

конфликту.

Сергей Довлатов за письменным столом в своей Нью-Йоркской квартире. Нью-Йорк, США, 1983 год.

Фотография: Нина Аловерт (иллюстрация из книги Нины Аловерт «Малоизвестный Довлатов. Сборник». Санкт-Петербург: АОЗТ «Журнал «Звезда», 1999.

Источник: [11].

Сергей Донатович Довлатов [14] скоропостижно скончался в возрасте 48 лет от сердечной недостаточности 24 августа 1990 года в г. Нью-Йорке.

Особое внимание заслуживает **временная близость между двумя датами: юбилеем Александра Дворкина и смерти Довлатова:**

— Сергей Довлатов скончался **24 августа 1990 года** от сердечной недостаточности в возрасте 48 лет;

— Эта дата приходится **на четвёртый день после 35-летия Александра Дворкина.**

Кладбище Маунт-Хеброн, штат Нью-Йорк, где похоронен Сергей Довлатов

Фото: 26 июля 2010 года.

Источник: [14].

Фокус на смерти священника Александра Шмемана.

В рамках гипотезы о возможной причастности Александра Дворкина к латентному гомоциду, последующий текст из его автобиографии «Моя Америка» [1]

может рассматриваться как **поведенческий маркер высокого риска**. Описываемое далее поведение соответствует известным паттернам серийных насильников с латентной формой убийства, особенно тех, кто страдает психопатологией «бунта против Бога» и комплексом богоподобности.

Напомним, что в рамках поведенческого анализа «латентный гомицид» определяется как скрытое, систематическое устранение лиц, воспринимаемых преступником как носители «морального закона», выступающих в роли субститута Бога или «совести общества». Такие смертельно опасные формы устранения, как правило, не сопровождаются признаками открытого насилия. Вместо этого преступник **маскирует их под естественную смерть**, несчастный случай или самоубийство, что затрудняет их распознавание и расследование. В контексте психопатологии «бунта против Бога» жертвами латентного гомицида чаще всего становятся:

- «идеальные» жертвы (дети, девственники, активисты, праведники);
- моральные авторитеты (учителя, родители, психотерапевты);
- **священнослужители.**

Эти жертвы функционируют в нарративе преступника как **«моральные зеркала»** — они олицетворяют совесть, которую он сам отверг, и напоминают ему о его собственной «падшести». Их устранение для преступника временно снижает уровень когнитивного диссонанса и подтверждает иллюзию контроля над моральным порядком.

Ниже приводятся фрагменты из автобиографических текстов Александра Дворкина, а далее аналитическое обоснование гипотезы в рамках современных моделей поведенческого анализа, позволяющей рассматривать описанные случаи как потенциально соответствующие паттерну латентного гомицида.

*«Но, наверное, самому важному профессор и священник Александр Шмеман научил нас примером последнего года своей жизни, тогда, когда он преподавал меньше всего, да и служил реже, чем обычно — **года, прошедшего под знаком его болезни и завершившегося его кончиной. Главный урок, который он нам преподавал, — это урок своей смерти.***

На моем втором году в академии, в последний год, когда отец Александр ощущал себя более или менее сносно, **хотя, я уверен, болезнь уже точила его изнутри**, он прочел факультативный курс, который назывался «Литургия смерти». Он давно готовился к этим лекциям, давно хотел разделить это знание с нами, и вот наконец время пришло. Курс был посвящен христианскому отношению к смерти, его эволюции во времени на Западе и на Востоке и тому, как рассматриваемый процесс выражался в богослужении Церкви. Все это в преломлении отца Александра, в его изложении, в его видении оказалось потрясающе интересным. **Многие вещи запомнились на всю жизнь**. А уже в конце семестра, завершая курс, **отец Александр рассказал о том, какой смертью он хотел бы умереть сам**».

Но, наверное, самому важному профессор и священник Александр Шмеман научил нас примером последнего года своей жизни, тогда, когда он преподавал меньше всего, да и служил реже, чем обычно — года, прошедшего под знаком его болезни и завершившегося его кончиной. Главный урок, который он нам преподавал, — это урок своей смерти.

На моем втором году в академии, в последний год, когда отец Александр ощущал себя более или менее сносно, хотя, я уверен, болезнь уже точила его изнутри, он прочел факультативный курс, который назывался «Литургия смерти». Он давно готовился к этим лекциям, давно хотел разделить это знание с нами, и вот наконец время пришло.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 452 [1].

Курс был посвящен христианскому отношению к смерти, его эволюции во времени на Западе и на Востоке и тому, как рассматриваемый процесс выражался в богослужении Церкви. Все это в преломлении отца Александра, в его изложении, в его видении оказалось потрясающе интересным. Многие вещи запомнились на всю жизнь.

А уже в конце семестра, завершая курс, отец Александр рассказал о том, какой смертью он хотел бы умереть сам.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 453 [1].

*«Отец Александр подчеркивал, что смерть — это важнейший момент, окончательный итог жизни, к которому мы готовимся на протяжении всех прожитых лет и который **очень важно встречать в полном сознании, отдавая себе отчет в происходящем. И сам он хотел умереть в полном сознании**, не в больнице, а дома, среди своих близких, которые сознавали бы всю важность того, что с ним происходит, и помогали бы ему молитвой, любовью и сопереживанием. Смерть — это таинство, подчеркивал отец Александр, **в котором призваны участвовать** все близкие уходящего человека».*

Отец Александр подчеркивал, что смерть — это важнейший момент, окончательный итог жизни, к которому мы готовимся на протяжении всех прожитых лет и который очень важно встречать в полном сознании, отдавая себе отчет в происходящем. И сам он хотел умереть

в полном сознании, не в больнице, а дома, среди своих близких, которые сознавали бы всю важность того, что с ним происходит, и помогали бы ему молитвой, любовью и сопереживанием. Смерть – это таинство, подчеркивал отец Александр, в котором призваны участвовать все близкие уходящего человека.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 453–454 [1].

«Собственно, так и вышло. Милосердный Господь исполнил пожелание отца Александра, но произошло все это гораздо раньше, чем мы все могли предполагать. Начало следующего учебного года ознаменовалось болезнью отца Александра. Был поставлен беспощадный диагноз: рак, метастазы по всему телу, операцию делать слишком поздно. Началась химиотерапия, лучевая терапия, которые переносятся чрезвычайно тяжело. Внешне отец Александр изменился очень быстро: энергичный, сильный, моложавый человек за несколько недель превратился в дряхлого старика. Сил у него оставалось очень мало. Но тем не менее до последнего момента он трудился: дописывал свою книгу о Евхаристии — главную книгу его жизни, над которой он работал уже долгие годы, если не десятилетия. Многие части ее мы, студенты, слышали на его лекциях, наблюдая за его творческим процессом и посильно соучаствуя в нем.

По дневникам его видно, с каким трудом и мучениями давалась ему эта книга. Я помню отца Александра, в этот последний год приходящего в алтарь академического храма, где я помогал ему облачаться, а он говорил: «Только бы Господь дал мне время завершить "Евхаристию". Только бы успеть...». Господь дал ему это время. За две недели до своей кончины отец Александр пришел на всенощную и, облачаясь в пономарке, сказал мне: «Слава Богу, книгу я написал, поставил последнюю точку».

Он успел. Книга написана и опубликована. Конечно, она немного не доведена до окончательной формы, конечно, с текстом можно было бы еще поработать, но все же **точка поставлена, и труд жизни завершен.** И, может быть, в этой легкой недоработанности, в небольшой рассогласованности текста есть свой смысл: это непосредственное слово великого священника и пастыря, не отдаленное от читателя авторской правкой и выглаживанием формы».

Собственно, так и вышло. Милосердный Господь исполнил пожелание отца Александра, но произошло все это гораздо раньше, чем мы все могли предполагать. Начало следующего учебного года ознаменовалось болезнью отца Александра. Был поставлен беспощадный диагноз: рак, метастазы по всему телу, операцию делать слишком поздно. Началась химиотерапия, лучевая терапия, которые переносятся чрезвычайно тяжело. Внешне отец Александр изменился очень быстро: энергичный, сильный, моложавый человек за несколько недель превратился в дряхлого старика. Сил у него оставалось очень мало. Но тем не менее до последнего момента он трудился: дописывал свою книгу о Евхаристии – главную книгу его жизни, над которой он работал уже долгие годы, если не десятилетия. Многие части ее мы, студенты, слышали на его лекциях, наблюдая за его творческим процессом и посильно соучаствуя в нем.

По дневникам его видно, с каким трудом и мучениями давалась ему эта книга. Я помню отца Александра, в этот последний год приходящего в алтарь академического храма, где я помогал ему облачаться, а он говорил: «Только бы Господь дал мне время завершить "Евхаристию". Только бы успеть...». Господь дал ему это время. За две недели до своей кончины отец Александр пришел на всенощную и, облачаясь в пономарке, сказал мне: «Слава Богу, книгу я написал, поставил последнюю точку».

Он успел. Книга написана и опубликована. Конечно, она немного не доведена до окончательной формы, конечно, с текстом можно было бы еще поработать, но все же

«Казалось бы, он мог стесняться своей слабости, переживать или раздражаться, что теперь его нужно было поддерживать под руку во время богослужения, когда он поднимался на амвон или спускался с него. Но он относился к своей немоци с иронией и с огромной благодарностью реагировал на любую помощь, на протянутую руку, на поданную фелонь, на зашнурованные поручи и т.д. Он весело смеялся над тем, что теперь не может сам совершать эти действия, подшучивал над собой и своим бессилием. Да, выглядел он дряхлым стариком, но глаза у него стали совершенно детскими — чистыми, искренними и широко открытыми миру. Дар радости и благодарности, о котором он постоянно писал в своих дневниках, в этот период проявился у него в полной мере. **Как ребенок, он стал зависеть от других людей, от их помощи и поддержки и с радостью, доверием и благодарностью принимал эту помощь. Он был готов к встрече со Христом».**

Казалось бы, он мог стесняться своей слабости, переживать или раздражаться, что теперь его нужно было поддерживать под руку во время богослужения, когда он поднимался на амвон или спускался с него. Но он относился к своей немоци с иронией и с огромной благодарностью

реагировал на любую помощь, на протянутую руку, на поданную фелонь, на зашнурованные поручи и так далее. Он весело смеялся над тем, что теперь не может сам совершать эти действия, подшучивал над собой и своим бессилием. Да, выглядел он дряхлым стариком, но глаза у него стали совершенно детскими – чистыми, искренними и широко открытыми миру. Дар радости и благодарности, о котором он постоянно писал в своих дневниках, в этот период проявился у него в полной мере. Как ребенок, он стал зависеть от других людей, от их помощи и поддержки и с радостью, доверием и благодарностью принимал эту помощь. Он был готов к встрече со Христом.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 455–456 [1].

«Человек, посетивший дом отца Александра за сутки до его смерти, подробно описал мне увиденное. Отец Александр был уже очень слаб и из комнаты своей не выходил. До этого он несколько дней провел в больнице, но попросился домой. Все его близкие были в сборе: жена, дети и внуки. Все они понимали, что время пришло. Отец Александр в белом подряснике сидел на стуле в своей спальне, сидел абсолютно прямо, до конца сохраняя свою царственную выправку. Рядом сидела его жена, она держала его за левую руку. Время от времени он поднимал правую руку, чтобы перекреститься, и насколько ему хватало сил, творил крестное знамение.

Дома царила напряженная, но вместе с тем спокойная трезвенная атмосфера, все молились и ждали этого важного события — перехода их мужа, отца, дедушки в мир иной, из временной жизни в жизнь вечную. Через час или два отец Александр потерял сознание. В коме он пробыл менее суток и спокойно скончался. У него оказалось очень крепкое сердце, продолжавшее биться даже тогда, когда организм полностью выработал свой ресурс».

Человек, посетивший дом отца Александра за сутки до его смерти, подробно описал мне увиденное. Отец Александр был уже очень слаб и из комнаты своей не выходил. До этого он несколько дней провел в больнице, но попросился домой. Все его близкие были в сборе: жена, дети и внуки. Все они понимали, что время пришло. Отец Александр в белом подряснике сидел на стуле в своей спальне, сидел абсолютно прямо, до конца сохраняя свою царственную выправку. Рядом сидела его жена, она держала его за левую руку. Время от времени он поднимал правую руку, чтобы перекреститься, и насколько ему хватало сил, творил крестное знамение. Дома царила напряженная, но вместе с тем спокойная трезвенная атмосфера, все молились и ждали этого важного события – перехода их мужа, отца, дедушки в мир иной, из временной жизни в жизнь вечную. Через час или два отец Александр потерял сознание. В коме он пробыл менее суток и спокойно скончался. У него оказалось очень крепкое сердце, продолжавшее биться даже тогда, когда организм полностью выработал свой ресурс.

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 456 [1].

«В ночь его кончины разразилась страшная буря. Мы почувствовали, что что-то должно произойти. Но утром, когда, проснувшись, мы узнали печальную новость, несмотря на позднюю осень, на безоблачном небе сияло яркое солнце.

Потом начались незабываемые трое суток, когда гроб стоял в церкви. Служились панихиды, чтения Евангелия не прекращались ни на минуту. Поскольку я был старшим алтарником, мне пришлось всем этим руководить, составлять графики чтений и панихид, замещать опоздавших, заполнять непредвиденные паузы. Все эти три дня я почти что не выходил из храма, спал по несколько часов в

день урывками, но усталости не чувствовал: **даже спать практически не хотелось.**

Меня, да и не только меня, вело особое ощущение светлой пасхальной грусти. Грусти, смешанной с пасхальной радостью. Это было особое и редкое ощущение, ощущение особого присутствия, посещения Божьего, итога, свершения, победы, причастность к которым, по милости Божией, довелось хотя бы немного пережить. Гроб стоял в храме, я разговаривал с отцом Александром, обращался к нему, молился за него, просил его помощи и поддержки. И не было никаких сомнений, что он тут, рядом, слышит меня и отвечает мне. Так продолжалось три дня, потом было отпевание в переполненном храме и литургия на следующее утро, после которой мы все поехали на кладбище при Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании, где похоронили отца Александра».

В ночь его кончины разразилась страшная буря. Мы почувствовали, что что-то должно произойти. Но утром, когда, проснувшись, мы узнали печальную новость, несмотря на позднюю осень, на безоблачном небе сияло яркое солнце.

Потом начались незабываемые трое суток, когда гроб стоял в церкви. Служились панихиды, чтения Евангелия не прекращались ни на минуту. Поскольку я был старшим алтарником, мне пришлось всем этим руководить, составлять графики чтений и панихид, замещать опоздавших, заполнять непредвиденные паузы. Все эти три дня я почти что не выходил из храма, спал по несколько часов в день урывками, но усталости не чувствовал: даже спать практически не хотелось. Меня, да и не только меня, вело особое ощущение светлой, пасхальной грусти. Грусти, смешанной с пасхальной радостью. Это было особое и редкое ощущение, ощущение особого Присутствия, посещения Божьего, итога, свершения, победы, причастность к которым, по милости Божией, довелось хотя бы немного пережить. Гроб стоял в храме, я разговаривал с отцом Александром, обращался к нему, молился за него, просил его помощи и поддержки. И не было никаких сомнений, что он тут, рядом, слышит меня и отвечает мне. Так продолжалось три дня, потом было отпевание в переполненном храме и литургия на следующее утро, после которой мы все поехали на кладбище

при Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании, где похоронили отца Александра.

Чтение у гроба Александра Шмемана.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

По свидетельству жены Александра Шмемана — Иулиании Шмеман, которая в своей книге **«Мой путь с отцом Александром»** [15], [16] опубликовала воспоминания, — необычная болезнь мужа началась после *«нескольких недель странных головокружений, постоянной головной боли и общей слабости»*, которые несколько врачей *«поначалу объяснили все это «стрессом»*:

«После нескольких недель странных головокружений, постоянной головной боли и общей слабости мы с Александром посетили нескольких врачей, которые поначалу объяснили все это «стрессом» (!). В конце концов исследования обнаружили несколько опухолей в мозгу. Оказалось, у Александра был рак легких, уже давший метастазы в мозг.

Александр, наша дочь Аня Хопко и я были вместе, когда врач сообщил результаты анализов. Мы вернулись домой, и Александр сразу же позвал к себе отца Фому Хопко, Давида Дриллока и отца Павла Лазора и сказал им о своей болезни. Потом он позвонил митрополиту Феодосию, а **через два дня его положили в больницу на полное обследование и проведение курсов облучения и химиотерапии.** Я вспоминаю эти дни как время полного спокойствия, серьезности, трезвости; мы как-то сразу оказались на совсем другом уровне жизни. С самого начала нам с Александром не нужно было говорить о том, что происходит.

Приехал брат Александра Андрей, и Александр показывал ему, как идет строительство новой церкви. Он был энергичен и казался таким здоровым! Он выглядел очень хорошо, несмотря на то, что после химиотерапии и облучения все его волосы выпали».

«Силы постепенно оставляли отца Александра, сеансы химиотерапии вызывали дурноту, он все хуже себя чувствовал. **Через год** лечения, в середине ноября 1983 года, Александр написал текст для радио «Свобода», который должен был пойти в эфир в праздник Сретения Господня».

«**Последний раз Александр служил литургию** в День Благодарения 24 ноября 1983 г., буквально **за две недели до смерти.** Он поблагодарил всех за их молитвы за него и **сказал, что здоров.** Некоторые усомнились в том, что он понимает правду о своем состоянии, но я знала, что он просто имел в виду свое истинное здоровье».

«**После этого он быстро стал слабеть,** и его положили в больницу, где мне разрешили постоянно находиться у его постели. Буквально через несколько дней он ясно сказал мне: «Льяна, я хочу домой». И я отвезла его домой. Собралась семья. Из Москвы приехал Сережа с женой и детьми, брат-близнец Андрей прилетел из Парижа, Маша с мужем-из Канады. Аня и отец Том жили и работали в семинарии и постоянно были рядом.

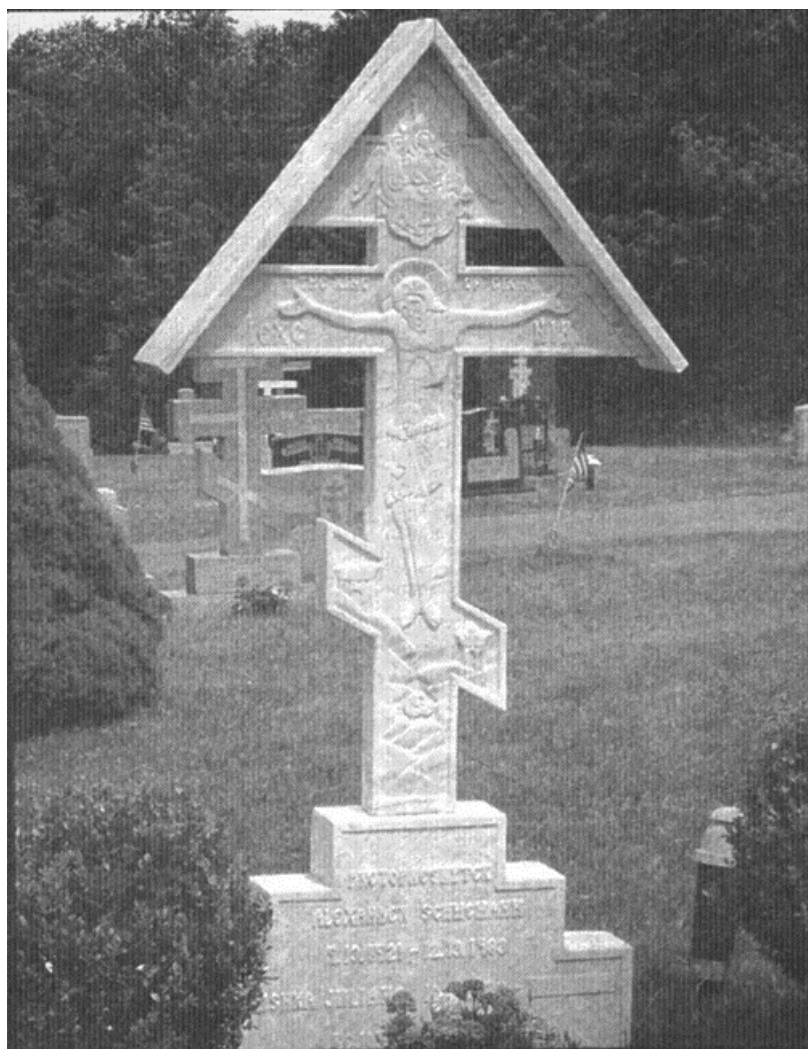
Пока Александр умирал, митрополит Феодосии, Давид Дриллок и вся семинария готовились к похоронам. Все уроки и экзамены были перенесены на более позднее время. Все занимались организацией служб, печатали репродукции икон и письма, и все получилось очень красиво».

«13 декабря 1983 года Александр тихо умер, окруженный своей большой семьей. Отпевали Александра одиннадцать епископов, девяносто священников и огромное количество народа. Церковь была заполнена до отказа, кто не смог попасть внутрь — шел в нижнее помещение, в котором были установлены репродукторы и экран, на который транслировалась служба, и благодаря этому все могли в ней участвовать. Панихиды отслужили архиепископ греческой Церкви Иаков и митрополит Антиохийской Церкви Филипп. Исполняющим обязанности ректора назначили профессора Веселина Кесича. Заупокойную литургию служили митрополит Феодосии и множество священников. Хор пел великолепно, и вообще все было прекрасно. Это было поистине торжество жизни!».

Отпевание Александра Шмемана.

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Могила Александра Шмемана

Александр Дворкин. «Моя Америка» [1].

Клиническая картина последнего года жизни Александра Шмемана (1982–1983).

На основании автобиографических воспоминаний Александра Дворкина и мемуаров Иулиании Шмеман можно реконструировать следующую хронологию событий:

— Учебный год (1982-1983): начало болезни отца Александра; **болезнь длилась в течение года.**

— **«После нескольких недель странных головокружений,**

постоянной головной боли и общей слабости мы с Александром посетили нескольких врачей, которые поначалу объяснили все это «стрессом» (Иулиания Шмеман).

— **«В конце концов исследования обнаружили несколько опухолей в мозгу. Оказалось, у Александра был рак легких, уже давший метастазы в мозг»; «через два дня его положили в больницу на полное обследование и проведение курсов облучения и химиотерапии» (Иулиания Шмеман).**

— **«Силы постепенно оставляли отца Александра, сеансы химиотерапии вызывали дурноту, он все хуже себя чувствовал. Через год лечения, в середине ноября 1983 года...» (Иулиания Шмеман).**

— **«Внешне отец Александр изменился очень быстро: энергичный, сильный, моложавый человек за несколько недель превратился в дряхлого старика. Сил у него оставалось очень мало».**

— **«Казалось бы, он мог стесняться своей слабости, переживать или раздражаться, что теперь его нужно было поддерживать под руку во время богослужения, когда он поднимался на амвон или спускался с него. Но он относился к своей немоци с иронией и с огромной благодарностью реагировал на любую помощь, на протянутую руку, на поданную фелонь, на зашнурованные поручи и т.д.».**

— **«Он весело смеялся над тем, что теперь не может сам совершать эти действия, подшучивал над собой и своим бессилием. Да, выглядел он дряхлым стариком, но глаза у него стали совершенно детскими — чистыми, искренними и широко открытыми миру».**

— **«Как ребенок, он стал зависеть от других людей, от их помощи и поддержки и с радостью, доверием и благодарностью принимал эту помощь».**

— **Смерть наступила в ноябре 1983 года. Как отмечает Александр Дворкин: «У него оказалось очень крепкое сердце, продолжавшее биться даже тогда, когда организм полностью выработал свой ресурс».**

Доступ к ресурсам и близость к жертве.

В период болезни и кончины Александра Шмемана (1982–1983) **Дворкин находился в непосредственной физической и социальной близости к Шмеману**. Со слов Дворкина, он:

- участвовал в богослужениях, в качестве старшего алтарника; помогал ему облачаться;
- был свидетелем его физического упадка;
- получил от Шмемана личные доверительные признания, включая последние слова о завершении книги о Евхаристии.

Кроме того, **на третьем (выпускном) курсе** Свято-Владимирской семинарии Александр Дворкин проходил обязательную пастырскую практику, в том числе в **городском госпитале**, с которым у академии имелся договор. Раз в неделю он проводил полдня в этом учреждении, посещая пациентов, в том числе и из отделения интенсивной терапии. Эта роль давала ему **потенциальный доступ к медицинским препаратам**, знаниям о фармакологии и клинической картине тяжёлых заболеваний.

В исследованиях уже были упомянуты данные эпизоды, где Дворкин описывал этот период следующим образом:

*«На третьем курсе нас обязывали пройти пастырскую практику по одному главному направлению и трем побочным. Выбор состоял из **служений в больнице**, в тюрьме, в **старческом доме**, в военной академии, в церковноприходской школе и т.д. По каждому — основному и побочным направлениям — требовалось набрать определенное количество часов. Я начал с больничного служения. Раз в неделю ездил в город, где проводил полдня в громадном госпитале, с которым у академии был договор. Затем я шел к своим больным (обычно их оказывалось человек пять-шесть)». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 387) [1].*

*«Несколько моих больных я вспоминаю до сих пор. Одна пожилая дама (назовем ее Мария), **лежавшая после операции на сердце в реанимации**, происходила из известной русской дворянской семьи Трубецких, и мы с ней даже нашли нескольких общих знакомых». (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 387-388) [1].*

*«И, наконец, до середины третьего, выпускного, курса академии я исповедовался у отца Александра. Когда болезнь его начала быстро прогрессировать, мне стало неловко утруждать его и я взял у него благословение ходить на исповедь к отцу Иоанну Мейендорфу. По окончании академии я поступил в докторантуру Фордхэмского университета и, получив благословение ректора, **остался жить там же**. Назначили мне и послушание — на сей раз **старшего алтарника академического храма**. В этом качестве я пробыл в алтаре последние полгода жизни отца Александра, а кроме того, отвечал за порядок богослужения во время отпевания нашего почившего ректора».* (Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 434) [1].

Таким образом, в критический период от постановки диагноза до смерти Шмемана Александр Дворкин обладал:

- **доверием со стороны жертвы;**
- **регулярным физическим доступом;**
- **потенциальным доступом к медикаментам и медицинской информации;**
- **мотивацией**, связанной с моральным давлением, исповедью и публичным осуждением деканом Шмеманом «наркоманов и гомосексуалистов».

Эти факторы делают данный эпизод **релевантным для поведенческого профилирования** в рамках гипотезы о латентном гомоциде, особенно учитывая устойчивый паттерн «естественных» смертей значимых фигур в биографии Александра Дворкина.

Какие факторы могли служить причиной гибели Александра Шмемана в течение одного года с учётом: клинической динамики его состояния; непосредственной близости Александра Дворкина; потенциального доступа Александра Дворкина к медицинской среде в этот период; знаний Александра Дворкина в области фармакологии психоактивных веществ — их комбинаций, механизмов действия, рисков передозировки и потенциально летальных эффектов?

Официальной причиной смерти протопресвитера Александра Шмемана в ноябре

1983 года стал метастатический рак лёгких, диагностированный на поздней, неоперабельной стадии. Вопрос о возможных экзогенных триггерах этого заболевания остаётся открытым, особенно в контексте поведенческого профилирования лиц из его ближайшего окружения. Что могло вызвать высокую токсичность организма Шмемана? Мог ли рак легких быть спровоцирован с помощью каких-либо химических веществ (канцерогенов) или их соединений?

Анализ в рамках гипотезы о латентном гомициде. В контексте гипотезы о латентном гомициде с **мотивацией ненависти, сопряжённой с нарциссической динамикой и иллюзией богоподобности** (соперничество с Богом), описание смерти Александра Шмемана:

- **соответствует профилю жертвы** (моральный авторитет, священнослужитель);
- **согласуется с мотивом** (скрытая ненависть к моральному контролю);
- **допускает метод** (токсическое воздействие, скрытое под естественную болезнь);
- **следует нарративной стратегии** (идеализация после устранения).

Соответствие профилю жертвы. Александр Шмеман — идеальный объект для латентного гомицида в рамках психопатологии Александра Дворкина: священнослужитель (высший духовный авторитет); «моральное зеркало», который олицетворял то, что молодой Дворкин отвергал: покаяние, смирение, подчинение моральному закону. Шмеман соответствует профилю «морального зеркала», устранение которого скорее всего было психологически необходимо Дворкину для восстановления чувства «всемогущества».

Мотив: скрытая ненависть как реакция на моральное осуждение, страх разоблачения. Молодой Александр Дворкин, как было уже показано в исследовании, имел опыт употребления психоактивных веществ, очевидно имел гомосексуальные контакты, находился под прямым моральным давлением Шмемана

(слова декана «не потерплю притон для наркоманов и гомосексуалистов»); был вынужден регулярно исповедоваться перед ним. Для лица с латентной агрессией и комплексом богоподобности такое давление воспринимается как унижение и угроза. Ненависть возникает к тому, кто напоминает о грехе — особенно если сам преступник считает себя «выше морали». Мотив устранения Шмемана — зависть, скрытая ненависть, желание уничтожить источник морального контроля, восстановить личное «всемогущество».

Страх разоблачения. Согласно автобиографии Александра Дворкина, в первые годы обучения он регулярно исповедовался у Александра Шмемана, что формально соответствовало уставным требованиям семинарии. Однако описание этих встреч — особенно акцент на доверительном тоне, личных беседах и «великодушии» духовника — позволяет предположить, что Дворкин мог использовать таинство исповеди как инструмент сближения, как средство установления эмоциональной близости и получения доступа к личности авторитетной фигуры.

В контексте поведенческого профиля Александра Дворкина (склонность к манипуляции, скрытность, фиксация на контроле) представляется возможным, что в ходе этих бесед он сообщил Шмеману информацию личного или конфиденциального характера, которая впоследствии могла быть воспринята Дворкиным как потенциальная угроза — например, если она касалась его собственного прошлого, сексуальных контактов, употребления психоактивных веществ или других аспектов, несовместимых с моральными нормами семинарии.

Для лица с грандиозным нарциссизмом и склонностью к моральной диссоциации наличие «морального зеркала», обладающего компрометирующей информацией, может восприниматься как экзистенциальная угроза. В таких условиях стремление к устранению источника угрозы — даже символическому — становится логичным поведенческим следствием.

Метод: латентный гомицид через токсичность. Актуальна и гипотеза о том, что Александр Дворкин мог использовать **фармакологические знания** для провокации онкологического процесса в организме человека:

- молодой Дворкин демонстрирует глубокие знания свойств растений, фармакологических препаратов, вызывающих токсичность, наркотическую зависимость, опиатов, комбинаций веществ, канцерогенов;
- знания о «яде, который заработает через год»;
- работал в реанимации, где имел доступ к медикаментам и пониманию физиологии;
- сохранял интерес к токсикологии;
- Дворкин являлся внуком человека, который длительное время отбывал тюремное заключение и возможно обладал знаниями о ядах, опасных для жизни химических веществах и их соединениях. (В книге «Моя Америка» [1] Дворкин упоминает: *«мой дед, в свое время отсидевший приличный срок в сталинском лагере»*. В книге «Калалацы» [17] уточняется: *«Он отсидел своё за химию», «Дедушка был принципиальным человеком. Он отсидел своё за химию (Сталин говорил, что химия нам не нужна, а дед придерживался иного мнения) и при Хрущёве вышел»* («Калалцы», стр.35).

Онкологические заболевания и роль канцерогенов. Онкологические заболевания (в том числе и рак) — это группа заболеваний, характеризующихся неконтролируемым ростом клеток и способностью к метастазированию и разрушению окружающих тканей. Эти процессы обусловлены изменениями в ДНК клетки — её генетическом «чертеже». Некоторые из этих генетических изменений могут быть вызваны внешними факторами, часто называемыми экзогенными канцерогенами. К ним относятся: химические вещества (например, афлатоксины, мышьяк, бензол); ионизирующее и ультрафиолетовое излучение; некоторые вирусы и бактерии; лекарственные препараты, включая гормональные средства, препараты, подавляющие иммунную систему и т. д.

Канцерогенность [18] — это особый тип **токсического действия**, при котором вещество или воздействие способствует развитию рака. Некоторые канцерогены вызывают рак, изменяя ДНК клеток. Другие не влияют на ДНК

напрямую, но приводят к раку иными способами. Например, **они могут вызывать деление клеток с большей, чем обычно, скоростью**, что может увеличить вероятность возникновения изменений в ДНК.

На развитие рака у человека, подвергнувшегося воздействию канцерогена, влияют многие факторы, **включая количество и продолжительность воздействия**, а также генетические особенности человека. Вещества, классифицируемые как канцерогены, могут обладать разным уровнем канцерогенного потенциала. Некоторые могут повышать риск развития рака даже после кратковременного воздействия, в то время как другие могут вызывать рак только после длительного воздействия высоких концентраций.

Механизм скрытого действия некоторых фармакологических веществ. Ранее в исследовании упоминалось, что в медицинских документах Александра Дворкина, а также в книге «Калалацы» [17], основанной на его устных рассказах, содержатся ссылки на перечень различных психоактивных веществ и их комбинаций, которые использовались при полинаркомании, включая **бензодиазепины, такие как диазепам** (в том числе выпускаемый и под торговым названием «седуксен»). Среди данного перечня имелись и более опасные вещества, которые при передозировке вызывают летальный исход.

Однако, в качестве наглядного примера механизма скрытого действия и отсроченной смерти рассмотрим диазепам, который часто использовали в 1970-1980 годах в США для лечения тревожных расстройств, бессонницы и т.д. Рассмотрим, как этот препарат, воздействует на организм при его длительном употреблении, какие побочные эффекты могут возникнуть при его передозировке, а также каковы риски летального исхода при комбинировании его с другими препаратами. Вызывает ли применение бензодиазепинов риск развития рака?

Пример. Диазепам — центральный депрессант, действующий через усиление эффекта ГАМК (гамма-аминомасляной кислоты) в головном мозге. Он используется для лечения тревожных расстройств, панических атак, бессонницы, эпилептических припадков, алкогольной абстиненции, для премедикации перед хирургическими

вмешательствами.

При длительном применении диазепам может вызывать:

- привыкание и физическую зависимость;
- когнитивные нарушения;
- депрессию дыхательного центра, особенно при комбинации с опиоидами, алкоголем или другими депрессантами ЦНС;
- синдром отмены, включая судороги и делирий.

Диазепам принадлежит к группе бензодиазепинов. Препараты, на основе диазепама в период с 1969 по 1982 год были одними из самых часто назначаемых в США. В научном исследовании **«Применение и злоупотребление бензодиазепинами среди взрослых в Соединенных Штатах»** (Донован Т. Мауст, Левей А. Лин, Фредерик С. Блоу) [19] упоминается:

*«Наиболее распространенной причиной злоупотребления в целом было расслабление или снятие напряжения, за которым следовало использование для улучшения сна. **Пожилые люди значительно чаще указывали на злоупотребление с целью улучшения сна**, в то время как они гораздо реже сообщали о злоупотреблении с целью получения наркотического опьянения. Наиболее распространенным видом злоупотребления было употребление без рецепта, а наиболее распространенным источником — друг или родственник». Авторы также отмечают абсолютный рост числа случаев отравления бензодиазепинами и связанной с ними смертности от их передозировки.*

Физическая зависимость и синдром отмены. Физическая зависимость от диазепама [20] может развиваться даже при терапевтическом применении, особенно при длительном приёме, превышении дозировок или сочетании с другими **психоактивными веществами** — депрессантами ЦНС. При резкой отмене возможен тяжёлый абстинентный синдром, включающий:

- тремор, головную боль, потливость;
- раздражительность, беспокойство;

- рикошетную тревогу и дисфорию;
- нарушения восприятия и спутанность сознания;
- миалгии, боли в животе, рвоту;
- при длительном применении и резком прекращении приема существует вероятность возникновения галлюцинаций и эпилептических припадков.

Побочные эффекты.

Как и другие бензодиазепины, диазепам вызывает дозозависимое **угнетение центральной нервной системы**. К наиболее частым побочным эффектам относятся:

- головная боль, тошнота, запор;
- усталость, седация, атаксия;
- раздражительность, расторможенность;
- дистония, депрессия, тремор.

К серьёзным, **потенциально опасным для жизни последствиям диазепама относятся:**

- **угнетение дыхания** (особенно при комбинации с опиоидами или алкоголем);
- артериальная гипотензия, брадикардия, синкопе;
- **парадоксальная стимуляция ЦНС** (агрессия, возбуждение — чаще у пожилых);
- суицидальное поведение;
- развитие зависимости и злоупотребления.

Сочетание препарата с другими веществами. В некоторых случаях, диазепам злоупотребляют одновременно в сочетании с другими веществами, угнетающими центральную нервную систему (ЦНС), — в первую очередь с алкоголем или опиоидами. Это явление называется полинаркоманией. При употреблении диазепама с этими веществами депрессивное, седативное действие обоих препаратов

усиливается в геометрической прогрессии, резко повышая риск передозировки.

FDA предупреждает о серьезных рисках и летальном исходе [21] при сочетании опиоидных обезболивающих или противокашлевых препаратов с бензодиазепинами. Проверка, проведенная Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA), показала, что растущее комбинированное использование опиоидных препаратов с бензодиазепинами или другими препаратами, угнетающими ЦНС, приводит к серьезным побочным эффектам, **включая замедление или затруднение дыхания и летальные исходы.**

В научной работе **«Применение бензодиазепинов и риск развития рака: метаанализ проспективных когортных исследований с учетом зависимости «доза-эффект»** (Тао Чжан и соавторы) [22] представлен систематический обзор и мета-анализ, который исследует возможную связь между **длительным применением бензодиазепинов и развитием различных типов рака.** Анализ подгрупп показал, что применение бензодиазепинов было связано со значительно более высоким риском рака (в том числе, **рака головного мозга, рака легких, рака поджелудочной железы, рака желудка, рака толстой кишки и других видов рака**).

Токсичность бензодиазепинов. Хроническая интоксикация бензодиазепинами пагубно влияет на центральную нервную систему и сопряжена с риском развития множества соматических заболеваний. Комбинация диазепама и опиоидов вызывает опасные побочные эффекты, **включая нарушения мышления и суждения, замедление дыхания, кому и смерть.**

Джаберприт С. Даливал и соавторы в статье **«Диазепам»** [20] отмечают: «...потенциальная опасность передозировки диазепамом, **попавшим в руки злоумышленников,** всегда существует при сочетании с опиоидами, алкоголем или другими препаратами центрального действия. Передозировка у взрослых часто связана с одновременным приемом других депрессантов ЦНС, которые действуют синергически, усиливая токсичность».

Диазепам — не единственный препарат, который может проявлять подобные побочные действия при долгосрочном применении или злоупотреблении и вести к летальному исходу при комбинировании с другими химическими веществами. Множество токсических веществ не обладают канцерогенными свойствами. Однако некоторые химические соединения, такие как полициклические ароматические углеводороды, афлатоксины и неорганический мышьяк, признаны канцерогенами и могут значительно повышать риск развития того же рака, включая рак легких, печени, мочевого пузыря и других органов.

В автобиографической книге «Моя Америка» [1] прослеживается явный интерес Александра Дворкина к ядам. Вот еще один пример. Дворкин упоминает, что в **1982 году он в первый раз посетил Германию** (1982 год — начало странной болезни Александра Шмемана, произошедшей за год до его смерти).

«Когда в 1982 году я первый раз был в Германии, то специально заехал в город Бамберг, в числе прочих красот знаменитый величественным собором романской архитектуры».

В другом эпизоде Дворкин рассказывает о своей жизни в Германии, спустя 8 лет, перед возвращением в Россию. Среди прочего упоминает следующую информацию о **борной кислоте**.

«Я накинул куртку и побежал в магазин. Никаких средств от насекомых там, разумеется, не оказалось. Поразмыслив немного, я решил пойти в аптеку и попросил у провизора продать мне борной кислоты».

— А зачем она вам? — вежливо спросил немец.

— Да так, нужная вещь, в хозяйстве пригодится, — ответил я.

— Тогда я не могу вам ее продать, — ответил бдительный аптекарь, — борная кислота — сильный яд, и, не будучи уверенным, в каких целях вы ее употребите, я не могу взять на себя ответственность по отпуску ее в ваши руки.

Несолоно хлебавши я поплелся в другую аптеку, где в ответ на аналогичный вопрос признался, что она нужна мне для выведения насекомых, после чего получил заветный белый порошок».

Я накинул куртку и побежал в магазин. Никаких средств от насекомых там, разумеется, не оказалось. Поразмыслив немного, я решил пойти в аптеку и попросил у провизора продать мне борной кислоты.

– А зачем она вам? – вежливо спросил немец.

– Да так, нужная вещь, в хозяйстве пригодится, – ответил я.

– Тогда я не могу вам ее продать, – ответил бдительный аптекарь, – борная кислота – сильный яд, и, не будучи уверенным, в каких целях вы ее употребите, я не могу взять на себя ответственность по отпуску ее в ваши руки.

Несолоно хлебавши я поплелся в другую аптеку, где в ответ на аналогичный вопрос признался, что она нужна мне для выведения насекомых, после чего получил заветный белый порошок. Я обильно рассыпал его по всем

Александр Дворкин. «Моя Америка», стр. 775 [1].

Этот эпизод представляется нетипичным для автобиографического повествования. Возникает вопрос о предполагаемой адресности данного фрагмента в современном контексте, учитывая его ретроспективный характер. Для какой аудитории он предназначен в настоящее время? Для каких целей автором дается такая «инструкция» по приобретению яда?

Борная кислота — это мелкокристаллический порошок, который не имеет ни запаха, ни выраженного вкуса, хорошо растворим в теплой воде. При попадании внутрь организма борная кислота токсична для клеток организма, так как является общеклеточным ядом. Кроме того, она может накапливаться в организме.

В статье доктора медицины Клемент Брук и доктор медицины Томас Боггс «Отравление борной кислотой» [23] из журнала JAMA Pediatrics говорится: «Борная кислота и борат натрия достаточно ядовиты, чтобы вызывать тяжелые симптомы и смерть при использовании в количествах, обычно считающихся совершенно

безвредными. Борная кислота легко всасывается различными путями и особенно коварна тем, что симптомы могут быть минимальными до тех пор, пока не будет принята смертельная или почти смертельная доза» (JAMA Pediatrics. Том 82, № 4, 1 октября 1951 г.).

Из научной статьи Мукта Рани, Махеш Мина **«Поражение нескольких органов вследствие токсического воздействия борной кислоты»** (Mukta Rani, Mahesh Meena, «Multiple Organ Damage Due to Boric Acid Toxicity» [24]:

«Борная кислота — это умеренно токсичное соединение, являющееся коррозионным агентом слизистых оболочек, поражающим верхние дыхательные пути и желудочно-кишечный тракт. Она также может действовать как общий клеточный яд, поэтому все конечные органы, включая печень, почки, мозг и желудочно-кишечный тракт, подвержены ее токсическому воздействию».

Не исключена гипотеза о том, что борная кислота могла быть одним из компонентов в комбинации с другими химическими веществами, также не имеющими вкуса и запаха. Из истории токсикологии известно, что определенные комбинации химических веществ позволяют создать токсичные соединения направленного действия. Причем, такие соединения могут действовать отсрочено, повреждая клетки организма. В криминалистическом контексте подобные смеси или комбинации с такими характеристиками могут интерпретироваться как повышающие латентность применения. Вопрос о том, мог ли Александр Дворкин, будучи внуком человека, который длительное время отбывал срок тюремного наказания за «химию», знать о таких свойствах и комбинациях веществ, остается открытым.

Возникает вопрос, кто заподозрит насильственный характер смерти и будет инициировать токсикологические исследования организма пациента, скончавшегося от онкологического заболевания, на предмет выявления химических или токсических веществ, включая потенциальные канцерогены, в концентрациях, способных повлиять на течение патологического процесса? В судебно-медицинской практике смерть, вызванная онкологическим заболеванием, редко сопровождается токсикологическим скринингом, особенно если болезнь протекала типично. Даже если токсические вещества обнаруживаются, установление их точного происхождения

(экзогенное или терапевтическое/эндогенное) представляет собой значительную сложность. Все это в совокупности затрудняет обнаружение умышленного воздействия, замаскированного под естественное течение заболевания, что создаёт условия для латентного гомицида — медленного, незаметного убийства, маскируемого под естественную смерть.

Таким образом, вышеупомянутый пример механизма скрытого действия некоторых фармакологических препаратов, химических веществ показывает, что вполне вероятно, что **лицо с фармакологическими, химическими знаниями могло теоретически использовать такие средства**, особенно в условиях доверия (например, под видом «таблетки для улучшения сна», «лечебного настоя» и т. д.). Эта гипотеза соответствует поведенческому профилю лиц, совершающих латентные убийства, замаскированные под естественную смерть.

Нарратив как прикрытие: идеализация после устранения. Александр Дворкин детально описывает смерть; подчёркивает, что Шмеман умер «в срок», «как хотел», делает акцент на «совершенстве» ухода; гипердетализация физиологии умирания («крепкое сердце» и т. д.); позиционирует себя как единственного достойного свидетеля. Такой нарратив служит двойной цели: легитимация собственного авторитета — «я был рядом в его величайший час»; маскировка — «смерть была естественной». Это соответствует модели **«посмертной идеализации»**, характерной для серийных убийц, совершивших латентное убийство: «Я не убил его — я помог ему уйти красиво».

При отсутствии прямых доказательств причастности Александра Дворкина к смерти Александра Шмемана, совокупность поведенческих, нарративных и мотивационных маркеров демонстрирует потенциальный **индикатор высокого риска и требует серьёзного внимания в рамках поведенческого профилирования**. Такие случаи часто остаются нераскрытыми, поскольку смерть выглядит естественной, а преступник остается вне подозрения.

Источники:

1. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
2. Музей Иосиф Бродского. Статья «Проффер Карл Рэй»
https://brodsky.online/brodsky_circle/proffer-karl-rey/
3. Carl Ray Proffer.
https://en.wikipedia.org/wiki/Carl_Proffer
4. Ardis Publishing.
https://en.wikipedia.org/wiki/Ardis_Publishing
5. Игорь Захаров «Извините за мысли... Переписка Сергея ДОВЛАТОВА с Игорем ЕФИМОВЫМ». Журнал "Огонёк" №43 от 26.11.2000, стр. 17
<https://www.kommersant.ru/doc/2288037>
6. <https://bookhaven.stanford.edu/2013/04/carl-proffer-honored-in-ann-arbor-so-far-no-statue-in-russia/>
7. A 1979 interview with Alexander Dvorkin for the project "Recent Soviet Immigrants in America." Interviewer: Lynn Visson (June 19–20, 1979). William E. Wiener Oral History Library of the American Jewish Committee. New York Public Library (NYPL) Research Libraries.
<https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/page/n5/mode/2up>
8. Alexander Schmemann.
https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Schmemann
9. By Russell Haitch «Alexander Schmemann»
<https://www.biola.edu/talbot/ce20/database/alexander-schmemann>
10. W. Gerrod Parrott «Distinguishing the Experiences of Envy and Jealousy».
American Psychological Association Journal of Personality and Social Psychology July 1993.

https://www.researchgate.net/publication/14871772_Distinguishing_the_Experiences_of_Envy_and_Jealousy

11. «Sergei Dovlatov».

<https://www.culture.ru/persons/8262/sergei-dovlatov>

12. «Сергей Довлатов на "Радио Свобода"» (аудио-записи программ)

<https://www.sergeidovlatov.com/svoboda.html>

13. Gordon Atlas «Narcissism and Sensitivity to Criticism: A Preliminary Investigation». Current Psychology. March 2008

https://www.researchgate.net/publication/225612222_Narcissism_and_Sensitivity_to_Criticism_A_Preliminary_Investigation

14. Sergei Dovlatov

https://en.wikipedia.org/wiki/Sergei_Dovlatov

15. Matushka Juliana Schmemann «My Journey With Father Alexander», 2007

<https://www.abebbooks.com/Journey-Father-Alexander-Matushka-Juliana-Schmemann/31445634712/bd>

16. Juliana Schmemann “My Journey with Father Alexander”, (пер. Е. Ю. Дорман), М., 2008

https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/moja-zhizn-s-otksom-aleksandrom

17. Аркадий Ровнер «Калалацы» — М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», ПСК «Тиман», 1990.

18. «Determining if Something Is a Carcinogen». American Cancer Society

https://www.cancer.org/cancer/risk-prevention/understanding-cancer-risk/determining-if-something-is-a-carcinogen.html?utm_

19. Donovan T. Maust Lewei A., Frederic C. Blow «Benzodiazepine Use and Misuse Among Adults in the United States», 2018

https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6358464/?utm_

20. Jaberpreet S. Dhaliwal; Alan Rosani; Abdolreza Saadabadi «Diazepam». 2023

https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK537022/?utm_

21. “FDA Drug Safety Communication: FDA warns about serious risks and death when combining opioid pain or cough medicines with benzodiazepines; requires its strongest warning», 2017.

https://www.fda.gov/drugs/drug-safety-and-availability/fda-drug-safety-communication-fda-warns-about-serious-risks-and-death-when-combining-opioid-pain-or?utm_

22. 9. Tao Zhang, Xiaowen Yang, Jianrui Zhou, Pei Liu, Hui Wang, Anrong Li, Yi Zhou «Benzodiazepine drug use and cancer risk: a dose–response meta analysis of prospective cohort studies», 2017

<https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5731963/>

23. Clement Brooke, Thomas Boggs «BORIC-ACID POISONING. Report of a Case and Review of the Literature».

<https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/article-abstract/495370>

24. Mukta Rani, Mahesh Meena, «Multiple Organ Damage Due to Boric Acid Toxicity», Asia Pacific Journal of Medical Toxicology (Dec 2013).

https://doaj.org/article/06bde39cod7f427db2fe3788f2e19a56?utm_

Часть 8.

Повторяющийся паттерн

Эпизод 5. Смерть преподавателя Иоанна Мейендорфа.

После смерти Александра Шмемана пост декана Свято-Владимирской семинарии занял его близкий друг и коллега — **Иоанн Мейендорф**, возглавлявший учреждение в течение последующих девяти лет. Согласно автобиографической книге «Моя Америка», когда болезнь Шмемана начала быстро прогрессировать, Александр Дворкин обратился к Мейендорфу с просьбой стать его духовником. В дальнейшем академическая и профессиональная траектория Александра Дворкина оказалась тесно связана с поддержкой и рекомендациями Мейендорфа. По сути, Александр Дворкин сделал себе карьеру, используя авторитет Иоанна Мейендорфа.

На фото: Иоанн Мейендорф, его жена Мария Алексеевна Мейендорф, Александр Дворкин.

Александр Дворкин «Моя Америка» [1].

По рекомендации Мейендорфа Дворкин был принят в докторантуру Фордхэмского университета, где преподавал Мейендорф, который и стал его научным руководителем. Спустя восемь лет, также по рекомендации Мейендорфа, Александр Дворкин был принят на работу в Москве в Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии. Эта работа открывала для Дворкина широкие перспективы, утверждение его собственного авторитета, доступ к элите священнослужителей РПЦ и высокопоставленным лицам. Не исключено, что именно эти обстоятельства и послужили одними из причин преждевременного ухода из жизни Иоанна Мейендорфа.

Смерть Мейендорфа. В автобиографическом повествовании Александра

Дворкина «Моя Америка» после главы об Александре Шмемане, следует глава об Иоанне Мейендорфе. Обращает внимание тот факт, что при изложении сведений о Мейендорфе автор предваряет рассказ упоминанием легенды, якобы связанной с древним родом Мейендорфов, — об отравлении в пути Папы Римского Климента II, предположительно посредством **яда, подсыпанного в евхаристическую Чашу**. Такая композиционная деталь представляется неслучайной в контексте поведенческого и нарративного анализа психобиографии Александра Дворкина.

Сам выбор подобного нарративного акцента в начале повествования об Иоанне Мейендорфе, заслуживает аналитического внимания, поскольку формирует ассоциативную связку между темой возможной насильственной смерти исторической фигуры и Таинством Евхаристии — центральным элементом православного богослужения (Литургии). Учитывая, что Шмеман и Мейендорф в свое время выступали в качестве священнослужителей, а Александр Дворкин участвовал в литургическом процессе как алтарник и их ближайший помощник, подобная ассоциативная конструкция приобретает дополнительное значение в контексте поведенческого и нарративного анализа.

1 июля 1992 года Иоанн Мейендорф ушёл в отставку с поста декана Свято-Владимирской семинарии и у него были планы сотрудничества с МП РПЦ по научно-педагогической деятельности, «мечтал много ездить в Россию». К этому моменту Дворкин уже переехал в Россию и полгода работал в Отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии, куда был принят по рекомендации Иоанна Мейендорфа.

Когда Мейендорф вышел в отставку, Александр Дворкин прилетел в США, встретился с ним, **отслужил вместе с ним литургию** в академическом храме. Следует учитывать, что в православной литургической практике центральным моментом богослужения является совершение Таинства Евхаристии (Причащение, символизирующее единство со Христом и спасение), в ходе которого используется евхаристическая Чаша (потир) с вином, из которой причащаются священнослужители и миряне. Данный элемент обладает не только богословским, но и выраженным символическим значением, что придаёт описываемым событиям дополнительный контекст в рамках нарративного анализа.

После этого Александр Дворкин **присутствовал на приеме** по случаю отставки Мейендорфа с поста ректора семинарии, а вечером **был у него дома**. На следующий день отец Иоанн вылетел в Москву, тогда как Дворкин, по его собственному свидетельству, остался в США *«доделывать свои дела в Америке»*, о чем он пишет в книге «Моя Америка». Однако по приезду в Россию, Мейендорф почувствовал недомогание. После возвращения в США у него был **диагностирован рак поджелудочной железы**. Скончался Иоанн Мейендорф **22 июля 1992 года в возрасте 66 лет**.

Краткая биографическая справка: Иоанн Мейендорф [2] (в миру — Иван Феофилович Мейендорф; 1926–1992) — протопресвитер Православной церкви в Америке, православный богослов, патролог, византист, церковный историк и писатель. Принадлежал к аристократическому роду Мейендорфов, имел титул барона.

Родился во Франции в семье русской дворянской эмиграции. Был внуком российского военачальника — генерала барона Феофила Егоровича Мейендорфа. Иван Мейендорф окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1949), историко-филологический факультет Сорбонны и Высшую школу социальных наук. Доктор богословия. Избран членом-корреспондентом Британской академии (1977). Был удостоен степени почётного доктора университета Нотр-Дам (Индиана, США), Богословского института Епископальной церкви в Нью-Йорке и Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1950—1959 годах преподавал греческий язык и историю Церкви в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В 1953 году стал одним из организаторов Всемирной федерации православной молодежи «Синдесмос», позднее занимал должности её секретаря и президента. В 1959 году Мейендорф и его семья переехали в Соединенные Штаты, где он присоединился к преподавательскому составу Свято-Владимирской семинарии. В 1959-1992 годах — профессор церковной истории и патристики. После смерти Александра Шмемана в марте 1984 года назначен деканом Свято-Владимирской духовной семинарии в предместье Крествуд, Йонкерс, штат Нью-Йорк. Преподавал также в Колумбийском и Фордамском университетах и в Объединённой богословской семинарии, занимал должности лектора по византийской теологии в Гарвардском университете в Дамбартон-Окс.

Совместно с отцом Александром Шмеманом активно участвовал в процессе предоставления Северо-Американской митрополии статуса автокефалии, что привело к образованию Православной церкви в Америке. В её структуре отец Иоанн занимал должность председателя отдела внешних сношений и входил в состав Митрополичьего совета. Был редактором газеты The Orthodox Church.

Являлся активным сторонником экуменического движения: был членом центрального комитета Всемирного совета церквей (ВСЦ); в 1968-1976 годах был модератором комиссии ВСЦ «Вера и церковное устройство» (Faith and Order). Занимал пост президента Православного богословского общества Америки, президента Американской патриотической ассоциации, входил в Исполнительный комитет США по византийским исследованиям. 1976-1984 годах был настоятелем церкви Христа Спасителя в Нью-Йорке.

1 июля 1992 года ушёл в отставку с поста декана Свято-Владимирской семинарии, намереваясь посвятить себя только научно-педагогической деятельности. После этого отправился в Россию. Однако по приезду в Россию он почувствовал недомогание. По возвращении в США у него был диагностирован рак. Скончался 22 июля 1992 года, похоронен на кладбище в городе Крествуд (США), недалеко от Свято-Владимирской духовной семинарии.

Фото: Иоанн Мейендорф, Александр Дворкин, Мария Алексеевна Мейендорф.

Александр Дворкин «Моя Америка» [1].

С позиций психобиографического анализа представляется логически обоснованным рассмотреть не только изложенные события, но и их контекстуальные взаимосвязи с фокусом на нарративные акценты автора и мотивационные смыслы, конструируемые в структуре автобиографического текста.

Ниже приведены фрагменты об Иоанне Мейендорфе из книги Александра Дворкина «Моя Америка». В данных фрагментах особое внимание обращают на себя:

— **нарративная двойственность** (сочетание выраженной идеализации с элементами латентного снижения или критической деконструкции образа; при внешнем восхищении идет скрытая критика);

— **символическая параллель**: отравление папы Климента II и смерть Мейендорфа;

— **акцентирование личностных характеристик**, частично коррелирующих

с чертами Дворкина;

— указание на то, что Дворкин пользовался **доверием семьи и имел свободный доступ** к домашнему пространству Мейендорфа;

— **интерес к деталям смерти**: описание последних дней жизни Мейендорфа, обстоятельств его смерти и похорон;

— **рационализации вины**: сны как механизм смысловой переработки утраты и возможной когнитивной нейтрализации переживаний.

«ОТЕЦ ИОАНН МЕЙЕНДОРФ

*Я знал отца Иоанна немногим более одиннадцати лет — уже гораздо дольше мы живем без него. Казалось, он будет с нами еще очень долго, и мы всегда можем рассчитывать на его мудрость, знания, авторитет, можем обращаться к нему за пастырским окормлением. **Вышло совсем иначе: он ушел в тот момент, когда его талант, опыт и авторитет, казалось бы, будут больше всего востребованы. Ушел, передав эстафету тем, кто трудится его родине, которую он очень любил и пожить на которой ему так и не довелось. И в этом тоже — глубокий символизм его судьбы».***

ОТЕЦ ИОАНН МЕЙЕНДОРФ

Я знал отца Иоанна немногим более одиннадцати лет – уже гораздо дольше мы живем без него. Казалось, он будет с нами еще очень долго, и мы всегда можем рассчитывать на его мудрость, знания, авторитет, можем обращаться к нему за пастырским окормлением. Вышло совсем иначе: он ушел в тот момент, когда его талант, опыт и авторитет, казалось бы, будут больше всего востребованы. Ушел, передав эстафету тем, кто трудится в России – его родине, которую он очень любил и пожить на которой ему так и не довелось. И в этом тоже – глубокий символизм его судьбы. Его книги только сейчас

Александр Дворкин «Моя Америка», стр.458 [1].

«Возможно, его лекции были лишены какого-то внешнего блеска. Говорил он по-профессорски, мог даже немножко мямлить, слегка злоупотреблять междометиями, не заканчивать фраз. Но всегда его лекции были чрезвычайно интересны, необыкновенно глубоки и содержательны. И вместе с тем все было предельно ясно».

сти до аудитории. Возможно, его лекции были лишены какого-то внешнего блеска. Говорил он по-профессорски, мог даже немножко мямлить, слегка злоупотреблять междометиями, не заканчивать фраз. Но всегда его лекции были чрезвычайно интересны, необыкновенно глубоки и содержательны. И вместе с тем все было предельно ясно.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр.475 [1].

«Отец Иоанн происходил из очень древнего рода. Когда **в 1982 году я первый раз был в Германии**, то специально заехал в город Бамберг, в числе прочих красот знаменитый величественным собором романской архитектуры. В алтаре этого собора похоронен Римский папа Климент II фон Майендорф. Это второй немец в истории папства, краткий понтификат которого пришелся на 1046–1047 годы. Происходил папа Климент II из Бамберга, но по своем избрании, естественно, вынужден был переехать в Рим. Однако в Италии ему очень не понравилось, и тогда он поехал домой, в Бамберг, решив перевести папство туда. **Как рассказывал отец Иоанн, кардиналы, весьма недовольные такой перспективой, отравили его по пути** (отец Иоанн не исключал, что **яд был подсыпан несчастному в евхаристическую Чашу**), и, едва доехав до Бамберга, он скончался. Бамбергцы до сих пор гордятся, что уроженец их города был Римским понтификом».

* * *

Отец Иоанн происходил из очень древнего рода. Когда в 1982 году я первый раз был в Германии, то специально заехал в город Бамберг, в числе прочих красот знаменитый величественным собором романской архитектуры. В алтаре этого собора похоронен Римский папа Климент II фон Майендорф. Это второй немец в истории папства, краткий понтификат которого пришелся на 1046–1047 годы. Происходил папа Климент II из Бамберга, но по своему избранию, естественно, вынужден был переехать в Рим. Однако в Италии ему очень не понравилось, и тогда он поехал домой, в Бамберг, решив перевести папство туда. Как рассказывал отец Иоанн, кардиналы, весьма недовольные такой перспективой, отравили его по пути (отец Иоанн не исключал, что яд был подсыпан несчастному в евхаристическую Чашу), и, едва доехав до Бамберга, он скончался. Бамбергцы до сих пор гордятся, что уроженец их города был Римским понтификом.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 459 [1].

«По рассказам, Иван Мейендорф в детстве был тихим, ученым мальчиком, очень вдумчивым и рассудительным. Его выдающиеся способности отмечали все, кто его знал. Семья была религиозной, и отец Иоанн с раннего возраста прислуживал в кафедральном соборе святого Александра Невского на рю Дарю, затем стал чтецом и иподиаконом».

По рассказам, Иван Мейендорф в детстве был тихим, ученым мальчиком, очень вдумчивым и рассудительным. Его выдающиеся способности отмечали все, кто его знал. Семья была религиозной, и отец Иоанн с раннего возраста прислуживал в кафедральном соборе святого Александра Невского на рю Дарю, затем стал чтецом и иподиаконом. Нельзя сказать, что он был замкнутым не-

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 460 [1].

«В январе 1950 года, по окончании Свято-Сергиевского Богословского института, Иван Мейендорф женился на Марии Можайской, правнучатой племяннице конструктора первого самолета. В свадебное путешествие молодожены поехали в Рим».

В январе 1950 года, по окончании Свято-Сергиевского Богословского института, Иван Мейендорф женился на Марии Можайской – правнучатой племяннице конструктора первого самолета. В свадебное пу-

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 465 [1].

*«Но отец Иоанн был не только одним из крупнейших патрологов XX века, ученым с мировым именем. Он был исключительным, редким пастырем, душу свою полагавшим за своих овец. Для меня он был в некотором роде эталоном Православия. Он всегда придерживался, как сам это называл, **«срединного золотого пути»**, то есть никогда не уклонялся ни в размытое экуменическое богословие, ни в сектантство, ни в бездумное охранительство, ни в безудержный либерализм, но всегда призывал к трезвению и рассуждению».*

Но отец Иоанн был не только одним из крупнейших патрологов XX века, ученым с мировым именем. Он был исключительным, редким пастырем, душу свою полагавшим за своих овец. Для меня он был в некотором роде эталоном Православия. Он всегда придерживался, как сам это называл, «срединного золотого пути», то есть никогда не уклонялся ни в размытое экуменическое

богословие, ни в сектантство, ни в бездумное охранительство, ни в безудержный либерализм, но всегда призывал к трезвению и рассуждению. Это и были главные черты его

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 466, 467 [1].

*«В этой связи характерно его определение сектантства, которым он однажды со мной поделился: **«Секта — это сравнительно небольшая замкнутая группа людей, которые считают, что только они одни спасутся, а остальные погибнут, и которые получают глубокое удовлетворение от осознания этого».***

свидетельства перед инославными. В этой связи характерно его определение сектантства, которым он однажды со мной поделился: «Секта – это сравнительно небольшая замкнутая группа людей, которые считают, что только они одни спасутся, а остальные погибнут, и которые получают глубокое удовлетворение от осознания этого».

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 467 [1].

*«Впервые я встретился с отцом Иоанном, когда, еще будучи студентом Нью-Йоркского университета, приехал в Свято-Владимирскую академию, чтобы окончательно решить вопрос, поступать ли мне туда. **Меня тогда принял отец Иоанн, тогда же я впервые побывал в его доме.** При всем уважении к знаменитому богослову и несмотря на некоторое замешательство перед ним, мне сразу стало очень легко и приятно общаться с этим высоким и статным, слегка полнеющим человеком с аккуратно подстриженной бородкой и внимательным добрым взглядом окруженных морщинками глаз.*

Когда через полгода я начал учиться в академии, мой нью-йоркский духовник благословил меня ходить на исповедь к отцу Александру Шмеману (в академии было правило, что все студенты на время обучения должны были избирать себе духовника из числа преподавателей). Отца Иоанна в тот год в академии почти не было (у него был sabbatical (примеч. ред.: творческий годичный отпуск, предоставляемый преподавателям американских университетов каждый седьмой год), который он провел в Дамбартон-Оуксе, и даже лекции его читались другими преподавателями. Поэтому наше знакомство продолжилось лишь через год: я начал слушать его лекции, писать курсовые, беседовать с ним об истории. Отец Иоанн приглашал меня в свой дом, и я близко познакомился с его домашними. Несколько раз во время его отъездов он просил меня ночевать в его доме, чтобы присматривать за порядком и гулять с собакой».

Впервые я встретился с отцом Иоанном, когда, еще будучи студентом Нью-Йоркского университета, приехал в Свято-Владимирскую академию, чтобы окончательно решить вопрос, поступать ли мне туда. Меня тогда принял отец Иоанн, тогда же я впервые побывал в его доме. При всем уважении к знаменитому богослову и несмотря на некоторое замешательство перед ним, мне сразу стало очень легко и приятно общаться с этим высоким и статным, слегка полнеющим человеком с аккуратно подстриженной

бородкой и внимательным добрым взглядом окруженных морщинками глаз.

Когда через полгода я начал учиться в академии, мой нью-йоркский духовник благословил меня ходить на исповедь к отцу Александру Шмеману (в академии было правило, что все студенты на время обучения должны были избирать себе духовника из числа преподавателей). Отца Иоанна в тот год в академии почти не было (у него был *sabbatical**, который он провел в Дамбартон-Оуксе), и даже лекции его читались другими преподавателями. Поэтому наше знакомство продолжилось лишь через год: я начал слушать его лекции, писать курсовые, беседовать с ним об истории. Отец Иоанн приглашал меня в свой дом, и я близко познакомился с его домашними. Несколько раз во время его отъездов он просил меня ночевать в его доме, чтобы присматривать за порядком и гулять с собакой.

*«Я уже говорил о том, что последние несколько месяцев своей жизни отец Александр Шмеман был тяжело болен и ему уже стало трудно принимать исповедь у своих многочисленных чад. Мне не хотелось его обременять, и, попросив его благословения, **я стал исповедоваться у отца Иоанна. С тех пор он сделался моим духовником. Скажу больше: поскольку мои родители развелись, когда я был совсем маленьким, я фактически вырос без отца.** В отношениях с отцом Иоанном я впервые узнал, что значит настоящее отцовство. **Я мог к нему обратиться с любым своим делом, а дом его во многом стал для меня, бездомного студента, жившего в общежитии и не имевшего куда поехать на каникулы, родным. Я помню ежегодные масленичные блины у отца Иоанна, пасхальные трапезы, посиделки при свечах у рождественской елки, да и просто обычные тихие вечера в его доме.** И отец Иоанн, и Мария Алексеевна помогали мне постоянно не только советами, но и делом. Мария Алексеевна, например, учила меня французскому языку, когда я готовился к сдаче экзаменов на «докторский минимум». Когда я отъезжал из Нью-Йорка или из Америки, я писал письма отцу Иоанну и всегда быстро получал от него ответы — лаконичные, но исчерпывающие, написанные его характерным мелким, но очень четким почерком».*

Я уже говорил о том, что последние несколько месяцев своей жизни отец Александр Шмеман был тяжело болен и ему уже стало трудно принимать исповедь у своих многочисленных чад. Мне не хотелось его обременять, и, попросив его благословения, я стал исповедоваться у отца Иоанна. С тех пор он сделался моим духовником. Скажу больше: поскольку мои родители развелись, когда я был совсем маленьким, я фактически вырос без отца. В отношениях с отцом Иоанном я впервые узнал, что значит настоящее отцовство. Я мог к нему обратиться с любым своим делом, а дом его во многом стал для меня – бездомного студента, жившего в общежитии и не имевшего, куда поехать на каникулы, – родным. Я помню ежегодные масленичные блины у отца Иоанна, пасхальные трапезы, посиделки при свечах у рождественской елки, да и просто обычные тихие вечера в его доме. И отец Иоанн, и Мария

Алексеевна помогали мне постоянно – не только советами, но и делом. Мария Алексеевна, например, учила меня французскому языку, когда я готовился к сдаче экзаменов на «докторский минимум». Когда я отъезжал из Нью-Йорка или из Америки, я писал письма отцу Иоанну и всегда быстро получал от него ответы – лаконичные, но исчерпывающие, написанные его характерным мелким, но очень четким почерком.

«Я помню, в старых эмигрантских журналах я находил статьи, написанные отцом Иоанном еще до принятия священства. Эти статьи были подписаны «барон Иван Мейендорф». Но после принятия священства все титулы отменяются. Точно так же и все многочисленные научные титулы и звания для отца Иоанна были вторичны по сравнению с главным служением его жизни».

и служить Церкви. Я помню, в старых эмигрантских журналах я находил статьи, написанные отцом Иоанном еще до принятия священства. Эти статьи были подписаны «барон Иван Мейендорф». Но после принятия священства все титулы отменяются. Точно так же и все многочисленные научные титулы и звания для отца Иоанна были вторичны по сравнению с главным служением его жизни.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 470 [1].

«Когда по благословению и по рекомендации отца Иоанна я поступил в докторантуру Фордхэмского университета, он стал моим научным руководителем. Собственно, в Фордхэм я поступал исключительно чтобы работать с отцом Иоанном (он был там штатным профессором)».

* * *

Когда по благословению и по рекомендации отца Иоанна я поступил в докторантуру Фордхэмского университета, он стал моим научным руководителем. Собственно, в Фордхэм я поступал исключительно чтобы работать с отцом Иоанном (он был там штатным профессором). В качестве

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 474 [1].

«Отец Иоанн был, наверное, лучшим педагогом, которого я знал. Он преподавал патрологию, историю Церкви, историю Византии. Я прослушал несколько его курсов — в академии и в Фордхэмском университете, таким образом охватив циклы его богословских и исторических курсов, которые он читал в богословском и в светском учебных заведениях».

Отец Иоанн был, наверное, лучшим педагогом, которого я знал. Он преподавал патрологию, историю Церкви,

Преподаватели

475

историю Византии. Я прослушал несколько его курсов — в академии и в Фордхэмском университете, таким образом охватив циклы его богословских и исторических курсов, которые он читал в богословском и в светском учебных заведениях. Так вот, у него был удивительный дар: он мог

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 474, 475 [1].

«Впрочем, очень редко, но иногда эмоции все же пересиливали. Помню замечательную, вдохновенную проповедь, которую отец Иоанн произнес над гробом отца Александра Шмемана. Голос его несколько раз прерывался, и он вынужден был останавливаться, чтобы овладеть собой. Все присутствующие плакали. Когда он зашел в алтарь, я, глубоко потрясенный его словом и его слезами, сам не зная, что говорю, сказал, что на этой его проповеди даже ангелы рыдали. Отец Иоанн в ужасе всплеснул руками: «Ты что! Ни в коем случае нельзя такое говорить! Больше, пожалуйста, так никогда не говори!»

Меня всегда поражало глубочайшее смирение отца Иоанна. Я никогда не видел, чтобы он отмахивался даже от самых идиотских (с моей точки зрения) вопросов, которые ему задавали (уже теперь я со стыдом вспоминаю, о чем я сам порой

спрашивал у него, гордясь какими-то свежеполученными знаниями). Он готов был без конца объяснять и разъяснять, ничуть не раздражаясь, не теряя терпения. Удивительно, когда ученый с мировым именем так смиренно и кротко готов возиться с любым не самым умным и не самым способным студентом».

Впрочем, очень редко, но иногда эмоции все же пересиливали. Помню замечательную, вдохновенную проповедь, которую отец Иоанн произнес над гробом отца

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 475 [1].

476 книга вторая: ПРАВОСЛАВНАЯ АМЕРИКА

Александра Шмемана. Голос его несколько раз прерывался, и он вынужден был останавливаться, чтобы овладеть собой. Все присутствующие плакали. Когда он зашел в алтарь, я, глубоко потрясенный его словом и его слезами, сам не зная, что говорю, сказал, что на этой его проповеди даже ангелы рыдали. Отец Иоанн в ужасе всплеснул руками: «Ты что! Ни в коем случае нельзя такое говорить! Больше, пожалуйста, так никогда не говори!»

Меня всегда поражало глубочайшее смирение отца Иоанна. Я никогда не видел, чтобы он отмахивался даже от самых идиотских (с моей точки зрения) вопросов, которые ему задавали (уже теперь я со стыдом вспоминаю, о чем я сам порой спрашивал у него, гордясь какими-то свежеполученными знаниями). Он готов был без конца объяснять и разъяснять, ничуть не раздражаясь, не теряя терпения. Удивительно, когда ученый с мировым именем так смиренно и кротко готов возиться с любым не самым умным и не самым способным студентом.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 476 [1].

«Как традиционно полагается профессору, отец Иоанн отличался рассеянностью, бывшей у всех студентов притчей во языцех. Про него рассказывали анекдоты, как он что-то перепутал, пришел не туда, куда нужно... Все его любили за эту рассеянность. Я помню, как он пришел к нам на экзамен и стал писать на доске темы экзаменационных сочинений, совершенно нам не знакомые. Мы спросили, что он пишет, он в ответ осведомился, на какой курс он пришел. Оказалось, совсем не туда и пишет совсем не те темы. «Дайте мне минуту подумать», — сказал он, и через минуту написал уже правильные темы, соответствующие нашему курсу».

* * *

Как традиционно полагается профессору, отец Иоанн отличался рассеянностью, бывшей у всех студентов притчей во языцех. Про него рассказывали анекдоты, как он что-то перепутал, пришел не туда, куда нужно... Все его любили за эту рассеянность. Я помню, как он пришел к нам на экзамен и стал писать на доске темы экзаменационных сочинений, совершенно нам не знакомые. Мы спросили, что он пишет, он в ответ осведомился, на какой курс он пришел. Оказалось — совсем не туда и пишет совсем не те темы. «Дайте мне минуту подумать», — сказал он, и через минуту написал уже правильные темы, соответствующие нашему курсу.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 477 [1].

«Видишь, это сама жизнь, — говорил отец Иоанн, — это совсем не театр, где отдернули занавес и представление началось, задернули — окончилось. В

настоящей жизни ничего не бывает резко, согласованно и по команде».

Его нелюбовь к театральности проявилась и в том, как он хотел быть похороненным. Как-то мы говорили с ним о пышных похоронах одного священника. Отец Иоанн сказал, что хотел бы быть похороненным очень скромно, в самом простом светлом облачении — таком, которое уже пришло в негодность из-за ветхости и более не может быть использовано для богослужения».

«Видишь, это сама жизнь, — говорил отец Иоанн, — это совсем не театр, где отдернули занавес и представление началось, задернули — окончилось. В настоящей жизни ничего не бывает резко, согласованно и по команде».

Его нелюбовь к театральности проявилась и в том, как он хотел быть похороненным. Как-то мы говорили с ним о пышных похоронах одного священника. Отец Иоанн сказал, что хотел бы быть похороненным очень скромно, в самом простом светлом облачении — таком, которое уже пришло в негодность из-за ветхости и более не может быть использовано для богослужения.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 478 [1].

«Когда ему задавали вопросы и нужно было что-то советовать, он всегда подчеркивал, что он совсем не старец и никаких прозрений и провидений у него не бывает. «Единственное, что могу сказать, по здравому рассуждению, скорее всего помолясь, стоило бы поступить так-то и сделать то-то, но смотрите, потому что решение за вами». Категоричен он был только тогда, когда нужно было предостеречь человека от греха или от каких-то нехороших нечестных поступков. Во всех остальных случаях он осторожно давал совет, предварительно долго выясняя, чего сам человек хочет и каково его

мнение на этот счет. Я всегда поражался, насколько правильными и справедливыми оказывались его советы, вне зависимости от того, исполнял я их или нет. К сожалению, я следовал им далеко не всегда».

мере не навязывал своей точки зрения. Когда ему задавали вопросы и нужно было что-то советовать, он всегда подчеркивал, что он совсем не старец и никаких прозрений и провидений у него не бывает. «Единственное, что могу сказать, – по здравому рассуждению, скорее всего помолясь, стоило бы поступить так-то и сделать то-то, но смотрите, потому что решение – за вами». Категоричен он был только тогда, когда нужно было предостеречь человека от греха или от каких-то нехороших нечестных поступков. Во всех остальных случаях он осторожно давал совет, предварительно долго выясняя, чего сам человек хочет и каково его мнение на этот счет. Я всегда поражался, насколько правильными и справедливыми оказывались его советы, вне зависимости от того, исполнял я их или нет. К сожалению, я следовал им далеко не всегда.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 478 [1].

«Когда я уже жил в Германии и начал думать о возвращении в Россию, я позвонил отцу Иоанну. Выслушав меня, он благословил меня возвращаться, сказав, что считает, что я прав — время настало. Конечно, добавил он, мне предстоят значительные материальные трудности после западной жизни. Но он знает, что это не главное для меня: я все смогу преодолеть, и, несомненно, жизнь моя будет намного интересней и наполненней. Так оно и оказалось».

Когда я уже жил в Германии и начал думать о возвращении в Россию, я позвонил отцу Иоанну. Выслушав меня, он благословил меня возвращаться, сказав, что считает, что я прав – время настало. Конечно, добавил он, мне предстоят значительные материальные трудности после западной жизни. Но он знает, что это не главное для меня: я все смогу преодолеть, и, несомненно, жизнь моя будет намного интересней и наполненней. Так оно и оказалось.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 480 [1].

«После этого я смог увидеть отца Иоанна всего один раз: на следующее лето я поехал в Америку и как раз попал на прием по случаю его отставки с поста ректора академии. Как я уже говорил, после смерти отца Александра Шмемана отец Иоанн был избран ректором. Он этого не хотел, потому что этот пост значил погружение в административную, представительскую работу, к которой он не чувствовал никакого призвания. Он был ученым, пастырем, и это было главным для него. Но он взялся за ректорство из послушания и девять лет тянул эту лямку. В конце концов он принял решение уйти в отставку и заняться научной деятельностью — работать, в том числе и для помощи Православию в России. Тем более что именно тогда пал коммунизм и его родина освободилась. Отец Иоанн мечтал много ездить в Россию и работать на благо возрождающейся Русской Православной Церкви. Мы встретились тогда в Крествуде, где он служил литургию в академическом храме, затем начался прием в его честь, а вечером я был у него и рассказывал о жизни в новой России (у меня тогда накопился уже полугодовой опыт). На следующий день отец Иоанн полетел в Москву, а я остался доделывать свои дела в Америке. Когда я приехал в Россию, отец Иоанн уже вернулся в Америку. Больше я его живым не видел.

Уже в Москве отец Иоанн почувствовал себя плохо. Когда он вернулся, самочувствие его еще больше ухудшилось, и он обратился к врачу. Вообще-то, он никогда особенно не жаловался на здоровье. Даже в пожилом возрасте особых болезней у него не было. После недолгих обследований оказалось, что у него рак поджелудочной железы, причем уже в развернутой стадии».

После этого я смог увидеть отца Иоанна всего один раз: на следующее лето я поехал в Америку и как раз попал на прием по случаю его отставки с поста ректора академии. Как я уже говорил, после смерти отца Александра Шмемана отец Иоанн был избран ректором. Он этого не хотел, потому что этот пост значил погружение в административную, представительскую работу, к которой он не чувствовал никакого призвания. Он был ученым, пастырем, и это было главным для него. Но он взялся за ректорство из послушания и девять лет тянул эту лямку. В конце концов он принял решение уйти в отставку и заняться научной деятельностью – работать, в том числе и для помощи Православию в России. Тем более что именно тогда пал коммунизм и его родина освободилась. Отец Иоанн мечтал много ездить в Россию и работать на благо возрождающейся Русской Православной Церкви. Мы встретились тогда в Крестовде, где он служил литургию в академическом храме, затем начался прием в его честь, а вечером я был у него и рассказывал о жизни в новой России (у меня тогда накопился уже полугодовой опыт). На следующий день отец Иоанн полетел в Москву, а я

остался доделывать свои дела в Америке. Когда я приехал в Россию, отец Иоанн уже вернулся в Америку. Больше я его живым не видел.

Уже в Москве отец Иоанн почувствовал себя плохо. Когда он вернулся, самочувствие его еще больше ухудшилось, и он обратился к врачу. Вообще-то, он никогда особенно не жаловался на здоровье. Даже в пожилом возрасте особых болезней у него не было. После недолгих обследований оказалось, что у него рак поджелудочной железы, причем уже в развернутой стадии. Было сказано,

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 480, 481 [1].

«Я об этом узнал через несколько дней. Времени на прощание с отцом Иоанном оставалось совсем немного. Поехать сразу я не смог, потому что мне была назначена командировка в Грецию с отцом Глебом Каледой (я тогда работал в Отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии). Я решил, что, когда мы через десять дней вернемся из Греции, я сразу полечу в Америку: в те самые два или три месяца этот план укладывался вполне. Но в Греции я испытал особый, неведомый мне ни до, ни после того опыт: я видел два удивительных и странных сна.

***Первый сон** приснился мне, когда мы с отцом Глебом плыли на пароме из Афин на Крит. В этом сне я приехал в академию, чтобы навестить больного отца Иоанна. Я ищу машину, чтобы поехать к нему в близлежащий госпиталь (хотя на самом деле он лежал в больнице в Канаде, но во сне было иначе), ищу и никак не могу найти. Одна машина сломана, другая уехала, третью мне просто не дают или еще что-то... И все говорят: «Что же ты приехал так поздно?» — эта фраза в моем сне повторялась постоянно. На этом я проснулся с очень тяжелым чувством.*

*А через три дня мне приснился **другой сон**. Я стою в алтаре, отец Иоанн*

совершает литургию, очень радостный, светлый, сияющий. Он увидел меня, обнял, расцеловал и говорит: «Почему ты такой грустный? Что с тобой случилось?» Я говорю: «Вы же болеете...» Он отвечает: «Что ты, какая чепуха! Ты посмотри, какая радость: вот я в храме Божиим, **Евхаристия**... Такое счастье! Нельзя грустить!» — и я проснулся с замечательным, светлым чувством.

В тот же день я позвонил в Москву своей будущей жене. Она сказала, что отец Иоанн скончался три дня назад, то есть именно тогда, когда я видел первый сон.

...По словам очевидцев, в больнице, когда закончилось соборование, отец Иоанн указал **взглядом в угол и сказал: «Икона Евхаристии»**. Иконографический сюжет — **Христос, причащающий апостолов**, — всегда был одним из его любимых. Очевидно, **уже тогда ему была приоткрыта некая высшая реальность, стоящая за этим образом. Вскоре после соборования он скончался. Не знаю, в какой фелони его хоронили...**».

Я об этом узнал через несколько дней. Времени на прощание с отцом Иоанном оставалось совсем немного. Поехать сразу я не смог, потому что мне была назначена командировка в Грецию с отцом Глебом Каледой (я тогда работал в Отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии). Я решил, что, когда мы через десять дней вернемся из Греции, я сразу полечу в Америку: в те самые два или три месяца этот план укладывался вполне. Но в Греции я испытал особый, неведомый мне ни до, ни после того опыт: я видел два удивительных и странных сна.

Первый сон приснился мне, когда мы с отцом Глебом плыли на пароме из Афин на Крит. В этом сне я приехал в академию, чтобы навестить больного отца Иоанна. Я ищу машину, чтобы поехать к нему в близлежащий госпиталь (хотя на самом деле он лежал в больнице в Канаде, но во сне было иначе), ищу и никак не могу найти. Одна машина сломана, другая уехала, третью мне просто не дают или еще что-то... И все говорят: «Что же ты приехал

так поздно?» – эта фраза в моем сне повторялась постоянно. На этом я проснулся с очень тяжелым чувством.

А через три дня мне приснился другой сон. Я стою в алтаре, отец Иоанн совершает литургию, очень радостный, светлый, сияющий. Он увидел меня, обнял, расцеловал и говорит: «Почему ты такой грустный? Что с тобой случилось?» Я говорю: «Вы же болеете...» Он отвечает: «Что ты, какая чепуха! Ты посмотри, какая радость: вот я в храме Божиим, Евхаристия... Такое счастье! Нельзя грустить!» – и я проснулся с замечательным, светлым чувством.

В тот же день я позвонил в Москву своей будущей жене. Она сказала, что отец Иоанн скончался три дня назад, то есть именно тогда, когда я видел первый сон.

...По словам очевидцев, в больнице, когда закончилось соборование, отец Иоанн указал взглядом в угол и сказал: «Икона Евхаристии». Иконографический сюжет – Христос, причащающий апостолов, – всегда был одним из его любимых. Очевидно, уже тогда ему была приоткрыта некая высшая реальность, стоящая за этим образом. Вскоре после соборования он скончался. Не знаю, в какой фелони его хоронили...

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 481, 482 [1].

«Лишь в мае 2001 года я опять — после долгого перерыва — оказался в Америке. Тогда же я впервые побывал на могиле отца Иоанна на тенистом кладбище маленького городка Йонкерс в северном пригороде Нью-Йорка,

совсем близко от академии. Я попросил Марию Алексеевну отвезти меня туда. **Перед смертью отец Иоанн сказал ей, что хотел бы быть похоронен в Йонкерсе среди других русских могил; есть на этом кладбище русский угол, примыкающий к православному храму. Отец Иоанн бывал там неоднократно, совершал отпевания, служил панихиды на могилках. Место это запомнилось его сердцу.**

Сейчас там, на высоком пригорке стоит серый гранитный крест, на подножии которого слева написано по-английски: «**Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926-1992)**». Справа оставлено место еще для одной надписи; Мария Алексеевна пояснила, что оставила его для себя.

С этого места очень хорошо слышен необычный для Америки звук — благовест церковного колокола. Я поклонился отцу Иоанну, **приложился к теплomu полированному граниту креста и пропел пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» Думаю, отец Иоанн пел вместе со мной».**

Лишь в мае 2001 года я опять — после долгого перерыва — оказался в Америке. Тогда же я впервые побывал на могиле отца Иоанна — на тенистом кладбище маленького городка Йонкерс в северном пригороде Нью-Йорка, совсем близко от академии. Я попросил Марию Алексеевну отвезти меня туда. Перед смертью отец Иоанн сказал ей, что хотел бы быть похоронен в Йонкерсе — среди других русских могил: есть на этом кладбище русский угол, примыкающий к православному храму. Отец Иоанн бывал там неоднократно, совершал отпевания, служил панихиды на могилках. Место это запомнилось его сердцу .

Сейчас там, на высоком пригорке стоит серый гранитный крест, на подножии которого слева написано по-английски: «Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992)». Справа оставлено место еще для одной надписи: Мария Алексеевна пояснила, что оставила его для себя. Крест окружает густая зелень, и с этого места хорошо видны золотые луковичные купола, увенчанные восьмиконечными крестами. С этого места очень хорошо слышен необычный для Америки звук – благовест церковного колокола. Я поклонился отцу Иоанну, приложился к теплему полированному граниту креста и пропел пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» Думаю, отец Иоанн пел вместе со мной.

Александр Дворкин «Моя Америка», стр. 482, 483 [1].

Поведенческий и нарративный анализ текста. В тексте прослеживаются несколько устойчивых поведенчески значимых блоков:

1. Амбивалентная идеализация.
2. Символическое наложение: «Евхаристия — яд — смерть».
3. Центрирование повествования вокруг “Я”.
4. Элементы пророческо-мистической саморепрезентации.
5. Ритуализации события.
6. Контроль над посмертным образом фигуры.

С точки зрения поведенческого анализа вышеизложенный текст демонстрирует **символическую насыщенность темы смерти**, нарративную двойственность, центрирование повествования вокруг автора, элементы сакрализации и эстетизации ухода. В криминально-психологическом профилировании нарративная двойственность может соответствовать механизму контролируемой идеализации, демонстрации своего превосходства, латентному снижению авторитета. Для личностей с выраженной нарциссической организацией характерно такое присвоение чужого имиджа (легитимизировать себя как единственного достойного преемника), символического «капитала» значимой фигуры и одновременное уменьшение её дистанционного превосходства. Это может указывать на потребность субъекта в контроле над образом авторитетного человека. Такая стратегия типична для лиц с грандиозным нарциссизмом, стремящихся к символическому наследованию статуса через посмертную интерпретацию.

Согласно психологическому анализу в тексте присутствует центрирование повествования, механизм нарративной идентичности (когда биография другого включается в «сценарий развития Я»). Это может свидетельствовать о высокой степени эгоцентрической переработки событий, необходимости быть центральным субъектом даже в чужой истории смерти. Отмечается стремление контролировать посмертный нарратив, создание образа особой духовной избранности.

В профайлинге серийных убийств зафиксированы случаи ритуализации события преступником, символической переработки деяния через мифологический нарратив, интеграции преступного действия в сакральный или философский контекст. В исследуемом тексте присутствует символическое наложение «Евхаристия — яд — смерть», где сакральный акт становится центральным узлом повествования. В тексте несколько раз упоминается об этом: легенда об отравлении через Евхаристическую Чашу; совместная литургия Дворкина с Мейендорфом перед последней поездкой; последние слова Мейендорфа об «иконе Евхаристии» перед смертью, собственное видение Дворкина во сне: Мейендорф радостно служит литургию. Это можно рассматривать с позиции проекции фантазии контроля, которое в криминалистическом профайлинге характерно для мышления ритуализованных серийных убийц с высоким IQ.

Обращает на себя внимание и фокус на «правильном» времени смерти Иоанна

Мейендорфа. Александр Дворкин подчёркивает: Мейендорф ушёл именно тогда, когда его талант «был бы больше всего востребован»; он передал эстафету тому, кто «трудится на родине» (т.е. Александру Дворкину); смерть Мейендорфа произошла сразу после его отставки и перед началом новой перспективной миссии в России.

В криминалистическом профайлинге известны случаи, когда серийный убийца с комплексом богоподобности не просто убивает — он инсценирует судьбу, делая смерть «неизбежной» и «смысловой». Он создаёт для себя впечатление «божественного провидения», но на деле — удобного момента для устранения. Интерес к деталям смерти и похорон в таком случае указывает на фиксацию преступника на ритуале завершения, характерную для него как того, кто участвовал в организации смерти.

Эпизод 6. Смерть Глеба Каледы.

Глеб Каледа занимал должность руководителя Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ Московского Патриархата в России. В 1992 году Александр Дворкин был принят на работу в этот отдел по рекомендации протопресвитера Иоанна Мейендорфа. После двух с половиной лет сотрудничества с Александром Дворкиным **Глеб Каледа скончался от рака 1 ноября 1994 года в возрасте 72 лет.**

Из книги Александра Дворкина «Моя Америка»: ***«По рекомендации отца Иоанна Мейендорфа я стал работать в новосозданном Отделе религиозного образования и катехизации под непосредственным руководством приснопамятного отца Глеба Каледы. Там и сформировалось новое направление, которым я начал заниматься — противодействие тоталитарным сектам».***

На фото: Глеб Каледа

Источник: [3].

Краткая биографическая справка: Глеб Александрович Каледа (1921-1994) — советский и российский ученый-геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, а также священник Русской православной церкви, протоиерей, писатель и педагог.

Родился в семье, имеющей дворянские корни. В 1941 году окончил школу и в августе того же года был призван на военную службу. После прохождения курсов связистов на Урале с декабря 1941 года до конца Великой Отечественной войны служил в действующей армии в качестве радиста. За боевые заслуги был награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны, а также рядом медалей.

На фото: Глеб Каледа

Источник: [4].

Заочно окончил курс Горного института и предполагал учиться в Московском университете. В 1945 году поступил в Московский геологоразведочный институт, который окончил с отличием в 1951 году. На старших курсах был руководителем

геологической партии. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1980 году — докторскую на соискание учёной степени доктора геолого-минералогических наук. Список его научных публикаций включает свыше 170 названий. Глеб Александрович был известен не только среди геологов СССР, но и за рубежом. Работал в научных и учебных институтах, принимал участие в масштабных научных проектах, много времени провёл в геологических экспедициях в Средней Азии.

Как отмечает протоиерей Кирилл Каледа (сын Глеба Каледы) [5]: *«Отец Глеб имел опыт педагогической работы, так как первые 10 лет своей светской деятельности он работал в учебном заведении — в Московском геологоразведочном университете. У него был большой опыт организации научного процесса, так как он являлся в свое время руководителем многих научных проектов, участие в которых принимали институты и научные организации, расположенные на всей территории бывшего Советского Союза».*

В 1972 году митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд) тайно рукоположил Глеба Каледу во диакона, а затем во пресвитера. С этого времени он регулярно совершал богослужения, включая Евхаристию, в домовой церкви своей квартиры. Лишь в 1990 году он вышел на открытое пастырское служение и был принят в клир Московской епархии.

В том же 1990 году Глеб Каледа стал одним из инициаторов создания Богословско-катехизаторских курсов в Москве (которые в 1992 году были преобразованы в Православный Свято-Тихоновский богословский институт), был их первым ректором. Вначале Глеб Каледа набрал на курсы преподавателей, преимущественно из числа московского духовенства. Занятия начались в феврале 1991 года.

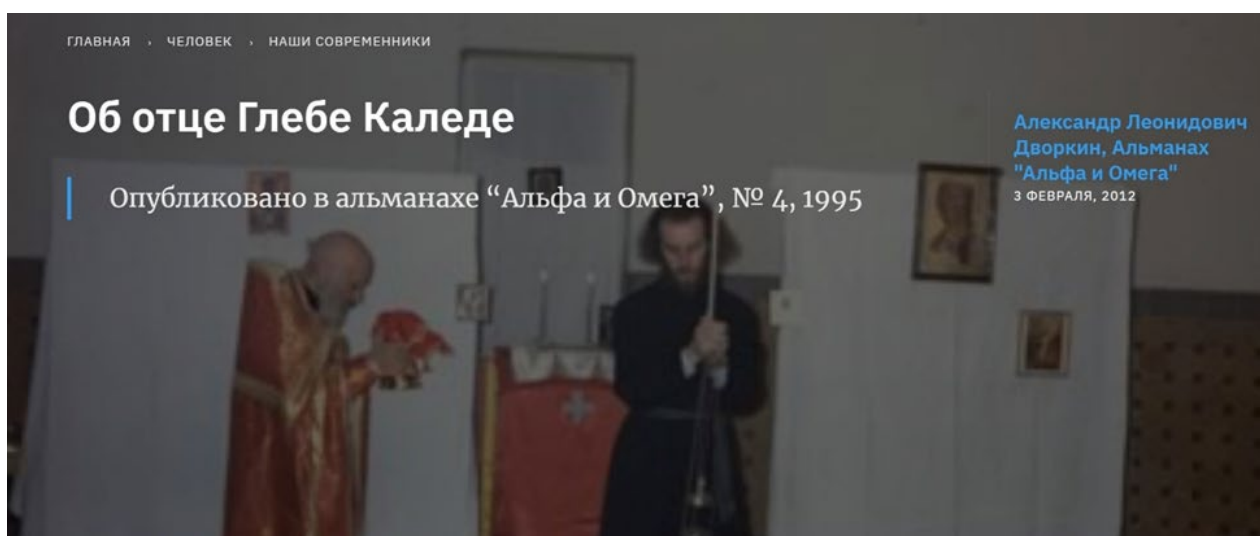
Весной 1991 года протоиерей Глеб Каледа был назначен руководителем сектора в Отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии. Занимался лекционной деятельностью в Москве и во многих городах России. Совместно с отцом Иоанном (Экономцевым) инициирует и организывает первые «Рождественские чтения» — церковно-общественный форум России. Был талантливым оратором, проповедником.

Первый московский священник, служивший в тюрьмах. 23 октября 1993 года

указом патриарха Алексия II был назначен настоятелем храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Бутырской тюрьме, духовно окормлял заключённых, включая смертников.

Скончался 1 ноября 1994 года от рака [6], [7], [8].

В автобиографической книге «Моя Америка» [1] Александр Дворкин уделил всего лишь несколько строк, упоминания Глеба Каледу. Однако более детально он описал в статье «Об отце Глебе Калеле» в журнале «Правмир» (изначально опубликовано в альманахе «Альфа и Омега», № 4, 1995) [9]:

*«После кончины отца Глеба Каледы в печати постоянно появляются воспоминания о нем. Пишут их люди, знавшие отца Глеба давно — многие десятилетия. **Я был знаком с батюшкой сравнительно недолго: всего около двух с половиной лет.** Почему же я все же решил писать о нем?*

*Дело в том, что эти последние два с половиной года его жизни я не только был его прихожанином и духовным чадом, но и **работал с ним, в его секторе Отдела катехизации и религиозного образования Московского Патриархата. Я виделся с ним почти ежедневно, ездил с ним в командировки, был рядом с ним при начале его тюремного служения.** Он благословил меня на создание Информационно-консультативного центра священномученика Ириней епископа Лионского и, **уже будучи тяжело больным***

и прикованным к постели, активно интересовался деятельностью Центра и помогал нам советами, проникновенной **критикой** и молитвами».

«Я видел отца Глеба в разных обстоятельствах: в тюрьме и на официальных приемах, в горах и на берегу моря, в центре больших городов и в лесах, на море, на суше и в воздухе. Я видел его с самыми разными людьми: с Патриархом и с отъявленным атеистом и сталинистом, с премьер-министром Греции и с заключенными, с видными учеными и таксистами, с мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми».

«Ну и, конечно же, я видел отца Глеба за молитвой: в великолепных соборах и восстанавливаемых церквях, в домашней обстановке и на природе, в монастырях, в тюрьмах и больницах».

«Вскоре после этого я получил благословение своего духовного отца — протопресвитера Иоанна Мейендорфа — подать прошение о приеме на работу в новосозданный Отдел катехизации и религиозного образования. Я принес рекомендательное письмо председателю Отдела игумену Иоанну (Экономцеву). Прочтя его, он попросил позвать отца Глеба. Вошел уже знакомый мне седобородый священник: “Вот, отец Глеб, — сказал отец Иоанн — поговорите с А. Л. (Александром Леонидовичем). Его рекомендует отец Иоанн Мейендорф. Посмотрите, можете ли вы использовать его в своем секторе”.

Отец Глеб был без скуфейки и казался намного старше, чем когда я видел его в первый раз. Отсутствие волос старило его, но и подчеркивало идеальную форму его головы — головы ученого и мыслителя. Взгляд его из-под густых бровей казался несколько суровым и жестковатым, зато улыбка полностью преображала его лицо, которое буквально начинало излучать добро и радость. Они были настолько реальны, что хотелось дотронуться до него, ощутить их физически.

Отец Глеб умел расспрашивать: через несколько минут он, с одной стороны, уже знал все основные факты моей биографии, а с другой — глубоко почувствовал мою сущность».

«Отец Глеб стремился во всем и в каждом увидеть добрую основу и апеллировать к ней. Не случайно одним из любимых библейских примеров, к

которому он часто возвращался, была проповедь апостола Павла в Афинах. Ее отец Глеб считал образцом христианской проповеди, ибо апостол Павел начал не с обличения идолопоклонников-афинян, а с похвалы за проявляемое ими "особое благочестие". **"Если бы я был афиняном того времени, — говорил отец Глеб, — я сразу наострил бы уши: чему же хочет научить меня этот похваливший мое благочестие еврей?"** Сам он в свое время услышал эту весть, принял ее в себя и за всю свою долгую и очень сложную жизнь ни разу не изменил ей.

Когда мы с ним были в Афинах, я привел его на Ареопаг, откуда проповедовал апостол Павел, и сфотографировал на этом месте. Отец Глеб сидит, задумавшись, вокруг него покрытые темной зеленью афинские холмы, внизу — крыши большого города и черепичные купола церквей, а над ним синее-синее небо».

«Думаю, что "навлов" подход был главным фактором того успеха, который сопровождал последней крупной миссии в его жизни — его тюремному служению».

«Я был с ним, когда нам показали поруганный тюремный храм, и я прислуживал на первой литургии, которую совершал в нем отец Глеб — первой литургии после семидесятилетнего запустения».

«Он обладал фотографической памятью и помнил почти все, что когда-либо читал или видел. Но такой редкий дар не был для него предметом гордости или превозношения: он считал его нормальным свойством, присущим всем людям. Помню, как-то он назвал ветер, дующий с моря, пассатом. Я спросил, откуда он это знает, и вообще, какая разница между пассатом и муссоном. "Как, — удивился отец Глеб, — ведь это проходят в пятом классе средней школы. Как же вы сдали экзамен по географии за этот класс?"»

«Когда я посещал его в больнице, он был очень слаб и сильно страдал от болей, но по-прежнему живо интересовался всем происходящим в жизни Церкви и Отдела. Он продолжал работать буквально до последнего дня, диктуя свои наблюдения о православном образовании для материалов архиерейского Собора. Он очень хотел побыстрее поправиться, чтобы

принять участие в его работе — в работе первого за всю историю Русской Православной Церкви собора, посвященного проблемам миссии и образования.

Но Господь рассудил иначе. Земное служение отца Глеба завершилось за две недели до собора. Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной, безболезненной, непостыдной, мирной, — именно той, о которой мы молимся. Последними словами отца Глеба были: "Не волнуйтесь, мне очень, очень хорошо".

Мы не знаем, что, скрытое от наших глаз, было явлено ему в эти последние минуты».

Из текста следует, что Александр Дворкин не просто знал Глеба Каледу, но постоянно находился с ним рядом.

В рамках гипотезы о серийном латентном гомициде, с точки зрения поведенческого анализа в данном тексте можно выявить следующие ключевые маркеры:

— **Детализация присутствия в критических моментах:** «*был рядом в больнице*», «*прислуживал на первой литургии*», Глеб «*диктовал свои наблюдения*» до последнего дня, что подчеркивает доступ к жертве в уязвимые периоды (болезнь, госпитализация).

— **Подчёркивание исключительной близости:** «*Я виделся с ним почти ежедневно... был рядом при начале тюремного служения*», «*я сфотографировал*», «*я прислуживал*», «*я был с ним*». Это создаёт образ единственного достоверного свидетеля последних месяцев жизни Каледы — позиция, типичная для лиц, стремящихся контролировать нарратив после смерти жертвы. Это паттерн нарративного позиционирования: укрепление статуса через ассоциацию с авторитетной фигурой в ключевые моменты её жизни.

— **Акцент на «последнем времени»:** командировки, совместные поездки, работа в больнице, в тюрьме, посещение официальных приемов, посещение его дома и т.д. Это соответствует паттерну «**интенсификации контакта накануне смерти**», часто наблюдаемому при латентном гомициде.

— **Нарративная двойственность** (идеализация + скрытая критика): «*Отец Глеб был без скуфейки и казался намного старше, чем когда я видел его в первый раз. Отсутствие волос старило его, но и подчеркивало идеальную форму его головы — головы ученого и мыслителя. Взгляд его из-под густых бровей казался несколько суровым и жестковатым, зато улыбка...*».

— **Символическая связь с Афинами и Павлом**: упоминание Ареопага, фотография на фоне «**пустого неба**» («а над ним синее-синее небо»), цитата о «похвале благочестия». Ключевой момент — Александр Дворкин сам приводит Каледу на Ареопаг и делает снимок. Он — не просто свидетель, а режиссёр событий.

— **Фокус на «идеальной христианской кончине»**: смерть описана как «безболезненная», «мирная», с «последними словами: "мне очень хорошо"». Это не скорбь, а **канонизация под контролем**. Особенно показательна фраза: «**Мы не знаем, что было явлено ему в последние минуты**». Отсутствие выражения утраты: нет описания личного горя, фокус на «благости» смерти. Это характерно для лиц с селективным нарушением эмпатии: сохранение формального уважения при отсутствии эмоциональной связи.

— **Временная точность: смерть наступает за две недели до Архиерейского Собора**, в котором Каледа должен был играть ключевую роль. Александр Дворкин подчёркивает: «*Он очень хотел поправиться, чтобы принять участие... Но Господь рассудил иначе*». Это классический механизм приписывания воли Богу того, что служит интересам рассказчика.

Паттерн «близость + идеализация + детализация смерти» наблюдается в том числе и у серийных медицинских убийц (искажённое представление о «освобождении»), а также лиц с грандиозным нарциссизмом (использование смерти авторитета для укрепления собственного статуса).

Из воспоминаний жены Глеба Каледы. Интересны и воспоминания жены Глеба Каледы [8] — Лидии Владимировны Каледы **о состоянии здоровья ее мужа** в последние два года перед смертью. Она рассказывает в том числе и о начале болезни мужа.

Глеб Каледа был одним из организаторов образовательных семинаров, на

которые приглашались директора научных институтов, заведующие кафедрами, преподаватели из духовенства. Иногда, особенно летом, данные семинары устраивались **на туристических теплоходах**. Эти мероприятия проходили в том числе и в **1992 году, 1993 годах**. В этих поездках она отмечала:

Источник: [8].

На теплоходе: *«Отец Глеб чувствовал себя хорошо, **но у него иногда — вдруг ни с того ни с сего — плохо было с животом**».*

*«**В начале 1994 года отец Глеб был командирован Патриархом в Тулу и Ярославль для проверки воскресных школ и помощи им... Отец Глеб возвращается из Тулы и говорит, что у него там были неполадки с животом**».*

*«И вот **9 марта 1994 года отец Глеб вдруг почувствовал себя плохо**... Его повезли в Боткинскую больницу. Туда подъехал Василий. В приемном покое хирургического отделения отцу Глебу делают рентген, и оказывается, что необходима операция. Его поднимают в отделение и оперируют. **Оказался рак***

кишечника. После операции отец Глеб лежит в больнице, ему ставят капельницы. Когда его из реанимации перевели в палату, около него начали дежурить ночью сыновья, а днем наши друзья (мы пускали к нему только мужчин). В апреле он выписывается».

«В сан протоиерея отца Глеба возвели в 1994 году, после первой операции».

«Но при этом отец Глеб готовился ко второй операции; он также работает над материалами по катехизации для Патриархии. Он очень волнуется, но готовит материалы по своему отделу, не забывая и тюрьму. Чувствует себя он вроде неплохо, ему сделали анализы — по видимости, все нормально. После Успения отец Глеб опять ложится в больницу. Последняя его служба в Высокопетровском монастыре была 29 августа на Перенесение Нерукотворного Образа, а первого сентября он лег в больницу».

«Он умер в День ангела Иоанна Кронштадтского — 1 ноября 1994 года».

Источник: [9].

Таким образом, смерть Каледы может являться еще одним звеном в цепи латентных гомицидов, совершённых, вероятно, тем же методом — скрытым токсическим воздействием, маскируемым под естественную онкологическую болезнь. Исходя из вышеизложенного материала можно сформулировать следующие выводы в рамках поведенческого анализа, особенно в контексте гипотезы о возможной причастности Александра Дворкина к латентному гомициду.

Хронология событий: карьера Александра Дворкина — болезнь Каледы:

- 31 декабря 1991 Александр Дворкин вернулся в Россию и был принят на работу в Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии (начало 1992 года) под непосредственным руководством Глеба Каледы. Через полгода умирает Иоанн Мейендорф (22 июля 1992 года).
- Уже в 1992–1993 гг. у Глеба Каледы отмечаются **эпизодические, но повторяющиеся «неполадки с животом»** — неспецифические, но нарастающие симптомы.
- В 1992-м Дворкин оформляется на профессорскую ставку на факультете журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Организуется группа церковных журналистов, где он читает лекции по истории церкви. Однако **весной 1994** года его увольняют из-за отсутствия у него «надлежащего образовательного уровня».
- **Весной 1993 года** Москву посещает **профессор Йоханнес Огорд**, возглавлявший международный «Диалог-Центр» со штаб-квартирой в датском городе Орхусе (христианская организация, которая около 20 лет занималась сектами). Огорд знакомится с Дворкиным, **в августе этого же года** Дворкин совершает ответный визит к Огорду в Данию. **Огорд становится ключевой фигурой**, которая впоследствии выведет Дворкина на следующий этап его карьерного роста и получения репутации на международном уровне (об этом подробнее смотрите далее).
- **5 сентября 1993 года** был открыт Информационно-консультативный центр им. Ирины Лионского, который возглавил Александр Дворкин (в

2006 году Центр стал ядром новой организации Дворкина — Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС)). Факты указывают на то, что именно Огорд способствовал открытию данного Центра Дворкина в России.

- **В марте 1994 г.** у Глеба Каледы диагностируется **рак кишечника в операбельной стадии**; после операции следует временная ремиссия.
- Однако уже через несколько месяцев (сентябрь 1994) — **рецидив, госпитализация, смерть** (1 ноября 1994 года).

Эта динамика соответствует паттерну **«латентного гомицида с отсроченным действием»**: жертва устраняется не мгновенно, а через медленно прогрессирующее заболевание, совпадающее с периодом максимальной зависимости преступника от авторитета жертвы.

Симптоматика как маркер хронической интоксикации.

Описанные симптомы у Глеба Каледы (внезапные боли в животе, нарушения пищеварения, быстрое развитие агрессивной формы рака кишечника) могут быть совместимы с **хроническим воздействием токсичных веществ**, в том числе:

- канцерогенных соединений (например, мышьяк, афлатоксины);
- веществ, нарушающих микробиом кишечника и иммунный надзор;
- комбинаций фармакологических средств с кумулятивным эффектом.

Хотя **прямых доказательств отравления нет**, сам характер течения **заболевания** — стремительное развитие после периода неспецифических жалоб — может наблюдаться при **скрытой токсической нагрузке**, особенно при наличии у преступника знаний в области фармакологии и доступа к доверительному взаимодействию.

Отсутствие естественного объяснения скорости прогрессирования болезни.

Рак кишечника, даже в запущенной форме, редко приводит к летальному исходу

в течение 8 месяцев после первой операции при условии:

- отсутствия выраженных метастазов на момент операции (по воспоминаниям — «всё нормально» в июле–августе 1994);
- высокого социального статуса и доступа к качественной медицинской помощи (Глеб Каледа — духовник Патриархии);
- регулярного медицинского наблюдения.

Такая **агрессивная рецидивная динамика** требует онкологического объяснения, но также **не исключает экзогенного фактора**, ускоряющего прогрессирование опухолевого процесса.

Поведенческий паттерн Александра Дворкина: анализ текста показывает устойчивый паттерн — **доступ + зависимость + исчезновение угрозы**:

- **Доступ**: Александр Дворкин работал в непосредственной близости от Глеба Каледы, участвовал в командировках, мероприятиях, имел возможность влиять на его рацион, лекарства, образ жизни.
- **Зависимость**: карьера Александра Дворкина напрямую зависела от поддержки Глеба Каледы — его непосредственного начальника.
- **Устранение**: сразу после смерти Каледы Александр Дворкин остаётся без формального контроля, но **наследует его миссию** — наблюдается карьерный рост Александра Дворкина, становится заведующим кафедрой «сектоведения» в ПСТГУ, тесное сотрудничество с Йоханнесом Огордом и т.д.

Это соответствует модели **«функционального устранения»**: жертва умирает в момент, когда её социальная функция становится одновременно **максимально полезной и потенциально опасной для преступника**.

Источники:

1. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
2. «John Meyendorff»
https://en.wikipedia.org/wiki/John_Meyendorff
3. Марина Журинская «Протоиерей Глеб Каледа как церковный писатель». 2012. Опубликовано в альманахе «Альфа и Омега», № 38, 2003.
<https://www.pravmir.ru/protoierey-bleb-kaleda-kak-tserkovnyi-pisatel/>
4. Elvira Mezhennaya «A Secret Priest, a True Christian. Part 1. In memory of Archpriest Gleb Kaleda (1921–1994)».
<https://orthochristian.com/143497.html>
5. Протоиерей Кирилл Каледа «Протоиерей Глеб Каледа»
<https://pstgu.ru/3olet/stranitsy-pamyati/osnovateli/protoierey-bleb-kaleda/vospominaniya/o/>
6. «Каледа, Глеб Александрович»
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B0,_%D0%93%D0%BB%D0%B5%D0%B1_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#cite_note-butyrka-6
7. «Протоиерей Глеб Каледа — входил в камеры к смертникам и учил молитве. Вечер памяти».
<https://www.pravmir.ru/hristos-voskrese-vecher-pamyati-protoiereya-gleba-kaledyi/>
8. Лидия Каледа «Открытое служение отца Глеба Каледы». Журнал «Правмир» от 21 июля, 2010
<https://www.pravmir.ru/ogleb-pasxa/>
9. Александр Дворкин «Об отце Глебе Калее». 2012. Опубликовано в альманахе «Альфа и Омега», № 4, 1995. <https://www.pravmir.ru/ob-otce-glebe-kalede-3/>

Часть 9.

Психопатологическая основа

Карьерный рост Дворкина после смерти Глеба Каледы.

Буквально через месяц после смерти Глеба Каледы, состоялся Архиерейский собор Русской православной церкви (29 ноября — 2 декабря 1994 года), где **«во многом благодаря Александру Леонидовичу и диакону Андрею Кураеву в декабре 1994 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме»** [1]. Подчеркнем, данное определение было принято во многом благодаря Дворкину. Впоследствии это стало отправной точкой для легализации и институционализации международной антикультовой деятельности Александра Дворкина и создания им на этой базе собственной группировки, занимающейся **антикультовой экстремисткой и террористической деятельностью** с использованием методологии скрытого манипулирования сознанием и подсознанием масс на территории ряда стран Европы, Америки, Азии (включая США, Россию, Китай).

Цитата итальянского юриста и социолога религии Массимо Интровинье из статьи «Памяти: Йоханнес Огаард (1928–2007)» [2]:

«Попытки сделать свой Диалоговый центр международным проектом принесли Огорду в последующие годы признание и успех, но также и внутренние проблемы в Дании, и сотрудничество с гораздо более экстремистскими личностями, такими как Томас Гандоу в Германии и Александр Дворкин в России. К его чести, в отличие от этих экстремистских борцов с культами,

Огорд всегда поддерживал диалог с учеными, придерживающимися «другой» точки зрения, такими как Эйлин Баркер и я, и никогда не прибегал к оскорблениям или клевете».

Цитата Массимо Интровинье из статьи «Моральная паника и антикультовый терроризм в Западной Европе» [3]:

«Отчеты «Типа I» и антикультовые модели в целом породили «антикультовый терроризм» (выражение, впервые использованное в одном из швейцарских отчетов «Типа II») в форме как словесного, так и фактического насилия, при этом экстремистские группы действуют как самопровозглашенные борцы с куклами».

Вероятнее всего, если бы такие крупные ученые авторитеты своего времени как Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф были живы, они бы не допустили такого разворота событий как на территории США, так и России — такого грубого нарушения Александром Дворкиным Первой поправки к Конституции США, Конституции РФ, гарантирующих фундаментальные свободы, в том числе и свободы вероисповедания. Позиции А. Шмемана и И. Мейендорфа, выраженные в их публичных выступлениях и богословских трудах, свидетельствуют о последовательной защите принципа свободы вероисповедания как неотъемлемого элемента гражданского общества.

Представляется потенциально возможным, если бы авторитетный ученый, священник и педагог Глеб Каледа остался жив, то формирование такой международной антикультовой организации под руководством Дворкина могло быть своевременно предотвращено. Он бы не дал построить Дворкину такую тоталитарную организацию, маскирующую идеологическую направленность её лидера, которая характеризуется антирелигиозной сущностью, ненавистью и враждебностью, системным неприятием религиозных институтов и отрицанием трансцендентных аспектов в жизни индивида и общества.

Профессиональный и жизненный опыт Глеба Каледы позволял прогнозировать социально-политические последствия деятельности Дворкина, его стремления к власти, включая риски нарушения конституционных норм и эскалации конфликтов

вплоть до военных действий. Компетенция Глеба Каледы позволяла бы идентифицировать деструктивный потенциал структуры Дворкина, выражающийся в правовом нигилизме, ведущем к социальной дестабилизации.

С точки зрения канонического права, действия Александра Дворкина противоречат догматам Православной церкви и христианской этике, оцениваются как конфликтующие с нормами христианской морали и уставами Православной церкви, что стало бы основанием для их блокировки со стороны Глеба Каледы. Более того, подобная деятельность Александра Дворкина находится в прямом противоречии с заповедями Христа и экклезиологической сутью Православия. В контрфактическом сценарии выживание Глеба Каледы могло бы существенно повлиять на деятельность Дворкина и скорректировать исторический вектор развития событий, в первую очередь, как в России, так и в США.

Представляется обоснованным предположение, что присутствие таких авторитетных фигур, как А. Шмеман, И. Мейендорф и Г. Каледа, сочетавших научную деятельность с священническим служением, могло бы предотвратить негативный сценарий развития событий. Речь идет о блокировании формирования деструктивных псевдорелигиозных структур и псевдонаучных институций, организованных Александром Дворкиным, аналогичных тем, что возникали в период национал-социализма в Германии (в частности, в контексте деятельности В. Кюннета). Данные авторитетные личности обладали достаточным авторитетом, чтобы противодействовать Александру Дворкину, созданию им организаций деструктивного типа и легитимизации лженаучных подходов в богословии, в распространении практик, нарушающих права человека, и устранению ключевых деятелей православного возрождения.

Личностный профиль Александра Дворкина включал на тот момент времени маркеры девиантного поведения, низкий уровень образования и авторитарные амбиции, деструктивные психологические паттерны (нарциссизм, манипулятивность, склонность к зависимостям) и стремление к концентрации власти, что создавало угрозу для прав человека и безопасности как церковного, так и светского сообщества. Потенциальное влияние таких авторитетных фигур как А. Шмеман, И. Мейендорф и Г. Каледа могло бы своевременно нейтрализовать риски радикализации религиозной среды и стать барьером для противоправных инициатив и деструктивной

деятельности Дворкина.

Фактически Дворкин на базе возглавляемых и курируемых им организаций («Информационно-консультативный центр в им. Ирины Лионского», «РАЦИРС», Европейской Федерации исследовательских центров информирования о деструктивных культах (FECRIS)), трансформировав сеть подконтрольных ему структур, создал общую международную структуру (аналогичную американской «CAN»), возглавив её лично. Модернизация управленческих механизмов позволила масштабировать деструктивную деятельность, которая впоследствии включала: нарушения прав граждан, вмешательство в суверенные политические процессы, манипуляция общественным сознанием, гражданские репрессии, системное медиа-насилие, подготовку условий для организации массшутинга и скулшутинга. Использование государственных силовых ресурсов и финансирование из налоговых поступлений стран-мишеней позволяло Дворкину реализовывать свою стратегию под прикрытием «борьбы с сектами». Финансирование обеспечивалось за счет бюджетных средств стран, становившихся объектами противоправного воздействия со стороны данной международной группировки Дворкина.

Материал из автобиографических книг Александра Дворкина.

Из книги Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» [1] о создании Информационно-консультативного центра в им. Ирины Лионского и дальнейших событиях:

«Уже через год после создания Центра его работа стала приносить ощутимые плоды, и во многом благодаря Александру Леонидовичу и диакону Андрею Кураеву в декабре 1994 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме», где декларировалась позиция РПЦ по отношению к целому ряду деструктивных культов. В 1995 году Александр Леонидович занял должность заведующего кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском богословском институте, известном ныне как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ)».

Уже через год после создания Центра его работа стала приносить ощутимые плоды, и во многом благодаря Александру Леонидовичу и диакону Андрею Кураеву в декабре 1994 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме», где декларировалась позиция РПЦ по отношению к целому ряду деструктивных культов. В 1995 году Александр Леонидович занял должность заведующего кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском богословском институте, известном ныне как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ). Примерно в это же время он выпустил брошюру «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Правила для тех, кто не хочет быть завербованным».

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 49 [1].

«В марте 1993 года Александр Дворкин провел первую конференцию по проблеме распространенного тогда культа «Богородичный центр», в названии которой употребил термин «тоталитарная секта».

— Я даже не догадывался, что его еще не существует, так это мне казалось очевидным, — говорит он. — Но словосочетание моментально прижилось».

В марте 1993 года Александр Дворкин провел первую конференцию по проблеме распространенного тогда культа «Богородичный центр», в названии которой употребил термин «тоталитарная секта».

— Я даже не догадывался, что его еще не существует, так это мне казалось очевидным, — говорит он. — Но словосочетание моментально прижилось. А тогда, после конференции,

46

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 46 [1].

О масштабе дальнейшей деятельности Александра Дворкина свидетельствует следующий эпизод:

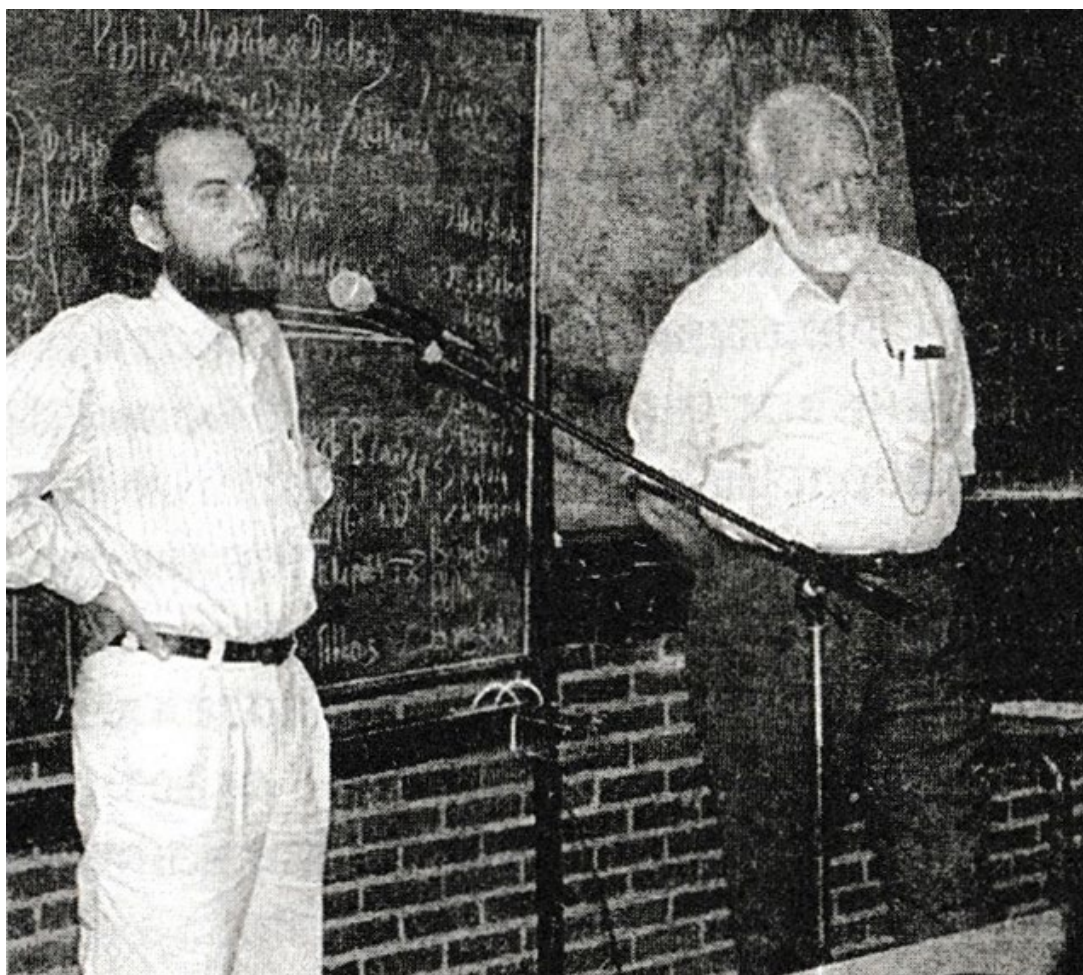
*«Поддержать меня как автора книги приехали, например, посланник Священного Синода Греческой Православной Церкви профессор юриспруденции **Георгас Криппас**, доктор богословия **Иоганнес Огорд**, представитель французского Комитета по борьбе с сектами профессор **Клэр Шампольон**, а также уполномоченный по делам сект и молодежных религий Берлинско-Бранденбургской Евангелической Лютеранской Церкви пастор **Томас Гандоу**. Все они дали суду исчерпывающие показания о неприглядной стороне деятельности деструктивных культов, а отечественные свидетели добавили массу ярких примеров. В итоге 21 мая 1997 года Хорошевский межмуниципальный суд Москвы отказал «Общественному комитету по защите свободы совести имени Льва Толстого» в удовлетворении иска. Трудно переоценить значение этой победы — ведь она была одержана накануне принятия нового федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В самом нормативно-правовом акте содержался ряд положений, ограничивающих деятельность культов, появившихся в перестроечную эпоху, — и Запад делал все, чтобы закон не был принят. Но проигрыш защитников сект, безусловно, подтолкнул депутатов к тому, чтобы все же проголосовать за закон, а президента страны — чтобы пусть не сразу, но*

все же его под подписать».

Поддержать меня как автора книги приехали, например, посланник Священного Синода Греческой Православной Церкви профессор юриспруденции Георгас Криппас, доктор богословия Иоганнес Огорд, представитель французского Комитета по борьбе с сектами профессор Клэр Шампольон, а также уполномоченный по делам сект и молодежных религий Берлинско-Бранденбургской Евангелической Лютеранской Церкви пастор Томас Гандоу. Все они дали суду исчерпывающие показания о неприглядной стороне деятельности деструктивных культов, а отечественные свидетели добавили массу ярких примеров. В итоге 21 мая 1997 года Хорошевский межмуниципальный суд Москвы отказал «Общественному комитету по защите свободы совести имени Льва Толстого» в удовлетворении иска.

Трудно переоценить значение этой победы — ведь она была одержана накануне принятия нового федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В самом нормативно-правовом акте содержался ряд положений, ограничивающих деятельность культов, появившихся в перестроечную эпоху, — и Запад делал все, чтобы закон не был принят. Но проигрыш защитников сект, безусловно, подтолкнул депутатов к тому, чтобы все же проголосовать за закон, а президента страны — чтобы пусть не сразу, но все же его подписать.

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 53 [1].

1993 год. Совместный доклад Александра Дворкина с профессором Йоханнесом Огордом в Дании.

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» [1].

*«Очень большую помощь на этом этапе Александру Леонидовичу оказал профессор **Йоханнес Огорд**, возглавлявший международный «Диалог-Центр» со штаб-квартирой в датском городе Орхусе. Эта христианская организация уже два десятка лет занималась сектами и накопила огромный опыт. **Весной 1993 года Огорд посетил Москву и, познакомившись с Александром Дворкиным, пригласил его в гости.***

— Посмотрев, как поставлено дело у датчан, я сразу понял, что такой же центр необходимо создать и в России, — вспоминает Александр

Леонидович. — Блаженной памяти протоиерей Глеб Каледа эту идею горячо благословил. Вот так **5 сентября 1993 года**, в день памяти священномученика Иринея Лионского, и был открыт Информационно-консультативный центр, носящий его имя. **В статусе крылось, кстати, и главное отличие от американской модели подобных организаций. Ведь тот же CAN** занимался на деле не столько «осведомлением о культах», сколько практической реабилитацией сектантов. То есть действовал уже «по факту», работая с жертвами всяких религиозных проходимцев. Мы же сочли, что лучший способ оградить граждан от сект — это вовремя предупредить их об опасности. Реабилитацией же тех, кто все-таки туда угодил, пусть занимаются психологи или медики».

Таким образом, Александр Дворкин сам подтверждает тот факт, что он взял за основу **американскую модель «CAN» (Cult Awareness Network)** [4] узаконил, обезопасил, усовершенствовал и масштабировал в рамках своей деятельности. Американская организация «CAN» в 1970-1990 годах специализировалась на так называемом «депрограммировании» людей и занималась противозаконной деятельностью. Позднее, 20 июня 1996 года, организация «CAN» была ликвидирована по решению Федерального суда Чикаго в связи с банкротством. Подробности о новооткрывшихся преступлениях «CAN» продолжали расследоваться и позже. Например, в 2000 году американский суд признал «CAN» и нескольких отдельных агентов организации виновными в конкретных похищениях людей и нападениях. Среди депрограмматоров, связанных с CAN, были **Стивен Алан Хассен, Рик Росс, Тед Патрик**, Кэрол Джамбальво, Гален Келли, Дэвид Кларк и другие.

мне стали звонить журналисты с вопросами, касающимися уже не «Богородичного центра», а десятков других сомнительных религиозных организаций. Пришлось вновь расширять свой кругозор.

Очень большую помощь на этом этапе Александру Леонидовичу оказал профессор Йоханнес Огорд, возглавлявший международный «Диалог-Центр» со штаб-квартирой в датском городе Орхусе. Эта христианская организация уже два десятка лет занималась сектами и накопила огромный опыт. Весной 1993 года Огорд посетил Москву и, познакомившись с Александром Дворкиным, пригласил его в гости.

— Посмотрев, как поставлено дело у датчан, я сразу понял, что такой же центр необходимо создать и в России, — вспоминает Александр Леонидович. — Блаженной памяти протоиерей Глеб Каледа эту идею горячо благословил. Вот так 5 сентября 1993 года, в день памяти священномученика Иринейя Лионского, и был открыт Информационно-консультативный центр, носящий его имя. В статусе крылось, кстати, и главное отличие от американской модели подобных организаций. Ведь тот же CAN занимался на деле не столько «осведомлением

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 47 [1].

о культах», сколько практической реабилитацией сектантов. То есть действовал уже «по факту», работая с жертвами всяких религиозных проходимцев. Мы же сочли, что лучший способ оградить граждан от сект — это вовремя предупредить их об опасности. Реабилитацией же тех, кто все-таки туда угодил, пусть занимаются психологи или медики.

Александр Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления», стр. 48 [1].

*«Первое время я чувствовал себя иностранцем и воспринимался таковым даже на улицах русских городов. Но через пару лет это ощущение безвозвратно прошло, и я давно чувствую себя дома только в России. **Мне много приходится ездить, и я повидал мою страну во всей ее необъятной шири — от Камчатки и Сахалина на востоке до Калининградской области на западе и от Мурманска и Якутии на севере до Пятигорска и Астрахани на юге.***

*У меня появилось много новых друзей, прежде всего в Церкви, которой я служу. **Познакомился и сблизился я и со многими европейскими коллегами-сектоведами, которые также делают все возможное, чтобы противостоять сектантской угрозе».***

эпилог второй и окончательный, возвращающий к прологу 791

я и со многими европейскими коллегами-сектоведами, которые также делают все возможное, чтобы противостоять сектантской угрозе.

Первое время я чувствовал себя иностранцем и воспринимался таковым даже на улицах русских городов. Но через пару лет это ощущение безвозвратно прошло, и я давно чувствую себя дома только в России. Мне много приходится ездить, и я повидал мою страну во всей ее необъятной шири – от Камчатки и Сахалина на востоке до Калининградской области на западе и от Мурманска и Якутии на севере до Пятигорска и Астрахани на юге.

У меня появилось много новых друзей, прежде всего – в Церкви, которой я служу. Познакомился и сблизился

Александр Дворкин «Моя Америка», стр.790, 791 [5].

Для некоторых серийных преступников смерть становится «окном возможностей» для устранения препятствий и переосмысления идентичности. В исследованиях автобиографии серийных преступников говорится о том, что **смерть лиц (особенно тех, кто ограничивал свободу или контролировал доступ к ресурсам) часто совпадает с началом новой «фазы» преступного поведения** [6].

ОБЩИЙ ВЫВОД. Таким образом, смерть Александра Шмемана, а также Иоанна Мейендорфа, Глеба Каледы можно рассматривать как эпизоды, требующие повышенного внимания в рамках гипотезы о серийном латентном гомициде — серии «естественных» смертей, в том числе и духовных наставников, совпадающих с карьерным ростом Александра Дворкина. Это сильный поведенческий индикатор, заслуживающий внимания в рамках комплексного анализа.

ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ПАТТЕРН. Как и в случае с Александром Шмеманом, Иоанном Мейендорфом, Глебом Каледой, наблюдается повторяющийся паттерн со следующими характерными чертами:

- **«странная болезнь»** длится около двух лет с временными ремиссиями;
- **смерть** происходит внезапно и в расцвете их активной деятельности и намеченных перспектив;
- **сопровождается** диагностикой агрессивной формы рака;
- **следует за личной встречей** с Александром Дворкиным и участием им в совместных мероприятиях (в том числе и богослужениях);
- **Дворкин использует** их историю в своей автобиографии как повод для демонстрации исключительной близости к авторитетным наставникам, детализируя и фокусируясь на их смерти.

Соответствие профилю латентного гомицида:

Элемент	Шмеман	Мейендорф	Каледа
Дата смерти	1983	1992	1994
Роль жертвы (моральное зеркало, авторитет, священник)	Ректор, священник, духовник Александра Дворкина.	Научный руководитель, ректор, священник, духовник Александра Дворкина.	Непосредственный начальник Александра Дворкина, ректор, ученый, священник.
Мотив	Устранение морального контроля, угроза выявления прошлого\или нынешнего негативного опыта, карьерный рост.	Прекращение надзора, наследие/наличие связей с авторитетными лицами в США, карьерный рост.	Устранение морального контроля, наследие/наличие связей с авторитетными лицами в России и Европе, карьерный рост.
Метод медленное, скрытое воздействие. Маскировка — естественная смерть	Рак лёгких (метастазы в мозг).	Рак поджелудочной железы.	Рак кишечника.
Нарратив — посмертная	<i>«Главный урок, который он нам преподавал, — это урок своей смерти».</i>	<i>«Вышло совсем иначе: он ушел в тот момент, когда его талант, опыт и авторитет, казалось бы,</i>	<i>«Павлов подход», «Но Господь рассудил иначе. Земное служение отца Глеба завершилось</i>

идеализация • (Из автобиографической книги А. Дворкина «Моя Америка»).	«Собственно, так и вышло. Милосердный Господь исполнил пожелание отца Александра, но произошло все это гораздо раньше, чем мы все могли предполагать».	будут больше всего востребованы. Ушел, передав эстафету тем, кто трудится его родине, которую он очень любил и пожить на которой ему так и не довелось. И в этом тоже — глубокий символизм его судьбы».	за две недели до собора. Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной...»
Карьерный эффект	После смерти Шмемана. Переход Александра Дворкина к Мейендорфу. По его рекомендации Дворкин был принят в докторантуру Фордхэмского университета, где преподавал Мейендорф, который и стал его научным руководителем. Спустя восемь лет, также по рекомендации Мейендорфа, Александр Дворкин возвращается в Россию, в г. Москва, где был принят на работу в Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии.	После смерти Мейендорфа. Переход Александра Дворкина к Глебу Каледе. Дворкин становится прямым контактным лицом, обладающим связями в США.	После смерти Глеба Каледы карьера Александра Дворкина: — Нововведения в РПЦ. — Внесение поправок в Закон. — Дружба с Йоханнесом Огордом, развитие прототипа американской аниतिकультурной организации «CAN» в России. — Занимает должность заведующего кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. — Создает организацию «РАЦИРС». — Занимает должность Председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — Становится членом Экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений Экспертного совета Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений.

Психопатологическая основа

Учитывая вышеизложенные факты, можно сделать выводы, что Александр Дворкин демонстрирует признаки:

— **Грандиозного нарциссизма:** потребность в признании, использование авторитетов как «ступеней».

— **Моральной диссоциации:** способность совершать разрушительные акты, прикрываясь «борьбой с сектами».

— **Комплекса богоподобности:** он не просто убивает — он на свое усмотрение решает, кому жить, а кому уйти «вовремя».

— **Бунта против Бога:** устранение «Бога-в-человеке» (священника), «морального зеркала», знаменитого человека (авторитета), чтобы занять его место, доказать, что *«небо пустое»* и *«Бог на помощь не придет»*.

В данной статье-исследовании в качестве примера перечислена только часть имеющихся эпизодов из психобиографического анализа Александра Дворкина. Очевидно, что Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф были первыми из ряда такого уровня людей — священников, влиятельных авторитетных личностей, в том числе и высокопоставленных, с которыми непосредственно контактировал, работал или пребывал рядом Александр Дворкин. Некоторые из них впоследствии преждевременно умирали, якобы по естественным причинам, но очень вовремя для самого Александра Дворкина, в том числе и для продвижения его дальнейшей карьеры. С некоторыми из них он близко сходил, манипулируя их доверием, благодаря своему опыту сближаться с людьми, приобретенному во время своего бродяжничества и автостопных путешествий, в том числе и одиночных.

Как отмечается в исследовательских работах по криминальному профилированию серийные убийцы такого типа часто выбирают жертв, которые напоминают им о грехе, слабости, подчинении — и их устранение становится актом

самообожествления.

В приведённых текстах не содержится прямых доказательств убийства, но они демонстрируют устойчивый поведенческий паттерн, соответствующий профилю **интеллектуализированного серийного убийцы, совершающего латентные гомициды под видом естественных смертей.**

Заключение

Типологии серийных убийц. Краткий обзор. В профайлинге известны различные типологические виды криминальных личностей, обладающих повышенной общественной опасностью. Для них характерны устойчивые поведенческие паттерны, специфические мотивационные структуры и когнитивно-аффективные искажения, формирующиеся на основе раннего травматического опыта, социальной изоляции и дезадаптивных фантазий.

Наиболее известной является типология **«Организованный/Дезорганизованный»**, разработанная в 1970-х годах сотрудниками Отдела поведенческого анализа ФБР, такими как Джон Дуглас и Роберт Ресслер.

Организованный убийца характеризуется планированием преступления, выбором жертвы определенного типа и контролем на месте преступления. Он демонстрирует идеальную на его взгляд организованность и в своем образе жизни, во внешнем виде, на работе, дома. Искусный манипулятор, общительный. Выходец из так называемой «хорошей семьи», где доминирующим было лицо мужского пола. Большинство таких преступников являются перфекционистами, которые считают себя значительно выше других. Отличаются высоким IQ. Считают себя более могущественными и важными, чем остальная часть общества. Полагают, что следственные службы будут недостаточно искусны в их розыске. Как правило, каждый из серийных преступников на подсознательном уровне жаждет славы, известности, признания обществом их «таланта» и «превосходства». Но тем самым и проявляет свои особенности и придает своеобразную «окраску» своим злодеяниям [7].

Дезорганизованный убийца действует импульсивно, без планирования. Место преступления отражает хаотичный и случайный характер акта. В детстве преступник, как правило, подвергался физическому и психологическому насилию из-за отсутствия отца. Такой преступник провел свое детство и юность, играя в одиночку, и у него было мало друзей. Он компенсировал это созданием воображаемых друзей, о которых никто не знал. Воспитан в строгой дисциплине, выходец из низших социальных слоев. Как правило, характеризуются низким уровнем IQ. Способны

испытывать психотические состояния [8].

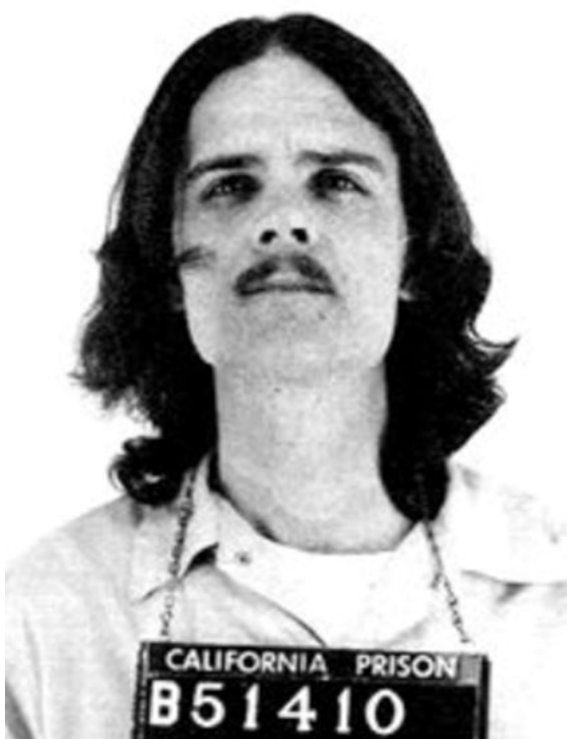
Типология, разработанная Рональдом М. Холмсом и Стивенем Т. Холмсом, является одной из наиболее цитируемых в криминологии. Их классификация, впервые представленная в работе 1985 года «Профили террора — Серийный убийца» [9] и подробно описанная в книге «Серийные убийства» [10].

Они выделяют следующие основные типы серийных убийц, основанных на их мотивации. Приведем некоторые из них для краткого обзора [11].

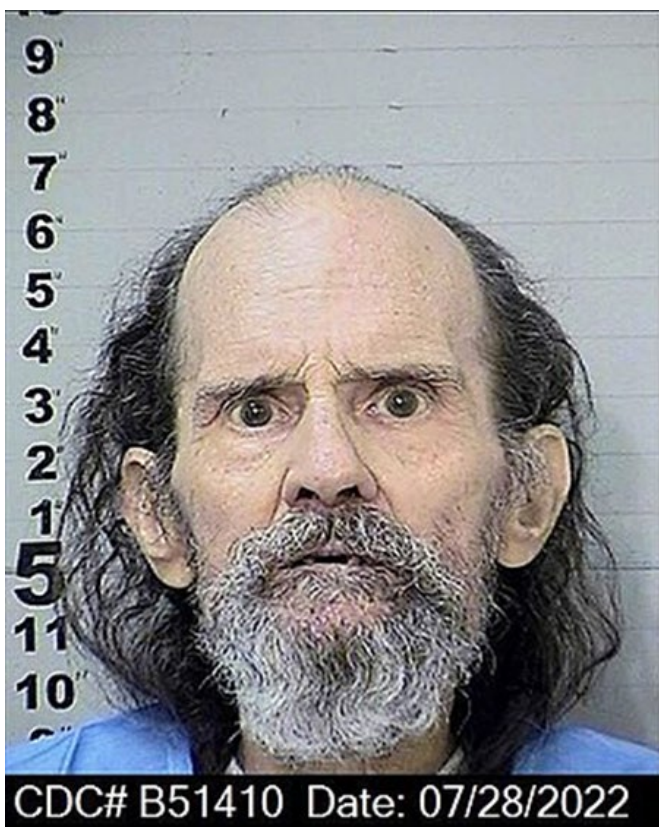
1. Визионер. Визионерский тип объясняет свои преступления видениями или голосами, направляющими убийства. Этот тип можно назвать психотическим. Убийца страдает от разрыва с реальностью и проявляет психотические симптомы, такие как галлюцинации и бред. «Страдая от разрыва с реальностью, серийный убийца-визионер совершает убийства, потому что считает, что видел видения или слышал голоса демонов, ангелов, дьявола или Бога, которые велели ему убить конкретного человека или определённую группу людей» [12].

Преступник действует определенным образом, считая, что Бог повелевает ему искоренить из общества зло, воплощение которого они видят в своих жертвах. Или по аналогии — голоса могут исходить от сатаны, и убийство данной жертвы является проявлением сатанинского культа. Этот тип серийных убийц оставляет после себя хаотичные места преступлений. Выбор его жертв не укладываются ни в какую осмысленную схему. Большинство таких убийц страдают врожденными психическими заболеваниями, и некоторые из них являются шизофрениками.

Пример визионерского типа — серийный убийца Герберт Маллин, действовавший под влиянием психотических убеждений и галлюцинаций. После окончания школы пристрастился к употреблению наркотических веществ, увлекся философией хиппи и примкнул к одной из компаний этой субкультуры. Был гомосексуалистом. Демонстрировал признаки агрессии, психического расстройства и девиантного поведения.

Маллин, ок. 1973 г. [13].

Маллин в 2022 г. (за три недели до своей смерти) [13].

Несколько раз он проходил лечение в психиатрических больницах: диагноз «параноидальная шизофрения» в сочетании с наркотической зависимостью. Страдал слуховыми галлюцинациями. Он объяснял свои серийные убийства тем, что начал слышать голос своего отца, который приказывал ему убивать людей. 13 октября 1972 года Маллин (в возрасте 25 лет) совершил свое первое убийство 55-летнего бродяги Лоуренса Уайта. Маллин инсценировал поломку своего автомобиля и попросил у этого бродяги помощи починить его машину в обмен на подвоз. Позже он заявил, что его жертва была похожа на Иону из Библии и посылала ему телепатические сообщения: «Эй, чувак, подними меня и брось через лодку. Убей меня, чтобы другие были спасены». После этого была серия убийств. Был арестован полицией, признан виновным и приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме [13].

2. **Миссионер.** Убийца, ориентированный на «миссию», видит свою цель в устранении определенной группы людей с целью «очистить» мир от тех, которых убийца счел недостойными или нежелательными для сосуществования в сообществе, «изгой общества». Делает это осознанно, в стремлении достичь желаемого эффекта. Сам акт убийства является его «миссией». Тело обычно находят в том месте, где было совершено преступление. Как правило, стабilen, имеет хорошую работу и долгое время проживает в районе, где совершает убийства.

Примером такого типа убийц-миссионеров является серийный убийца Джозеф Пол Франклин, руководствовавшийся идеологией расового очищения и стремившийся «избавить общество» от ненавистных ему групп. Бывший член Ку-клукс-клана, неонацист. Он убивал людей, которых считал «грешниками» или «нарушителями морального порядка», а себя видел в качестве «очистителем расы». Франклин вырос в неблагополучной семье. Его отец бросил семью, когда ему было 8 лет. В детстве он подвергался жестокому физическому насилию. В старших классах проявил интерес к евангелическому христианству, затем к нацизму. Большую часть своей жизни Франклин был бродягой, скитаясь по Восточному побережью в поисках возможностей «очистить мир» от людей, которых он считал неполноценными, особенно от афроамериканцев и евреев.

Joseph Paul Franklin (Photo: CNN)

Джозеф Пол Франклин [14].

Совершил серию убийств. Он видел свою миссию в уничтожении смешанных рас, которые, по его мнению, были бичом американского общества и действовали вопреки Богу и природе. Он видел себя посланником Бога, который защищает человеческую расу от деградации. Был арестован полицией. Признан виновным в серийных убийствах и получил семь пожизненных сроков, а также один смертный приговор. Был казнён путём смертельной инъекции 20 ноября 2013 года [15].

3. Гедонист. Убивает ради удовольствия, получаемого от самого акта убийства, ради удовлетворения своих желаний или эмоций. В классификации FBI гедонисты делятся на три подкатегории: сексуальное удовлетворение, возбуждение и острые ощущения, и материальная выгода. Гедонистические типы — это высокоорганизованные личности, как правило, которые пережили много лет неудач в погоне за своим «идеальным убийством», возникшим в результате их сложных фантазий. Гедонисты заиклены в своем сознании на поиске острых ощущений, связанные с агрессией и насилием. Они испытывают сильную потребность поддерживать свою жертву хотя бы частично в сознании, чтобы она осознавала, что с ней происходит. Эти убийцы-садисты получают удовлетворение от боли и страданий

жертвы, и часто теряют интерес к ней после смерти. (Р. М. Холмс, С.Т. Холмс, «Профилирование насильственных преступлений») [7]. Часто этот тип убийц характеризуется их интеллектом: он знает, где искать жертву, соответствующую его типу, как замести следы, чтобы сделать идентификацию невозможной, где спрятаться, чтобы полиция не заметила его присутствия.

Примером гедонистического типа серийного убийцы является Джеффри Лайонел Дамер — был серийным убийцей, чья мотивация была связана с сексуальным возбуждением от контроля, дезинтеграции и некрофилии. Он убил и расчленил 17 мужчин и мальчиков. Насильник, гомосексуалист. Родился в семье химика-исследователя. С раннего возраста Дамер проявлял интерес к мертвым животным, их костям (в возрасте четырех лет он увидел, как его отец вытаскивает кости животных из-под дома). Некоторые из останков животных консервировал в банки с формальдегидом. В школе считался изгоем. К 14 годам начал часто употреблять алкогольные напитки. По признанию Дамера, в раннем и среднем подростковом возрасте он начал фантазировать о доминировании и контроле над полностью покорным партнером-мужчиной. Незадолго до окончания школы его родители развелись. Дамер совершил свое первое убийство в 1978 году, через три недели после окончания школы.

Дамер, 1978 год [16].

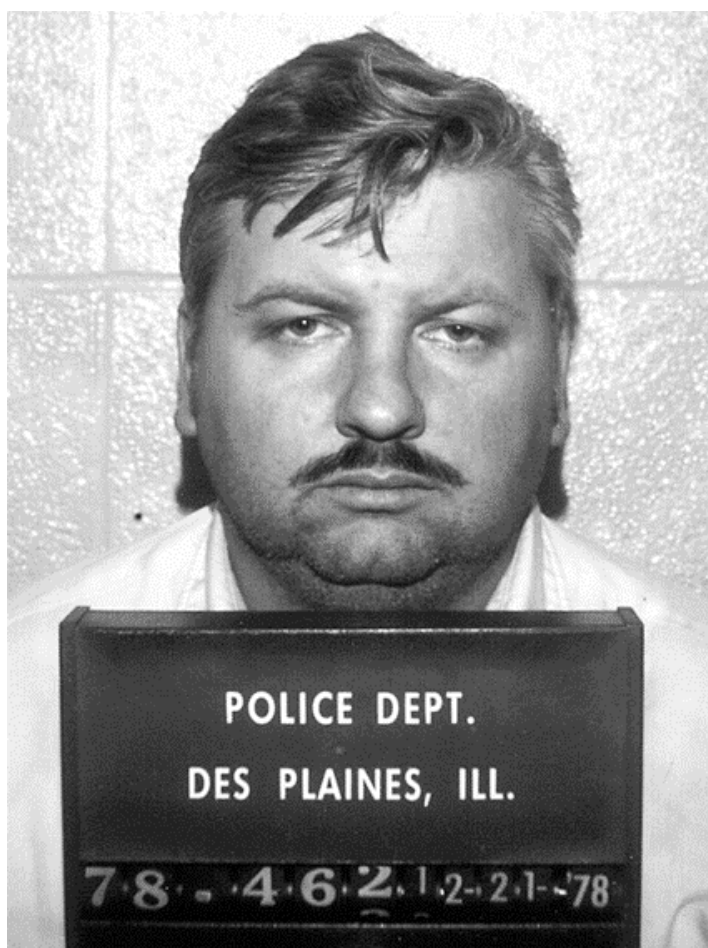
Дамер, 1991 год [16].

Впоследствии он использовал типичные поведенческие привычки гедонистов: знакомился с мужчиной или мальчиком, заманивал его к себе домой, а затем предлагал ему напиток с примесью наркотиков или алкоголь. Как только жертва теряла сознание, преступник насиловал и убивал ее. У Дамера было диагностировано пограничное расстройство личности, шизотипическое расстройство личности и психотическое расстройство. Был арестован полицией. Признан виновным в серийных убийствах и приговорен к шестнадцати пожизненным срокам. 28 ноября 1994 года Дамер был забит до смерти сокамерником [16].

Другим известным примером такого типа серийного убийцы, действия которого были мотивированы поиском сексуального удовлетворения через садизм и доминирование, был Джон Уэйн Гейси, также известный как «Клоун-Убийца». Он был знаменит благотворительными акциями, в которых принимал участие в качестве клоуна. Убийца был социально активным бизнесменом, о нём и его благотворительной деятельности для больных детей в роли Клоуна Пого писали во многих СМИ. Многие считали его идеальным мужем, отцом и гражданином, его принимали в элитных кругах и даже не подозревали, что он был серийным убийцей.

Джон Гейси (через шесть лет после своего первого убийства и за семь месяцев до своего последнего ареста) с первой леди Розалин Картер 6 мая 1978 года [17].

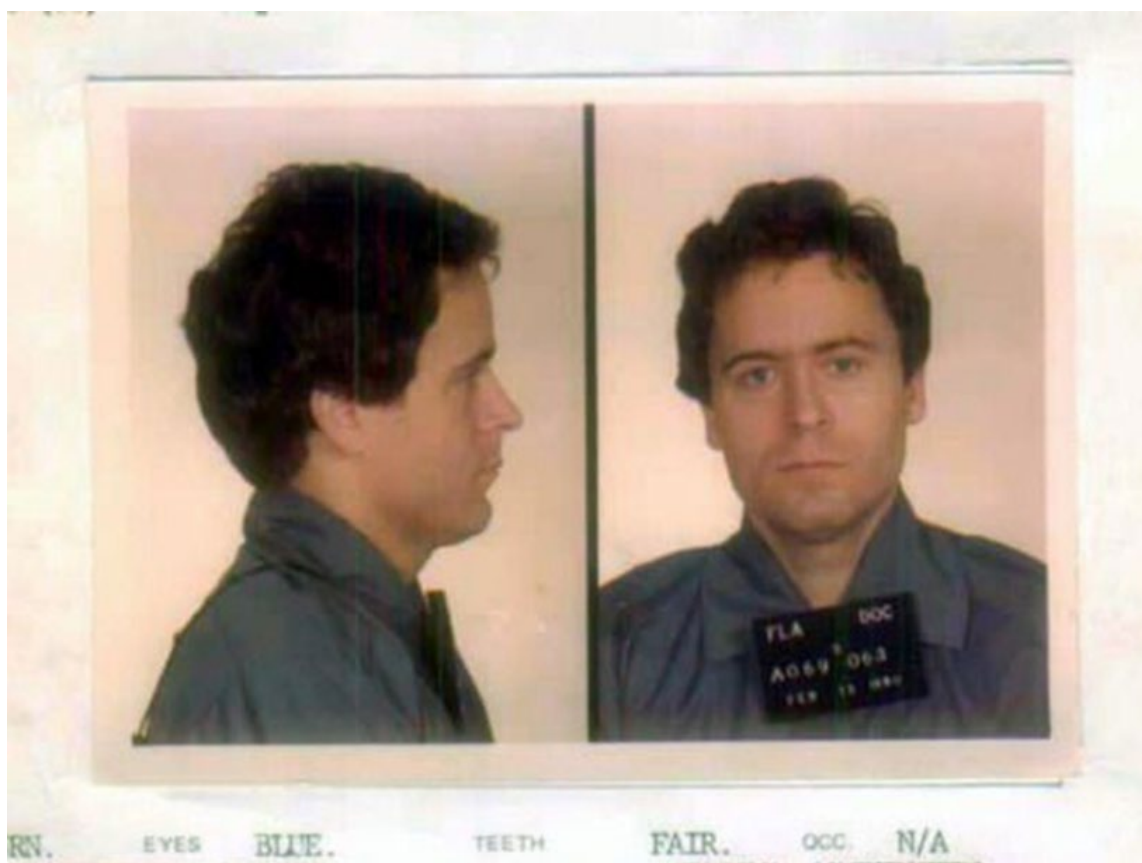
Джон Гейси, 1978 год [17].

Джон Гейси вырос в дисфункциональной семье. Отец был алкоголиком, который часто издевался над семьей, унижал своего сына, называя его «глупым и тупым». В 20 лет Гейси ушел из дома. Работал в службе скорой помощи Лас-Вегаса, три месяца проработал помощником в морге Палм. Затем сменил несколько работ, прежде чем стал бизнесменом. Злоупотреблял наркотиками. Был гомосексуалистом. Заманивал жертву, насиловал и убивал. Вскоре был арестован полицией. Признан виновным в серийных убийствах и приговорен к смертной казни 13 марта 1980 года. Он был казнен путем смертельной инъекции [17].

4. Власть/контроль. Этот тип серийных убийц получает удовлетворение от установления контроля над жертвой, часто беспомощной. Его мотивы продиктованы потребностью во власти и доминировании над другим человеком. Он убежден в том, что он имеет право делать все, что захочет с другим человеком. Убийцы

власти/контроля также хорошо организованы. Они тесно связаны с жаждущими острых ощущений садистами, убийцами-гедонистами. Главная их цель убийства — контролировать жертву и доминировать над ней. Убийца получает удовлетворение в тот момент, когда жертва даже не подозревает, что ею могут манипулировать или обманывать и что такое «общение» закончится ее смертью. Такому типу убийц наиболее свойственно поведение психопата или социопата (расстройство личности, характеризующееся отсутствием эмпатии, эмоциональной холодностью, импульсивностью, агрессией). Как правило, у него свои «законы, и свои моральные принципы».

Пример убийцы типа «власть/контроль» — Теодор Роберт Банди. Социопат, с нарциссической потребностью в демонстрации превосходства. Он получал удовлетворение от процесса манипуляции, подчинения, от боли другого человека и полного контроля над жертвой, вплоть до смерти и даже после нее. Его преступления характеризовались тщательным планированием, обманом, демонстрацией превосходства и психологическим доминированием. Для Банди важна была иллюзия всемогущества: он играл роль «спасателя», чтобы завоевать доверие, а затем лишал жертву воли — что и доставляло ему глубокое эмоциональное и нарциссическое удовлетворение.

Теодор Банди, 1980 [18].

Был воспитан в дисфункциональной семье (в отсутствии одного родителя) мамой, бабушкой и дедушкой. Отца не знал с рождения. С детства любил причинять боль, страдания другим. Издевался над детьми и животными. В школе терпел насмешки, друзей не было. После окончания школы поступил в университет. После окончания университета, поступил в юридическую школу. Тед Банди даже одно время работал помощником директора консультативной комиссии по снижению преступности в городе Сиэтл, где был автором брошюры о предотвращении изнасилований для женщин. А потом ещё и в DES — правительственном агентстве штата, занимающемся поиском пропавших без вести женщин [18].

Банди был необычайно организованным и расчетливым преступником, который использовал свои обширные знания методов правоохранительных органов, чтобы годами избегать опознания и поимки. Методы действий Банди со временем развивались в плане организации и изощренности, что типично для серийных убийц.

По мере развития его методики, он становился все более организованным в выборе жертв и мест преступлений. Места его преступлений были разбросаны по обширным географическим районам. Число его жертв достигло как минимум 20, прежде чем стало ясно, что многочисленные следователи в совершенно разных юрисдикциях охотятся за одним и тем же человеком.

После поимки Банди убеждал следователей, что всячески старался смягчить физические страдания своих жертв и настаивал на том, что он никогда намеренно не пытал никого из убитых им людей. *«Серийный убийца, совершающий преступления длительное время, возводит мощные барьеры против своей вины», — писал Кенпел, — «стены отрицания, которые порой невозможно пробить»* [19].

Банди прошел несколько психиатрических обследований. Экспертами были поставлены разные диагнозы: от биполярного расстройства, антисоциального расстройства личности до нарциссического расстройства личности (его подтипа: злокачественный нарциссизм). Банди признался в 30 убийствах, но истинное число остается неизвестным. Джон Генри Браун, адвокат Банди, позже заявил, что *«первым, кого он убил, был маленький мальчик, когда они играли в какую-то сексуальную игру в лесу. И ему, должно быть, было всего 12, 13, 14 лет»*. После последнего ареста, Банди был осужден, получил три смертных приговора на двух судебных процессах и был казнен на электрическом стуле [20].

Психологические особенности серийного убийцы.

Серийные убийцы представляют собой особую категорию насильственных преступников, характеризующуюся повторяющимися актами убийства, совершаемыми с интервалами и интегрированными в образ жизни субъекта. В отличие от других типов убийц, серийный убийца часто демонстрирует высокий уровень интеллекта, социальной адаптации и способности к манипуляции. Об этом свидетельствует организация преступления и «безупречное» поведение в быту таким образом, что *«никому и в голову не могло прийти, что он способен на такое»*. В сферу внимания правоохранительных органов он обычно попадает в зрелом возрасте.

Как правило, его череда убийств вписывается в образ и стиль жизни: его помыслы, общение, интересы, даже род занятий. Во многих случаях смерть его жертв

становится жизнью убивающего, подчас играя в ней определяющую роль. Как правило, такие лица не вызывают подозрений в повседневной жизни: они придерживаются социально одобряемых норм, могут занимать уважаемые позиции и демонстрировать образцовое поведение. Живущий двойной жизнью, серийный убийца носит маску «нормальности», чтобы не вызывать ни малейших подозрений. Как правило, каждое преступление серийный убийца тщательно планирует и подготавливает. Преступник старается не оставить очевидных улик, указывающих на его личность. Преступление им совершается, как правило, без свидетелей.

Важным диагностическим признаком серийного убийства является наличие периода эмоционального остывания между отдельными актами насилия. Этот интервал может длиться от нескольких недель до нескольких лет и характеризуется отсутствием преступной активности. В течение периода остывания серийный убийца, как правило, ведёт социально адаптированный образ жизни, не вызывая подозрений у окружения. Однако по завершении этого периода преступная активность возобновляется, что свидетельствует о циклической, импульсивно-навязчивой природе поведения.

Большинство серийных убийц обладает чрезвычайно отточенными навыками социальной манипуляции. Они заставляют других поступать так, как это им выгодно. Когда им это нужно, умеют быть обаятельными и внушать полное доверие жертве. Характерологические особенности серийных убийц, как правило, манипуляция, ум, обаяние, лживость и изворотливость. Опыт в совершении преступлений часто позволяют им вводить в заблуждение полицейских и следователей и долго оставаться неуловимыми.

Еще одна особенность, которая была подмечена у серийных убийц: все они отчасти мегаломаны и хотят, чтобы их «величие» и «необычность» были замечены и оценены окружающими. Некоторые из убийц склонны к мистике и ощущают себя призванными к выполнению великой миссии.

«Ресслер считал, что завершение каждого убийства усиливает напряжение и желание серийного убийцы совершить в будущем более совершенное убийство — более близкое к его идеальной мечте. Вместо того, чтобы получать удовлетворение от убийства, серийные убийцы, напротив, испытывают возбуждение, побуждающее их повторять свои убийства в бесконечном «серийном»

цикле» [21], [22].

В книге **Джона Дугласа и Марка Олшейкера «Психологический портрет убийцы. Методики ФБР»** [23] авторы описывают эволюцию серийных убийц: *«появился новый тип жестокого преступника — серийный преступник, который часто не прекращает, пока его не поймают или не убьют, который учится на опыте и становится всё лучше и лучше в том, что делает, постоянно совершенствуя свой сценарий от преступления к преступлению»*. По мере накопления опыта он корректирует свои действия, чтобы меньше рисковать и дольше оставаться на свободе.

Серийный маньяк, особенно обладающий высоким интеллектом и способностью к социальной маскировке, — это принципиально иной тип деструктивной личности, который годами выстраивает систему прикрытия таким образом, чтобы никто никогда не то, что заподозрил, даже не подумал на него. Он тщательно выбирает жертв, методы и временные интервалы между преступлениями, чтобы избежать подозрений даже у ближайшего окружения. Тем не менее, он остаётся в эпицентре череды смертей, и за ним неизменно будет тянуться шлейф странных обстоятельств, оправданий, совпадений, преждевременных смертей.

Важно помнить, что в своем безумии он никогда не остановится сам. Без внешнего вмешательства такие люди не останавливаются добровольно. Напротив, с каждым актом насилия усиливается его чувство контроля, бдительности и вседозволенности, что с годами ведёт лишь к эскалации и масштабам насилия как по частоте, так и по жестокости преступлений. Его цель — стремление к личному тотальному доминированию, к всевластию.

Подводя итоги в рамках данного исследования, целесообразно отметить, что личностный профиль Александра Дворкина характеризуется сочетанием интеллектуального потенциала и склонности к манипуляциям, что позволяло ему эффективно маскировать и скрывать истинные мотивы и цели своей деятельности. Несмотря на конспирацию, статистика сопутствующих смертей и чрезвычайных обстоятельств указывает на системный характер насилия. Психологический анализ предполагает неизбежность эскалации агрессии, так как структура его личности требует постоянного подтверждения доминирования. Идеологическая основа

действий субъекта базируется на отрицании духовных ценностей (нигилизм), что проявляется в стремлении доказать отсутствие высших нравственных ограничений («небо пустое») и установлении тотального контроля над обществом.

Источники:

1. А.Л. Дворкин «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления». — Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.
2. Massimo Introvigne “In memoriam: Johannes Aagaard (1928–2007)”
<https://www.cesnur.org/2007/aagaard.htm>
3. Massimo Introvigne “Moral Panic and Anti-Cult Terrorism in Western Europe”
<https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09546550008427549>
4. Cult Awareness Network
https://en.wikipedia.org/wiki/Cult_Awareness_Network
5. А.Л. Дворкин «Моя Америка»: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и эпилогами. — Н. Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2013.
6. Canter, D., & Youngs, D. (2009). Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action. John Wiley & Sons Ltd. (Canter & Youngs, 2009; Beauregard & Martineau, 2014).
7. Holmes, R.M. & Holmes, S.T. «Профилирование насильственных преступлений» (1996). Profiling Violent Crime: An Investigating. Tool (2nd ed.).
<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/profiling-violent-crimes-investigative-tool-0>
8. Malizia, N. (2017). Serial Killer: The Mechanism from Imagination to the Murder Phases. Sociology Mind, Vol. 7, No. 2, April 2017.
9. Holmes, R. M., & DeBurger, J. E. (1985). Profiles in terror: The serial murderer. Federal Probation 49(3), 29-34.
<https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/profiles-terror-serial-murderer>
10. Holmes, R. M., & Holmes, S. T. (1998). Serial Murder (rd ed.). SAGE Publications.
<https://psycnet.apa.org/record/1998-07645-000>

11. Douglas, J. E., Burgess, A. W., Burgess, A. G., & Ressler, R. K. (2021). *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*.
12. Canter, D. V., & Wentink, N. (2004). An empirical test of Holmes and Holmes's serial murder typology. *Criminal Justice and Behavior*, 31(4), 489–515.
<https://psycnet.apa.org/record/2004-16883-005>
13. «Herbert Mullin» https://en.wikipedia.org/wiki/Herbert_Mullin
14. «Serial killer Joseph Franklin executed after hours of delay», 2013
<https://kdvr.com/news/nationalworld-news/serial-killer-joseph-franklin-executed-after-hours-of-delay/>
15. «Joseph Paul Franklin» https://en.wikipedia.org/wiki/Joseph_Paul_Franklin
16. «Jeffrey Dahmer» https://en.wikipedia.org/wiki/Jeffrey_Dahmer
17. «John Wayne Gacy» https://en.wikipedia.org/wiki/John_Wayne_Gacy
18. «Profiling Serial Killers: Their Evolution, Main Types, Characteristics, and Worst Manifestations»
<https://gun-club.net/news/53-profailing-seriinyh-ubiic-ih-evolyucija-osnovnye-tipy-harakteristiki-i-hudshie-projavenija.html?locale=en>
19. Michaud, Stephen; Aynesworth, Hugh (October 1989). *Ted Bundy: Conversations with a Killer*.
20. «Ted Bundy» https://en.wikipedia.org/wiki/Ted_Bundy
21. Vronsky, P. 2004. *Serial Killers: The Method and Madness of Monsters*. New York: Berkley Books.
<https://www.psychologytoday.com/us/blog/wicked-deeds/201406/origin-the-term-serial-killer>
22. <https://www.fbi.gov/>
23. John Douglas and Mark Olshaker, *Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit*.
<https://griersmusings.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/04/mindhunter-john-douglas-mark-olshaker.pdf>